

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х. Халикова

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

**Материалы III Международной научно-практической
конференции «Археологический костюм: исследования,
реставрация, реконструкция»**

**№ 1
2019**

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 1 2019

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, докт. ист. наук А.Г. Ситдиков

Ответственный редактор:

докт. ист. наук И.Л. Измайлов

Ответственный секретарь: А.С. Беспалова

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Ю.**, д.и.н., проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Бобров Л.А., д.и.н. (Новосибирск); **Ганбат Н.**, д.и.н. (Улан-Батор, Монголия); **Горбунов В.В.**, д.и.н. (Барнаул); **Губайдуллин А.М.**, к.и.н. (Казань); **Кирпичников А.Н.**, д.и.н., проф. (Санкт-Петербург); **Кушкумбаев А.К.**, д.и.н. проф. (Астана, Казахстан); **Иванов В.А.**, д.и.н., проф. (Уфа); **Измайлов И.Л.**, д.и.н. (Казань); **Йотов В.**, д.и.н., доц. (Варна, Болгария); **Нарожный Е.И.**, д.и.н. (Армавир); **Худяков Ю.С.**, д.и.н., проф. (Новосибирск).

Адрес редакции:

420012, г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203

Телефон: (843)210-19-76

E-mail: archeosteps@gmail.com

<https://www.evrazstep.ru>

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **A.G. Sitdikov**

Executive editor:

Doctor of Historical Sciences **Iskander L. Izmailov**

Executive Secretary: Antonina S. Bepalova

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocarui Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **François Victoria**, Dr. Hab. (Aix-en-Provence, France); **Janhunen Ju.**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk), **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial board:

Bobrov Leonid A., Doctor of Historical Sciences (Novosibirsk); **Ganbat Namdan**, Doctor of Historical Sciences (Ulan Bator); **Gorbunov Vadim V.**, Doctor of Historical Sciences (Barnaul); **Gubaidullin Ayrat M.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Khudyakov Yuliy S.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Novosibirsk); **Kirpichnikov Anatolii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Saint Petersburg); **Kushumbaev A.K.**, Doctor of Historical Sciences (Astana, Kazakhstan); **Ivanov Vladimir A.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., (Ufa); **Izmailov Iskander L.**, Doctor of Historical Sciences (Kazan); **Narozhnyi Evgenii I.**, Doctor of Historical Sciences (Armavir); **Yotov Valeri**, Doctor of Historical Sciences, Associate Prof. (Varna, Bulgaria).

Editorial Office Address:

Nekrasov St., 28, office 1203, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843)210-19-76

E-mail: archeostepps@gmail.com

https://www.evraststep.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Алтынбеков К.К., Алтынбеков Э.К. (<i>Алмата, Казахстан</i>) Реконструкция женского головного убора IV-III вв. до н.э. по материалам кургана Тасарык в Восточном Казахстане.....	6
Аникеева О.В., Яблонский Л. Т. (<i>Москва, Россия</i>) Элементы погребального костюма жрицы из Филипповских курганов: материалы к реконструкции	12
Варенов А.В. (<i>Новосибирск, Россия</i>) Бронзовые антропоморфные статуи Саньсиндуя и ритуальные одеяния Древнего Царства Шу.	33
Воробьева С.Л. (<i>Уфа, Россия</i>) Типы костюмных комплексов носителей кара-абызской эпохи раннего железа	50
Елкина И.И. (<i>Москва, Россия</i>) Археологические текстильные находки XVII-XVIII вв. из слободы Новодевичьего монастыря в Москве. Атрибуция, реконструкция	70
Жилина Н.В. (<i>Москва, Россия</i>) Волжская Булгария / Восток; Древняя Русь / Византия. Сравнительная характеристика убора из украшений: костюм, головные украшения.....	83
Жилина Н.В. (<i>Москва, Россия</i>) Волжская Булгария / Восток; Древняя Русь / Византия. Сравнительная характеристика убора из украшений: шейно-нагрудный ярус, украшения рук	99
Копосова Л.В., Галеева Т.А. (<i>Екатеринбург, Россия</i>) Искусствоведческий подход при анализе и реконструкции палеокостюма	118
Макласова Л.Э. (<i>Казань, Россия</i>) К вопросу о головных уборах с «ötblge»	129
Мунхбаяр Ч., Б. (Ховд, Монголия), Мунхиэцэг Б. (<i>Улан-Батор, Монголия</i>) К вопросу исследования выкройки и моды женской дэли (верхняя монгольская национальная одежда) Киданьского периода	137
Патрушев В.С. (<i>Йошкар-Ола, Россия</i>) Археологические истоки традиционного костюма мари.....	150
Руденко К.А. (<i>Казань, Россия</i>) Опыт реконструкции венгерского парадного мужского костюма и конского снаряжения эпохи «Великой Венгрии» (по изобразительным и археологическим источникам).....	157
Усманова Э.Р. (<i>Караганда, Казахстан</i>), Мерц В.К. (<i>Павлодар, Казахстан</i>) Знаковый фактор головных и ушных украшений в андроновском костюме эпохи бронзы	172
Орфинская О.В., Толмачева Е.Г. (<i>Москва, Россия</i>) К вопросу о ткачестве туник в Египте в позднеантичное время: проблема реконструкции ткацкого станка по археологическим данным	183
Измайлов И.Л. (<i>Казань, Россия</i>) Традиционная одежда и археологический костюм: соотношение этнических и сословно-статусных элементов.....	199
Список сокращений	217

CONTENS

Altynbekov K.K., Altynbekova E.K. (<i>Almaty, Republic of Kazakhstan</i>) Reconstruction of the Female Headdress of IV-III BC on Materials of the Tasaryk Mound in East Kazakhstan.....	6
Anikeeva O. V., Yablonsky L.T. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Elements of Priestess Funeral Dress from Filippovka I Burial Ground: materials to reconstruction	12
Varenov A. V. (<i>Novosibirsk, Russian Federation</i>) Bronze Anthropomorphic Statues of the Sanxingdui and Ritual Garments of the Ancient Shu Kingdom	33
Vorobyeva S.L. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Types of Costume Complexes of Cara-Abyz Culture bearers of Early Iron Age.....	50
Elkina I.I. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Archaeological Textile Findings of 17th-18th centuries from the Cloister of Novodevichy Convent in Moscow	70
Zhilina N.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Volga Bulgaria/ East; Ancient Russia / Byzantine Empire (comparative characteristics of jewelry complexes: costume and head adornments).....	83
Zhilina N.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Volga Bulgaria/ East; Ancient Russia / Byzantine Empire (comparative characteristics of jewelry complexes: neck and chest, head adornments)	99
Koposova L.V., Galeeva T.A. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) Art Historical Approach Analysis and Reconstruction of Paleo Costume	118
Maklasova L. E. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Headwear with “örbelge”	129
Munkhbayar, Ch. (<i>Hovd, Mongolia</i>), Munkhtsetseg, B. (<i>Ulaanbaatar, Mongolia</i>) Study of the Sewing Patterns and Fashion of Women’s Deel (National Mongol Overdress) of the Khitan Period	137
Patrushev V. S. (<i>Yoshkar-Ola, Russian Federation</i>) Archaeological Origins of Traditional Mari Costume	150
Rudenko K.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Experience of Reconstruction of Hungarian Men's Ceremonial Costume and Horse Harness of the Great Hungary Period (on the basis of fine arts and archeological sources)	157
Usmanova E.R. (<i>Karaganda, Republic of Kazakhstan</i>), Merz V.K. (<i>Pavlodar, Republic of Kazakhstan</i>) Symbolic Meaning of Head and Ear Adornments in Bronze Age Andronovo Costume.....	172
Orfinskaya O.V., Tolmacheva E.G. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), The Weaving of the Tunics in Late Antique Egypt: some consideration on the reconstruction of the weaving loom according to archaeological evidences	183
Izmailov I.L. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Traditional Clothes and Archaeological Costume: ratio of ethnic and class and status elements.....	199
List of Abbreviations	217

УДК 903.24

РЕКОНСТРУКЦИЯ ЖЕНСКОГО ГОЛОВНОГО УБОРА IV-III ВВ. ДО Н.Э. ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНА ТАСАРЫК В ВОСТОЧНОМ КАЗАХСТАНЕ

© 2019 г. К.К. Алтынбеков, Э. К. Алтынбекова

В статье представлена предметная научно-историческая реконструкция женского головного убора IV-III вв. до н.э. Погребение женщины, обнаруженное при строительстве автодороги в Восточном Казахстане, извлечено из раскопа монолитным блоком и доставлено в научно-реставрационную лабораторию «Остров Крым» для проведения его консервации и подготовки к экспонированию в музее в существующем виде. Одежда не имела украшений из долговечных материалов, удалось найти лишь обрывки текстиля и с помощью рентгена выявить следы аппликаций. Сложный головной убор был лучшей сохранности за счет многочисленных декоративных элементов из дерева и золотой фольги. Общий абрис головного убора достаточно отчетливо обозначен темным пятном тлена. Фрагменты гладкой деревянной пластины, лежащие под черепом, идентифицированы как неразъемный обруч короны. Найдены место и способы крепления всех украшений: ажурного изображения стоящей на ногах мифической птицы в окружении стержней, символизирующих папоротник в различных стадиях его развития; бляшек и пронизей. При переборе тлена выявлен парик в виде кос и нижняя граница шелкового платка-покрывала. Графические изыскания, подкрепленные экспериментальным моделированием, позволили выполнить предметную реконструкцию головного убора из новых материалов.

Ключевые слова: реконструкция, женский головной убор, декоративные элементы, корона, папоротник.

Головной убор находился в нетронутом погребении женщины (Восточно-Казахстанская область, Уржарский район, курган Тасарык), извлеченном из раскопа блоком и доставленном в научно-реставрационную лабораторию «Остров Крым» для сохранения и подготовки к экспонированию в музее в существующем виде (Алтынбеков, Досаева, 2017). После проведенной консервации оригинал головного убора стал основным источником его реконструкции. Остатки головного убора, истлевшие, рассыпавшиеся на деформированные и смещенные с первоначального места фрагменты, все равно дали возможность понять местоположение отдельных элементов и выявить форму целого предмета. Неясные вопросы прорабатывались по аналогиям из других синхронных курганов.

В погребении, не засыпанном землей благодаря внутримогильной конструкции в виде каменного саркофага, выявлены следующие элементы головного убора:

- обрывки ткани красного и синего цвета;
- фрагменты деревянной пластины в виде ободка (обруча);
- центральное украшение – фрагменты орнамента из металлической фольги желтого цвета, имеющей жесткую основу в виде массы коричневого цвета;

- деревянные украшения, декорированные фольгой – стержни, бляшки, рифленые и гладкие трубочки-пронизы разных размеров;

- металлические стержень и шар;

- многочисленные металлические спиральки, напоминающие золотные нити, частично прикрепленные к деревянным стержням, частично находящиеся рядом с фрагментами обруча;

- большое количество мелких квадратиков из фольги;

- обломки тонкой проволоки.

Технологическое исследование¹

Текстиль. Ткань полотняного переплетения, плотность 64×36 н/см. Нити основы и утка одиночные, некрученые. Толщина нити основы 0,05-0,075 мм, промежутки между нитями – 0,01-0,02 мм. Толщина нити утка 0,1 мм, промежутки между нитями – 0,05 мм. Нити основы и утка ткани состоят из волокон шелка тониной ~ 8-10 мкм. В строении этой ткани есть особенность. Нити основы и утка ткани не имеют, как обычно, цилиндрической формы. Нити плоские, как бы расплюснутые, волокна нитей лежат практически в 1-3 слоя. Это не результат какой-либо деформации ткани, а специфика технологии ее производства. Спектр ткани содержит алюминий,

¹ Исследование выполнено старшим научным сотрудником отдела научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа Е.А. Миколайчук.

располагающийся строго по волокнам ткани. С большой долей уверенности можно предположить, что ткань была окрашена в красный цвет мареной по глиноземной протраве. Текстиль является тонкой шелковой тканью китайского производства.

Нити из пронизей. Из четырех видов пронизей нити обнаружены лишь в самых мелких, лежащих ниже обруча. Нити высокой степени деградации представляют собой фрагменты «одинокных» и рядом лежащих, но не перевитых между собой нитей. «Одинокные» нити свиты из двух нитей левой S-круткой. Толщина нитей составляет 246-299 мкм. Каждая из двух рядом лежащих нитей свита правой Z-круткой. Все нити состоят из волокон культивированного шелка. Тест на присутствие красителя достаточно четко указывает на то, что нити были окрашены сафлором и изначально имели желтый цвет. Разносторонняя крутка применялась, как правило, для того, чтобы придать нити усиленную прочность, поэтому исследованные нити вполне могли быть использованы для подвешивания каких-либо легких элементов декора.

Металлическая спираль. Спираль выполнена из лентовидной полосы металла желтого цвета шириной 0,9-1,5 мм, толщина металла ~ 0,05 мм. Диаметр спирали ~ 1,2 мм, текстильная нить внутри спирали не обнаружена. Промежутки между витками металлической ленты не одинаковы по ширине составляют от 0,15 до 0,6 мм. По процентному содержанию золота 81,54% и серебра 17,32% исследуемый металл можно охарактеризовать как самородное золото. Вероятнее всего, что спираль была создана методом навивки золотой ленты на проволоку, которую затем удалили.

Основа фольги центрального украшения. Визуальное и микроскопическое обследование фрагментов украшения, проведенное авторами, показало, что фольга была наклеена на основу и затем вырезана. Согласно анализу основа состоит из мелких частиц неправильной формы, как объемных пористых, так и плоских с плотной структурой. Частицы не волокнистого строения от светло-серого до темно-коричневого цвета. Основным компонентом является известь и ее примеси из известняка: доломит, гипс, кварц, глина, окислы железа. Известь содержит органические добавки: казеин – клейкое вещество белкового происхождения; камедь светлого цвета – клейкое вещество растительного происхождения из класса полисахаридов.

Парик (косы). Проба состоит из мелких частиц различной формы, волокнистого и не волокнистого строения, темно-желтого и коричневого цвета. Съемка отдельных частиц на электронном микроскопе выявила наличие органических фрагментов волокнистого строения растительного происхождения. По присутствующим мелким фрагментам установить вид растения не удалось. Качественная микрохимическая реакция на присутствие белковых соединений дала отрицательный результат. Это означает, что в пробе отсутствуют натуральные волосы – человеческие или волосы животных, а также клеи белкового происхождения. В пробе содержится камедь светлого цвета. С большой долей уверенности можно предположить, что у погребенной был парик, изготовленный из растительных волокон. В качестве клея использовалась камедь.

Обоснование реконструкции

Головной убор соскользнул с головы вместе с париком, что подтверждается фрагментом кожи погребенной, найденным на расстоянии около 20 см от черепа. На своем месте осталась лишь нижняя часть головного убора – деревянные фрагменты, лежащие вокруг черепа, и контуры подтреугольных лопастей шелкового изделия.

Общий абрис головного убора достаточно отчетливо обозначен темным пятном тлена. Современное состояние элементов декора в основном плоскостное, основа украшений, покрытых золотой фольгой, часто утрачена. Такое спрессованное положение декоративных элементов создало некоторый стереотип реконструкции плоских украшений как накладных, прикрепленных непосредственно к поверхности шапки. Однако по результатам наших исследований известно, что центральная деталь декора головного убора в виде орнитоморфного изображения являлась отдельным элементом с жесткой основой. Анализы показали, что основа была изготовлена из состава, содержащего известь, казеин, камедь, обладающего хорошими клеящими свойствами, а после полного отверждения имеющего достаточно высокую прочность. Золотая фольга была приклеена к этой массе, после частичного отверждения которой вырезано изображение птицы, что хорошо видно по краям резов. Подобное упрочнение тонких золотых украшений выполнено на диадеме из кургана Хохлач, где в первом случае черное смолистое вещество, введенное внутрь полых фигурок, служило каркасом, сохраняющим рельеф от помятости (Засецкая, 2011, с. 40),

а во втором случае – нанесенное с внутренней стороны пластин диадемы, фиксировало крепление фриза, гнезд и других деталей (Засецкая, 2011, с. 47). Для предохранения от механических повреждений изделий, изготовленных в технике басмы, полость на оборотной стороне часто заполняли твердым веществом, возможно, гипсом (Минасян, 2014, с. 230).

Кроме центрального украшения, прямыми элементами головного убора являются декоративные стержни – четыре деревянных и один металлический. Выявлено три уровня крепления деталей, расположенных вертикально вверх: первый (нижний) уровень – два коротких деревянных стержня и в центре фигура птицы; второй (средний) уровень – кованый железный стержень, скрученный в спираль, с золотым шаром на конце; третий (верхний) уровень – два длинных деревянных стержня с опухалом из тонких золотых спиралек.

Упавшие с черепа деревянные фрагменты образуют ободок, здесь же обнаружены обрывки синего шелка, тонких спиралевидных золотых нитей, крошечные квадратики фольги, обломки проволоки. Подобные венцы/диадемы из гнутых деревянных пластин с барельефной резьбой или иногда с гладкой поверхностью найдены В.Д. Кубаревым в курганах Восточного Алтая. По предположению автора находок, алтайские диадемы, имитируя налобные повязки или венцы с нашитыми на них металлическими или деревянными украшениями, окаймляли край головного убора, придавая ему необходимую форму и жесткость, и одновременно служили его украшением (Кубарев, 1987, с. 114-116; 1991, с. 123-125; 1992, с. 101-104). Однако С.А. Яценко считает эти пластины обручами, а не диадемами, так как последние должны быть самостоятельным элементом костюма (Яценко, 2006, с. 90).

Обручем является и ободок, первоначально охватывающий голову погребенной женщины. По всей видимости, это неразъемная нижняя часть закрытой короны с коническим колпаком, а также первый (нижний) уровень размещения отдельных вертикально стоящих деталей. Именно к этой основе крепились главное украшение в виде птицы и два коротких деревянных стержня. Третий (верхний) уровень расположен в основании колпака короны. Между ними в центре должен быть размещен железный стержень с золотым шаром на конце.

Конусовидный колпак, по всей вероятности, имел кожаную или войлочную основу, обшитую шелком синего цвета. Навершие конуса выполнено из дерева, покрытого золотой фольгой, в виде полого цилиндра с рифленой поверхностью. Рифленые трубочки-пронизи, изготовленные тем же способом, что и навершие, найдены выше и ниже обруча. Исходя из того, что волокна нитей обнаружены только в нижних, можно предположить, что верхние пронизи были надеты на деревянные стержни, а нижние – на сплетенные из шелковых нитей шнуры, образующие подвески.

Техника крепления вертикальных элементов аналогична приемам, использованным в открытой короне из некрополя Тиллятепе (Сарианиди, 1989), диадеме из кургана Хохлач, где к верхним деталям припаивались штыри, которые вставлялись в отверстия на центральной лицевой пластине (Засецкая, 2011, с. 28-47). В уржарской короне для вставки вертикальных украшений были предусмотрены гладкие деревянные трубочки, покрытые золотой фольгой. Вероятнее всего, штырьки также были деревянными, но полностью разрушились. Золотые квадратики могли быть закреплены на проволочках подобно дисковидным подвескам короны из некрополя Тиллятепе и корон корейской династии Силла (Корея: вчера, сегодня, 2015), затем вставлены в деревянные трубочки.

Предметная реконструкция головного убора

В итоге определилась форма конусовидного головного убора, существующего во все времена и эпохи, вплоть до этнографической современности (например, казахский головной убор невесты – саукеле). В предлагаемом нами варианте реконструкции, основанном на результатах лабораторных исследований, женский головной убор состоит из трех основных частей, которые могут использоваться как в комплекте, так и самостоятельно: *парик, собственно головной убор и корона*.

Парик, округлый сверху, зафиксирован в виде скрученных из двух прядей кос, содержащих согласно анализам только растительные волокна, что и воспроизведено в реконструкции. Волосы на коже головы погребенной отсутствуют, возможно, голова была обрита.

Собственно головной убор, сшитый из китайского шелка красного цвета, видимо, должен быть цельнокроеным для удобства надевания и снятия короны. Форма наголовника, облегающего округлый парик, получена

за счет края и швов в верхней части. Сохранившихся украшений на головном уборе нет, но из анализов известно о наличии вышивки, восстановить рисунок которой не представилось возможным.

Основные элементы *короны*: обруч, конусовидный колпак с навершием, вертикально стоящие украшения, подвески. Общая высота короны вместе с обручем и навершием составляет 38,5 см.

Обруч. Диаметр – 18,5 см, длина – 58 см, ширина – 2,2 см. По окружности обруча размещены: золотые спиралевидные нити, образующие геометрический орнамент; гладкие трубочки для крепления украшений, квадратики, подвешенные на тонкой проволоке. На обруче установлены два прямо стоящих деревянных стержня длиной 15 см, диаметром 0,7 см с тремя надетыми рифлеными пронизями длиной 1,1 см, диаметром 1,3 см, напоминающими молодые скрученные листья папоротника. Между стержнями расположено центральное украшение в виде ажурного изображения птицы высотой 34 см. Под стержнями находятся бляшки в виде фигурок лежащих степных антилоп – сайгаков размерами 3 × 2 см, благодаря которым уточнена ширина обруча, примерно определенная по его фрагментам.

Конусовидный колпак. Высота конуса – 28 см, диаметр основания – 12 см; высота навершия – 3,2 см, диаметр навершия – 2,3 см. В основании колпака установлены деревянные стержни, оплетенные узкой золотой лентой, с опухалом из тонких спиралевидных элементов. Высота стержней – 27 см, длина спиралек – 5,3 см. Спиральки изготовлены в технике, используемой в древности: золотая лента шириной 0,9-1,5 мм, толщиной ≈0,05мм навивалась на плоскую проволоку и вытягивалась в спираль, вспомогательная проволока удалялась. Стержни с опухалом очень похожи, во-первых, на перо птицы, а во-вторых, на раскрытый лист папоротника.

Колпак и обруч соединяются двумя дугами, длина которых обусловлена расстоянием между ними, ширина взята произвольно, так как могли быть не предполагаемые нами дуги, а полное покрытие головы. На передней дуге – в центре вертикальной композиции – закреплен металлический стержень с шаровидным навершием.

Подвески длиной 20 см выполнены из шелкового шнура, продетого в рифленые трубочки-пронизы диаметром 0,8 см, высотой 1 см. По остаткам волокон в пронизях опреде-

лен желтый цвет нитей, гипотетически добавлен шнур синего цвета.

Уржарский головной убор в целом имеет типичные признаки женских головных уборов пазырыкской культуры – конусовидную часть с навершием; парик, надетый на возможно, бритую голову; деревянные украшения, плакированные золотой фольгой. Существенное отличие заключается в том, что в пазырыкских и других алтайских курганах это был головной убор-парик сложного устройства, где все компоненты конструктивно объединены в одно целое (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 72; Дашковский, Усова, 2011, с. 83). В кургане Тасарык головной убор имеет трехчастную структуру – парик, собственно головной убор, корону, и все эти части могут использоваться как в комплекте, так и отдельно. В парике отсутствуют компоненты животного происхождения, он состоит лишь из растительных волокон, в то время как в составе пазырыкских париков найдены конские волосы. Кованый железный стержень, скрученный в спираль, с золотым шаром на конце, не имеет утилитарного назначения – это не шпилька для закалывания волос или крепления головного убора к прическе (Кубарев, 1991, с. 111; Дашковский, Усова, 2011, с. 83), а скорее, символ мировой оси, находящийся в центре вертикальной композиции.

Реконструкция женского головного убора IV-III вв. до н.э., выполненная по фактическим археологическим материалам, имеет высокую степень достоверности, но как всегда при работе с археологическими комплексами, содержит элементы гипотетичности и возможность существования других вариантов реконструкции. Изучение семантики головного убора еще предстоит в будущем. Но уже ясно, что основным символом так называемой «уржарской принцессы» являлся папоротник, как в декоративном, так и в натуральном виде. Внутри контура головного убора обнаружены корневища папоротника щитовник мужской, очень давно известного своими лекарственными свойствами. Трудно сказать, находились ли они в самом головном уборе или он упал на положенные при погребении растения. «Букет» из папоротника орляк, содержащий корни и наземную часть, лежал (и лежит) вдоль левой руки женщины. Кроме папоротника, в погребении определено еще несколько видов лечебных и наркотических растений. По нашему предположению, женщина, условно названная при раскопках

«уржарской принцессой», в действительности была целительницей, «жрицей папоротника».

ЛИТЕРАТУРА

Алтынбеков К., Досаева Д. Опыт реконструкции «археологического» костюма // ПА. 2017. № 1(19). С. 157–171.

Дашковский П.К., Усова И.А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский Дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. №3 (47). С. 78–84.

Засецкая И.П. Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад. СПб: ГЭ, 2011. 328 с.

Корея: вчера и сегодня. Сеул: Министерство культуры спорта и туризма, 2015.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 140 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 300 с.

Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 188 с.

Минасян Р.С. Металлообработка в древности и средневековье. СПб.: ГЭ, 2014. 472 с.

Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тиллятепе. М., 1989. 240с.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 661 с.

Информация об авторах:

Алтынбеков Крым Касенханович, директор, научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым» (г. Алматы, Республика Казахстан); tengri05@mail.ru

Алтынбекова Элина Кырымовна, дизайнер, научно-реставрационная лаборатория «Остров Крым» (г. Алматы, Республика Казахстан); tengri05@mail.ru

RECONSTRUCTION OF THE FEMALE HEADDRESS OF IV-III BC ON MATERIALS OF THE TASARYK MOUND IN EAST KAZAKHSTAN

K. K. Altynbekov, E. K. Altynbekova

The article features a thematic scientific and historical reconstruction of a 4th-3rd century B.C. women's headdress. The burial of a woman discovered during the construction of a road in East Kazakhstan was extracted from the excavation in a one-piece block and delivered to Scientific-Restoration Laboratory "The Island of Krym" for conservation and preparation for its museum exhibition in the present state. The clothing was not decorated with durable materials, and the only findings comprised fragments of textile and traces of applications discovered with the use of X-ray technology. The complex headdress was better preserved due to the numerous wooden and golden foil decorative elements. The general contour of the headdress is rather clearly marked with a dark spot of decayed material. Fragments of a smooth wooden plate lying underneath the skull were identified as an integral headband of the crown. The locations and fastening methods were identified for all decorations: an openwork image of a mythical bird standing on its feet surrounded by rods symbolizing fern in various stages of growth; plaques and beads. An examination of decayed material revealed a wig in the form of braids and the lower edge of a silk cover. Graphical research supported by experimental modeling allowed to perform a material reconstruction of the headdress with the use of new materials.

Keywords: reconstruction, female headdress, decorative elements, crown, fern.

About the Authors:

Altynbekov Krym K. Scientific-Restoration laboratory "The Island of Krym" (Almaty, Republic of Kazakhstan); tengri05@mail.ru

Altynbekova Elina K. Designer, Scientific-Restoration laboratory "The Island of Krym" (Almaty, Republic of Kazakhstan); tengri05@mail.ru

Рис. 1. Реконструкция женского головного убора. 1 – головной убор до реставрации; 2 – головной убор в процессе реставрации; 3 – головной убор после реставрации; 4 – предметная научно-историческая реконструкция головного убора

УДК 903.24

ЭЛЕМЕНТЫ ПОГРЕБАЛЬНОГО КОСТЮМА ЖРИЦЫ ИЗ ФИЛИППОВСКИХ КУРГАНОВ: МАТЕРИАЛЫ К РЕКОНСТРУКЦИИ

© 2019 г. О. В. Анисеева, Л. Т. Яблонский

Анализ материалов, полученных при раскопках женского погребения 2 кургана 1 могильника Филипповка 1 позволил выявить ареал находок, связанных с костюмом погребенной и дополнявшими его украшениями. Анализ формы, позиций, положения и взаиморасположения разнообразных декоративных элементов, украшавших погребальный костюм, позволяет реконструировать следующие элементы одежды: шаль или длинное покрывало, начельник, плащ или свободную накидку и платье. Анализ литературы по реконструкции костюмов ранних кочевников показал вероятность наличия длинной рубахи до щиколоток. Проведенные реконструкции показывают, что данное захоронение принадлежало женщине, занимавшей высокое социальное положение. Отличительной чертой убранства погребального наряда является органичное сочетание элементов древнеиранской торевтики и скифо-сибирского звериного стиля. Присутствие в одежде характерного головного убора позволяет предположить, что погребенная не являлась коренной сарматкой, а принадлежала к персидским племенам Древнего Ирана.

Ключевые слова: археология, ранние кочевники Южного Приуралья, жрица, функциональное назначение разнообразных элементов декора.

Введение. Работа посвящена изучению ареала находок из погребения 2 кургана 1 могильника Филипповка 1, расположенного в Южном Приуралье, на северо-западе Оренбургской области. «Царский» курган 1 впервые раскапывался в период с 1986 по 1988 г. уфимской археологической экспедицией Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН под руководством А.Х. Пшеничнюка. Под вскрытым участком насыпи были исследованы центральное захоронение и два подземных хода. Тайники, находящиеся поблизости от центральной могильной ямы, дали ставшую всемирно известной коллекцию находок, выполненных из драгоценных металлов, в том числе 26 фигур золотых оленей. В 2013 г. экспедицией ИА РАН под руководством Л.Т. Яблонского было проведено исследование восточной половины насыпи кургана, оставшейся не раскопанной, с целью завершить изучение уникального памятника, уже вошедшего в анналы мировой культуры, и предотвратить его полное разграбление современными вандалами.

Под восточной полостью кургана вблизи края насыпи обнаружено впускное неограбленное женское погребение (рис. 1), которое датируется инвентарем IV в. до н.э. и синхронизируется с центральным погребением 1 этого кургана (Пшеничнюк, 2013, с. 23-29. Яблонский, 2016, с. 745-748). Из погребения получено 1175 предметов, все предметы

сопровождающего инвентаря можно разделить на категории:

1) предметы, имеющие культовое назначение (сложносоставная подвеска с изображением мирового древа, серебряное зеркало с трехчастной мифологической композицией, наборы предметов для нанесения татуировок и разнообразные пигменты, кожаный ремень с разнообразными подвесками, курительница, votивные подвески и бусы, каменные печати с резными изображениями);

2) металлические, каменные и деревянные чаши и сосуды;

3) предметы для нанесения косметики (мелкие инструменты, разнообразные туалетные сосудики, алабастр, сухие краски и пигменты);

4) предметы конской упряжи и *votивный горит* с луком и наконечниками стрел (Трегубов, Яблонский, 2014);

5) инструменты (железные долота, инструменты для выделки бус, оселок;

6) ювелирные украшения (височные подвески, браслеты, перстни), надетые на погребенную;

7) разнообразные мелкие золотые нашивки, бляшки и подвески.

В контексте данной работы остановимся подробно на последних категориях находок. Обработка и анализ ареалов артефактов этого погребения позволяют выделить 767 находок на скелете погребенной и в непосредственной близости от него, которые относятся к сохра-

нившимися деталям погребального костюма (рис. 1, 2).

Каталог украшений погребального костюма.

1. Нашивки (107 экз.) – элементы «бахромы» шали или покрывала (рис. 2: 742-849, рис. 4). Сложносоставные, спаянные из двух полых полусфер, штампованных из фольги. В центре каждой полусферы имеется отверстие, через которое сквозь всё изделие пропущена трубочка, свернутая из фольги. В один ее конец вставлена и припаяна проволочная петля, к другому припаяна пирамидка, образованная четырьмя шариками зерни. Общая длина – 1,6 см, диаметр полусферы – 0,6 см, длина трубочки – 1,1 см, диаметр трубочки – 0,2 см.

Технология изготовления: золото, штамповка, сверление или пробивка, пайка

Сохранность: на корпусе полусфер присутствуют вмятины, поверхность металла некоторых нашивок окислена и имеет красноватый цвет

Место находки: курган 1, погребение 2, на скелете (рис. 2, в пределах полосы, выделенной розовым цветом)

Место хранения: ОГИКМ КП 19971/93-200

2. Нашивки (106 экз.) – элементы «бахромы» шали или покрывала (Рис. 2: 850-956, рис. 4). В плане круглые, в сечении прямоугольные. На лицевой поверхности круга – орнамент из двух окружностей с точкой в центре, с оборотной стороны имеют окаймляющий бортик. На ребре круглой грани и бортика два сквозных отверстия. Размеры: верхний диаметр – 0,6 мм, нижний диаметр – 0,7 мм, диаметр отверстий – 0,1 мм.

Технология изготовления: золото, штамповка, пробивка

Сохранность: на поверхности полусфер присутствуют вмятины, поверхность металла некоторых нашивок окислена и имеет красноватый цвет

Место находки: курган 1, погребение 2, на скелете (рис. 2, в пределах полосы, выделенной розовым цветом)

Место хранения: ОГИКМ КП 19971/201-306

3. Нашивки (91 экз.) имеют форму округлой розетки (рис. 2; 348-437, рис. 6, 1), в центре которой расположена округлая выпуклость, оконтуренная рельефным валиком. От валика радиально расходятся удлиненные каплевидные лепестки (16 шт.). Лепестки гладкие, оконтурены валиком. На оборотной

стороне пять проволочных петелек, четыре из которых расположены на краях лепестков симметрично на каждом четвертом лепестке, а пятая – в центре нашивки. Размеры: диаметр розетки – 3,0-3,1 см, внешний диаметр рельефного валика – 0,9 см, длина лепестка – 1,05-1,1 см.

Технология изготовления: золото, штамповка, пайка.

Сохранность: на оборотных сторонах нашивок отсутствуют или погнуты петли для пришивания

Место находки: курган 1, погребение 2, под/на скелете и рядом

Место хранения: ОГИКМ КП 19971/372-463

4. Нашивки (303 экз.) имеют форму округлой розетки (рис. 2: 438-741, рис. 6), в центре которой расположена округлая выпуклость, оконтуренная рельефным валиком. От валика радиально расходятся удлиненные каплевидные лепестки. На оборотной стороне имеются проволочные петельки. По размерам, штампу (рисунку) лепестка, количеству лепестков и расположению петель, выделено четыре типа нашивок. За первоначальное положение и количество петель принята симметричная позиция, имеющая наибольшее количество экземпляров в каждом типе. В любом из типов присутствуют нашивки, где одна или две петли утеряны или взамен утерянных припаяны новые несимметрично и произвольно расположенные петли.

Тип 1 (рис. 6: 1) – шестнадцати лепестковые, лепестки гладкие, оконтурены валиком. На оборотной стороне пять проволочных петелек, четыре из которых расположены на краях лепестков симметрично на каждом четвертом лепестке, а пятая – в центре нашивки. Размеры: диаметр розетки – 3,0-3,1 см, внешний диаметр рельефного валика – 0,9 см, длина лепестка – 1,05-1,1 см

Тип 2 (рис. 6: 2) – аналогичны вышеописанным, на оборотной стороне четыре петельки, расположенные симметрично на каждом четвертом лепестке. Размеры: диаметр розетки – 26 мм, внешний диаметр рельефного валика – 0,7 см, длина лепестка – 1-1,05 см

Тип 3 (рис. 6: 3) – аналогичны вышеописанным. Размеры: диаметр розетки – 2,8 см, внешний диаметр рельефного валика – 0,9 см, длина лепестка – 1,05 см

Тип 4 (рис. 6: 4) – двенадцати лепестковые, в центре каждого лепестка полоска, на оборотной стороне в середине лепестков имеются четыре петельки, две из которых

расположены через один лепесток, другие две – через три лепестка. Размеры: диаметр розетки – 2,7-2,8 см, внешний диаметр круга – 1,0 см, длина лепестка – 0,85-0,9 см.

Нашивки типа 1 преобладают и нашиты как на платье, так и на шали, все другие типы розеток встречаются только в расшивке платья.

Технология изготовления: золото, штамповка, пайка.

Сохранность: на оборотных сторонах нашивок отсутствуют или погнуты петли для пришивания

Место находки: курган 1, погребение 2, под/на скелете и рядом

Место хранения: ОГИКМ КП 19971/464-767

5. Нашивки-пуговицы (4 экз.) или застежки верхнего платья (рис. 2: 203-206, рис. 5). Имеют округлую форму со штампованным изображением свернувшегося в кольцо копытного (сайгака?). На оборотной стороне припаяны две петли для крепления. Размеры 2,5×2,7 см, диаметр петли – 0,5 см.

Технология изготовления: золото, штамповка.

Сохранность: хорошая

Место находки: курган 1, погребение 2, на скелете, вдоль грудины (рис. 2, выделены голубым цветом)

Место хранения: ОГИКМ КП 19971/38-41

6. Полосы фигурной сплошной вышивки бисером (Рис. 2: 992, 993, рис. 7 и 8) имели удлиненную прямоугольную форму, внутри заполненную более узкими полосками шириной 7,5 см, оконтуренными золотыми трубчатыми пронизками. В фигурном орнаменте полосок прослеживаются два основных элемента: спиралевидные фигуры диаметром 1,5-3,5 см, образующими одну линию, и переплетение треугольных фигур и спиралей размерами 4×2,5 см, образующими другую линию. Применялся бисер из синего, голубого, черного, белого стекла, металлический бисер из золота, каменный бисер из бирюзы, коралла. Кроме бисера использовались мелкие округлые и бочковидные бусины из синего, желтого, белого стекла 0,4×0,6-0,8 см, трубчатые пронизки длиной 0,5-0,8 см из золота, коралла, сердолика, пирита. Последние представлены природными кристаллами с прямоугольным и квадратным сечением, покрытые ржавой патиной. Форма бисера дисковидная, шаровидная и таблитчатая, размеры бисерин – 1,5-3 мм. Размеры площади каждой

полосы составляли 41 см в длину и 18 см в ширину.

Технология изготовления: золото, стекло; бирюза, сердолик, пирит. Резьба, сверление, шлифовка. полировка

Сохранность: утрачены целые фрагменты орнамента, другие участки деструктивированы. Правая вышивка сохранилась лучше

Место находки: курган 1, погребение 2, под скелетом погребенной (рис. 2, выделены голубым цветом).

Место хранения: ОГИКМ

7. Звенья украшения обшлага правого рукава платья (6 экз.). Однотипные (рис. 2: 249-254, рис. 9). Основой каждого звена является удлиненная эллипсоидная бусина-пронизь из сердолика, на которую надеты три цилиндрические втулки. Крепление бусины и втулок мягкое (вероятно, изначально использовались клей на растительной основе или смола). Концевые втулки закрытые и имеют круглое дно, припаянное к внешнему концу цилиндра. Поверхность каждого цилиндра с обоих концов по диаметру украшена чередующимися треугольниками из зерни, направленными вершинами внутрь (свисающими треугольниками). Сверху к втулкам припаяны петли, сделанные из двух проволочных колечек, соединенных зернью. Через эти петли звенья соединялись между собой. Снизу к втулкам припаяны петли из проволоки, к которым крепились подвески. Цепочки подвесок сделаны из скатанной проволоки одинаковой толщины плетением «одна в одну». В середине каждой цепочки включен декоративный элемент – квадратный сквозной каст, внешняя сторона которого украшена двумя рядами мелкой калиброванной зерни. Внутри кастов находились вставки из рудных минералов. Сверху и снизу к касту припаяны проволочные петли, которыми он соединяется со звеньями цепочки. Цепочки завершались однотипными подвесками каплевидной формы, которые абсолютно идентичны подвескам на височных кольцах. Втулка, каст и подвеска везде разделены двумя петлями цепочки. Размеры: длина пронизей – 2,7-3,1 см, диаметр – 0,4-0,5 см, диаметр отверстий – 0,1-0,17 см, размеры каста – 0,6×0,6 см, ширина – 0,3 см, длина цепочек – 2,9 см, размеры подвесок – 1,0-1,2×0,8-0,7 см.

Технология изготовления: сердолик, золото, касситерит, сфалерит, пирит, фритта. Литье, пайка, клуазоне, склейка.

Сохранность: частично утрачены каменные вставки в касты и вставки из цветной фритты в подвесках.

Место находки: курган 1, погребение 2, на 5-6 см ниже браслета из бус, вокруг правой кисти на уровне фаланг кисти (Рис. 2, выделены желтым цветом).

Место хранения: ОГИКМ КП 20114/1-6
8. Звенья украшения обшлага левого рукава платья (6 экз.). Однотипные (рис. 2: 255-260, рис. 10). Конструкция и размеры деталей звеньев абсолютно идентичны звеньям правого рукава, за исключением подвесок на концах цепочек. Первая подвеска – полый шарик с пирамидкой из четырех крупных шариков зерни в нижней части. На поверхность шарика напаяны полоски, образующие шесть каплевидных кастов, контурные мелкой зернью. Внутри кастов помещены полихромные вставки из фритты красного, голубого и белого цветов. Вторая подвеска литая головка барана с закрученными в кольцо рогами, концы которых соприкасаются с щекой животного. Между рогами одной из таких подвесок вставлена мелкая цилиндрическая бусина из черно-коричнево-белого агата. Третья подвеска полый шарик из двух спаянных полусфер, украшенный двумя рядами треугольников мелкой зерни. В нижней части шарика припаяны пирамидки из четырех крупных шариков зерни. Размеры: длина пронизей – 2,7-3,1 см, диаметр – 0,4-0,5 см, диаметр отверстий – 0,1-0,17 см, размеры каста – 0,6х0,6 см, ширина – 0,3 см, длина цепочек – 2,9 см, диаметр шариков – 0,8 см, размеры головки – 1,3х30,7 см.

Технология изготовления: сердолик, золото, касситерит, сфалерит, пирит, фритта. Литье, пайка, клуазоне, склейка.

Сохранность: частично утрачены каменные вставки в касты и вставки из цветной фритты в подвесках.

Место находки: курган 1, погребение 2, вокруг левой кисти вместе с браслетом из бус (рис. 2, выделены желтым цветом) вместе с браслетом из бус.

Место хранения: ОГИКМ КП 20114/7-12

9. Нашивки (26 экз.) – однотипные (рис. 2: 207-232), 12 экземпляров найдены под левым плечом погребенной (рис. 11), 14 экземпляров – под правым (рис. 12). Имеют прямоугольную форму со скругленными краями. На лицевой стороне сцена нападения кошачьего хищника (пантеры?) на травоядное животное (сайгака?). Оба животных изображены

головами влево. Сайгак показан лежащим на животе с подогнутыми ногами. Прыгнувшая пантера своими передними когтистыми лапами вцепилась в плечо сайгака и кусает его ухо. Правая задняя нога пантеры опирается на круп сайгака, левая, вероятно, отталкивается от земли. Хвост пантеры с закрученным в петлю окончанием пропущен вперед между ее задними лапами. По контуру изображения идет бортик. На оборотной стороне нашивок по углам припаяно по четыре петли, представленных двумя видами: из полоски листового золота шириной 0,2 см и толщиной диаметром 0,5 см и из проволоки диаметром 0,1 см и шириной 0,4 см. Размеры 3,8х2,0 см.

Технология изготовления: золото, штамповка, пайка. Штамповались с двух зеркально симметричных форм.

Сохранность: хорошая

Место находки: курган 1, погребение 2, на и под верхними конечностями скелета (рис. 2, выделены желтым цветом).

Место хранения: ОГИКМ КП 19971/63-88

10. Пистоны для шнуровки платья (16 экз.) однотипные (рис. 2: 233-248, рис. 13), сложносоставные, их основу составляет втулка усеченно-конической формы с ажурным чехлом ромбовидной в профиль формы из двух рядов спаянных между собой проволочных петелек. Сверху и снизу места крепления петелек к конусу декорированы проволочными колечками. Точки сочленения верхних концов петелек украшены пирамидками из мелкой зерни (диаметр меньше 1 мм), такие же шарики зерни расположены по окружности в основании ромба у нижнего края кольца на поверхности втулки. Верхний край втулки – плоская круглая площадка, к которой припаяны пирамиды из четырех крупных шариков зерни (диаметр 2 мм). Размеры: высота – 2,4-2,5 см, ширина – 1,5 см. диаметр втулки – 0,5 см.

Технология изготовления: золото, резка, пайка.

Сохранность: деформация формы ажурного чехла

Место находки: курган 1, погребение 2, расположены с левой стороны от предплечья до тазовой кости скелета (рис. 2, полоса желтого цвета).

Место хранения: ОГИКМ КП 19971/16-31

11. Височное кольцо (рис. 2: 957, рис. 14) состояло из трех основных элементов: кольца, базисного украшения в основании

кольца и пяти однотипных подвесок, крепившихся понизу базисного украшения. Кольцо несомкнутое в полтора оборота, с заходящими концами. Сделано из литого прута, подквадратного в поперечном сечении, с рифленой ромбовидным штампом поверхностью. В нижней части к кольцу припаяны две литые двусторонние протомы верблюдов с клювовидными мордами, круглым глазом с рельефным зрачком в центре окружности, оттопыренными ушами и треугольным хохолком на лбу. Разнонаправленные головки соприкасаются ушами, их шеи сделаны из литого прута с орнаментом аналогичным сделанному на поверхности кольца. Место пайки с двух сторон декорировано шариками зерни. К нижним челюстям головок и внизу шей напаяны шесть петель, к которым крепились пять цепочек из скатанной проволоки плетением «одна в одну». Ко второй сверху петле цепочек крепились однотипные подвески: проволочка с петлей и на конце – с пирамидкой из четырех шариков зерни. На проволоке находились трубчатые бусины. На концах цепочек размещены другие однотипные подвески: плоские, двусторонние, каплевидной формы. Плоские грани по краю обрамлены полоской, которая образует ковчег, сверху припаяна проволоочная петля для крепления к цепочке. Поверхность внутри ковчега разделена на четыре ячейки двумя припаянными изогнутыми полосками. В ячейках крепились вставки из бирюзовой/белой или красной/белой пасты. Торцевые грани декорированы двумя рядами зерни, концы – пирамидками из пяти шариков зерни. Одинаковые по декору, подвески несколько отличаются друг от друга размерами.

Размеры: диаметр кольца – 4,8 см, диаметр прута – 0,4 см, размеры протом – 2,8×1,8 см, длина цепочек – 4,0 см, размеры каплевидных подвесок – 1,0-1,2×0,8-0,7 см; длина стержневидных подвесок – 0,8-0,9 см.

На дужку височного кольца надето дополнительное украшение: полый цилиндрический колпачок с петлей в верхней части и однотипными подвесками, расположенными по нижнему диаметру колпачка. Петля сделана из двух кольцевых проволочек, спаянных через цепочку, и припаяна к крышечке колпачка. Лицевая сторона колпачка украшена орнаментальной композицией: симметрично расположенными на цилиндре рельефными изображениями двух протом баранов и их телами с подогнутыми ногами. Морды животных полуопущены, на голове показаны выступающие острые уши и длин-

ные скрученные в спираль рога. Глаз овальной формы, выпуклый, глазное яблоко гладкое, без изображения зрачка. Тела баранов оконтурены полоской, образующей ковчег, внутри разделенный на семь ячеек припаянными изогнутыми полосками. В ячейках крепились вставки из бирюзовой и красной пасты. Контур копыт подчеркнут вставкой из бирюзового стекла. Фоновое пространство колпачка сплошь заполнено шариками зерни и по внешнему диаметру оконтурено напаянной проволокой. По нижнему диаметру колпачка напаяна изогнутая полоска, образующая шесть петелек. В каждую петлю вставлены цепочки из скатанной проволоки плетением «одна в одну». На концах цепочек через сквозные отверстия присоединены плоские круглые подвески. Места крепления с одной стороны подвесок декорировано свисающим треугольником зерни. Аналогичные диски, но без цепочек, были прикреплены к припаянной петле в пасти баранов.

Размеры: размеры петли 1,2×0,9 см, высота колпачка 2,2 см, диаметр – 2,8 см, длина цепочек – до 2,1 см, диаметр подвесок – 0,8-0,9 см

Технология изготовления: золото, цветная фритта, литье, штамповка, гравировка, пайка, клуазоне.

Сохранность: утрачены две подвески на колпачке, бусины, цветные вставки на каплевидных подвесках и бусины на стерженьках.

Место находки: курган 1, погребение 2, с правой стороны черепа, в области ветвей нижней челюсти

Место хранения: ОГИКМ КП 19971/7-8 12. Височное кольцо (рис. 2: 958, рис. 15) в целом по форме, размерам, материалу, исполнению идентично выше представленному височному кольцу. Отличается местом расположения петель для каплевидных подвесок на шеях верблюдов и иным порядком подвешивания цепочек с подвесками в имеющиеся петли.

Технология изготовления: золото, цветная фритта, литье, штамповка, пайка, клуазоне, склейка.

Сохранность: утрачены цветные вставки клуазоне и бусины на стерженьках боковых подвесок, отсутствуют две каплевидные подвески, которые хранились отдельно в комплексе предметов под зеркалом.

Место находки: курган 1, погребение 2, с левой стороны черепа, в области ветвей нижней челюсти

Место хранения: ОГИКМ КП 19971/9

13. Перстни (10 экз.) однотипные и представлены кольцом с подпрямоугольным щитком (рис. 2: 959-968, рис. 16). Кольцо сделано из золотой полоски шириной 0,05 см. На внешней стороне кольца проштампован орнамент в виде трех рядов мелких лепестков. Щитки подпрямоугольной формы с размерами 2,1×1,8 см. На поверхности щитков расположена композиция в зверином стиле. В ее нижней части расположено изображение лежащего оленя в профиль с подогнутыми ногами. Рога оленя превращаются в профильное изображение ушастого грифона с круглым глазом и резко загнутым вниз клювом. Кольцо припаяно к щитку.

Технология изготовления: золото, литье, пайка

Сохранность: без видимых утрат.

Место находки: курган 1, погребение 2, скелет, на нижних фалангах пальцев рук

Место хранения: ОГИКМ КП 19971/42-46, 55-59

14. Браслет, составленный из 42 разнообразных бус¹, нанизанных на серебряную проволоку и имевший застежку, от которой сохранились три золотые детали (рис. 17).

15. Браслет из 46 бус, подвесок и пронизей (рис. 18), нанизанных на бронзовую проволоку и имевший застежку (сохранились фрагменты).

Технология изготовления: золото, раухтопаз, лазурит, сердолик, горный хрусталь, агат, сардер, гагат, жемчуг, гематит (кровавик), халцедон, змеевик, кальцит, мел, мрамор, песчаник, яшмоид, египетский фаянс, стекло, паста.

Оббивка, шлифовка, сверление, полировка

Сохранность: утрата вставок в золотые колпачки, неоднократный ремонт золотых деталей, изношенность их поверхности вплоть до стирания рельефа зерни, разрушение меловых, мелких стеклянных и пастовых бусин.

Место находки: курган 1, погребение 2, на запястьях

Место хранения: ОГИКМ КП 20287/14, 15

Модель реконструкции погребальных одежд

От одежды сохранились разнообразные декоративные элементы из золота, представленные штампованными нашивками (рис. 4-6, 11, 12), привесками и наверхиями (рис.

¹ Описание бус дано конспективно с выделением деталей, интересных для данного контекста работы.

3, 13), сложносоставными подвесками (рис. 9, 10). Хорошая сохранность органики (дерева, войлока, кожи) в деталях разных предметов, расположенных по всей площади погребения, позволяет детально восстановить их конструкцию. Присутствие этих материалов отмечается для декоративного горита (рис. 1: 1) из кожи, войлока, ткани, бересты и прутиков (Трегубов, Яблонский, 2014, с. 68, 69); деревянного короба и кожаных мешочков с пигментами в нем (рис. 1: 2), деревянного чехла от зеркала и кожаных мешочков (рис. 1: 3) под ним; деревянного сосуда с серебряными накладками (рис. 1: 4); деревянного короба с палитрами и кожаного пояса в нем (рис. 1: 5); деревянных деталей разной формы от предмета (рис. 1: 6). Это позволяет говорить, что в убранстве погребальных одежд и головного убора не использовались кожа и войлок, так как никаких следов этих материалов не установлено при детальных расчистках скелета. Вероятно, все элементы одежды были скроемы из тканей, наличие которых фиксируется по фрагментам отпечатков рисунка ткани под нарушенными краями вышивок (рис. 7, 8).

Таким образом, вероятная конструкция и порядок надевания (сверху/снизу) элементов костюма предлагается по позициям (лицевой или оборотной стороной) разнообразных декоративных элементов одежды, по их взаиморасположению и отношению к костным останкам скелета (рис. 2: 203-260, 348-956) и полос бисерных вышивок (рис. 2: 992, 993, показаны голубым цветом). Учитывался также характер взаимного перекрывания разных типов золотых деталей по площади их распространения. Полосы вышивки являлись репером восстановления порядка одевания разных элементов погребального костюма, благодаря их хорошей площадной сохранности (рис. 7, 8) и положению в костюме (рис. 2, полосы голубого цвета). Все отмеченные особенности расположения золотых нашивок, накладок, привесок и наверхий детально зафиксированы на чертеже (рис. 2) и макрофотографиях.

Исходя из типизации деталей отделки погребальных одежд (пп. 1-10 каталога) и их расположения, отчетливо фиксируется три вида одежды: шаль, плащ или верхняя накидка и парадное платье (рис. 2). Еще один элемент костюма – нижняя рубаша – предполагается, исходя из логических построений и обзора опубликованных работ по вариантам одежды ираноязычных кочевников (Акишев,

1984. Лукпанова, 2017. Яценко, 2006. Curtis, Searight, 2003. Goldman, 1991).

Наличие **шали** прослеживается по двухрядной «бахроме» в виде полосы шириной 20-40 мм (рис. 2: 742-956, показана розовым цветом, рис. 3 4, пп. 1-2 каталога) и нашивкам-розеткам I типа (рис. 6: 1, п. 3 каталога). Бахрома начиналась у правого крыла таза, далее поднималась к груди, пересекала левое предплечье, отдаляясь от него на 120 мм и заканчивалась между левым локтем и зеркалом.

Каждый ряд бахромы состоял из двух последовательно чередующихся золотых деталей (рис. 3, 4, пп. 1-2 каталога). Обе детали скреплялись между собой через петельку деталей 1 и отверстия в деталях 2. Между собой нити бахромы скреплялись через петли деталей 1 (рис. 2, полоса розового цвета). От бахромы до костей верхних конечностей и черепа погребенной фиксировался верхний слой розеток типа 1, расположенных на скелете лицевой стороной, а в ближайшем внешнем обрамлении верхней половины скелета – как лицевой, так и оборотной сторонами (рис. 2). Верхнее окончание шали фиксируется в пределах полосы бахромы и отсутствия за ней на этом уровне расчистки скелета аналогичных бляшек-розеток. Нижний край полотна шали не фиксируется, так как в расшивке платья использовались аналогичные бляшки-розетки типа 1, которыми украшено полотно шали. С уверенностью можно говорить, что шаль была самым верхним убором погребального костюма: под полосами вышивки полотно шали присутствовало, благодаря находкам под ними только нашивок-розеток I типа, лежащих оборотной стороной вверх. По взаиморасположению розеток и бахромы, очевидно, что шаль прикрывала руки, плечи и голову, закрывая лицо и верхнюю половину туловища погребенной.

Наличие **плаща** или **накидки** мы предполагаем, исходя из положения двух полос фигурных вышивок из бисера и мелких бус (п. 6 каталога). Судя по сохранившимся контурам, они располагались симметрично с левой и правой стороны под костями скелета, но на нижнем полотне шали (рис. 2: 992, 993, полосы голубого цвета, рис. 7 и 8, п. 6 каталога). Вышитые полосы начинались под костями скелета на уровне середины плеча и, плавно расширяющимися изогнутыми полосами выходили за верхними конечностями на уровне запястий скелета. Под них заходили только нашивки-розетки I типа, положенные

изнаночной стороной, что является обоснованием того, что шаль являлась самым верхним элементом погребального костюма и заднее полотно шали продолжалось до уровня тазовых костей скелета (см. выше). Их перекрывали кости скелета и декоративные элементы отделки платья (рис. 2: 207-232, 233-246, выделены желтым цветом, 348-741).

К плащу (накидке) относились четыре округлые золотые нашивки с одинаковым штампованным рисунком в зверином стиле (рис. 2: 203-206, выделены голубым цветом, рис. 5, п. 5 каталога). Они расположены в вертикальную линию вдоль верхнего отдела позвоночника. Расстояния между нашивками составляли 30-40 мм, верхняя из них лежала на груди, нижняя была вертикально под ней, ниже на 150 мм. Очевидно, они использовались как застежки или пуговицы. Мы относим их к верхнему плащу/платью по их расположению: они лежали под полосой бахромы шали, поверх костных остатков, но на золотых нашивках-розетках 1-4 типа от расшивки нижнего платья. Вышесказанное позволяет говорить, что верхняя одежда располагалась под шалью и была одета на платье.

Поверхность **парадного платья** по всей внешней поверхности была расшита нашивками в виде штампованных золотых розеток (рис. 2: 348-741, лицевое и обратное положение нашивок, рис. 6: 1-4, п. 4 каталога), так как нашивки-розетки под костями скелета перекрывали полотно вышивок как в прямой (лицевая сторона), так и в обратной позиции. По размерам, расположению петель, количеству лепестков и штампу-рисунку лепестков в розетке выделено четыре типа розеток (рис. 6: 1-4, п. 4 каталога). Розетки типа 4 (рис. 6: 4), вероятно, являлись центром композиционного элемента орнамента расшивки платья, т.к. розеток этого типа – наименьшее количество и они располагались в обрамлении двух или трех розеток других типов. Нижний край платья фиксировался по позициям нашивок-розеток (рис. 2: 348-741, рис. 6: 1-4): спереди по розеткам в позиции «лицом вверх» и сзади по розеткам в позиции «лицом вниз». Спереди платье имело треугольный вырез, в пределах которого розетки в позиции «лицом вверх» отсутствовали. Он прослеживался справа за пределами скелета на уровне щиколоток, поднимался до середины правого бедра и влево опускался за пределы скелета на уровне середины берцовых костей. Сзади кромка платья равномерно прослеживалась от уров-

ня щиколоток справа до середины берцовых костей слева (рис. 2).

Каждый рукав платья был расшит от плеча до запястья линейным рядом прямоугольных нашивок со штампованным рисунком в зверином стиле (рис. 2: 207-232, выделены желтым цветом, п. 9 каталога). В правом ряду было зафиксировано 14 нашивок, в левом – 12 аналогичных нашивок. Справа четыре верхние нашивки лежали в позиции «лицом вверх», остальные десять располагались от плечевой и локтевой костей до кисти в позиции «лицом вниз» и перекрывали поле вышивки. Левый ряд начинался ниже, на уровне середины плеча в 8-10 см левее, проходил под локтем и заканчивался под кистью левой руки. Самая верхняя нашивка была найдена «лицом вверх», под ней лежала вторая нашивка, но «лицом вниз», остальные десять составляли вертикальный ряд в позиции «лицом вниз».

Обшлага рукавов платья были расшиты сложносоставными звеньями (рис. 2: 249-254, 255-260, выделены желтым цветом, рис. 9 и 10, пп. 7 и 8 каталога) идентичной конструкции, но с разными подвесками, по шесть звеньев на каждом рукаве. На концах цепочек правых звеньев все три подвески одинаковые (плоские, каплевидные), на левом рукаве каждое звено на концах имеет три подвески разной формы. При публикации технологии изготовления ювелирных украшений из этого погребения (Аникеева, Шемаханская, Яблонский, 2017. Аникеева, Нацкий, Шемаханская, Яблонский, 2018) эти элементы были представлены как браслеты. Однако анализ конструкции браслетов из бус (пп. 14 и 15 каталога) показал, что эти оба браслета имели застежки и их элементы были нанизаны на металлическую проволоку. Браслет из бус на левом запястье был расчищен рядом со звеньями, другой располагался на правом запястье в 40 мм выше их. Крепление элементов основы каждого звена (бусины и втулок) было мягким, т.е. бусина легко вынималась из втулок. При расчистках не было найдено ни одного фрагмента жесткого крепления звеньев, характерного для браслетов из бус и позволявшего держать звенья в полной комплектации (как они были расчищены *in situ*). Если предположить, что каждое звено крепилось к ткани, выполнявшей роль жесткой основы, тогда можно объяснить находимые звеньев в полной комплектации *in situ*.

Ширина рукавов у запястья фиксировалась по положению звеньев при расчистке

in situ и составляла 90-100 мм, т.е. рукава у платья были прямыми или слегка сужающимися вниз.

Еще один декоративный элемент платья, миниатюрные «навершия» (рис. 2, 233-248, рис. 13, п. 10 каталога) имели удлиненно-конические полые втулки, в которые, очевидно, крепились концы тесьмы или шнурков. Они располагались узкой полосой вдоль левого ряда прямоугольных нашивок от предплечья до таза (рис. 2, полоса желтого цвета), лежали на вышивке и были рассеяны на костях и под костями скелета до нижней поверхности бахромы шали. Судя по конструкции и положению, «навершия» служили пистонами для шнурков или завязок вертикального разреза платья.

Единственный элемент погребального костюма, существование которого мы предполагаем, исходя из логических построений, – это наличие гладкой нижней рубахи, которая должна была закрывать ноги погребенной в высоком разрезе богато украшенного платья. Наличие нижней рубахи предполагается в опубликованных вариантах реконструкции одежды ранних кочевников (Яценко, 2006, с. 32, 34, 37, 136. Curtis, Searight, 2003, fig. 5, 36), причем ее предполагаемая длина достигала щиколоток, а полотно рубахи было гладким, без аппликаций и украшений.

Ювелирные украшения погребального костюма

Височные подвески были найдены справа и слева от черепа, в области ветвей нижней челюсти погребенной (Рис. 2: 957, 958, рис. 14, 15, пп. 11-12 каталога). На лобной кости черепа сохранились две тонкие полоски: одна от ало-красной охры, вторая – темно-серая от серого мелкокристаллического гематита (Рис. 82). Они, вероятно, украшали тканый начельник, к которому и крепились обе подвески.

В височных подвесках и звеньях отделки рукавов можно выделить идентичные по технике изготовления декоративные элементы: пирамидки калиброванной зерни двух размеров и окантовка зернью по периметру подвесок; идентичный характерный способ плетения цепочек; плоские каплевидные полихромные привески. Все эти признаки, а также присутствие в височных подвесках такого элемента как дужки из округлого в сечении прута, украшенного декором в виде регулярных граней ромбов, а в звеньях отделки – орнамента в виде треугольников калиброванной зерни, сердоликовых бус с характерной технологией изготовления (Аникеева,

Шемаханская, Яблонский, 2017, с.6-8) однозначно свидетельствует, что эти ювелирные изделия были изготовлены в ремесленном центре ахеменидского Ирана (Трейстер, Яблонский, 2012, с. 134-165).

На левом височном кольце утрачена одна каплевидная подвеска на цепочке (рис. 15). В комплексе под зеркалом в скоплении бус и инструментов для изготовления бус найдены две аналогичные каплевидные подвески, одна из них с цепочкой, и две сердоликовые пронизы, абсолютно идентичные по материалу и технологии изготовления сердоликовым пронизям из звеньев расшивки рукава. Одна из пронизей несет следы кустарного гранения методом ручной шлифовки. Это показывает, что погребенная сама могла производить ремонт ювелирных украшений при потере или разрушении каких-либо основных элементов в них.

На каждом запястье погребенной было надето по браслету из бус (рис. 2: 249-347, рис. 17, 18, пп. 14-15 каталога). В них преобладают бусы из драгоценных камней² и самоцветов, среди которых присутствуют бусы, оправленные в золотые колпачки и обоймы, и золотые бусы. В обоих браслетах доминируют бусы, являющиеся продукцией древнеиранских и индийских ремесленных центров, широко распространенные на территории Ахеменидской державы в V – IV вв. до н.э. Надо отметить, что в браслете с правой руки значительно число бус из самоцветов, изготовленных кустарным способом и вероятно, произведенных в кочевнической среде (бусы из песчаника, человеческого зуба, вставки из гематита-кровавика, прозрачного кварца), а также, что большинство золотых деталей в подвесках и пронизях несут следы интенсивной истертости (сглаживания поверхности орнамента) или неоднократного кустарного ремонта (смена каменных вставок в колпачках и обоймах, замена петелек для подвешивания).

² Термины «драгоценный» камень и «самоцвет» используются применительно к шкале ценностей I тыс. до н.э., а не современной, когда изделия из сердоликов, агатов, лазурита и гагата, безусловно, считались драгоценными. Их ценность была сравнима с золотыми украшениями. «Самоцветом» в то время мог считаться любой камень яркой окраски, удачно обработанный или имеющих природную кристаллическую огранку, о чем свидетельствует наличие в раннесарматских наборах бус экземпляров из мела, мрамора, природных кристаллов пирита, кассетерита, бус из гематита, кремня и других горных пород.

Заключение.

К ювелирным украшениям погребально-го костюма относятся сложные подвески для отделки рукавов платья, височные подвески, перстни и браслеты из бус. Они, по набору характерных признаков (фасетизированные в виде ромба кольца подвесок, широкое использование в декоративной отделке калиброванной зерни, форма обойм и колпачков для оправы каменных бус, использование стиля «клуазоне», техника изготовления сердоликовых пронизей в звеньях и каменных бус из браслетов), безусловно, относятся к изделиям ремесленных центров Ахеменидского Ирана. Исходя из технологии их изготовления, можно предположить, что сложные и составные изделия изготовлялись из элементов, сделанных заранее, т.е. являлись наборными (Аникеева, Шемаханская, Яблонский, 2017, с. 7, 11). Надо отметить, что во всех этих изделиях присутствуют также элементы, характерные для звериного стиля ранних кочевников: подвеска в форме головки барана (звенья расшивки), сдвоенные головки верблюдов (височные подвески), изображение оленя и грифона на щитках перстня, протомы двух баранов (подвеска на правом височном кольце). Присутствуют также элементы, при изготовлении которых использованы как древнеиранские техники, так и изобразительный стиль кочевников: сдвоенные головки верблюдов, шеи которых выполнены из фасетизированного прута (височные подвески), кольца перстней из трех рядов крученой проволоки и их щитки в зверином стиле, головы баранов и их туловища, исполненные в технике клуазоне (правая височная подвеска). Среди бус из браслетов преобладают характерные древнеиранские типы, но встречаются и экземпляры, изготовленные в среде кочевников. Находки в этом же погребении (комплекс под зеркалом) декоративных элементов, абсолютно идентичных присутствующим в височных подвесках и звеньях расшивки (каплевидные подвески и сердоликовые пронизы), заготовок бус и инструментов, которыми они обрабатывались, позволяет говорить, что кочевники могли сами как осуществлять ремонт золотых ювелирных украшений, так и изготавливать каменные бусы, копируя формы и технологию изготовления известных им бус.

Анализ формы, позиций, положения и взаиморасположения разнообразных декоративных элементов, украшавших погребальные одежды позволяет реконструировать:

головной убор – шаль с двухрядной бахромой спереди, расшитую нашивками в форме однотипных розеток, которая спереди закрывала голову и верхнюю половину туловища, а сзади прикрывала спину;

полоску начельника, украшенного двумя параллельными цветными линиями, к которому крепились височные подвески;

плащ (или накидку свободной формы), украшенный на спине сплошными фигурными вышивками из цветного бисера и мелких бусин, с круглыми застежками-нашивками, на поверхности которых изображения в зверином стиле;

платье с длинными прямыми рукавами, высоким декоративным разрезом спереди и шнуровкой на левой стороне. Его поверхность расшита по всей поверхности разнообразными нашивками-розетками, оба рукава украшены вертикальными рядами однотипных прямоугольных нашивок с изображениями в зверином стиле, идущими от плеча до кисти, обшлага рукавов расшиты звеньями сложно-составных подвесок двух типов.

Анализ опубликованных работ по реконструкции костюмов ранних кочевников позволяет предположить наличие длинной рубахи до щиколоток, которая поддевалась под тяжелое, богато украшенное платье и открывалась только в разрезе верхнего платья.

В украшениях погребального костюма также прослеживаются как элементы, широко распространенные в древнеиранской торевтике, так и элементы звериного стиля, характерные для кочевнической среды. Первые представлены разнообразными типами нашивок в форме лепестковых розеток, полыми сферами,

спаянными из двух половинок и украшенными калиброванной зернью, ажурным чехлом из спаянных проволочных петель (бахрома шали). Ко вторым относятся нашивки-застежки верхней одежды с изображением свернувшегося сайгака и нашивки, украшавшие рукава платья, со сценой нападения кошачьего хищника на копытное животное.

Надо отметить также, что головные уборы ранних сарматов Южного Урала и Казахстана представлены высокими конусовидными шапками из тонкого войлока, кожи, шерсти с петельчатым каркасом для украшения его разнообразными металлическими нашивками и пластинами (Алтынбеков, 2013, с. 10, 18. Лукпанова, 2017, 147-148). Головные уборы в виде покрывал или шалей являются характерным элементом женской одежды Ахеменидского Ирана и не известны в кочевнической среде (Яценко, 2006, с. 34-39. Goldman, 1991, р. 98, 102). Замужние дамы носили длинные покрывала, длина которых достигала таза, а спереди декорировалась двумя рядами бляшек (Яценко, 2006, с. 38).

Проведенные реконструкции позволяют говорить о том, что данное захоронение принадлежало женщине, занимавшей высокое социальное положение. Отличительной чертой убранства погребального наряда является органичное сочетание элементов древнеиранской торевтики и скифо-сибирского звериного стиля. Присутствие в одежде характерного головного убора позволяет предположить, что погребенная не являлась коренной сарматкой, а принадлежала к персидским племенам Древнего Ирана.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 130 с.
- Алтынбеков К. Возрожденная из пепла. Реконструкция по материалам погребения жрицы из комплекса Таксай I. Алматы: Остров Крым, 2013. 64 с.
- Аникеева О.В., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Ювелирные шедевры ахеменидской эпохи из гробницы знатной женщины в Южном Приуралье / Ювелирное искусство и материальная культура / Отв. Ред. В. Киджи, И. Поскучаева. СПб: Эрмитаж. 2017. С. 5–11
- Аникеева О.В., Нацкий М.В., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. Ювелирные украшения из погребения знатной женщины (могильник Филипповка 1, курган 1. Погребение 2) // Духовная модернизация и археологическое наследие. Маргулановские чтения – 2018 (Актобе, 19–20 апреля, 2018 г.). Алматы: Актобе. 2018. С. 211–218.
- Влияния ахеменидской культуры в южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) Т. 2 / Отв. ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: ТАУС, 2012. 468 с.
- Лукпанова Я.А. Реконструкция женского костюма из элитного погребения Таксай-1: взгляд археолога // ПА. 2017. № 1(19). С. 145–156.
- Пиеничнюк, А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа. 2013. 280 с.

Трегубов В.Е., Яблонский Л.Т. Горит из Филипповки // КСИА. Вып 233. 2014. С. 64–70.

Яблонский Л.Т. Новые археологические данные об ахеменидских влияниях на Южном Урале // ВДИ. 2016. № 3(76). С. 744–766

Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Российский гос. гуманитарный ун-т; Восточная Литература. 2006. 664 с.

Curtis J., Searight A. 2003. The Gold Plaques of the Oxus Treasure: Manufacture, Decoration and Meaning. In T. Potts, M. Roaf and D. Stein (eds.) Culture. Ritual Objects. Ancient Near Eastern Studies in Honour of P.R.S. Moorey. Oxford, 219–247

Goldman B. 1991. Women's Robes: The Achaemenid Era. BAI. New Series. (5), 83–103.

Информация об авторах:

Аникеева Ольга Викторовна, кандидат геолого-минералогических наук, ведущий научный сотрудник Государственного Научно-Исследовательского института реставрации (г. Москва, Россия); olganikeeva@yandex.ru

Яблонский Леонид Теодорович (1950-2016) доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом скифо-сарматской археологии ИА РАН.

ELEMENTS OF PRIESTESS FUNERAL DRESS FROM FILIPPOVKA I BURIEL GROUND: MATERIALS TO RECONSTRUCTION

O.V. Anikeeva, L.T. Yablonsky

An analysis of materials obtained during excavations of female burial 2 at barrow 1 of Filippovka 1 burial mound allowed to discover a series of items related to the costume of the buried and supplementary adornments. The analyzed design, arrangement, location and relative positions of various decorative elements adorning the funeral wear allowed to reconstruct the following clothing articles: a shawl or long sheet, a headband, a cloak or cape, and a dress. A review of publications on reconstruction of early nomad costumes revealed the probable discovery of an ankle-length shirt. The performed reconstructions indicate that the buried is a woman of a high social standing. The characteristic feature of the funeral costume's adornments is the organic combination of ancient Iranian toreutics and Scythian-Siberian animal style. The presence of characteristic headwear in the clothing suggests that the deceased woman was not an indigenous Sarmatian, but rather belonged to the Persian tribes of ancient Iran.

Keywords: archaeology, early nomads of the Southern Cis-Urals, priestess, functional purpose of various decorative elements

About the Authors:

Anikeeva Olga V. Candidate of Geological and Mineralogical Sciences, Leading research scientist, department of monumental sculpture, State Research Institute for Restoration, Gastello St., 44/1, 107014 Moscow, Russian Federation, olganikeeva@yandex.ru

Yablonsky Leonid T. Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Scythian-Sarmatian department, Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences.

Рис. 1. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Общий план погребения. 1 – горит, 2 – комплекс в коробе, 3 – комплекс под зеркалом, 4 – деревянный сосуд с серебряными накладками, 5 – комплекс с палитрами, 6 – обработанные деревянные блоки.

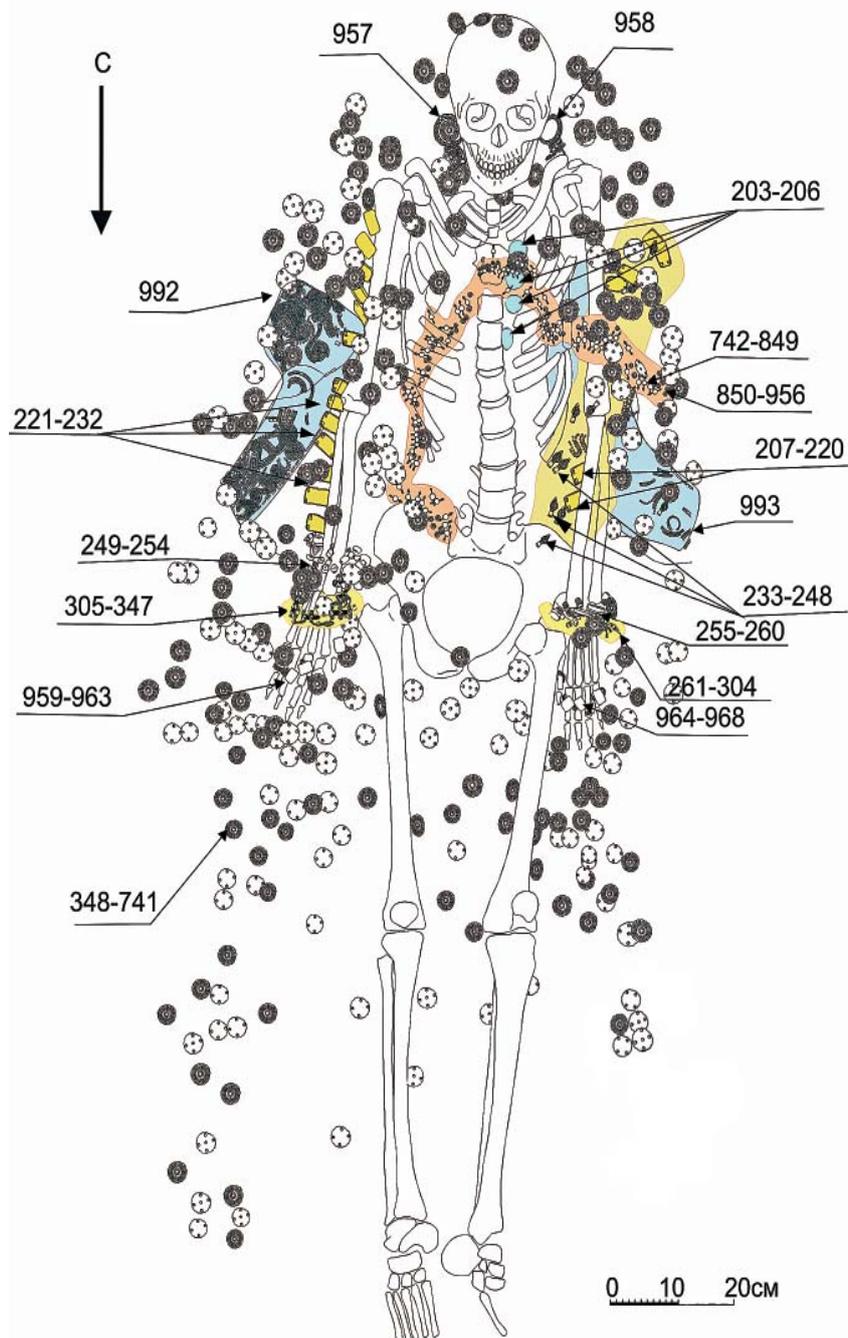

Рис. 2. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Чертеж скелета с указанием находок, использованных при реконструкции погребального костюма. **Условные обозначения:** **Платье** ■ 207-220 – нашивки прямоугольные; 221-232 – нашивки прямоугольные; 233-248 – пистоны-навершия; 249-254, 255-260 – звенья расшивки по кромке рукавов; 348-741 – нашивки-розетки. **Плащ или накидка** ■ 203-206 – круглые нашивки-застежки; 992, 993 – две полосы вышивки бисером на рукавах платья. **Шаль** ■ 348-437 – нашивки-розетки; 742-849 – нашивки «сфера с петелькой»; 850-956 – нашивки круглые в сечении. **Ювелирные украшения:** 261-304 – браслет из бус; 305-347 – браслет из бус; 957 – височное кольцо; 958 – височное кольцо; 959-963 – перстни; 964-968 – перстни.

Рис. 3. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Подвеска из двухрядной бахромы шали.

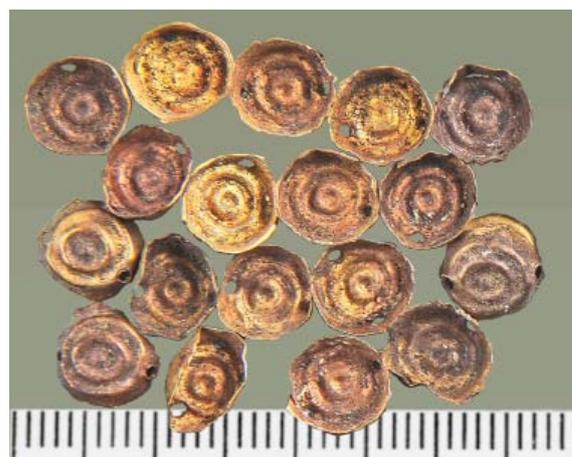

Рис. 4. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Нашивки от двухрядной бахромы шали.

Рис. 5. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Нашивка застежка от плаща или свободной накидки.

Рис. 6. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Нашивки - розетки для расшивки: 1 – поверхности шали, 1-4 – поверхности платья.

Рис. 7. Могильник Филиповка 1 курган 1 погребение 2. Полоса вышивки из цветного бисера in situ, в правой части скелета

Рис. 8. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Полоса вышивки из цветного бисера in situ, в левой части скелета

Рис. 9. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Звено расшивки обшлага правого рукава платья

Рис. 10. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Звено расшивки обшлага левого рукава платья.

Рис. 11. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Нашивка из вертикального ряда, украшавшего левый рукав платья.

Рис. 12. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Нашивка из вертикального ряда, украшавшего правый рукав платья.

Рис. 13. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Навершия-пистоны от шнуровки платья.

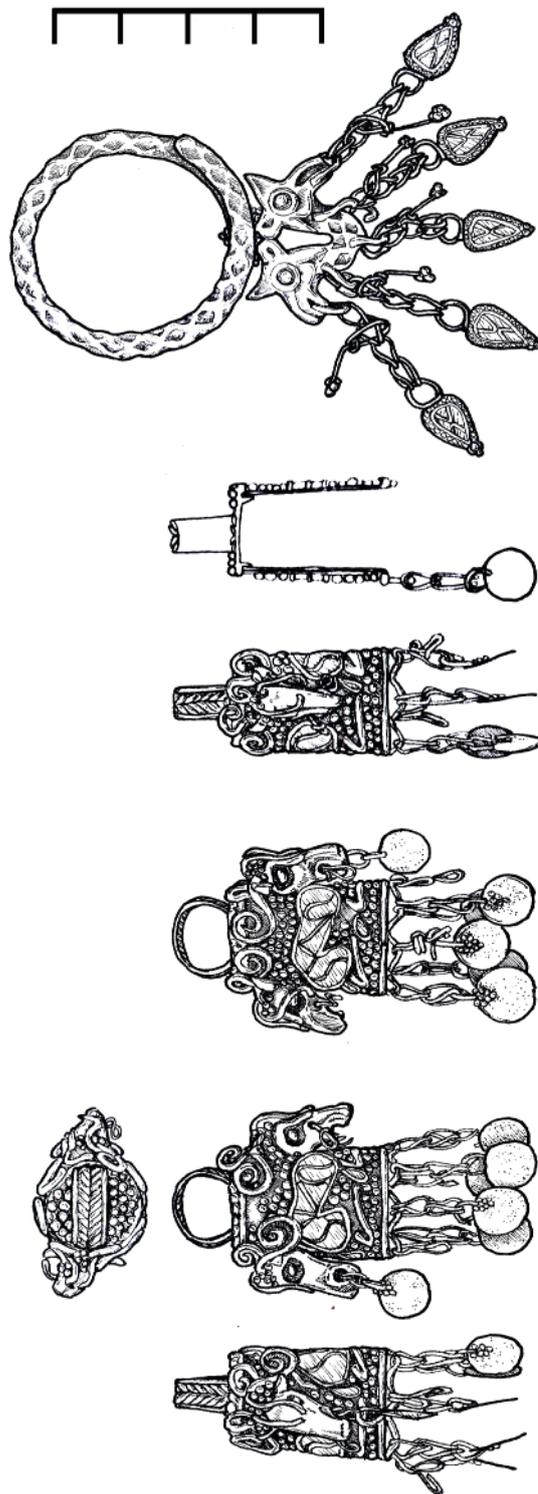

Рис. 14. Могильник Филиповка 1 курган 1 погребение 2. Правос височное кольцо.

Рис. 15. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Левое височное кольцо.

Рис. 16. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Перстень.

Рис. 17. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Браслет из бус вокруг левой кисти *in situ*

Рис. 18. Могильник Филипповка 1 курган 1 погребение 2. Браслет из бус вокруг левой кисти *in situ*

УДК 903.26

БРОНЗОВЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ СТАТУИ САНЬСИНДУЯ И РИТУАЛЬНЫЕ ОДЕЯНИЯ ДРЕВНЕГО ЦАРСТВА ШУ

© 2019 г. А. В. Варенов

Рассмотрены находки культуры Саньсиндуй эпохи бронзы из пров. Сычуань (КНР) – антропоморфные статуи, встреченные в жертвенной яме JK2 на эпонимном памятнике. Автор считает статуями ростовые изображения человека (а не отдельных частей его тела, например, голов) общей высотой не менее 50 см, смонтированные из предварительно отлитых деталей. Отлитые в один прием изваяния меньшего размера он предлагает называть статуэтками. Эволюция антропоморфной скульптуры Саньсиндуя может быть разделена на две-три стадии. Финальная стадия представлена бронзовой статуей стоящего на постаменте человека. Ей предшествовала стадия деревянной антропоморфной скульптуры с накладными бронзовыми деталями. Еще раньше могла существовать чисто деревянная скульптура. Конструктивные особенности бронзовых антропоморфных статуй Саньсиндуя позволяют синхронизировать время их создания с бытованием бронзовых масок типов А и С, а также бронзовых «деревьев духов» № 2 и № 1, поскольку при их изготовлении применялись одни и те же технологические приемы. Статую человека с птичьими когтями на ногах, в которых зажаты змееподобные существа с птичьими головами, предложено интерпретировать при помощи древнеиндийского мифа о Гаруде. Статуя в зооморфном головном уборе рассматривается как иллюстрация мифа о владыке саньсиндуйского подземного мира. Предположение, что в кулаках стоящей бронзовой статуи из Саньсиндуя зажаты нефритовые регалии цун автор считает недостаточно обоснованным.

Ключевые слова: Китай, бронзовый век, культура Саньсиндуй, пров. Сычуань, антропоморфные статуи, жертвенные ямы, бронзолитейное искусство, одежда, мифология, ритуал.

Введение

Саньсиндуй – своеобразная культура эпохи развитой бронзы на равнине Чуаньси, в окрестностях г. Чэнду, административного центра пров. Сычуань в КНР. Яркую самобытность ей придает наличие художественного бронзового литья. Практически все известные бронзовые изделия Саньсиндуя происходят из двух жертвенных ям JK1 и JK2, обнаруженных на территории эпонимного городища, которое китайские исследователи называют столицей упоминаемого в летописях древнего царства Шу (Сыма Цянь, 1972, с. 185). Из числа находок в жертвенных ямах, которые мы считаем намеренно захороненным инвентарем двух последовательно существовавших и уничтоженных храмов, наибольшее внимание всегда привлекали стоящая на постаменте крупная статуя и другие антропоморфные скульптуры. Именно они рассмотрены в данной статье. Предполагается описать одеяния бронзовых антропоморфных статуй, технологию их отливки, привязать к одному из выделенных нами ранее этапов эволюции бронзолитейного искусства Саньсиндуя, найти возможные истоки саньсиндуйской скульптуры и попытаться раскрыть ее семантику.

Бронзовые антропоморфные статуи

В данной статье мы предлагаем считать антропоморфными статуями смонтированные из отлитых отдельно деталей ростовые изображения человека (а не отдельных частей его тела, например, голов), общая высота которых (с учетом утраченных ныне элементов) превышала 50 см. Ростовые изображения человека меньшего размера, и отлитые целиком, в один прием, мы предлагаем называть статуэтками. Всего в Саньсиндуде обнаружено три антропоморфных статуи, все три происходят из второй жертвенной ямы JK2 (Саньсиндуй, 1999, с. 162–173).

Большая статуя стоящего на постаменте человека – 1 экз. Обр. K2(2):149, K2(2):150. Скульптура общей высотой 260,8 см представляет собой стоящего на постаменте человека (рис. 1: 1). К моменту обнаружения она была разломана на две части, обломок с постаментом и ногами человека лежал в юго-восточном углу жертвенной ямы JK2, верхняя часть его тела – в северо-западном углу. Статуя стоящего человека имеет высоту от подошв ног до макушки головного убора 180 см (Саньсиндуй, 1999, с. 162–164). Тело человека тощее и длинное, стройное и высокое. Руки большие и грубые, их кисти согнуты.

ты, будто что-то держат, левая сбоку от груди, в районе подмышки, правая поднята вверх к подбородку (рис. 2). Овал лица статуи удлиненный, большие глаза с густыми бровями, прямой нос, плотно сжатый рот, в мочках оттопыренных ушей по сквозному отверстию (рис. 3).

На голове человека цилиндрический головной убор, украшенный двумя рядами «полых» прямоугольников с закругленными углами, над его передней частью вздымается плюмаж или эгрет в виде стилизованной зооморфной личины (рис. 4, выделен синим цветом). На затылке отчетливо видна линия волос, и два наклонных прямоугольных отверстия, в которые первоначально вставлялась головная шпилька. На тело одето три слоя одежды, на лодыжках босых ног браслеты (рис. 4, выделены малиновым цветом). Китайские археологи всю одежду стоящего на постаменте человека считают разрезной, с запахом на правую сторону. На наш взгляд, это не так. Насколько можно судить, вся одежда статуи глухая.

Самый верхний ее слой представлен рубашкой с одним коротким правым рукавом, вырезом от правого плеча до левой подмышки и длиной от шеи до низа 75,6 см (рис. 4, выделена желтым цветом). На правом боку разрез от подмышки до низа рубахи, низ прямой. Поверх рубахи надета длинная лента, которая, начинаясь от узла в районе правой лопатки, проходит через правое плечо, по груди, через левую подмышку до узла в районе левой лопатки (рис. 4, выделена синим цветом). Между двух узлов на спине статуи есть квадратное (возможно, технологическое) отверстие. На рубаху нанесен негативный орнамент: с левой стороны четыре попарно симметричных, как полагают китайские исследователи, дракона (по нашему мнению – птицы). Линия симметрии проходит по левому боку. На правом боку, по обе стороны от разреза рубахи, два ряда небольших зооморфных личин в зубчатых коронах, отделенных от драконов (птиц) полосами, заполненными полыми ромбами. Эти полосы и ряды продолжают вплоть до шейного выреза и правого рукава рубахи.

Одежда среднего слоя короче, длиной 68 см, поэтому из-под верхней (условно, желтой) рубахи видны только ее ворот с треугольными (V-образными) вырезами на груди и на спине, полностью левый и часть правого коротких рукавов и небольшой участок правой боковины с разрезом и двумя небольшими квадратными отверстиями под мышкой (рис. 4, выде-

лена оранжевым цветом). Со спины, на левом плече расположен узор дракона. Внутренний слой одежды самый длинный, спереди длиной 114,4, сзади – 132 см (рис. 4, выделена зеленым цветом). У нее длинные орнаментированные рукава, доходящие до запястий, на каждом из которых одето по три браслета (рис. 4, выделены малиновым цветом). Судя по всему, нижняя (условно, зеленая) рубаха имела разрезы на правом и на левом боках от подмышек до низа. Спереди ее подол прямой, покорооче, сзади довольно длинный, с обеих сторон его полы свисают до лодыжек статуи. И спереди, и сзади «зеленая» рубаха украшена одинаково: непосредственно ниже верхней (условно желтой) рубахи стилизованные зооморфные личины (маски тао-те), а под ними – по четыре перевернутых зооморфных личины в зубчатых коронах.

Антропоморфная статуя с зооморфным головным убором – 1 экз. Обр. К2(3):264. Изделие повреждено, сохранилась верхняя половина человеческой фигуры общей высотой 40,2 см (рис. 5: 1). На человека надета шапка в виде звериной головы. С обеих сторон головного убора под углом вверх вздымаются длинные уши животного, в центре деталь в виде слоновьего хобота. Ниже ушей по обеим сторонам головного убора – глаза животного. Прямоугольная в сечении морда вытянута вперед, близ ее устья (ртом или пастью этот проем назвать сложно) сверху, снизу и справа по небольшому круглому отверстию, вокруг устья две негативные линии, а с боков пасти расположено по круглой розетке. С обеих сторон по бокам шеи животного отлито по U-образному узору, в центре которого идет вертикальная линия, а справа и слева от нее – зубчатый орнамент. Человеческая фигура по стилю исполнения и положению рук сходна с большой бронзовой статуей стоящего на постаменте человека: густые брови, большие глаза, прямой нос, плотно сжатый рот, в мочках ушей обозначены, но не пробиты насквозь отверстия, шея длинная и прямая (рис. 6). Плечи прямые, ровные, обе согнутые в локтях руки вытянуты вперед, правая рука чуть выше, левая ниже. Тело человеческой фигуры одето в запахнутый направо двубортный халат (или рубаху), дважды опоясанный по талии застегнутым спереди поясом. Спереди и сзади халат покрыт узорами в виде меандров, на обоих рукавах зооморфный узор. Ширина между локтями человеческой фигуры 18,4 см (Саньсиндуй, 1999, с. 164–159).

Статуя человека с птичьими когтями на ногах – 1 экз. Обр. К2(3):327. У статуи отсутствует верхняя половина туловища. Ее ноги, заканчивающиеся птичьими когтями, прилиты к птичьим головам змееподобных существ (рис. 5: 3). Нижняя часть тела плотно завернута в узкую короткую юбку (возможно, нижнюю часть халата), по центру которой спереди проходит вертикальный шов. Юбка украшена орнаментом, составленным из ромбических меандров, бахромы (?) или широкая нижняя кайма – узором вертикальных линий. Узор на юбке и телах змееподобных существ густо окрашен алой киноварью. Голени двух крепких ног покрыты негативным орнаментом, заполненным черным пигментом (рис. 7). Острые птичьи когти обеих ног вцепились в птичьи головы двух змееподобных существ. Эти головы с большими глазами и крючковатыми хищными клювами непосредственно переходят в длинные «змеиные» тела. С боков они украшены двумя рядами мелкого меандра, начинаясь от горла, по брюшку проходит длинный прямой гребень с узором прорезных «перьев», достигающий острого кончика хвоста. Сохранившаяся высота человеческой фигуры 30 см, высота птиц-змей 51,4 см, общая ширина 10,8 см, общая высота 81,4 см (Саньсиндуй, 1999, с. 169).

Относительная хронология и происхождение статуй Саньсиндуй

Бронзовые антропоморфные статуи Саньсиндуй в жертвенной яме JK2 представлены единичными экземплярами, а в жертвенной яме JK1 статуй вообще нет, что ограничивает возможности разработки их типологии и создания относительной хронологии. Однако тождество использованных при отливке антропоморфных статуй технологических приемов с методами создания некоторых типов больших бронзовых масок и «деревьев духов» позволяет их синхронизировать, и тем самым привязать статуи к разработанной нами ранее относительной хронологии бронзовых масок и деревьев (Варенов, Гирченко, 2013, с. 27–29; 2015, с. 18–20).

Постамент большой антропоморфной статуи состоит из трех деталей: основания, ножек и платформы. Пирамидальное основание постамента изготовлено из отлитых отдельно и сваренных вместе пяти плоских деталей: четырех стенок и верха. Ножки постамента также смонтированы из четырех отдельных частей. Вертикальные литейные швы проходили через каждую из ножек,

прямо по центрам образующих их «драконовых» голов, через их слоновьи хоботы. Сверху к ножкам прилита платформа. Статуя стоящего на платформе человека создана путем отдельной отливки и соединения верхней и нижней частей человеческой фигуры. На теле скульптуры в районе пояса есть поперечный литейный шов, заметный благодаря отсутствию в этом месте орнамента на одежде и нестыковке отдельных деталей декора. Нижняя часть человеческой фигуры отлита в трехстворчатой форме. Из трех продольных вертикальных литейных швов два расположены по ее бокам, а третий – вдоль центра лицевой части. Левая и правая руки также отлиты отдельно, поскольку в районе плеч есть по литейному шву. На подошвах левой и правой ног сделано по выступу для прикрепления к платформе постамента (рис. 8: 1).

У статуи с зооморфным головным убором отдельно отлиты длинные звериные уши головного убора и его центральный элемент в виде слоновьего хобота. Так же, как и у стоящей на пьедестале большой статуи, отдельно отливались и сжатые в кулаки руки. Головной убор, голова и тело человека у этой статуи представляют собой единую деталь, отлитую в двусторчатой форме. Вертикальный литейный шов проходил через центр лица, его лоб, нос и губы, и особенно заметен на затылке, в районе прически. Все предварительно отлитые элементы были вставлены в специальные прорезы на головном уборе и теле человека и закреплены там при помощи покровного литья (рис. 5: 1). Статуя человека с птичьими когтями на ногах смонтирована из пяти отлитых отдельно частей: двух птиц-змей, двух ступней, заканчивающихся когтями птичьими лапами и одетой в юбку нижней половины человеческого тела (включая и ноги до щиколоток). Птицы-змеи были прилиты к схватившим их когтистым лапам, а последние закреплены в двусторчатой форме для отливки человеческого тела. Вертикальные литейные швы прошли спереди и сзади по центру юбки (рис. 5: 3).

Технологические приемы, примененные при создании статуи стоящего на пьедестале человека, статуи с зооморфным головным убором и статуи с птичьими когтями на ногах совпадают с приемами, использованными для отливки бронзовых масок типов А и С. В последнем случае предварительно отлитые элементы (уши) вставлялись в специальные прорезы, сформированные в процессе отливки на лицах, и закреплялись там методом покров-

ного литья (Варенов, Гирченко, 2013, с. 21). Похожие методы соединения предварительно отлитых деталей использованы и при создании бронзовых «деревьев духов». Особенно обращает на себя внимание сходство загнутых вверх концов составленных из двух симметричных половинок «слоновых хоботов» ножек постамента стоящей статуи и точно так же загнутых вверх концов составленных из двух симметричных деталей «корней» (т.е., тех же ножек) деревьев № 1 и № 2 (Варенов, Гирченко, 2015, с. 15). Сходство технологии позволяет синхронизировать создание статуй Саньсиндуга со II стадией эволюции бронзовых масок и бронзовых деревьев. К этому же времени относятся и III-IV стадии эволюции бронзовых сосудов Саньсиндуга (Варенов, Гирченко, 2014, с. 33–35).

Принадлежность стоящей на постаменте статуи ко II этапу развития бронзолитейного искусства Саньсиндуга позволяет поставить вопрос о ее предшественнике. На наш взгляд, по аналогии с относящимся к I этапу деревом № 3, им могла быть деревянная статуя с накладными бронзовыми элементами. Деталью деревянной статуи-предшественницы в Саньсиндуге, скорее всего, являлась бронзовая голова типа Bb, найденная в жертвенной яме JK2 (Варенов, Гирченко, 2012, с. 15–16). От бронзовых голов иных типов ее отличает цилиндрический головной убор с обломанным верхом, украшенный «полыми» прямоугольниками, аналогичный нижней части шапки стоящей статуи. Голова типа Bb примерно такого же размера, как и большинство других бронзовых голов, но меньше головы стоящей на постаменте бронзовой статуи (рис. 1: 2–4). Аналогично, деревянное, с бронзовыми накладками «дерево духов» № 3 меньше более позднего цельнометаллического варианта – дерева № 2, а то меньше, чем самое позднее дерево № 1.

Еще более ранним элементом типологического ряда могла быть деревянная статуя без бронзовых деталей, не дошедшая до наших дней. Как она примерно выглядела, позволяет представить современное изображение идола чичипкан из Эвенкии, охранявшего от дурного глаза и недоброежелательных злых духов (рис. 8: 5). Высота и диаметр идола чичипкан соответствуют основным размерам стоящей статуи из JK2 (вместе с постаментом), а совпадение их контуров свидетельствует, что изваяние из Саньсиндуга сохранило при переводе в бронзу не только основные размеры, но и пропорции деревянного прототипа, отлича-

ющиеся от пропорций тела живого человека (рис. 8: 4).

«Необычные» черты, которые так удивляют зрителей в лицах саньсиндугских статуй – крупные выпуклые ребристые глаза, прямые носы, широкие брови, плотно сжатые рты – являются просто результатом перевода в металл изображений, первоначально изготовленных в иной технике, а именно – методом резьбы по дереву. Поскольку создание деревянных статуй, подобных этнографическому эвенкийскому чичипкану, не требовало каких-то специальных навыков или сложных инструментов, их можно смело считать местной сычуаньской спецификой, и не искать истоки саньсиндугской статуарной традиции где-то далеко на Ближнем или Среднем Востоке, как это делают некоторые китайские авторы.

Интерпретация бронзовых статуй Саньсиндуга

Ранее мы наметили два возможных пути реконструкции мировоззрения древних на археологическом материале: 1) соотнесение сложной композиции с законченным мифологическим текстом; 2) интерпретация, исходящая из структуры самого изделия, а также мифологических и ритуальных аналогий из других культур (Варенов, Гирченко, 2009, с. 245–247). В данной статье задействованы оба подхода. К сожалению, памятники китайской мифологии привлечь к интерпретационной работе оказалось невозможно, ввиду почти полного отсутствия таковых, т.е. свидетельств современных письменных источников о районе Сычуани конца II – начала I тыс. до н.э. (Познер, 1981, с. 208–209).

Статуя человека с птичьими когтями на ногах находит параллели в мифологии древней Индии. Там прародителя и царя всех птиц, божественного орла Гаруду, вахану (ездовое животное) Вишну, представляли с человеческим телом, одетым ниже пояса в узкую юбку (типа саронга), но с птичьим клювом вместо носа на лице, с крыльями и когтистыми лапами, которыми заканчиваются ноги (Гринцер, 1991, с. 266). Мифологемы о Гаруде хорошо объясняют особенности изображения существ, которых статуя из Саньсиндуга держит в своих когтистых лапах. Китайские исследователи единодушно объявляют их «птицами». Но «птичьими» у данных созданий только головы с клювами. Тела же вполне «змеиные» или «драконьи», и нет даже намеков на птичьи крылья или лапы.

По версии, изложенной в «Махабхараते» (Кн. I), Вината, мать Гаруды, вместе с ним обманом попала в рабство к своей сестре Кадру, матери тысячи змеев-нагов, и ее потомству (Темкин, Эрман, 1982, с. 66–67, 250). Саньсиндуйская статуя может иллюстрировать одну из следующих мифологем, связанных с Гарудой: 1) перенос змей на остров посреди океана; 2) похищение у богов амриты по приказу змей. В первом случае Кадру и змеи потребовали, чтобы Гаруда перенес их на прекрасный остров посреди океана, что и было исполнено. Птичьи, с клювами головы змееподобных существ в когтях у саньсиндуйского изваяния могут отражать тот факт, что, на самом деле, Гаруда и змеи-наги – единокровные братья. У них общий отец, мудрец Кашьяпа, а матери – родные сестры.

В другой легенде, в качестве условия освобождения из рабства Гаруды и его матери змеи выдвинули похищение для них у богов напитка бессмертия – амриты. Гаруда проник на небеса, уменьшившись, проскочил между спицами большого колеса с острыми, как ножи, краями, которое, непрерывно вращаясь, преграждало доступ к амрите, и, снова увеличившись, растерзал своими когтями двух страшных драконов, стерегущих сосуд с амритой (Темкин, Эрман, 1982, с. 70). В пользу данной версии может говорить присутствие среди саньсиндуйских находок в яме JK2 нескольких бронзовых колес диаметром 84–85 см с пятью спицами каждое (и, в силу этого, как деталь транспортного средства нефункциональных) (Саньсиндуй, 1999, С. 235). С другой стороны, драконы в Саньсиндуде изображаются с лапами, зубастыми пастьями, а иногда и с рогами (Варенов, Гирченко, 2017, С. 286–287). Есть в Саньсиндуде и вполне реалистичные изображения змей (Варенов, Гирченко, 2017, с. 285).

Зооморфный головной убор другой бронзовой статуи представляет одно из существ саньсиндуйской мифологии (рис. 5: 2). И у существа, и у головного убора длинные, торчащие в стороны под углом уши, между которыми на лбу помещена деталь в виде закручивающегося на конце вперед рога или хобота и вытянутая морда с широко раскрытой беззубой пастью. По сторонам пасти в том и в другом случае расположено по круглой розетке с вписанным в нее звездчатым символом, а ниже головы по бокам шеи – U-образные узоры. Продолговатые глаза с опущенными вниз закругленными углами также в обоих случаях идентичны.

Скульптурное изображение фантастического существа является деталью «священного алтаря», который можно считать моделью мироздания, как его себе представляли саньсиндуйцы (Гирченко, Варенов, 2015, с. 215–216). Размещенное в его самом нижнем ярусе зооморфное существо, которое крупнее всех других фигур данной композиции, явно носило хтонический характер, изображая владыку подземного мира. Тогда статуя в зооморфном головном уборе представляет этого же владыку, но в его антропоморфной ипостаси.

Данное изваяние может свидетельствовать и о наличии в Саньсиндуде ритуального действия, схожего по форме с японским театром масок гигаку или с мистерией цам. В шаманских практиках также используются маски и/или рогатые головные уборы, подчас весьма схожие с саньсиндуйскими, что, скорее всего, отражает шаманскую подоснову саньсиндуйских верований. Приведенный в качестве примера головной убор тувинского шамана (рис. 5: 4) похож и на стоящую на постаменте большую статую из Саньсиндуды (цилиндрическая основа с воткнутым в нее вертикально пучком перьев), и на статую в зооморфном головном уборе (личина и торчащие в стороны по бокам от нее «рога» из веточек и лент). Все эти атрибуты (рога, перья, личины) несли защитные функции и служили для запугивания злых духов (Вайнштейн, 1991, с. 271).

Однако нам не известны примеры, чтобы шаман для запугивания своих потусторонних противников применял маскировку, скажем, под владыку подземного мира Эрлика. А именно такую маскировку и отражает саньсиндуйская статуя в зооморфном головном уборе. Кроме того, отправление культа в Саньсиндуде происходило в стенах пышно обставленного антропоморфными статуями и другими бронзовыми атрибутами храма (Варенов, Гирченко, 2012, с. 18–19), для которого должны быть характерны регулярные богослужения с устойчивым ритуалом, и где шаманские практики, основанные на личном экстатическом опыте и экспромте, оказываются малоприменимы.

Откуда же взялось широко распространенное представление о «саньсиндуйских шаманах»? Первая заметка о стоящей на постаменте крупной статуе увидела свет в одном номере журнала «Вэнь» со статьей о раскопках жертвенной ямы JK1 (Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань, 1987; Шэнь Чжунчан, 1987), т.е., гораздо раньше, чем оказалось издано

предварительное сообщение обо всех остальных материалах жертвенной ямы JK2, где статуя и обнаружена (Эр Чэнь, 1989; Саньсиндуй яньцзю, 2006, с. 180–210). Статья об уникальной находке была немедленно переведена на английский язык для одного из самых авторитетных синологических журналов «Early China» (Shen Zhongchang, 1988, p. 291–295). Многие положения этой первой предварительной публикации (не всегда, заметим, надежно обоснованные, вроде утверждения, что на ножках постамента изображена перевернутая маска тао-те) впоследствии неоднократно воспроизводились в китайских и зарубежных исследованиях, посвященных бронзам Саньсиндуя. В частности, именно с легкой руки Шэнь Чжунчана за стоящим на пьедестале изображением закрепилось прозвание «жреца», «шамана», «вождя» или даже «правителя». Основанием для подобных титулов послужило «убеждение» автора, что статуя сжимает в руках нефритовые регалии цун – квадратные в поперечном сечении изделия с круглым сквозным отверстием. Им посвящена почти половина его статьи.

Опираясь на цитату из «Чжоу ли» об использовании желтого цун в ритуале почитания Земли и рассуждения Чжан Гуанчжи, что круглость и квадратность цун представляют Небо и Землю, а ось, проходящая через отверстие регалии, соответствовала Столпу (Опоре) Неба и Земли, по которому шаман осуществлял связь между двумя мирами, Шэнь Чжунчан предположил, что в бронзовые кулаки статуи из Саньсиндуя, якобы сжимающие цун, мог быть вставлен деревянный шест «для связи с Небом и Землей», а сама она представляла проводящего церемонию шамана или даже царя древнего Шу в роли верховного жреца (Шэнь Чжунчан, 1987, с. 17). Нам уже приходилось указывать, что оси колец, образуемых ладонями большой статуи из Саньсиндуя, находятся в разных плоскостях, так что продеть шест соответствующего ширины ладоней диаметра сразу через оба кольца невозможно, а шест меньшего диаметра из них просто вывалится (Варенов, Гирченко, 2015, с. 21). Кроме того, графическая реконструкция свидетельствует, что такой «соединяющий Небо и Землю» шест отклонялся бы в руках статуи от вертикали примерно на 40 градусов (рис. 8: 2).

Нефритовые регалии цун на памятниках эпохи бронзы очень редки. В жертвенных ямах Саньсиндуя обнаружен только один цун – в JK1, где нет бронзовых антропоморфных

статуй со сжатыми кулаками. Высота данной регалии 7,6 см, ширина боковых граней 6,5 см, диаметр отверстия 5,2–5,4 см (Саньсиндуй, 1999, с. 80–82). Она приходится на 48 ритуальных нефритовых изделий иных видов, а всего нефритов в JK1 129 экземпляров (Саньсиндуй, 1999, с. 61). В яме JK2, при сопоставимом общем количестве нефритовых артефактов (115 экз.) цун среди них вообще нет. В «могиле Фу-хао» на Иньском городище в Аньяне найдено 14 цун трех разных типов, приходящихся на 755 нефритовых изделий (в том числе, 175 «ритуальных» нефритов) (Иньской Фу-хао му, 1980, с. 114–116). Правда, схожих по пропорциям и размерам с цун из Саньсиндуя, высотой 6,5 и 4,9 см и с диаметром отверстий 5,7 и 6,5 см среди них только два.

Реконструировать варианты применения «кубических» цун эпохи бронзы, высота которых примерно равна ширине их стороны, по жертвенным ямам Саньсиндуя или по могиле Фу-хао невозможно, а значит, предположение Шэнь Чжунчана, что в ходе какого-то ритуала цун полагалось держать зажатым в руках – всего лишь ничем не обоснованная догадка. Если судить по погребению M3 со стоянки Сыдунь позднеолитической культуры Лянчжу, где встречено 33 «длинных» цуна, высота которых в несколько раз больше ширины их боковых граней (рис. 9), то, похоже, что данные регалии, лежавшие рядами вдоль тела умершего, первоначально были нанизаны на какие-то шнуры или ленты, или нашиты на погребальный покров (Чжу Цзуньго, Ли Вэньмин, Цянь Фэн, 1984, с. 114).

Исходя из того, что меньшие по размеру бронзовые статуи из JK2 изображали владыку подземного мира «Ямараджу/Чойджала» и правителя небесного мира пернатых «Гаруду», логично допустить, что самая крупная из дошедших до нас статуй саньсиндуйского храма представляла верховное божество создавшего ее народа. Главная отличительная черта этого персонажа – украшенный плюмажем или эгретом цилиндрический головной убор-корона имеется и у плоской антропоморфной нефритовой головки из большой могилы в Синьгань пров. Цзянси (рис. 8: 3) (Синьгань, 1997, с. 156–158). Понятно, что одеяния представленных саньсиндуйскими статуями божеств древнего царства Шу должны были достаточно адекватно передавать особенности одежды его высших социальных слоев – правителей и жречества.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. М.: Наука, 1991. 296 с.
- Варенов А.В., Гирченко Е.А. Культовые бронзы Саньсиндуня и пути их семантической интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий Т. XV. / Под.ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 246–251.
- Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые головы из жертвенных ям Саньсиндуня и реконструкция деталей интерьера древних храмов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 4: Востоковедение. С. 10–19.
- Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые маски, маскоиды и личины из жертвенных ям Саньсиндуня // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, вып. 4: Востоковедение. С. 19–30.
- Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые сосуды из жертвенных ям Саньсиндуня // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т.13, вып. 4: Востоковедение. С. 26–39.
- Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые деревья из жертвенных ям Саньсиндуня // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 4: Востоковедение. С. 13–23.
- Варенов А.В., Гирченко Е.А. Бронзовые змеи и драконы из второй жертвенной ямы Саньсиндуня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 284–288.
- Гирченко Е.А., Варенов А.В. Бронзовые «священные алтари» и «святые места духов» из жертвенных ям Саньсиндуня // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. XXI. С. 214–219.
- Гринцер П.А. Гаруда // Мифы народов мира. Т. 1. / Гл. ред. Токарев С. А. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 266.
- Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984. 201 с.
- Познер П.В. Царства Ба и Шу по материалам «Шуцзина», хроники «Чуньцю» и «Шицзи» Сыма Цяня // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века / Редкол.: М.В. Крюков, М.В. Софронов, Н.Н. Чебоксаров. М.: Наука, 1981. С. 208–223.
- Сыма Цянь. Исторические записки. Т. I. М.: Наука, 1972. 440 с.
- Темкин Э.Н., Эрман В.Г. Мифы древней Индии. М.: ГРВЛ, 1982. 272 с.
- Hsia Nai. 1986. The Classification, Nomenclature and Usage of Shang Dynasty Jades. In *Studies of Shang Archaeology. Selected Papers from the International Conference on Shang Civilization*. New Haven and London: Yale University Press., 207–236.
- Shen Zhongchang. A Preliminary Report on the Standing Bronze Figure from Sacrificial Pit Number Two, Sanxingdui. In *Early China*. 1988. vol. 13, 291–295.
- Иньсюй Фу-хао му. 殷墟婦好墓 (Могила Фу-хао на Иньском городище). Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 1980. 242 с., XL, CLXXXVIII л. илл.
- Саньсиндуй цзисыкэн. 三星堆祭祀坑 (Жертвенные ямы Саньсиндуня). Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 1999. 628 с.
- Саньсиндуй яньцзю. 三星堆研究 (Исследования Саньсиндуня). Т.1. Чэнду: Тяньди чубаньшэ, 2006. 282 с., 32 л. илл.
- Синьгань шандай даму. 新干商代大墓 (Большая шанская могила из Синьганя). Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 1997. 334 с., LXXXVIII л. илл.
- Чжунго тунци цюаньцзи. 中国铜器全集 (Полное собрание бронзовых изделий Китая). Пекин: Вэньчу чубаньшэ, 1994. Т. 13. Ба-Шу. 32, 180, 54 с.
- Чжу Цзуньго, Ли Вэньмин, Цянь Фэн. 1982 нянь Цзянсу Чанчжоу Уцзинь Сыдунь ичжи дэ фацзюэ 汪遵国, 李文明, 钱锋. 1982年江苏常州武进寺墩遗址的发掘 (Раскопки стоянки Сыдунь в уезде Уцзинь г. Чанчжоу пров. Цзянсу в 1982 г.) // Каогу. 1984. № 2. С. 109–129.
- Чэнь Дэань. Саньсиндуй: гу Шу вангодэ шэнди 陈德安. 三星堆: 古蜀王国的圣地 (Саньсиндуй: священная земля древнего царства Шу). Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2000. 124 с.
- Чэнь Дэань, Чэнь Сяньдань. Гуанхань Саньсиндуй ичжи ихао цзисыкэн фацзюэ цзяньбао 陈德安, 陈显丹. 广汉三星堆遗址一号祭祀坑发掘简报 (Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы № 1 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань) // Вэньчу. 1987. № 10. С. 1–15.

Шэнь Чжунчан. Саньсиндуй эрхао цзисыкэн циньтун лижэнь сян чуцзи 沈仲常。三星堆二号祭祀坑青铜立人像初记 (Предварительное сообщение о бронзовой статуе стоящего человека из жертвенной ямы № 2 в Саньсиндуйе) // Вэнью. 1987. № 10. С. 16–17.

Эр Чэнь. Гуанхань Саньсиндуй ичжи эрхао цзисыкэн фацзюе цзяньбао 二陈。广汉三星堆遗址二号祭祀坑发掘简报 (Краткий отчет о раскопках жертвенной ямы № 2 на стоянке Саньсиндуй в уезде Гуанхань) // Вэнью. 1989. № 5. С. 1–20.

Информация об авторе:

Варенов Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры востоковедения. Новосибирский государственный университет (г. Новосибирск, Россия); avvarenov@mail.ru

BRONZE ANTHROPOMORPHIC STATUES OF THE SANXINGDUI AND RITUAL GARMENTS OF THE ANCIENT SHU KINGDOM

A. V. Varenov

The article is dedicated to findings belonging to the Sanxingdui culture of the Bronze Age from the Sichuan province of the People's Republic of China - anthropomorphic statues discovered in sacrificial pit JK2 at an eponymous site. The author refers to full-size human figures at least 50 cm in height (as opposed to body parts, e.g. heads), assembled from pre-cast elements, as "statues". He proposes to refer to smaller items cast in a single step as "figurines". The evolution of anthropomorphic statues can be subdivided into two or three stages. The final stage is represented by a bronze statue of a man standing on a pedestal. It was preceded by the stage of wooden anthropomorphic statues with bronze overlays. Their predecessors could be primitive sculptures crafted entirely from wood. The structural features of Sanxingdui bronze anthropomorphic statues allow to link the period of their existence with the period of bronze masks of A and C types and bronze "Spirit Trees" No. 2 and No. 1, as they were crafted using the same techniques. The human figure with talons on the toes clenching anguiform creatures with bird heads is suggested to be interpreted on the basis of the Ancient Indian Garuda mythology. The statue with a zoomorphic headdress is considered as an illustration of the myth concerning the master of Sanxingdui underworld. An assumption that the items clenched in the toes of the statue of a man standing on a pedestal are jade *Cong* regalia is considered by the author as insufficiently justified.

Keywords: China, Bronze Age, Sanxingdui culture, Sichuan province, bronze statues, sacrificial pits, bronze casting, garments, mythology, ritual.

About the Author:

Varenov Andrey V. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University, Pirogov St. 1, Novosibirsk, 630090, Russian Federation; avvarenov@mail.ru

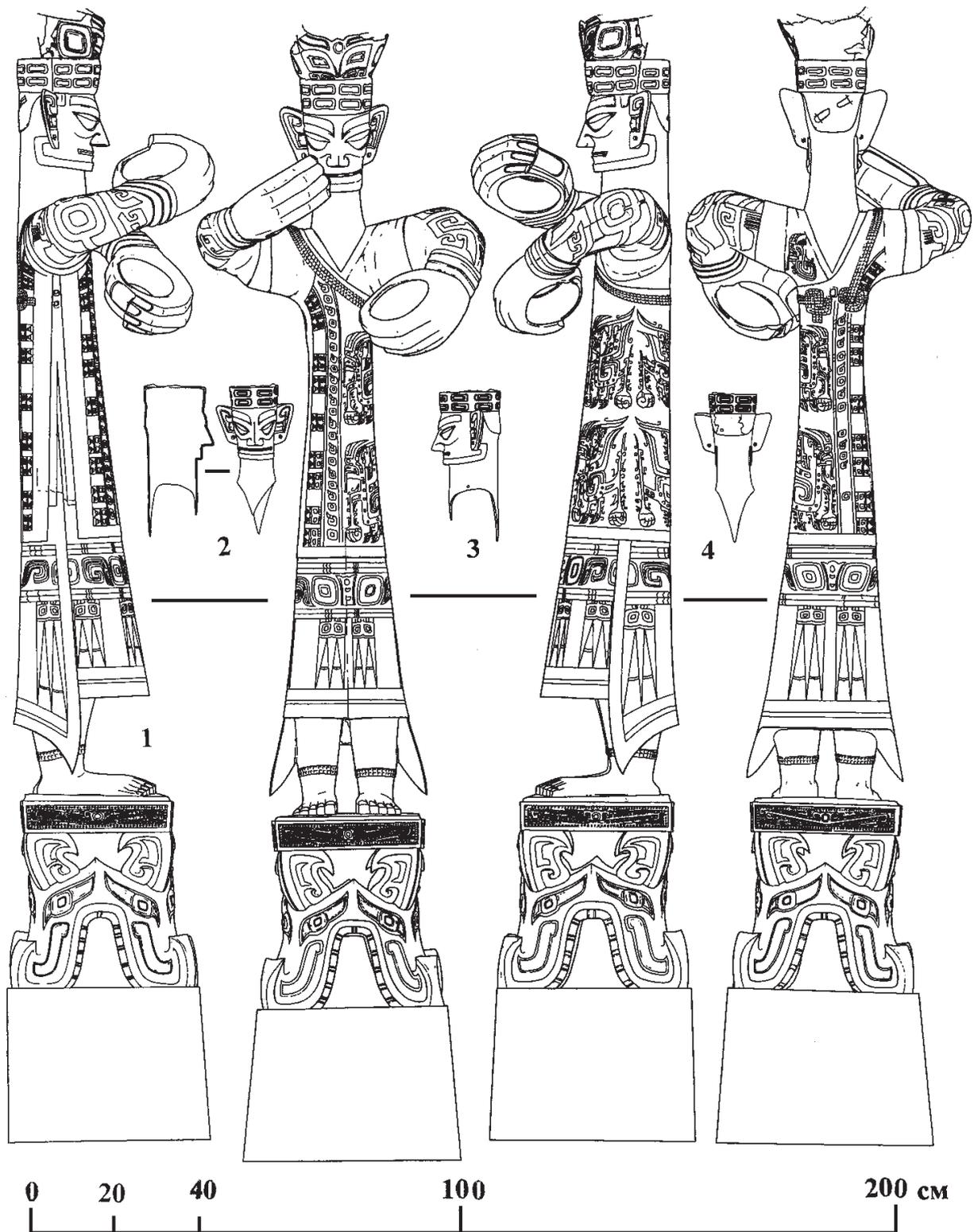

Рис. 1. Большая бронзовая статуя и бронзовая голова типа Bb: 1 – большая бронзовая статуя стоящего на пьедестале человека, 2–4 – бронзовая голова типа Bb. По: [Саньсиндуй..., 1999, рис. 82, 95]. Здесь и далее масштабирование рисунков и компоновка таблиц выполнены А. В. Вареновым.

Рис. 2. Большая бронзовая статуя стоящего на пьедестале человека. По: [1 – Саньсиндуй..., 1999, С. 544, цв. ил. 40; 2 – Чэнь Дэань, 2000, С. 12].

Рис. 3. Голова стоящей на пьедестале статуи. По: [Чжунго..., 1994, С. 2, рис. 2].

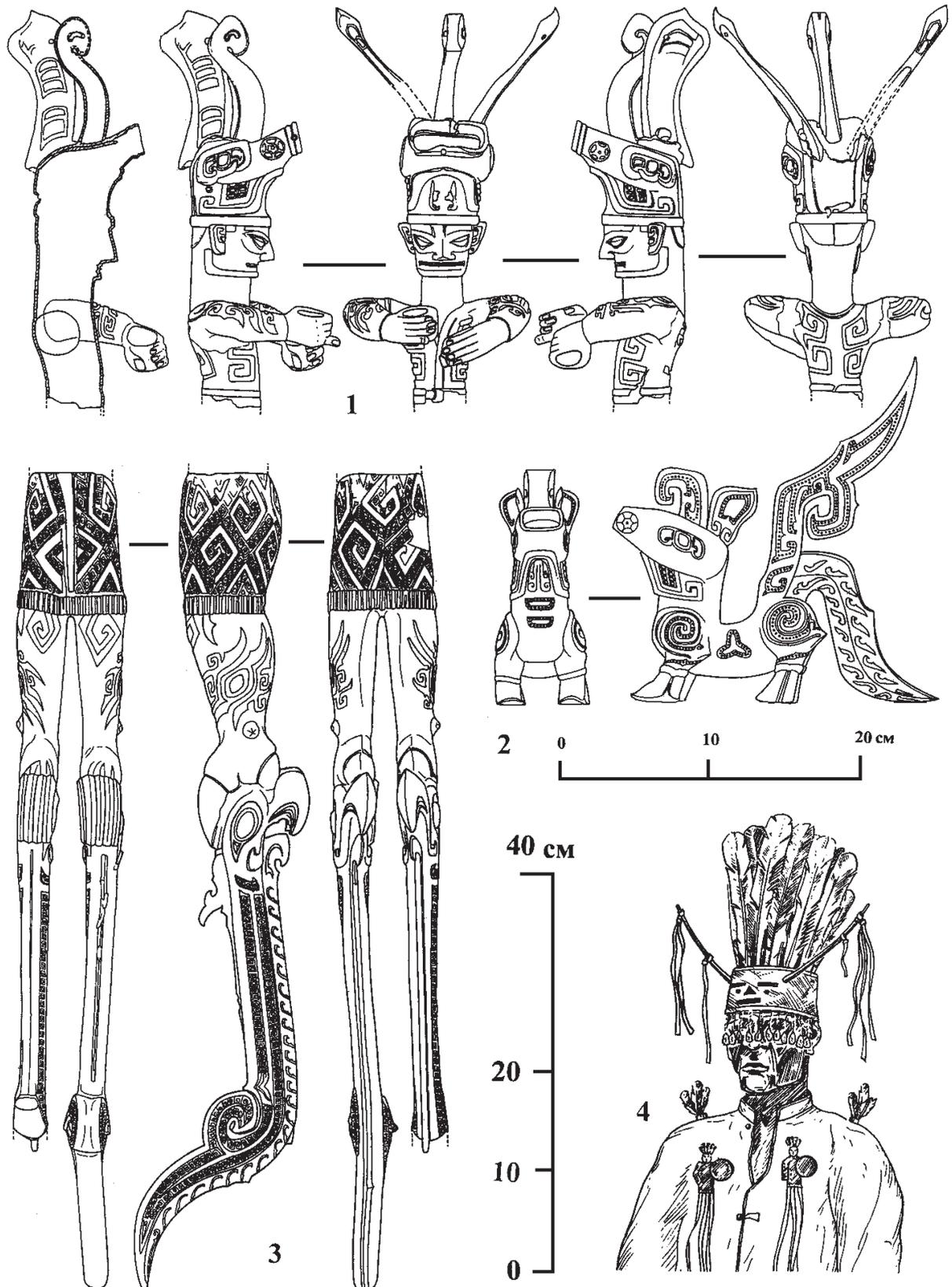

Рис. 4. Одежда и украшения большой бронзовой статуи. Верхний слой одежды – желтый, средний – оранжевый, нижний – зеленый, головной убор и лента синие, браслеты на руках и ногах – малиновые. По: [Саньсиндуй..., 1999, рис. 82]. Цвета условные. Раскраска выполнена А. В. Вареновым.

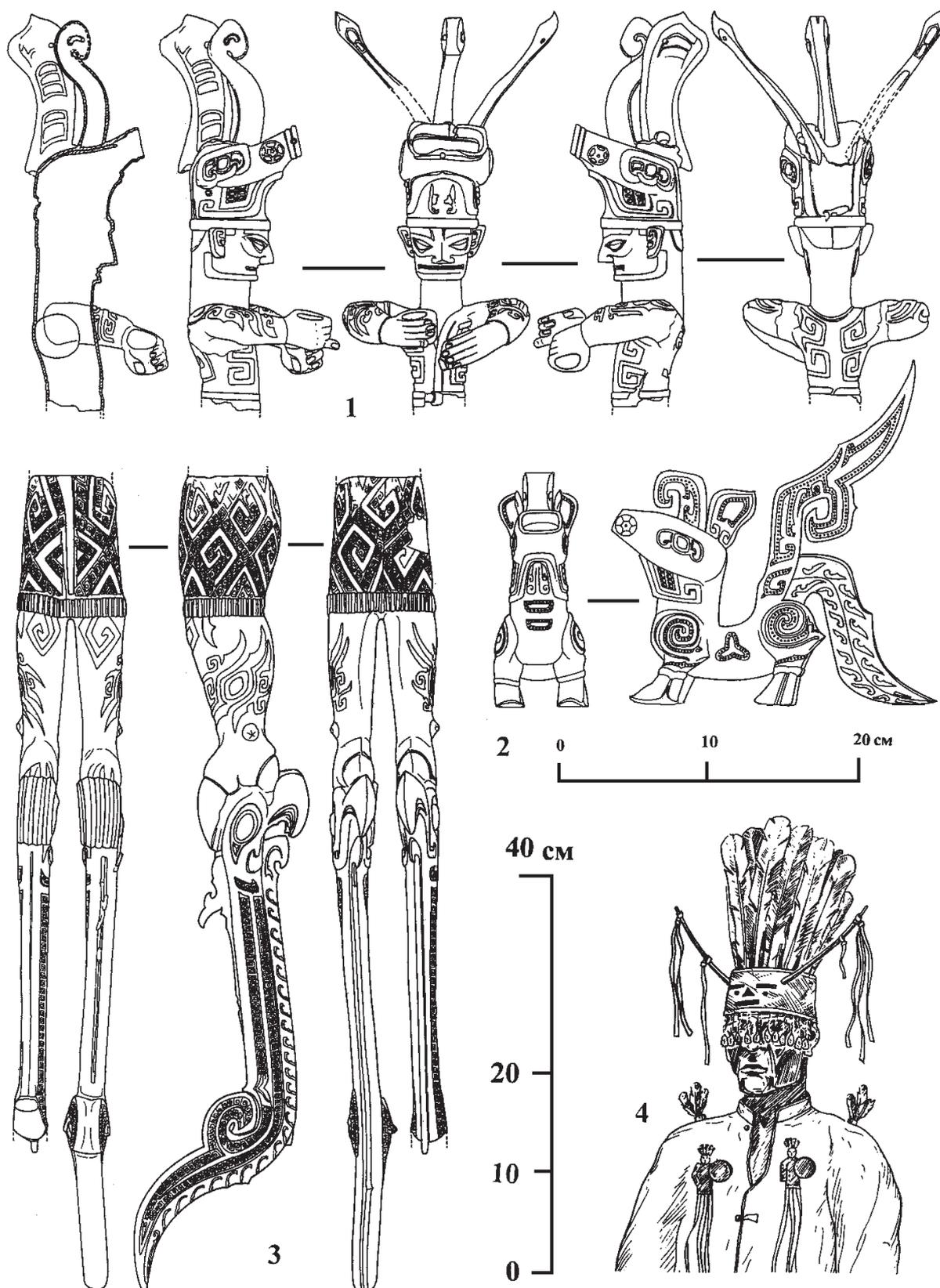

Рис. 5. Бронзовые антропоморфные статуи Саньсиндуй и их аналоги: 1 – статуя в зооморфном головном уборе, 2 – зооморфное существо (нижний ярус «священного алтаря»), 3 – статуя с птичьими когтями на ногах, 4 – тувинский шаман в рогатом головном уборе. По: [1–3 – Саньсиндуй..., 1999, С. 167, 171, 233, рис. 84, 87, 129; 4 – Вайнштейн, 1991, С. 272, рис. 120, 4]. 1 и 3 – в одном масштабе.

Рис. 6. Статуя в зооморфном головном уборе. По: [Чэнь Дэань, 2000, С. 16].

Рис. 7. Статуя с птичьими когтями на ногах. По: [Чэнь Дэань, 2000, С. 17].

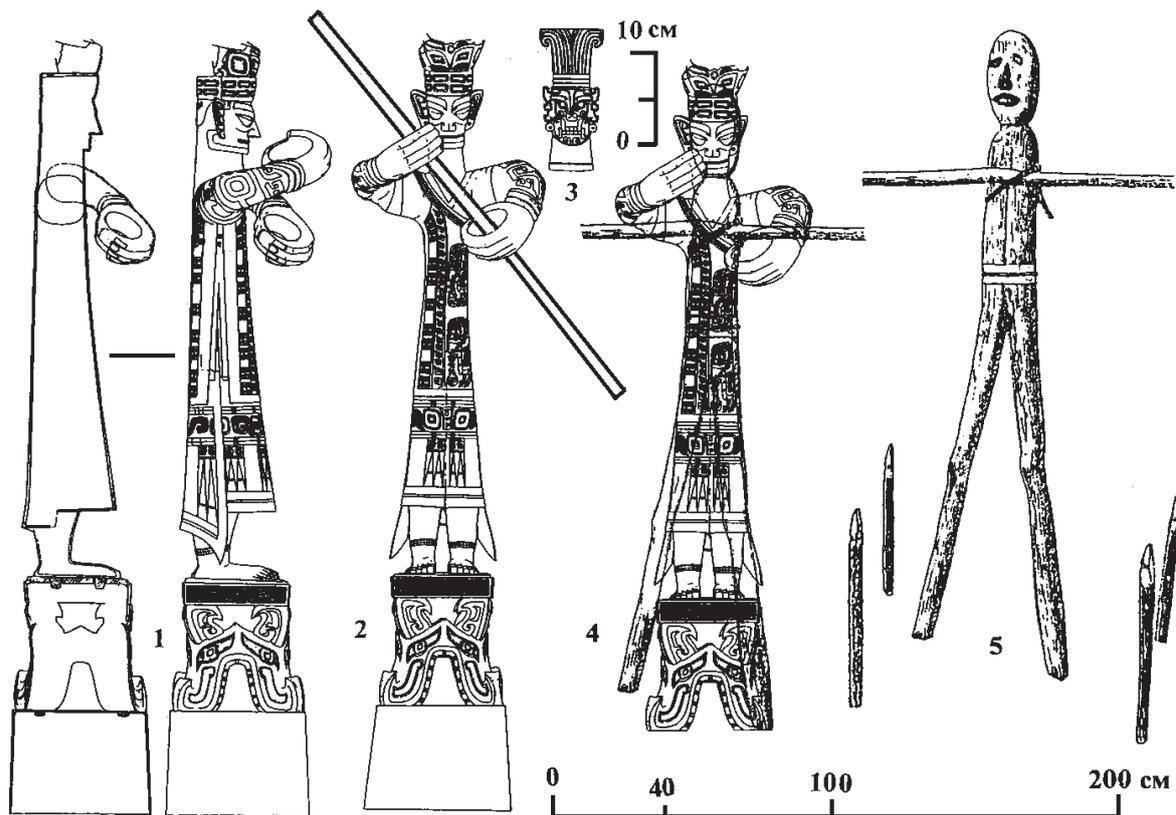

Рис. 8. Большая бронзовая статуя стоящего на пьедестале человека, нефритовая головка из Синьганя и деревянный эвенкийский идол *чичипкан*: 1 – разрез статуи стоящего на пьедестале человека, 2 – большая бронзовая статуя с деревянным шестом в руках, 3 – плоская нефритовая голова из Синьганя, 4 – совмещение контуров стоящей на пьедестале статуи и *чичипкана*, 5 – деревянный идол *чичипкан* в окружении четырех оберегов ментая. По: [1, 2 – Саньсиндуй..., 1999, рис. 82; 3 – Синьгань ..., 1997, С. 157, рис. 79; 4 – коллаж А. В. Варенова; 5 – Мазин, 1984, С. 33, рис. 20]. Все, кроме 3 – один масштаб.

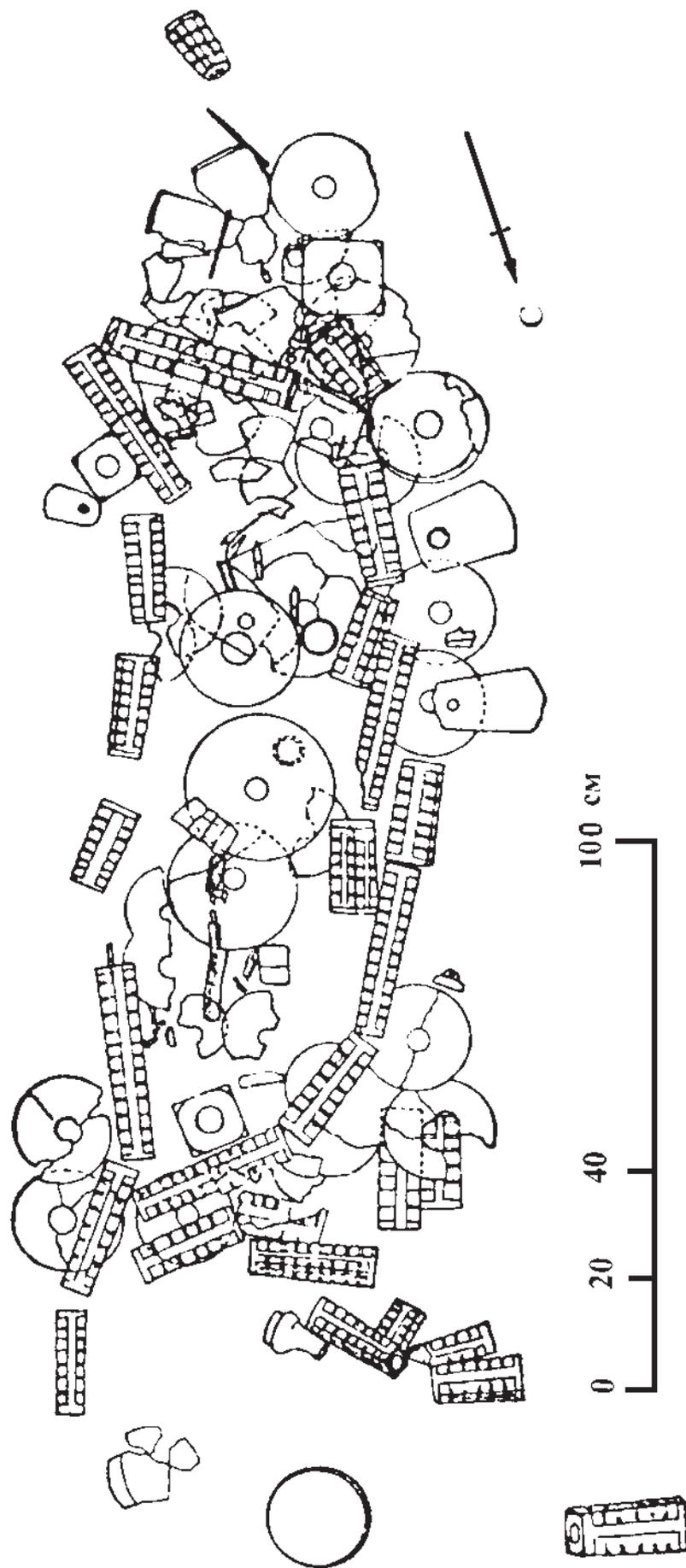

Рис. 9. План погребения М3 стоянки Сыдунь культуры Лянчжу. По: [Чжу Цзуньго, Ли Вэньмин, Цянь Фэн, 1984, С. 114, рис. 5].

УДК 902/904

ТИПЫ КОСТЮМНЫХ КОМПЛЕКСОВ НОСИТЕЛЕЙ КАРА-АБЫЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

© 2019 г. С.Л. Воробьева

В статье представлены особенности становления и развития костюмного комплекса кара-абызского населения, выделены основные типы костюмов, характерные для каждого хронологического периода и представлены графические реконструкции костюмных комплексов. Кара-абызский костюм начал формироваться на самых ранних стадиях развития культуры – в IV в. до н. э. и в каждый из хронологических периодов существуют определенные типы костюмов. Автором выделены отдельные типы костюмных элементов – поясные наборы, головные, шейно-нагрудные, обувные украшения и обшивка одежды. Для каждого элемента определены свои типы, имеющие, прежде всего, различия по полу. Женский кара-абызский костюм наиболее информативен, он состоял из нагрудного и поясного наборов, для него была характерна расшивка одежды. В разное время и в зависимости от пола, социального положения или принадлежности к определенному роду, костюм дополнялся височными подвесками, пряжками, браслетами, гривнами и другими элементами. В комплекс мужского костюма из достоверно реконструируемых элементов убранства входили поясной набор и украшения обуви в виде пряжек. Они, в отличие от женских элементов убранства, имели больше рациональное значение, нежели декоративное или обрядовое.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, кара-абызская культура, костюм, поясной набор, головные украшения, шейно-нагрудные украшения, обувные украшения, обшивка одежды.

Костюмный комплекс носителей кара-абызской культуры, в отличие от других костюмов эпохи раннего железа и Великого переселения народов (ананьинский, пьяноборский и мазунинский), не являлся самостоятельным предметом археологического изучения.

Ареал обитания населения кара-абызской культуры среднее течение р. Белой протяженностью около 250 км, от г. Бирск на севере до с. Табынское на юге. Район относится к лесостепной территории Южного Приуралья, которая в эпоху раннего железа являлась стыковой зоной проживания кочевников и оседлого населения. Отдельные следы пребывания носителей кара-абызской культуры выявлены и в горно-лесной зоне Южного Урала, в верховьях р. Белой (Морозов, 2001; Савельев, 2011).

В работе использован комплекс опубликованных и неопубликованных источников, содержащих материалы 8 могильников кара-абызской культуры (Уфимский, Ново-Уфимский/ Галановский, Кара-Абыз-2, Охлебининский, I-III Биктимировский, Шиповский грунтовый и курганный, Нагаевский курганный могильники¹). Для типологического

анализа выбрано 893 погребения с элементами убранства костюма. Первоначально производилось описание каждого элемента с общей характеристикой категории убранства, особенностями распределения элементов убранства в исследуемых памятниках и определением хронологических рамок бытования предметов. На заключительных этапах исследования применялся метод гипотетической реконструкции.

Данное исследование показало, что костюмный комплекс носителей кара-абызской культуры состоит из следующих элементов: головного убора, шейно-нагрудных украшений, поясного набора, обувных украшений и обшивок одежды.

Головные уборы

Головной убор во все времена является одним из самых значимых элементов костюма. Этнографические и исторические источники указывают на его значимую роль при переходе от одной социальной половозрастной группы в другую. Головной убор часто выступает как деталь этнической одежды или погребального убранства (Шишлина, 2005, с. 50). Во все времена, в том числе и в эпоху раннего железа, он являлся половозрастным и социальным индикатором.

А.В. Збруева для женских ананьинских головных уборов выделяет следующие типы: 1) «тонкая полоса листовой бронзы, расширя-

¹ Возможность работы с неопубликованными материалами была любезно предоставлена авторами раскопок: А.Х. Пшеничнюком, Н.А. Мажитовым, В.В. Овсянниковым и Н.С. Савельевым. Пользуясь случаем, выражаю им благодарность.

ющаяся к середине и суживающаяся к концам, охватывающая голову. На концах полосы находились небольшие отверстия, куда продевался шнур или ремешок, соединявший оба конца и завязывающийся на затылке»; 2) полоса кожи «с нашитым рядом бронзовых бляшек, круглых или удлинённых»; 3) головные уборы из материи или кожи с отдельно прикрепленными бронзовыми бляшками и височными кольцами (Збруева, 1952, с. 79).

В.Ф. Генинг, реконструируя пьяноборский костюм, также отмечает наличие налобной повязки, на которую подвешивали височные кольца и нашивали полушарные бляшки (Генинг, 1970, рис. 26). А.А. Красноперов выделяет 2 типа головных уборов: ленточной конструкции и в виде шапочки. При этом критерием для выделения шапочки в погребении автор считает наличие украшений, ссыпавшихся с черепа (Красноперов, 2005).

В.С.Патрушев среди головных уборов Старшего Ахмыловского могильника выделяет налобные венчики, которые разделяет на одинарные и составные (Патрушев, 1984, с. 33; Он же, 2010, с. 378).

В кара-абызском костюме, в отличие от ананьинского и пьяноборского, головной убор не получил столь широкого распространения. Около головы в погребениях находят полусферические бляшки и бляшки с ушками на обороте, а также трапециевидные подвески. В Уфимском могильнике (погр. 14) (рис. 1, 2) на черепе найден кожаный ремешок с нашитыми на него бляшками. Это позволяет предположить, что в других погребениях, где также найдены бляшки на черепе, они, вероятнее всего, были нашиты на налобный венчик.

Височные подвески, как отмечалось ранее, могли крепиться как на мочке уха, так и на головном уборе. Но конкретно определить, где их носили, на данный момент не представляется возможным.

В 9 погребениях кара-абызской культуры рядом с черепом найдены бляшки и обоймочки и фрагменты кольчужки, что свидетельствует о наличии головного убора как такового. Среди них можно выделить следующие типы.

Тип 1. Венчики с нашитыми на них бляшками или обоймами (5 погребений).

Вариант а. Венчики состоят из нашитых полусферических бляшек типа А.2 (2 экз.) – найдены в Уфимском (погр. 14) и Шиповском курганном (погр.1/к.4/Ігр.-66) могильниках (рис. 1: 1, 2, 4, 6). При этом в Шиповском погребении кроме височных колец с одной

стороны крепилась трапециевидная подвеска из зеркала с орнаментом (рис. 1: 4). Оба погребения датируются IV-III вв. до н. э.

Вариант б. Венчики состоят из нашитых полушарных бляшек, бляшек с ушком на обороте и обойм (3 погр.) – происходят из Биктимировского (погр. 43, 46) и Шиповского курганного (погр.1/к.5/Ігр.-67) могильников (рис. 1: 2). В одном из погребений за черепом найдена трапециевидная подвеска, которая также крепилась, по всей видимости, к венчику. Погребения датируются III-II вв. до н. э.

Тип 3. Венчик с нашитыми на него мелкими подвесками – зафиксирован в одном погребении II Биктимировского могильника (погр. 7) (рис. 1: 7).

Тип 4. Венчик без украшений, с нашитыми на него трапециевидными подвесками (1 погр.) (рис. 1: 3). В одном из детских погребений Охлебенинского могильника (погр.299/IV-80-82) за черепом зафиксированы костяные подвески, которые, по всей вероятности, крепились к головному убору.

Тип 5. Головной убор в виде остатков металлической основы кольчужного плетения. Данный тип головных уборов найден в четырех погребениях самого позднего (XIII) раскопа Шиповского грунтового могильника (Овсянников и др., 2007, рис. 42, 1). Хотя из погребений происходят лишь фрагменты, можно предположить по аналогии с мазунинской (Останина, 1997, с. 36) культурой, что головной убор представлял из себя сетку из железных колец, в которую заправлялись волосы. Одно из погребений принадлежало женщине 30-50 лет.

В могильнике Кара-Абыз-2 рядом с черепом, внутри него и за ним в погребениях зафиксированы бусы, но на что именно они нашивались, пока судить сложно. В данном случае это могли быть или расшитый платок, или шапочка, или венчик.

В марийском костюме известны головные украшения типа «ошпу» и «ўп онто», состоящие из лент, украшенных бляшками-монетами или бисером (Молотова, 1992, с. 43). Таким образом, головные уборы, возникшие в ананьинской культуре, распространились в среде финно-угорских народов, просуществовав до этнографической современности.

Таким образом, головные украшения в костюме кара-абызского населения датируются (кроме типа 5) IV-II вв. до н. э. и, вероятнее всего, имеют ананьинское происхождение.

Шейно-нагрудные украшения

Шейно-нагрудные и накосные украшения кара-абызской культуры стоит рассмотреть вместе, так как среди них выделяются так называемые «портупей», которые не могут быть четко отнесены к определенной части костюма. Кара-абызские украшения, состоящие из широких ремней, спускающихся от плеч к поясу, определены А.Х. Пшеничнюком как «портупей» (Пшеничнюк, 1973, с. 183). А.А. Красноперов придерживается другой точки зрения и считает, что кара-абызские «портупей» были накосниками (Красноперов, 2010, с. 127)

Украшения, интерпретируемые А.Х. Пшеничнюком как портупей, найдены на костяке *in situ* в Биктимировском (9 погр.), Охлебининском (1 погр.), Кара-Абыз-2 (3 погр.), Шиповском курганном (7 погр.) и грунтовом (1 погр.) могильниках. Все погребения датируются IV-II вв. до н. э. Кроме того, в 46 комплексах Охлебининского могильника в ногах умершего найдены свернутые украшения, повторяющие «портупей», на которых имеются следы бересты. В старшем Ахмыловском могильнике ананьинской культуры найдены накосные украшения, сложенные в ногах погребенного (Патрушев, 2010, с. 220).

Кара-абызские украшения, по всей вероятности, нельзя считать накосниками или «портупеями», т.к. наиболее близкой им аналогией являются нагрудные украшения калмезских женщин конца XIX – начала XX вв. (Атаманов-Эграпи, 2010, с. 149). Кроме того, в марийском и чувашском костюмах известны различные типы нагрудных украшений, спускающихся от плеч к поясу: из одной полоски, перекинутой через шею, и соединенной на поясе подвеской (Николаев и др., 2002, с. 29; Молотова, 1992, с. 45); из двух полосок, перекинутых крест-накрест через шею (Молотова, 1992, с. 61). Чувашки в XVIII в. носили украшения в виде расшитой ленты, идущей за спиной от шапочки к поясу и заправленной за пояс (Николаев и др., 2002, рис. 27, с. 42). С большой долей вероятности можно считать, что кара-абызские металлические нагрудные украшения способствовали появлению в более позднее время некоторых видов марийских и чувашских украшений.

Наиболее ранние украшения найдены в Шиповском курганном могильнике (рис. 8, 4), где в их состав входили гофрированные обоймы, а в Биктимировском и Охлебининском могильниках появляются обоймы с двумя

перекрестиями, имеющие прямые аналогии в кулайской культуре (Троицкая, 1979, с. 13).

«Портупей» в погребениях расположены по-разному относительно костяка: в комплексе 346 Охлебининского могильника (рис. 98) две полосы украшений, состоящих из гофрированных обойм, лежали спереди костяка. В другом погребении (погр. 5/р.I/Шгр. Шиповского курганного могильника) (рис. 101) два ряда «портупей» располагались на костяке, а четыре – за ним. В нескольких погребениях Охлебининского могильника (рис. 97, 99) 2 ряда обойм, оканчивающихся трапециевидными подвесками, лежали за костяком. Разнообразии расположения украшений, получивших название «портупей» способствует появлению различных интерпретаций. На могильнике Кара-Абыз-2 (раскопки 2011 г.) зафиксирован случай расположения обойм, идущих от плеч к поясу, которые заканчивались лировидными подвесками. При этом на плечах они переходили в Т-образное украшение (рис. 100). Последний случай не дает основания на причисление всех «портупей» к накосникам. Эти украшения могли быть либо нагрудными изделиями, либо служить обшивкой верхней одежды.

Среди шейно-нагрудных украшений можно выделить несколько типов:

Тип 1. Украшения, состоящие из двух полосок гофрированных обойм, оканчивающихся иногда трапециевидными подвесками (рис. 2: 9).

Тип 2. Украшения, состоящие из двух полосок гофрированных обойм с круглыми бляшками с ушком на обороте и оканчивающиеся, как правило, лировидными подвесками (рис. 2: 3, 5).

Тип 3. Многосоставные украшения из двух и более полос с обоймами (рис. 2: 1, 2, 5).

Тип 4. Украшения, состоящие из полосок обойм, оканчивающихся различными привесками. Выделяются 2 варианта.

Вариант а – состоят из несмыкающихся штампованных обойм (рис. 2: 3). Они происходят из Шиповского курганного и грунтового, Охлебининского, Кара-абызского могильников. Погребения датируются IV-II вв. до н. э.

Вариант б – состоят из литых мелких обойм (рис. 2: 8-14). Датируются IV-III вв. до н. э.

Тип 5. Украшения, состоящие из четырех рядов гофрированных длинных обойм, оканчивающихся трапециевидными подвесками (рис. 2: 2). На верхней части таких изделий,

как правило, имеется либо нашивная бляшка, либо бляшка с несколькими ушками на обороте. Украшения происходят из Биктимировского и Шиповского курганного могильника.

Тип 6. Украшения, состоящие из двух рядов мелких обойм, соединенных между собой либо нашивными бляшками, либо с ушком на обороте. Выделяются 2 варианта.

Вариант а – состоят из мелких цельнолитых обойм (рис. 2: 4). Украшения найдены в Биктимировском могильнике, где они, как правило, оканчиваются трапециевидными подвесками. Погребения датируются III-II вв. до н. э.

Вариант б – состоят из гофрированных мелких обойм с несмыкающимися концами (рис. 2: 5). Украшения происходят из Охлебининского могильника. Они, как правило, оканчиваются лировидными подвесками типа А.2. Погребения датируются II в. до н. э. – II в. н. э.

Украшения, оканчивающиеся привесками или колокольчиками, были широко распространены в финно-пермском средневековом костюме в качестве привесок, идущих от пояса (Крыласова, 2001, рис. 40: 16, с. 117), а в марийском костюме они встречены в составе головного убора (Молотова, 1992, рис. 21, с. 43).

К шейно-нагрудным украшениям относятся гривны и бусы. Они достаточно редко встречаются вместе в погребениях. При этом бусы четко локализируются в районе шеи. Только в нескольких погребениях Охлебининского и Биктимировского могильников (рис. 97) бусы найдены россыпью на шее, и в таком случае ими могли быть расшиты украшения типа нагрудников, известных в пьяноборской культуре (Генинг, 1970, рис. 29, 30).

В одном погребении Охлебининского могильника вместо бус на шее найдены очковидные подвески, которые, видимо, были нанизаны на нитку.

Выделяются следующие типы нагрудных украшений, имеющих четкую локализацию в погребениях на груди.

Тип 1. Украшения, состоящие из нашивных бляшек (рис. 5) – происходят из Охлебининского (1 пог.) и Кара-Абыз-2 (1 погр.) могильников. Они датируются IV-II вв. до н. э.

Тип 2. Украшения, состоящие из одной-трех круглых зеркаловидных бляшек (рис. 1: 5) – происходят из Шиповского грунтового могильника (погр. 10/VI-72) и датируются II в. до н. э. – II в. н. э.

Оба типа украшений широко распространены в пьяноборской культуре (Генинг, 1970, рис. 34-39).

В Охлебининском могильнике на шее была найдена бляшка с цепочкой в погребении II-III вв. н. э. (Пшеничнюк, 1993, рис. 18: 11, с. 68).

Шейно-нагрудные украшения появляются в костюме кара-абызского населения в IV в. до н. э. и наибольшее развитие получают в «портупейном наборе». Нагрудники, аналогичные пьяноборским, здесь не имели столь широкой популярности, что, вероятнее всего, связано со значительным влиянием кочевнических традиций на лесостепное население на стадии формирования кара-абызской культуры (Воробьева, 2012).

Поясные наборы

Поясной набор населения кара-абызской культуры состоял из двух главных элементов – пряжки или поясной дисковидной бляхи и поясных накладок. Поясные накладки кара-абызской культуры появляются в костюме на рубеже IV-III вв. до н. э. и наибольшее распространение получили на рубеже эр. В женском костюме пояса, состоящие из дисковидных блях и накладок с изображением голов грифонов, появляются в III в. до н. э. В таком виде он просуществовал несколько столетий, до II в. н. э. За это время изображения грифонов на накладках были сильно стилизованы и утратили свой первоначальный образ. Мужской пояс этого времени отличался простотой и состоял из пряжки и костяных накладок (рис. 3, 1-2). При этом надо учитывать, что пояса с костяными накладками (рис. 3, 2) были атрибутом подросткового или детского костюма, а пояса с умбовидными пряжками – взрослого (рис. 3, 1).

Вопрос о появлении накладок с противопоставленным изображением голов грифонов (рис. 8, б) является дискуссионным (Воробьева, 2010). Наиболее близкие аналогии этим изделиям найдены в Ордосе, Китае, Монголии и в Барабе. Имеются стилизованные изображения на Алтае, в Сибири, Минусинской котловине, в Семиречье и Забайкалье. Но здесь не известно более или менее реалистичного образа. К тому же, китайские, монгольские и ордосские древности не имеют четких датировок. Известно лишь, что «бабочковидные» накладки со стилизованным изображением грифонов найдены в памятниках доциньского времени и датируются IV-III вв. до н. э. (Ковалев, 2002, рис. 2: 7, 3: 9-12, 5: 15). В связи с этим на данный момент вопрос о времени и

путях проникновения данных накладок кара-абызскую культуру остается открытым.

В погребениях кара-абызской культуры поясные наборы были широко распространены и являются хронологическим и этно-культурным маркером кара-абызского населения. Ранее исследователи не обращали внимания на тот факт, что поясные принадлежности лежат поверх рук. Археологические работы 2011 г. года на могильнике Кара-Абыз-2 выявили случаи, когда пояса надевали на умершего не так, как их носили при жизни, а поверх рук, прижатых к бедрам. В связи с этим были пересмотрены все планы кара-абызских погребений и выявлены подобные случаи на Охлебининском, Шиповском курганном и грунтовом могильниках. В Биктимировском и Уфимском могильниках такие случаи не зафиксированы. Сложно сказать, с чем связан подобный погребальный обряд, его аналоги автору не известны.

Так как не все погребения с поясными наборами даже по инвентарю можно отнести к какому-то определенному полу, типы поясных наборов составлены вне зависимости от пола погребенного. Пояса по сочетанию бляшек, пряжек и накладок разделены на типы: состоящие из бронзовых накладок и дисковидных блях и бляшек из зеркаловидной бронзы; состоящие из пряжек и поясных бронзовых или костяных накладок; состоящие из костяных накладок.

Тип 1. Пояса, состоящие из бронзовых накладок и дисковидных блях и бляшек из зеркаловидной бронзы (283 погр.) (рис. 3: 6,7). Пояса данного типа появляются в IV-II вв. до н. э. и существуют вплоть до II-III вв. н. э.

Тип 2. Пояса, состоящие из пряжек и накладок (рис. 3: 1-4, 5) (127 погр.). Поясные наборы получили широкое распространение во II в. до н. э. – II в. н. э.

Тип 3. Пояса, состоящие из одной пряжки (51 погр.) – происходят из Шиповского грунтового могильника и были распространены в II-IV вв. н. э.

Таким образом, несмотря на столь большое разнообразие поясных наборов, среди них выделяются определенные группы, имеющие как половозрастные, так и хронологические отличия.

Большинство поясов типа 1 имели привески в виде ремешка, спускающегося от пояса и оканчивающегося различными подвесками: колоколовидными, из спаянных колец и трапециевидными. Их нахождение в опре-

деленных погребениях на данный момент исследования не удается связать с возрастными или социальными характеристиками погребенного. Такие подвески повсеместно распространены в женском средневековом костюме финно-пермяков (Крыласова, 2001).

Обувные украшения

По месту нахождения пряжек с неподвижным крючком на костях стоп в погребениях можно утверждать, что они служили украшением мужской обуви (рис. 11, 11, 12). Аналогичные украшения найдены в пьяноборской культуре (Красноперов, 2006; Генинг, 1970, рис. 40). Так как обувные пряжки были рассмотрены подробно в соответствующем разделе, то отметим только, что данный вид украшения обуви существовал на протяжении всего второго хронологического периода существования кара-абызской культуры (II в. до н. э. – II в. н. э.).

Удалось выявить второй тип украшений обуви, не известный ранее в кара-абызском костюме и часто встречающийся в это же время в женских погребениях. В Охлебининском могильнике часто в районе голени обнаруживаются по 2 пояса, состоящих из бляшки с ушком на обороте и обойм, оканчивающихся трапециевидными подвесками. Вероятнее всего, ими украшали заднюю часть сапог. Комплексы с подобными украшениями отличаются и погребальным обрядом – ноги лежат не прямо, а согнуты в коленях и завалены на одну сторону (как правило, правую). Это говорит об особом положении умерших в обществе (возможно, они были инородцами). Аналоги типа украшений обуви, состоящих из ряда бляшек и обойм, имеются в пьяноборской и азелинской культурах (Генинг, 1963, рис. 34, с. 58).

Обшивка одежды

В женском кара-абызском костюме в погребениях в районе голени фиксируется ряд обойм или бляшек, лежащих поперек костяка. При этом бляшки найдены как на костях, так и за ними (рис. 8). Данное расположение предметов указывает на то, что ими обшивали подол платья или длинной туникообразной рубахи. Они происходят из Биктимировского и Охлебининского могильников. В обшивке подола использовали в основном гладкие обоймы, имеющие на обороте отверстия для пришивания.

Еще одним типом расшивки одежды являются украшения, состоящие из обойм и фиксируемые в районе плеч погребенного. Они получили название Т-образных украше-

ний (Пшеничнюк, 1973, с. 220) (рис. 9, 10). На плечах умершего располагались обоймы, идущие от плеч к поясу вертикальной полосою, которая упирается в горизонтальную полосу обойм, представляющих перевернутую букву «Т». А.Х. Пшеничнюком были реконструированы женские костюмы, на одном из которых он и изобразил Т-образные обшивки плеч (рис. 4: 1). В могильнике Кара-Абыз-2 встречены и простые вертикальные полосы на плечах (рис. 10). Вероятнее всего, ими обшивали одежду, закрывая тем самым швы. Е.Е. Никонорова связывает кара-абызские Т-образные украшения с нарукавными розетками, встречающимися в традиционной одежде марийского народа (Никонорова, 2000, с. 269).

В 12 погребениях Охлебининского могильника на запястьях рук зафиксированы трех- и четырехсоставные накладки с ушками на обороте (рис. 9). Они располагались как на костях, так и за ними. В данном случае это была расшивка рукавов. В Биктимировском, Кара-Абыз-2 и нескольких погребениях Охлебининского могильника на запястьях зафиксированы бусы, которыми также обшивали рукава (рис. 8).

Таким образом, костюм кара-абызского населения состоял из следующих основных костюмных элементов: головного убора, шейно-нагрудных, поясных, обувных украшений и обшивок одежды.

Одежда населения Южного Приуралья в эпоху раннего железа, по аналогии с другими культурами, изготавливалась, вероятнее всего, из тканей (шерстяных или конопляных), кожи, войлока. Но в кара-абызских погребениях сохранились только фрагменты кожи, по которым можно реконструировать лишь отдельные швы рубах или платьев. Да и сама кожа может косвенно указывать на то, что это была только верхняя одежда. По остаткам кожи видно, что швы делались не просто одинарные, а двойные: вначале ткань прошивалась одним швом, а затем края загибались в одну сторону и прошивались второй шов. Такая трудоемкая работа необходима была, по всей видимости, для того, чтобы плотные края кожи не портились от попадания на нее воды. Да и сама кожа имеет особенность загибаться по краям. Видимо, для того чтобы этого избежать, и расшивали подол одежды и плечи².

² Данный вывод был подсказан к.и.н. Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УФИЦ РАН Никоноровой Еленой Евгеньевной, за что мы ей и выражаем огромную благодарность.

В последнее время в развитии исследований по реконструкции археологического костюма наметился новый этап, связанный с работами Н.Б. Крыласовой, З.В. Доде, С.А. Яценко и др., в которых негативные моменты (отсутствие культурно-исторической интерпретации костюма, его анализ в узких хронологических и этнолокальных рамках, рассмотрение археологического материала не во всей совокупности выявленных источников и др.) в изучении данной категории культуры нивелируются и используются новые подходы и методы (методы математической статистики, реконструкции; комплексный, гендерный подходы и др.).

Без реконструкции костюма сложно представить его особенности, поэтому в работе приводятся гипотетические реконструкции, основанные на планах и описаниях конкретных погребальных комплексов (рис. 5-11).

Выводы

Кара-абызский костюм начал формироваться на самых ранних стадиях развития культуры – в IV в. до н. э. В каждый из выделенных хронологических периодов существуют определенные типы костюмов.

1. IV-II вв. до н. э. В это время бытовали еще головные уборы, сохранившие ананьинские традиции, появляются гривны в полтора оборота, височные восьмеркообразные подвески и поясные бронзовые крючки со стилизованным изображением животных. В этот период появляются пояса, состоящие из накладок с изображением голов грифонов и пряжек с изображением оленей. В Шиповском курганном могильнике встречаются нагрудные украшения из гофрированных накладок. Этот период отмечен появлением новых элементов убранства костюма: пояса из накладок в виде голов грифонов, различные подвески в зверином стиле, пряжки с треугольниками и обоймы с вырезом на обороте. В это время формируются основные этнические признаки кара-абызского костюма.

2. II в. до н. э. – II в. н. э. В этот период происходит наибольший демографический всплеск кара-абызского населения и именно в это время кара-абызский костюм наиболее унифицирован. При всем многообразии четко выделяются женские и мужские поясные наборы, обувные украшения. Доминирующим этническим признаком становятся пояса и украшения, свернутые в ногах. В качестве родового и социального маркера выступают височные подвески и состав пояса. Выделяются бедные погребения с одной дисковидной

бляхой и погребения с золотыми височными подвесками, кореллирующими с двумя дисконидными бляхами в составе богатого поясного набора.

3. II в. н. э. – середина III вв. н. э. В этот период наиболее ярко проявляются отличия материальной культуры Шиповского и Охлебининского могильников, что связано с отсутствием постоянных тесных контактов между населением, оставившим эти памятники. Если в Охлебининском могильнике четко выделяются костюмные комплексы, то в Шиповском

происходит размывание этнических традиций, связанное с внешним влиянием.

4. середина III в. н. э. – начало IV вв. н. э. Этот хронологический период представлен только Шиповским могильником, где выделяются комплексы, имеющие позднесарматские и мазунинские черты при сохранении элементов убранства, характерных для предыдущего периода. Это говорит о наличии брачных связей с поздними сарматами, мазунинцами, а также о постепенном превращении оставшегося кара-абызского населения в немногочисленный реликт.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаманов-Эграпи М.Г. Происхождение удмуртского народа. Ижевск: Удмуртия, 2010. 575 с.
- Воробьева С.Л. Поясные накладки с изображением грифона: к вопросу о происхождении и времени появления в лесостепи Приуралья // Уфимский археологический вестник. Вып. 10, 2010. С. 56–63.
- Воробьева С.Л. Шейно-нагрудные украшения кара-абызской культуры // Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых (Уфа, 26 октября 2012 г.) Уфа: Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, 2012. С. 26–30.
- Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв. / Вопросы археологии Урала. Вып. 4. Ижевск, Свердловск, 1963. 160 с.
- Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Ч. I. Чегадинская культура (III в. до н. э. – II в. н. э.) / Вопросы археологии Урала. 1970. Вып. 10. 224 с.
- Гольмстен В.В. Отчет о раскопках Чертова городища в г. Уфе в 1910–1912 годы. Уфа, 1913 // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 32. 43 л.
- Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / МИА № 30. М.: Наука, 1952. 326 с.
- Ковалев А.А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа-Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга. СПб: ООО Изд-во ЛЕМА, 2002. С. 150–194.
- Красноперов А.А. Головные уборы пьяноборского времени // Национальные культуры Урала: самобытность, история и перспективы взаимодействия. Материалы региональной научно-практической конференции. Екатеринбург: Министерство культуры свердловской области, Свердловский областной Дом Культуры, 2005. С. 77–92.
- Красноперов А.А. Зеркала пьяноборской культуры // Пятые Берсовские чтения. Сб. научн. статей / Свердловский областной краеведческий музей. Екатеринбург: Изд-во Квадрат, 2006. С. 144–148.
- Красноперов А.А. О функциональном назначении «портупей» из кара-абызских погребений // Урал-Алтай: через века в будущее. Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир (25–27 марта 2010 г.). Т. II. История. Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН, 2010. С. 127–130.
- Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь Пермский госуд. пед. университет, 2001. 259 с.
- Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992. 112 с.
- Морозов Ю.А., Котов В.Г. Археологические исследования в зоне строительства Юмагузинского водохранилища // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2001. Т. 6. № 2. С. 54–58.
- Николаев В.В., Иванов-Орков Г.Н., Иванов В.П. Чувашский костюм от древности до современности. М.; Чебоксары; Оренбург: Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова, 2002. 400 с.
- Никонорова Е.Е. Нарукавные розетки в вышивке народов Волго-камского региона // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы: Сборник статей к 50-летию научной деятельности члена-корреспондента РАН Р. Г. Кузеева. Уфа: Гилем, 2000. С. 260–274.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997. 336 с.

Патрушев В.С. Марийский край VII–VI вв. до н. э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1984. 232 с.

Патрушев В.С. Костюм Волжских финнов как этнический показатель (по данным раскопок Старшего Ахмыловского могильника) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. Ч. I / отв. ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов, Н.А. Томилов. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 376–380.

Пшеничнюк А.Х. Альбом иллюстраций к научному отчету за 1964 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 640. 75 л.

Пшеничнюк А.Х. Альбом иллюстраций к научному отчету за 1965 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 663. 46 л.

Пшеничнюк А.Х. Альбом иллюстраций к научному отчету о результатах археологических исследований за 1966 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 693. 41 л.

Пшеничнюк А.Х. Альбом иллюстраций к научному отчету за 1967 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 721.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V. / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева, Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Альбом к отчету о раскопках Охлебнинского могильника за 1980 г. Т. 2. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 196. 53 л.

Пшеничнюк А.Х. Альбом к отчету о раскопках Охлебнинского могильника за 1981 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 105. 196 л.

Пшеничнюк А.Х. Альбом к отчету о раскопках Охлебнинского могильника за 1982 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 111. 29 л.

Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала: Сб. ст. / Отв. ред. Б. Б. Агеев. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 1993. С. 32–61.

Савельев Н.С. Памятники эпохи раннего железа горного течения р. Белая (разведочные работы А.П. Шокурова 1961–1962 годы) // Материалы Региональной научно-практической конференции «Историческое краеведение в Башкортостане: история и современность», посвященной 100-летию со дня рождения краеведа-археолога Анисима Павловича Шокурова (Уфа, 24 ноября 2011) / Наследие веков. Вып. 2. / Отв. ред. В.Г. Котов. Уфа: ИИЯЛИ УНЦ РАН, 2011. С. 42–70.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Наука, 1979. 124 с.

Шишлина Н.И. Головные уборы эпохи бронзы северо-западного Прикаспия // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского: сб. ст. / Гл. ред. В.И. Гуляев. М.: Институт Археологии РАН, 2005. С. 50–65.

Информация об авторе:

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); sveta_legion@mail.ru

TYPES OF COSTUME COMPLEXES OF KARA-ABYZ CULTURE BEARERS OF EARLY IRON AGE

S.L. Vorobyeva

The article presents the features of establishment and development of the costume complex of Kara-Abyz population, outlines the types of costumes characteristic of each chronological period and contains graphical reconstructions of the costume complexes. The Kara-Abyz costume was initially formed at the earliest stages of cultural development in the 4th century B.C., and each chronological period corresponds to particular types of costumes. The author outlines individual types of costume elements - belt sets, headwear, neck and chest adornments, shoe decoration and costume lining. Separate types were identified to each element of the costume, primarily differing in terms of the gender. The women's Kara-Abyz costume is most informative, as it consisted of a chest and belt sets and was characterized by the use of costume lining. The costume was supplemented with temple pendants, buckles, bracelets, torcs and other elements in various periods depending on the gender and social standing, or belonging to a particular dynasty. The credibly reconstructed elements of the men's costume complex included a belt set and shoe ornamentation in the form of buckles. Unlike the women's clothing elements, they served a more rational purpose than that of decorations or ritual items.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Kara-Abyz culture, costume, belt set, head adornments, neck and chest adornments, shoe decoration, costume lining.

About the Author:

Vorobyeva Svetlana L. Candidate of Historical Sciences. Bashkortostan National Museum, Sovetskaya str. 14, Ufa, 45008, Russian Federation; sveta_legion@mail.ru

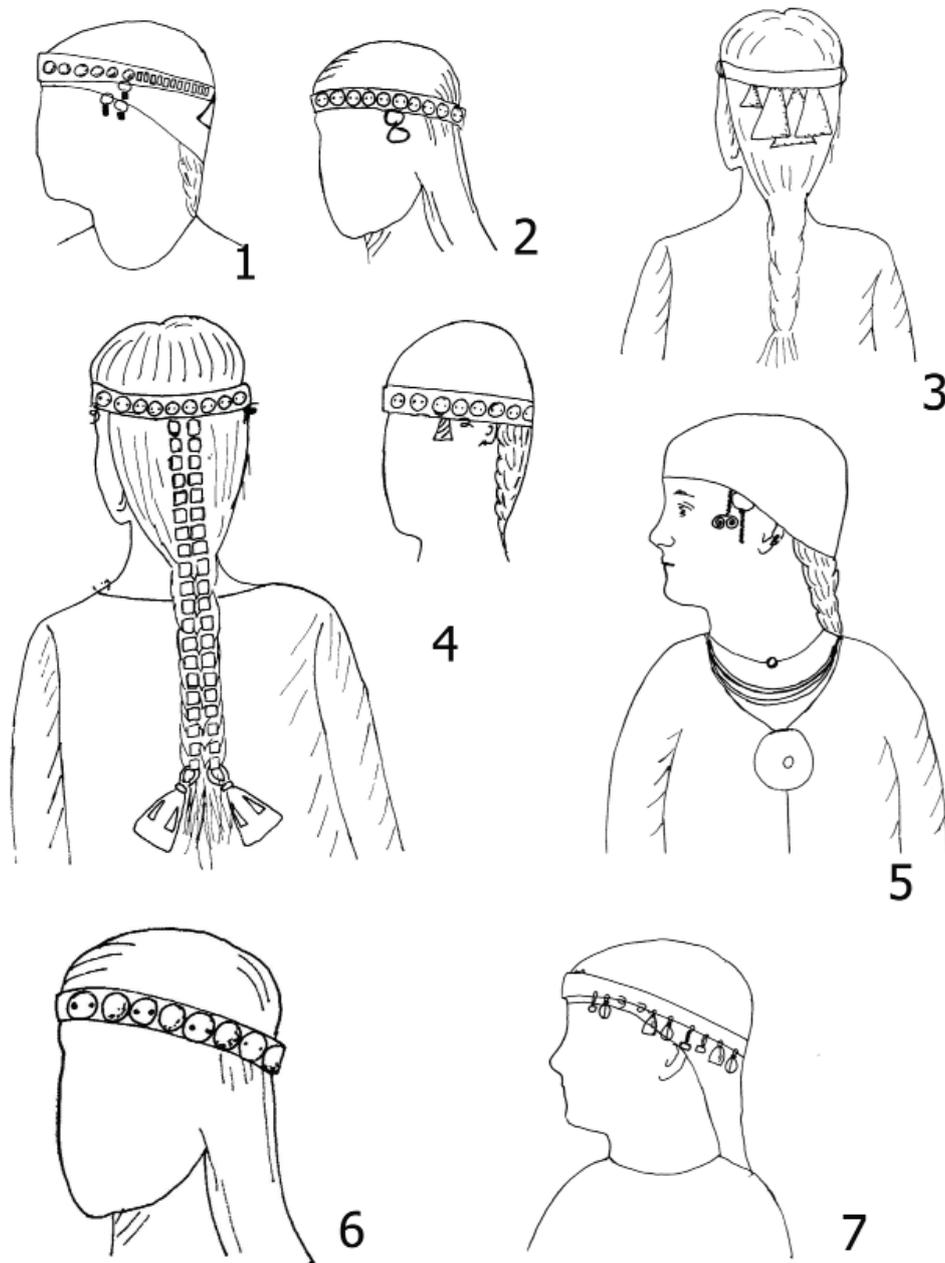

Рис. 1. Реконструкции женских головных и шейно-нагрудных уборов кара-абызской культуры: 1, 4 – Шиповский КМ (п. 1/к.5/Гр.-67 (Пшеничнюк, 1967, л. 8), п. 1/к.4/Гр.-66 (Пшеничнюк, 1966, л. 4); 2 – Уфимский мог. (п. 14) (Гольмстен, 1913, л. 27); 3, 5 – Охлебининский мог. (п. 299 (Пшеничнюк, 1981, рис. 337), 423(там же, рис. 699); 6 – I Биктимировский мог. (п. 46) (Пшеничнюк, 1964, рис. 34-35); 7 - III Биктимировский мог. (п. 7) (там же, рис. 16-17)

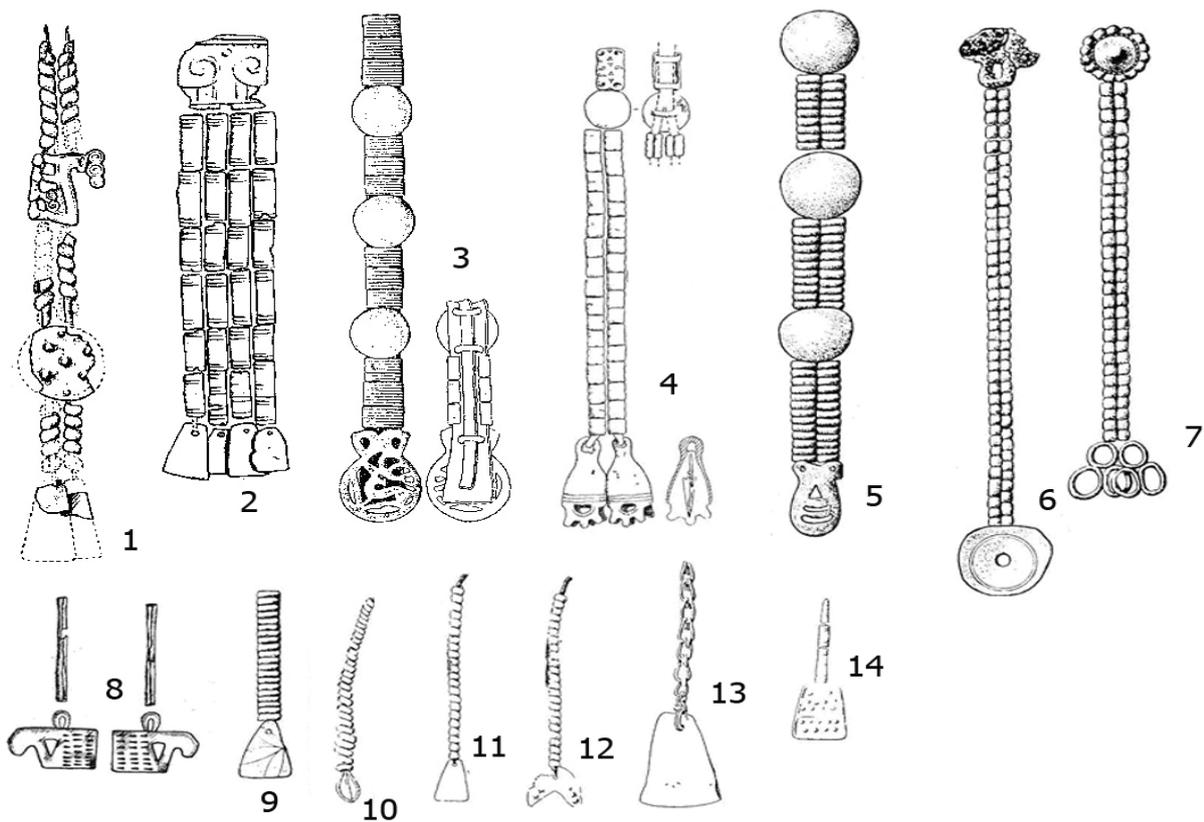

Рис. 2. Портупейные наборы и накосники кара-абызской культуры (по А.Х. Пшеничнюку): 1-4, 10-14 – Биктимировский мог., 5-9 – Охлебининский мог., (Пшеничнюк, 1964, рис. 4; Он же, 1968, рис. 10, 11; Он же, 1993, рис. 7, 9)

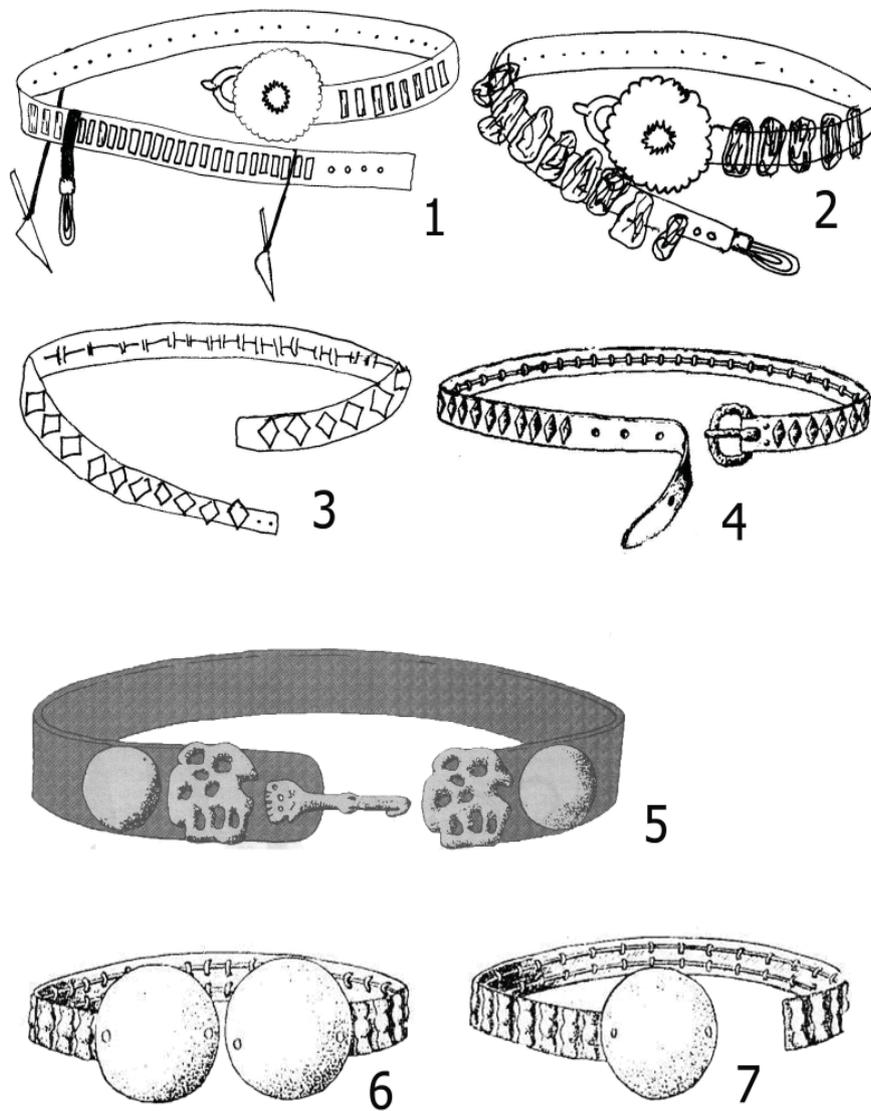

Рис. 3. Реконструкции кара-абызских поясных наборов (1-3 – по С.Л. Воробьёвой; 4-7 – по А.Х. Пшеничнюку): 1-3, 6, 7 – Охлебининский мог. (п. 126, 248, 479, 21, 8), 4 – Шиповский ГМ.; 5 – Шиповский КМ (Пшеничнюк, 1968, рис. 9: 11, 12; Он же, 1976)

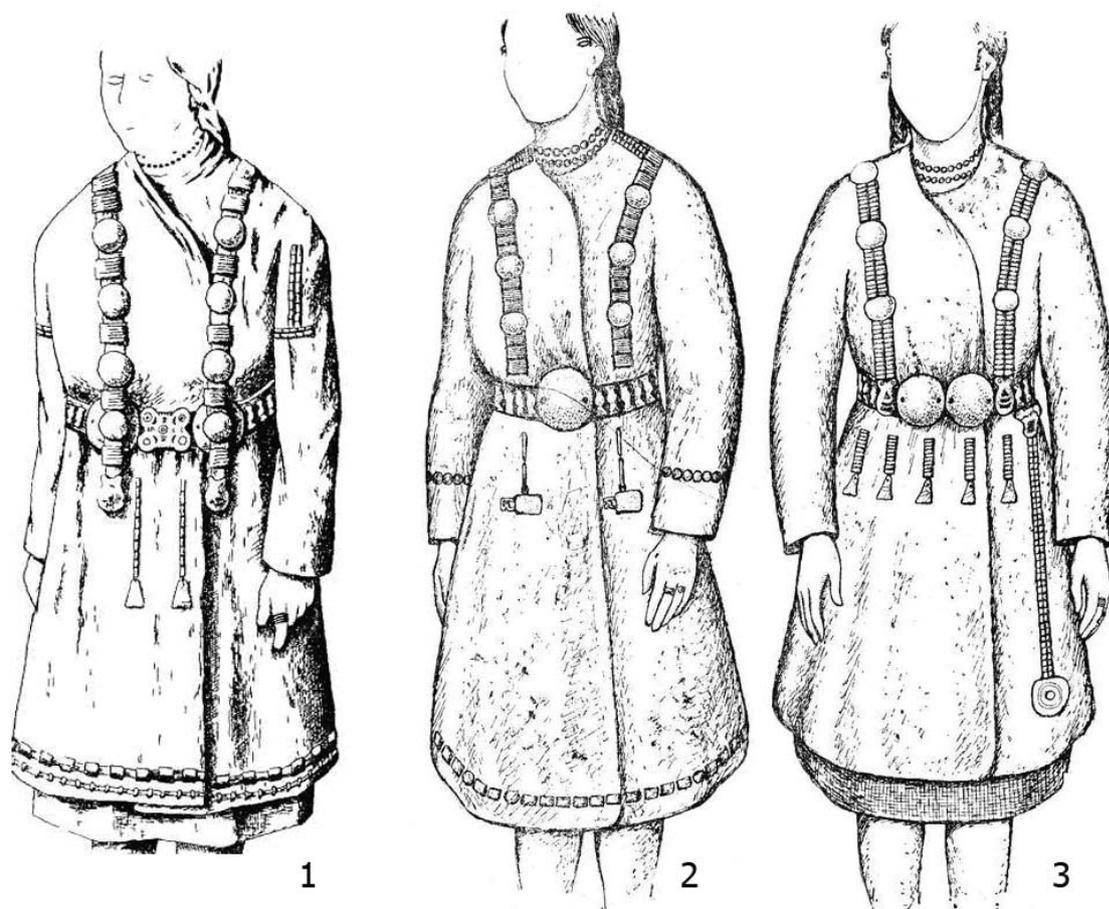

Рис. 4. Реконструкции женских кара-абызских костюмов (по А.Х. Пшеничному): 1 – I Биктимировский мог. (п. 46) (Пшеничный, 1964, рис. 6, с. 225); 2 – III Биктимировский мог. (п. 11); 3 – Охлебининский мог. (п. 21/I-65) (Пшеничный, 1973, с. 186, рис. 13: 14)

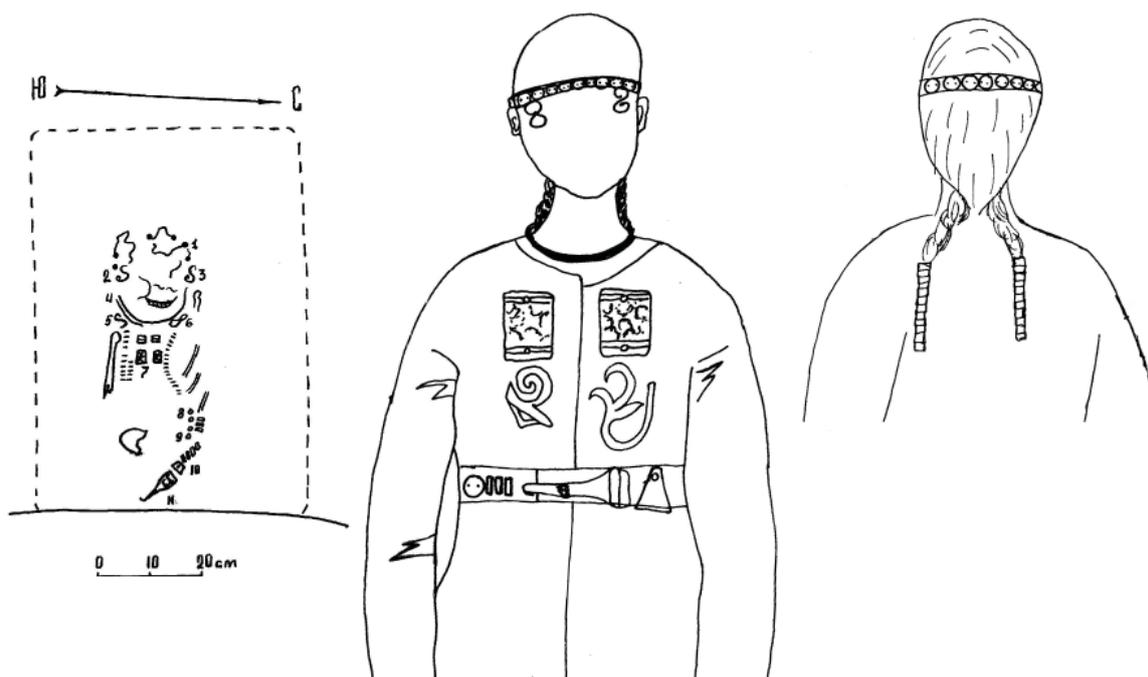

Рис. 5. Гипотетическая реконструкция женского кара-абызского костюма (Охлебининский мог., п. 85/II-65) (IV-II вв. до н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Пшеничнюк, 1965, рис. 198)

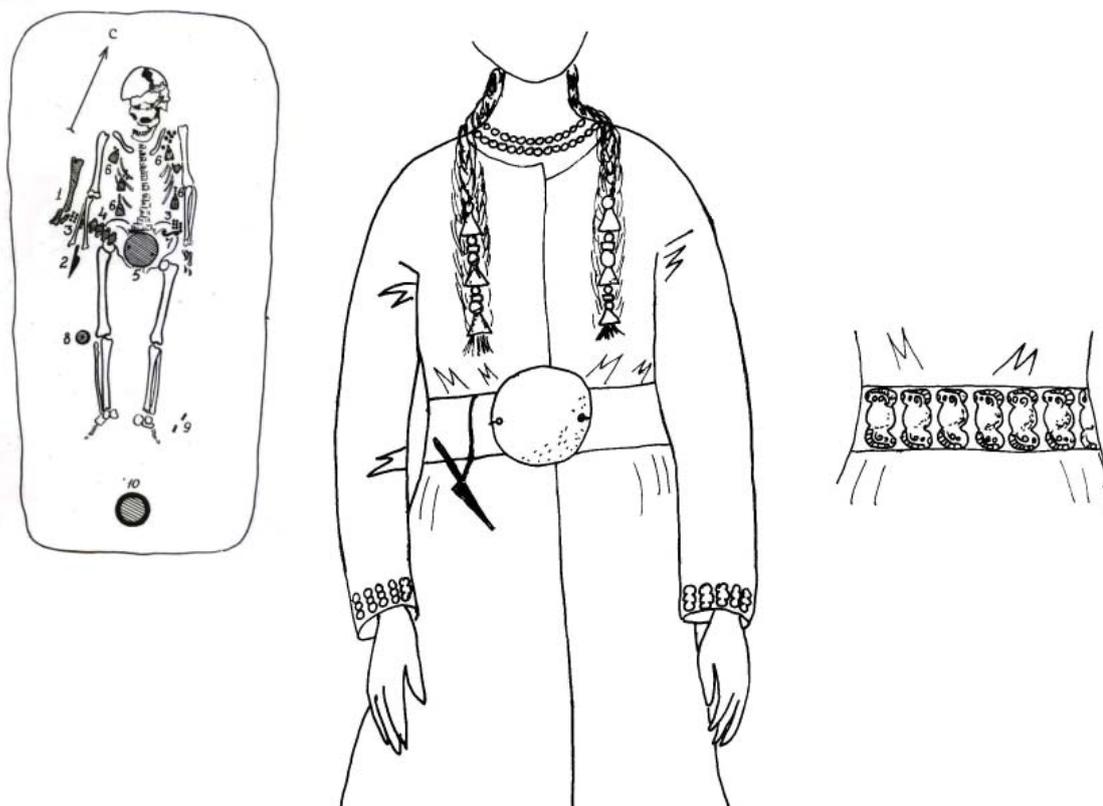

Рис. 6. Гипотетическая реконструкция женского кара-абызского костюма (Охлебининский мог., п. 62/1-80-82) (II в. до н.э. – II в. н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Пшеничнюк, 1980, рис. 181-184)

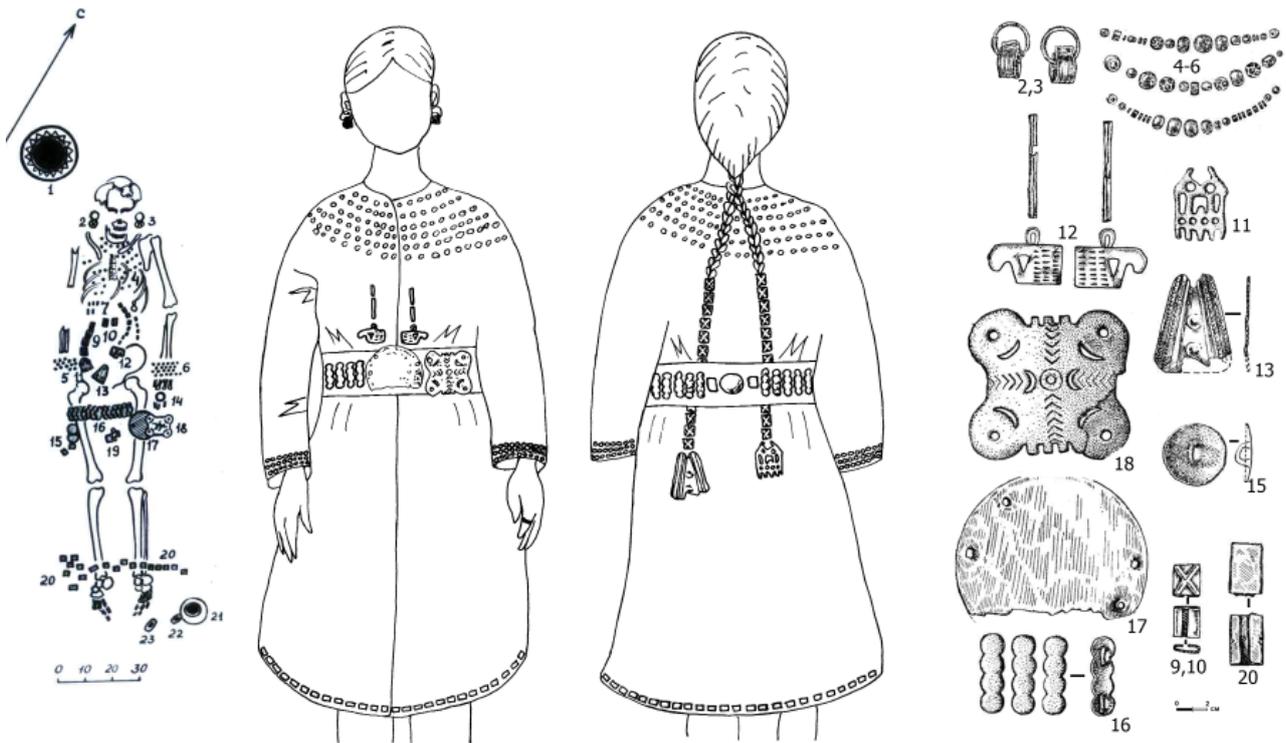

Рис. 7. Гипотетическая реконструкция женского кара-абызского костюма (Охлебининский мог., п. 126-80-82) (IV-II вв. до н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Пшеничнюк, 1980, рис. 376-381)

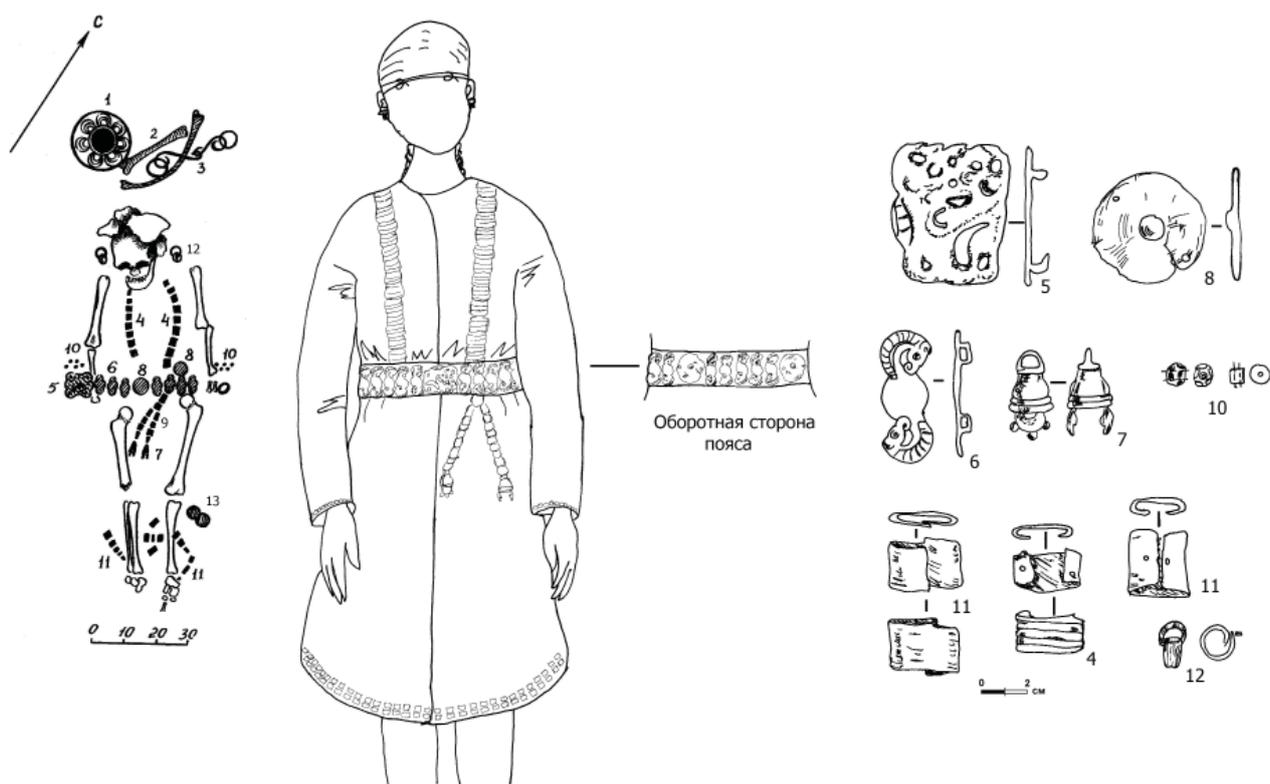

Рис. 8. Гипотетическая реконструкция женского кара-абызского костюма (Охлебининский мог., п. 346-80-82) (IV-II вв. до н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Пшеничнюк, 1980, с. 52-58)

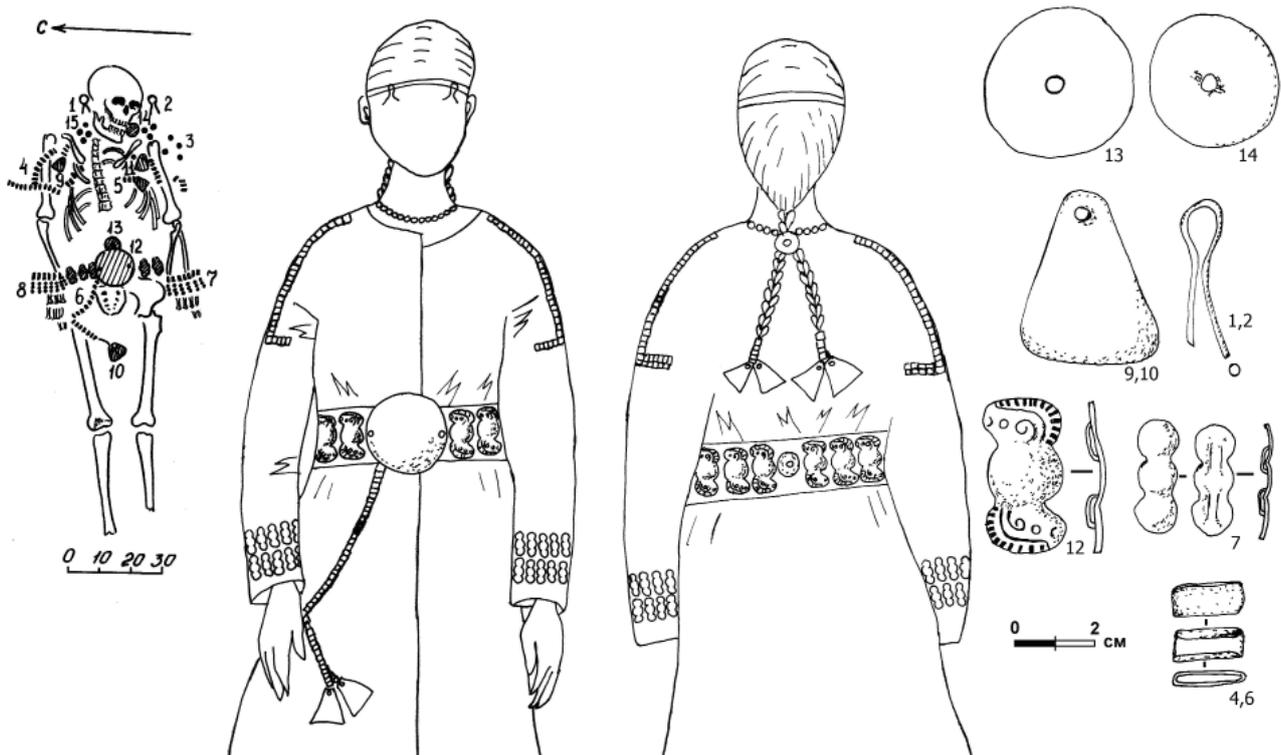

Рис. 9. Гипотетическая реконструкция женского кара-абызского костюма (Охлебининский мог., п. 452-80-82) (II в. до н.э. – II в. н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Пшеничнюк, 1981, с. 60)

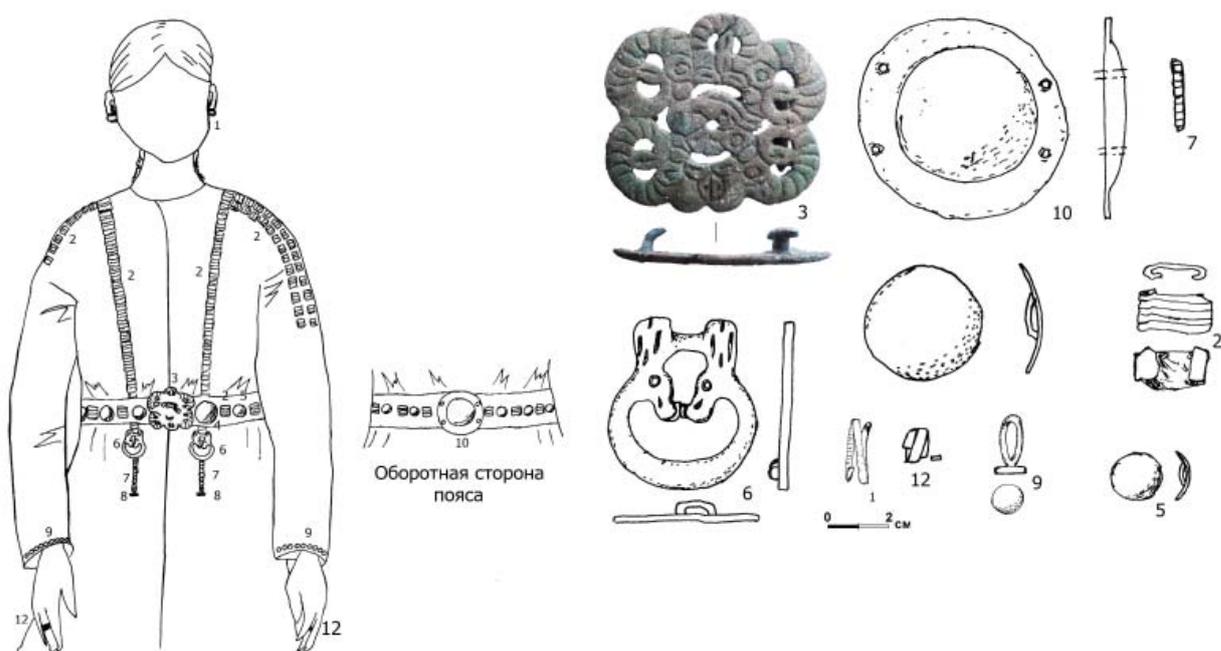

Рис. 10. Гипотетическая реконструкция женского кара-абызского костюма (мог. Кара-абыз-2, погр. 20) (IV-II вв. до н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Национальный музей Республики Башкортостан, фонд Археологии, ОФ 30078)

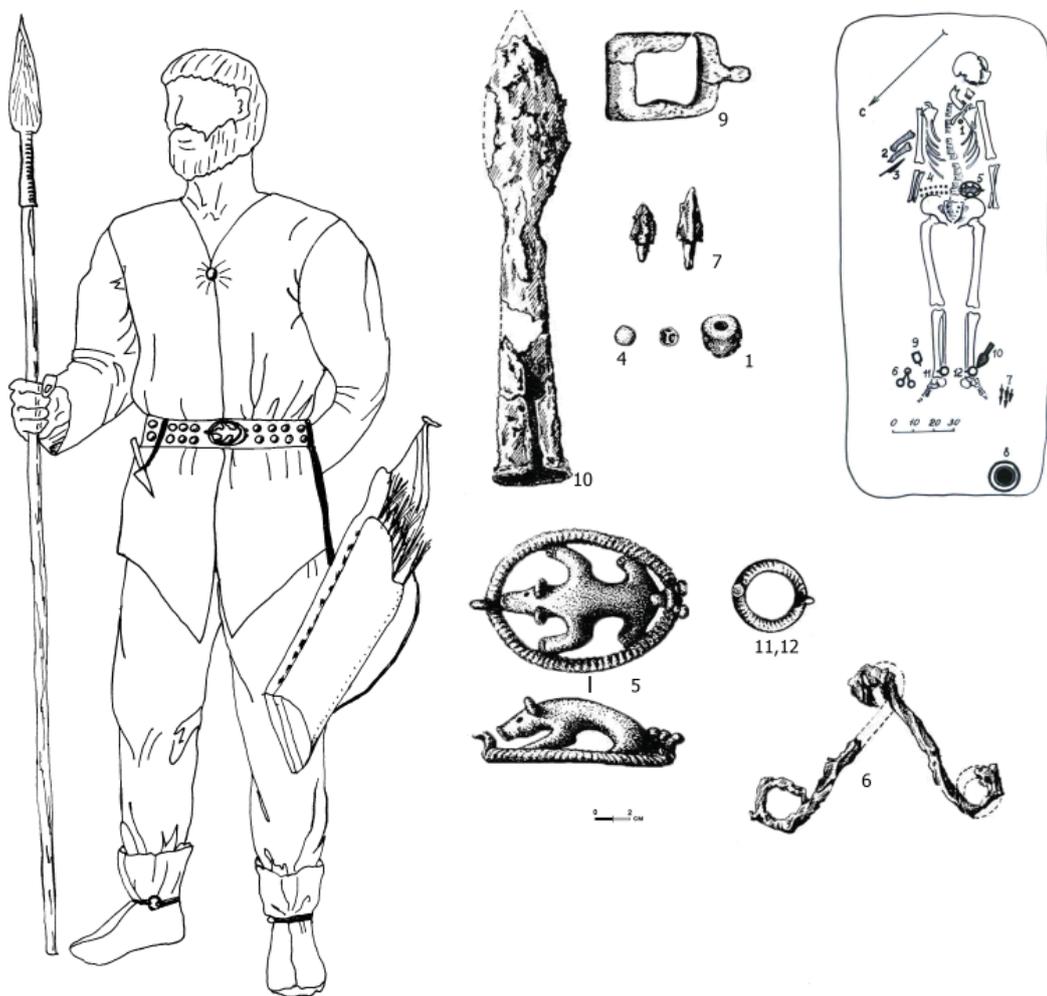

Рис. 11. Гипотетическая реконструкция мужского кара-абызского костюма (Охлебининский мог., п. 173-80-82) (II в. до н.э. – II в. н.э.) (автор С.Л. Воробьева, по материалам: Пшеничнюк, 1980, рис. 518-520).

УДК 902/904

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕКСТИЛЬНЫЕ НАХОДКИ XVII-XVIII ВВ. ИЗ СЛОБОДЫ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ В МОСКВЕ. АТРИБУЦИЯ, РЕКОНСТРУКЦИЯ

© 2019 г. И.И. Елкина

В статье рассматриваются текстильные находки XVII – XVIII вв., полученные в ходе археологических работ в 2014-2015 гг. на кладбище церкви Иоанна Предтечи в слободе Новодевичьего монастыря. Предметы находились в крайне неудовлетворительной степени сохранности. После изучения удалось определить их назначение и частично реконструировать облик и декор. Среди остатков наиболее интересными оказались фрагменты рубах, покровцы, оплечье фелони.

Ключевые слова: слобода Новодевичьего монастыря, кладбище, текстиль, золотное шитье, рубаха, покровец, оплечье, фелонь, реконструкция.

Текстиль – довольно редкая категория находок в археологии. За многие столетия, находясь в грунте, подавляющее большинство текстильных предметов полностью исчезает из-за климатических колебаний температуры и влажности, под воздействием химического состава почвы, грунтовых вод, бактерий и грибков. Во время археологических работ среди множества находок различной природы обнаруживаются лишь единичные текстильные предметы. Как правило, их сохранность связана с некоторыми благоприятными условиями залегания, контактами с металлическими предметами, природой самих текстильных волокон. Но даже в случае обнаружения эти предметы не имеют своего первоначального вида. Как правило, это темные неказистые и невзрачные фрагменты, порой многочисленные и разрозненные, потерявшие свой первоначальный цвет и форму. Большинство предметов по разным причинам исчезает уже после изъятия из грунта. Тем не менее любая текстильная находка, обнаруженная во время археологических работ, очень важна т.к. она является емким источником информации. Комплексное изучение предметов с момента обнаружения позволяет ответить на многие вопросы о видах, технологии, технике изготовления текстиля, об особенностях кроя и способах украшения одежды и других текстильных изделий. Текстиль, обнаруженный в погребениях, помогает в определении пола, возраста, статуса владельца. Графические реконструкции, выполненные на основе проведенных исследований, частично или полностью позволяют воссоздать первоначальный облик предмета.

В 2014 – 2015 гг. под руководством д.и.н. Л.А. Беляева проводилось археологическое

изучение некрополя XVI–XVIII вв. в зоне церкви Иоанна Предтечи в Новодевичьей слободе (г. Москва). Во время полевых работ были обнаружены многочисленные находки различной природы, в том числе и текстиль. Текстильные предметы находились во фрагментах и практически все имели неудовлетворительную степень сохранности. Текстиль зафиксирован в семи захоронениях, остатки четырех текстильных предметов выявлены в переотложенном слое кладбища.

Для каждого предмета на месте обнаружения проводилась графическая и фотофиксация *in situ*, выполнялось подробное полевое описание. После изъятия из земли предметы прошли полевую консервацию: проведена первичная механическая очистка мягкой кистью, по возможности, сняты деформации. Дальнейшее изучение предметов заключалось в проведении материаловедческого и структурного анализов, а также их атрибутирования. Подбор фрагментов между собой дал возможность максимально восстановить форму предметов и их орнаментацию. На основе проведенных исследований для некоторых предметов выполнены графические реконструкции.

Весь обнаруженный текстиль из Новодевичьей слободы относится к XVII–XVIII вв. Среди найденных предметов наиболее интересными являются оплечье фелони, декоративные отделки рубах, остатки покровцов на лицо погребенного.

Рубахи

При археологических раскопках в Новодевичьей слободе были выявлены остатки четырех рубах. Все найденные предметы являются элементами декоративных отделок и представлены во фрагментах. Фрагменты

обнаружены в трех детских захоронениях. Еще один предмет в виде комка неопределенной формы был найден в переотложенном слое кладбища.

Облик русских средневековых рубах известен по трем целым музейным экземплярам XVII в. из собрания ГИМ (Ефимова, Белогорская, 1982. Табл. 29; Ефимова и др., 2000. С. 14–15). Остальные средневековые рубахи археологические. Благодаря раскопкам позднесредневековых памятников на территории Москвы (некрополь Московского Кремля Кошлякова, 1986. С. 248–253), Зачатьевского монастыря, усыпальница бояр Романовых Новоспасского монастыря (Елкина, 2005. С. 86–97), некрополь церкви Козьмы и Дамиана на Тверской), Сергиевом Посаде, Суздале (усыпальница князей Пожарских в Спасо-Евфимьевском монастыре (Елкина, 2013. С. 230–232). и некрополь Покровского монастыря), Кирилло-Белозерском монастыре (усыпальница князей Воротыньских), Нижнем Новгороде (Орфинская, Голиков, Елкина, 2014. С. 153–160) и других мест увеличивается количество текстильного материала, в том числе и средневековых рубах. На сегодняшний день их насчитывается более 20 экземпляров. Подавляющее большинство рубах происходит из захоронений. Чаще всего от рубах остаются лишь декоративные элементы отделки, выполненные из нитей, содержащих металл, и цветного шелка. Дело в том, что наличие металла является одним из факторов сохранности органики. Частичная или полная сохранность цветных шелковых тканей и нитей обусловлена тем, что при окрашивании шелка вместе с красителем используют протраву в виде окислов железа или меди.

В традиционном русском костюме значительная роль отводится рубахам. Как и любой элемент одежды средневекового костюма, рубаха имела свой довольно устойчивый облик, сохранившийся практически неизменным на протяжении многих столетий (Рабинович, 1988. С. 142; Маслова, 1984. С. 87). Она была туникообразного покроя с глубоким разрезом на груди без воротника. Разрез мог быть как прямым так и сдвинутым в сторону (так называемая «косоворотка»). Материалом для рубах служили льняные или шелковые ткани (Забелин, 1915. С. 435). Поскольку домотканый холст был узким, с боков в стан рубахи вшивались прямоугольные или клиновидные «бочки». Для обеспечения свободы рук между рукавами и бочками под мышками вставлялись квадратные ластовицы. С изнан-

ки на плечах, спине и груди могла подставляться «подоплека» – второй слой ткани.

Любая средневековая рубаха традиционно украшалась декоративными элементами. Расположение декоративных элементов и использованный орнамент имели не только эстетическое значение. По средневековым представлениям, одежда должна была защищать тело человека не только от холода, но и от злых сил, которые при недосмотре могут принести много вреда. Особенно это касалось нательной одежды (Громов, 1977. С. 205). Наиболее уязвимыми частями тела считались шея, руки, ноги. Их защищали с помощью декоративных орнаментов-оберегов, покрывавших одежду в местах традиционного расположения орнамента. (Пармон, 1994. С. 170). Средневековые мужские рубахи имели свой определенный набор декоративных элементов - ворот (передец с окаймляющим вырез для шеи ожерелком или без него), манжеты, вошвы (декоративные элементы на плечах), шлицу (передний разрез на подоле – «прореха для шага»). Под декоративные элементы с изнаночной стороны рубахи подшивали подкладки (обтачки), обычно из красной шелковой ткани в размер декоративного элемента. Конструктивные швы рубахи часто оформлялись красными узкими лентами или плетеной тесьмой.

Несмотря на то, что крой рубах и расположение декоративных элементов на них были довольно каноничны, сам декор был самым разнообразным как по используемому материалу, так и по орнаментации. Средневековые мастерицы достигали своеобразия, варьируя декоративные элементы и способы их исполнения. Для украшения рубах использовались вышивка золотными и шелковыми нитями, плетеные тесьмы, узорные тканые ленты, кружево. Нередко из полос ткани или плетеных тесьм изготавливались узкие петлицы, которые нашивались рядами и использовались как вариант оформления застежки. Выбор ткани и способ украшения рубах зависели от достатка и статуса владельца.

Остатки рубах в виде декоративных элементов встречаются и в детских захоронениях. Археологический и этнографический анализ материала в целом показывает, что крой детских рубах, соразмерность и расположение их декоративных элементов полностью совпадают с обликом рубахи взрослого человека – отличается только размер. Однако, зафиксированы единичные случаи несоразмерности декоративных элементов с разме-

рами самих рубах. (Елкина, 2005. С. 92). Это связано с вторичным использованием декоративных элементов рубахи взрослого человека на детских. (Орфинская, Голиков, Елкина, 2014. С. 152).

Благодаря сохранности декоративных элементов и, учитывая консервативность покроя, мы имеем возможность воссоздавать первоначальный облик рубах. К сожалению, о реальных пропорциях и истинных размерах каждого конкретного экземпляра можно судить лишь приблизительно.

Рубаха 1. В переотложенном слое кладбища был выявлен текстиль, представляющий собой комок неопределенной формы. (рис. 1а). При проведении первичной полевой консервации комок удалось развернуть. Оказалось, что он состоял из многочисленных фрагментов золотного шитья. Дальнейшее детальное изучение показало, что фрагменты золотного шитья являются элементами декора рубахи, предположительно подростка. В ходе исследований удалось реконструировать орнамент декоративной отделки ворота и восстановить первоначальный облик рубахи. (рис. 1в).

Основная ткань рубахи оказалась полностью утраченной. По всей вероятности, это было льняное полотно. Непосредственно по этой ткани выполнялись декоративные элементы рубахи, которые представляли собой полосы вышивки шириной 1,4 см, выполненные в технике золотного шитья. Один, наиболее целый из найденных фрагментов, оформлял разрез ворота, глубина которого составляла не менее 17 см. В основу орнамента положен популярный для средневековья растительный побегок в виде вьющегося стебля с трилистниками. (рис. 1б).

Вышивка золотными нитями выполнена по шнуру. Первоначально по линиям орнамента выкладывался шнур, а затем его зашивали золотом перпендикулярно выкладке, в прикреп. Для вышивки рубахи использованы золотные нити толщиной 0,6-0,7 мм, полученные путем окручивания шелковых нитей тонкими полосками позолоченного серебра S-направлении. Орнамент золотной вышивки оконтурен красной шелковой нитью в технике стебельчатого шва.

С оборотной стороны вышивки зафиксированы остатки подкладки (обтачки) в виде крошечных фрагментов тонкой шелковой ткани красного цвета полотняного переплетения. Плотность нитей составляет 28-30 н/см по основе и утку. Нити слабой крутки. Шири-

на полос обтачки ввиду малых размеров фрагментов не восстанавливается.

Техника исполнения вышивки и использованная орнаментика характерны для XVI – VII вв.

Рубаха 2. В детском захоронении № 35 были обнаружены многочисленные текстильные фрагменты, содержащие металлическую нить. Большая часть фрагментов располагалась в области грудной клетки. Один из фрагментов, наиболее целый, определился как фрагмент декоративной отделки ворота.

Сохранившиеся фрагменты являются декоративными элементами рубахи и представляют собой вышивку, выполненную в технике двойного тамбура.

Золотное шитье в технике двойного тамбура – наиболее часто встречаемый вид оформления всех известных на сегодняшний день традиционных рубах XVI–XVII вв. Тамбурное шитье (петельчатый шов) выполнялось золотными нитями при помощи иглы или крючка с острым кончиком. (Курс женских рукоделий, 1992. С. 116-118). Двойной тамбурный (петельчатый) шов, в отличие от простого, был более плотным и сложным по исполнению. Основными элементами орнамента вышивки тамбуром для оформления рубах обычно являются растительно-геометрические мотивы, завитки, S-образные фигуры. Часто элементы зеркально симметричны между собой. В орнаменте декоративных элементов рассматриваемой рубахи использованы композиции из S-образных завитков. Ширина орнамента составляет 13 мм. Для вышивки использованы пряденые золотные нити полученные путем окручивания шелковых нитей тонкими полосками позолоченного серебра S-направления.

Рубаха 3. Довольно простой способ декорирования рубахи был зафиксирован в детском захоронении № 117. В области груди были выявлены медный нательный крест, медная шарообразная пуговица-гирька и витой шнурок.

Шнурок толщиной 2 мм свит из шелковых и металлических (золотных?) пряденых нитей. Он сохранил форму горловины и ворота рубахи, которые окантовывал. Сама рубаха полностью истлела. Реконструируемая длина разреза ворота составляет 12 см. Сверху ворот застегивался на шарообразную пуговицу-гирьку.

Рубаха 4. В детском захоронении № 3 обнаружен фрагмент металлического кружева. Фрагмент располагался в области груди

погребенного. Он представлял собой полосу металлического кружева, использованную в качестве окантовки декоративной отделки ворота рубахи. На это указывает характерно уложенное по форме горловины и разреза ворота расположение кружева *in situ*. Длина разреза ворота составляет 14 см. (рис. 2).

Основная ткань рубахи полностью истлела, но с оборотной стороны кружева зафиксированы крошечные фрагменты шелковой ткани, предположительно, окрашенной в красный цвет. Возможно, эти остатки ткани могли быть обтачкой ворота рубахи. Ввиду крайней деструкции волокон, плотность ткани определить не представляется возможным.

Для декоративной отделки рубахи использовано мерное кружево-аграмант шириной 2 см, выполненное из металлических (серебряных?) пряденых нитей в парной технике плетения. Орнамент -- решетка. Края кружева оформлены мелкими зубцами -- фестонами.

Металлическое кружево, плетеное на коклюшках, появилось в Западной Европе во второй половине XVI века и довольно быстро получило широкое распространение, благодаря своим декоративным качествам. (Курс женских рукоделий, 1992. С. 448). В Россию кружево в больших количествах активно завозилось с конца XVII века и в первой половине XVIII века. В это же время в России стали образовываться центры золото-серебряного кружевоплетения в царицыной Мастерской палате, в боярских и княжеских светлицах, женских монастырях. Кружево-аграмант с растительно-геометрическим орнаментом пользовалось особой популярностью в первой половине XVIII в. (Баранова, 1993. С. 5–7). Кружево-аграмант, зафиксированное в захоронении, указывает на то, что время создания рубахи -- не ранее XVIII в.

Покровцы

Покровец 1. Остатки золотой вышивки и металлических окислов были зафиксированы на теменной кости черепа погребенного, в районе плечей и в области грудины (здесь же обнаружен нательный крест с остатками ткани и вышивки). Под вышивкой отмечены фрагменты уцелевшей тонкой шелковой ткани изделия. На лицевой части черепа (на верхней и нижней челюстях) имеются остатки сильно деструктированной металлической тканой ленты и окисел в виде равноконечного креста. Выявленные окислы и сохранившиеся фрагменты вышивки указывают на то, что лицо погребенного в момент погребения

было покрыто декоративным платком. Наличие равноконечного креста в центре платка указывает, что изделие являлось покровцом. (рис. 3а-в).

Покровец -- квадратный плат, который обычно шился из шелковой или льняной ткани и украшался по периметру широкой полосой вышивки, тесьмой или кружевом. В центре располагалось изображение равноконечного или Голгофского креста.

Покровец из погребения № 105 реконструируется следующим образом: он представляет собой шелковый плат примерными размерами 40×40 см. По периметру изделия располагалась широкая полоса растительного орнамента шириной не менее 5 см, представляющего собой вьющийся стебель с листьями и бутонами. В центре покровца располагался равноконечный крест, выполненный из двух полос длиной 7 см металлической ленты (галуна) шириной 1,5 см. (рис. 3е).

Орнамент вышивки выполнен золотыми и цветными шелковыми нитями. Толщина золотых нитей составляет 0,7 мм. Нити получены путем окучивания шелковых нитей тонкими полосками позолоченного серебра в S-направлении. При изготовлении мастерица применила швы «елочка» и «стебельчатый шов». Обычно таким приемом пользовались при изготовлении тех изделий, на которых рисунок получался двусторонним с лицевой и изнаночной сторон. (рис. 3г-д).

В технике двустороннего шитья, аналогичной нашей находке, в XVI-XVIII вв. исполнялись ширинки. **Ширинка** -- это небольшой декоративный платок квадратной формы. Ширинка обычно шилась из белого холста и имела размер по ширине ткацкого станка (40×40 -- 50×50 см). По краям она имела орнаментальную кайму, шитую пряденым золотом и серебром и разноцветными шелками. В качестве орнамента использовались узоры -- стебель, дерево, цветочные штамбы, трилистники, животные (олени, единороги).

Нередко ширинки в качестве вкладов поступали в монастыри, где приспособлялись к церковным нуждам. В музее Сергиевского Посада имеется целая коллекция ширинок XVI-XVII вв., среди которых есть одна, которая использована как покровец. (Инв. 617). В центре ширинки нашит прямоконечный крест из золотого галуна. Размеры ширинки составляют 46,5×46,5 см. (Манушина, 1983. С. 152-162). Возможно, именно таким образом выглядела ранее и наша находка.

Покровец 2. При расчистке погребения 34, в области черепа и шейных позвонков были выявлены многочисленные разрозненные текстильные фрагменты, представляющие собой остатки вышитого изделия. Сама ткань изделия практически полностью истлела. Крошечные крайне деструктурированные фрагменты ткани зафиксированы лишь под вышивкой, но они позволяют определить, что основная ткань изделия была шелковой.

Вышивка выполнена в технике двустороннего шитья золотными и цветными шелковыми нитями. В шитье использованы шов «елочка» и «стебельчатый шов». Толщина золотных нитей составляет 0,7 мм. Нити получены путем окучивания шелковых нитей тонкими полосками позолоченного серебра в S-направлении. В уцелевших фрагментах угадываются растительные элементы орнамента. Характер вышивки аналогичен рассмотренному выше покровцу 1.

Таким образом, расположение текстильных остатков в погребении и сам характер вышивки позволяют предположить, что изделием мог быть покровец, которым было укрыто лицо погребенного в момент захоронения.

Оплечье¹

Наиболее интересным текстильным предметом, обнаруженным входе археологических работ в Новодевичьей слободе, является оплечье из мужского захоронения № 98².

Оно зафиксировано в виде многочисленных текстильных фрагментов, образующих форму трапеции *in situ* в области шеи, ключиц и плеч, а также под головой погребенного. Разброс фрагментов по длинной стороне трапеции составлял 60 см, в высоту – до 30 см. (рис. 4а). Фрагменты представляли собой элементы орнаментального шитья, выполненного металлическими нитями. Наличие металла объясняет их сохранность. Небольшие фрагменты основной ткани сохранились под вышивкой и местами в промежутках между вышитыми элементами. Также в погребении зафиксированы шесть медных позолоченных шарообразных полых филигранных пуговиц-гирек – в области грудины и поясничного отдела. В районе запястья находились застежки в виде медных проволочных крючков и петелек, а в области пояса – желез-

ная застежка прямоугольной формы. На груди погребенного обнаружен нательный крест.

Изучение текстильных остатков показало, что обнаруженное изделие было изготовлено из широкой полосы красного бархата. По бархату была выполнена орнаментальная вышивка в прикреп швом "косой ряд" прямыми золотными нитями. Размер раппорта орнамента составляет 26×20 см. (Илл. 4б-в).

В XVI-XVII вв. русские мастерицы наряду с русскими традиционными мотивами часто заимствовали узоры дорогих привозных восточных или западноевропейских тканей (Ефимова, Белогорская, 1982. С. 14; Манушина, 1983. С. 20; Золотая нить России..., 1993. С. 9). По всей вероятности, данная вышивка повторяет орнамент турецкой узорной ткани. Основу орнамента вышивки составляют растительные ветви, направленные вверх и образующие решетку из крупных остроовальных клейм. Орнамент, заполняющий клейма, представляет зеркально-симметричную композицию. В орнаменте использованы такие растительные элементы как стилизованный тюльпан, цветок гвоздики, бутоны роз, листья и другие. Подобное композиционное решение, декоративность, высокая степень стилизации элементов орнамента, четко читаемый рисунок характерны и довольно устойчивы для турецких тканей XVI-XVII вв. (Вишневская, 1984. С. 86; Кулланда, 2007. С. 14; Восточные и европейские ткани... каталог)

Форма и расположение остатков текстильного изделия *in situ*, указывает на то, что оно являлось декоративным элементом костюма – широким оплечьем трапециевидной формы. Предмет находился в захоронении в районе ключиц, шейного отдела и под головой погребенного. Такое местоположение оплечья дает возможность предположить, что оно имело жесткую основу и возвышалось над плечами. Подобный тип оплечья характерен для церковного облачения, а именно фелоней. (рис. 4г-д).

Основная ткань фелоня не сохранилась, но наличие остатков оплечья и расположение шарообразных пуговиц-застежек в захоронении позволяет реконструировать его облик.

Фелонь был длинным, а передний край по древнему канону спереди подстегивался на пуговицы (Богослужбные одеяния дьякона и иерея). Фелонь имел высокое твердое оплечье трапециевидной формы. Оплечье шито из красного бархата и украшено золотным орна-

¹ Подробное описание находки см. Елкина. И.И. Оплечье XVII в. из слободы Новодевичьего монастыря // КСИА. Вып. 241. 2015.

² По определению антрополога А.Н. Рассказовой погребение пожилого мужчины 55-60 лет.

ментальным шитьем, имитирующим облик XVI – XVII вв., хранящихся в музеях московского Кремля, ГИМ, Ярославского музея, турецкой ткани.

Оплечья, аналогичные по форме и технике исполнения, известны у фелоней Троице-Сергиевой Лавры и др.

ЛИТЕРАТУРА

Баранова Г.К. Золото-серебряное кружево XVII — начала XX века. Каталог. М.: изд-во «СОРЕК», 1993. 96 с.

Вишневецкая И.И. К вопросу об атрибуции ткани саккоса митрополита Дионисия // Произведения русского и зарубежного искусства XVI — начала XVIII века: Материалы и исследования, М.: Искусство, 1984. 248 с.: ил.

Восточные и европейские ткани в собрании Государственного Исторического музея. Каталог: М.: ГИМ. б.г.

Громов Г.Г. Русская одежда // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1977. 288 с.

Елкина И.И. Одежда, головные уборы и погребальные облачения из усыпальницы рода Романовых в московском монастыре. // Станюкович, А.К., Звягин, В.Н., Черносвитов, П.Ю., Елкина, И.И., Авдеев, А.Г. Усыпальница дома Романовых в московском Новоспасском монастыре. Кострома: Линия График, 2005. С. 85–114.

Елкина И.И. Текстиль из усыпальницы князей Пожарских и Хованских. Спасо-Евфимиев монастырь, 2008 г. // Беляев Л.А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: ИА РАН, 2013. С. 230–238.

Елкина И.И. Оплечье XVII в. из слободы Новодевичьего монастыря // КСИА. 2015. № 241. С. 323–327.

Ефимова Л.В., Белогорская Л.Р. Русская вышивка и кружево: собрание ГИМ. М.: Изобразительное искусство, 1982. 272 с., илл.

Ефимова Л.В., Алешина Т.С., Самохин С.Ю. Костюм в России XV–XX начало вв. из собрания Государственного исторического музея. М: изд-во «Артродник», 2000. 231 с., илл.

Забелин И.Е. Домашний быт русских царей в XVI–XVII столетиях. Т. I. М. 1915. 900 с.

Золотая нить России. / Шитье, парча, костюм, драгоценности XVI XX веков. 1993. М.: ГИМ, 80 с., илл.

Кошлякова Т.Н. Мужские рубахи конца XVI – начала XVII в. из погребений царя Федора Ивановича, царевича Ивана Ивановича и князя М.В. Скопина-Шуйского в Архангельском соборе Московского Кремля // Древняя одежда народов Восточной Европы: материалы к ист.-этногр. атласу. / Отв.ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. С. 248–253.

Кулланда М.В. Художественный текстиль Османской империи XVI – начала XX веков. М.: ГМВ, 2007. 168 с.: ил.

Курс женских рукоделий, М. Изд-во «Российский писатель», 1992 (репринт 1902 г.) 545 с.

Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М.: Наука, 1984. 216 с.

Манушина Т.М. Художественное шитье Древней Руси в собрании Загорского музея. М.: Советская Россия, 1983. 296 с.

Орфинская О.В. Голиков В.П. Елкина И.И. Средневековая мужская рубаха из Нижнего Новгорода // Нижегородская старина. 2014. Вып. 41-42. С. 153–160.

Пармон Ф.М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М.: Легпромбытиздат, 1994. 270 с.

Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.: Наука, 1988. 312 с.

Богослужбные одеяния дьякона и иерея. URL:<http://simvol-veri.ru/xp/bogoslujebnie-odeyaniya-diakona-i-iereya.html> Дата обращения: 14.02.2019

Информация об авторе:

Елкина Ирина Игоревна, научный сотрудник. Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); ira-elkina@yandex.ru

ARCHAEOLOGICAL TEXTILE FINDINGS OF 17TH-18TH CENTURIES FROM THE CLOISTER OF NOVODEVICHY CONVENT IN MOSCOW. ATTRIBUTION AND RECONSTRUCTION

I.I. Elkina

The article considers textile findings of the 17th-18th centuries obtained in the course of archaeological works in 2014-2015 at the cemetery of the Church of St John the Baptist in the cloister of Novodevichy Convent. The items were in a highly unsatisfactory condition in terms of preservation. After their studying it was possible to determine their purpose and partially reconstruct the appearance and decoration. The most interesting remains were fragments of shirts, covers and vestment mantle.

Keywords: Novodevichy Convent Cloister, cemetery, textile, gold embroidery, shirt, shroud, mantle, vestment, reconstruction.

About the Author:

Elkina Irina I. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; ira-elkina@yandex.ru

Рис. 1. Декоративная отделка рубахи 1.: а) Текстильные остатки после изъятия из грунта; б) Фрагмент декоративной отделки. Золотное шитье в прикреп; в) Графическая реконструкция ворота.

Рис. 2. Декоративная отделка ворота рубахи 4. Кружево на коклюшках.

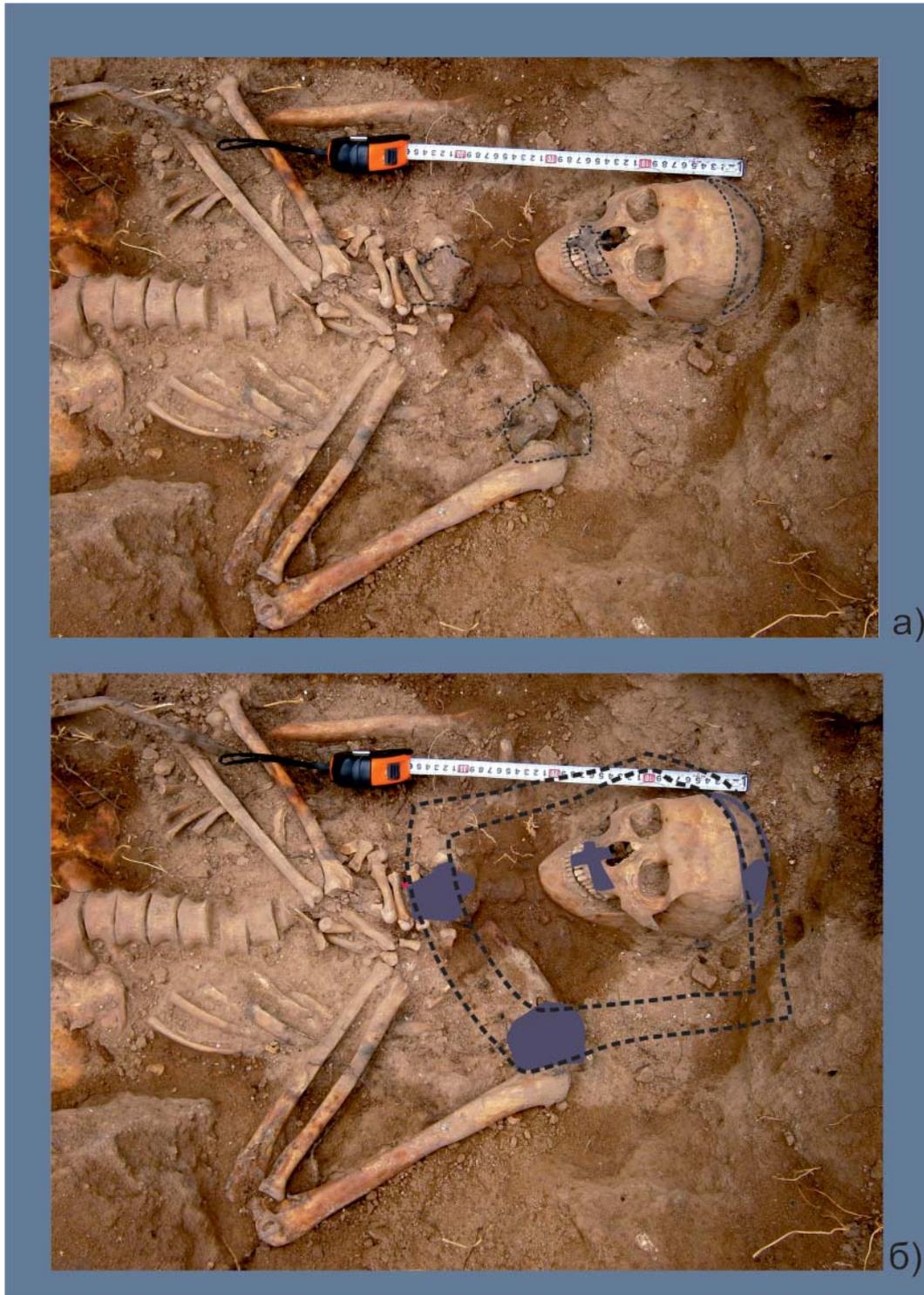

Рис. 3. Покровец 1. а). Расположение текстильных остатков и металлических окислов в захоронении; б). Реконструкция расположения покровца в погребении

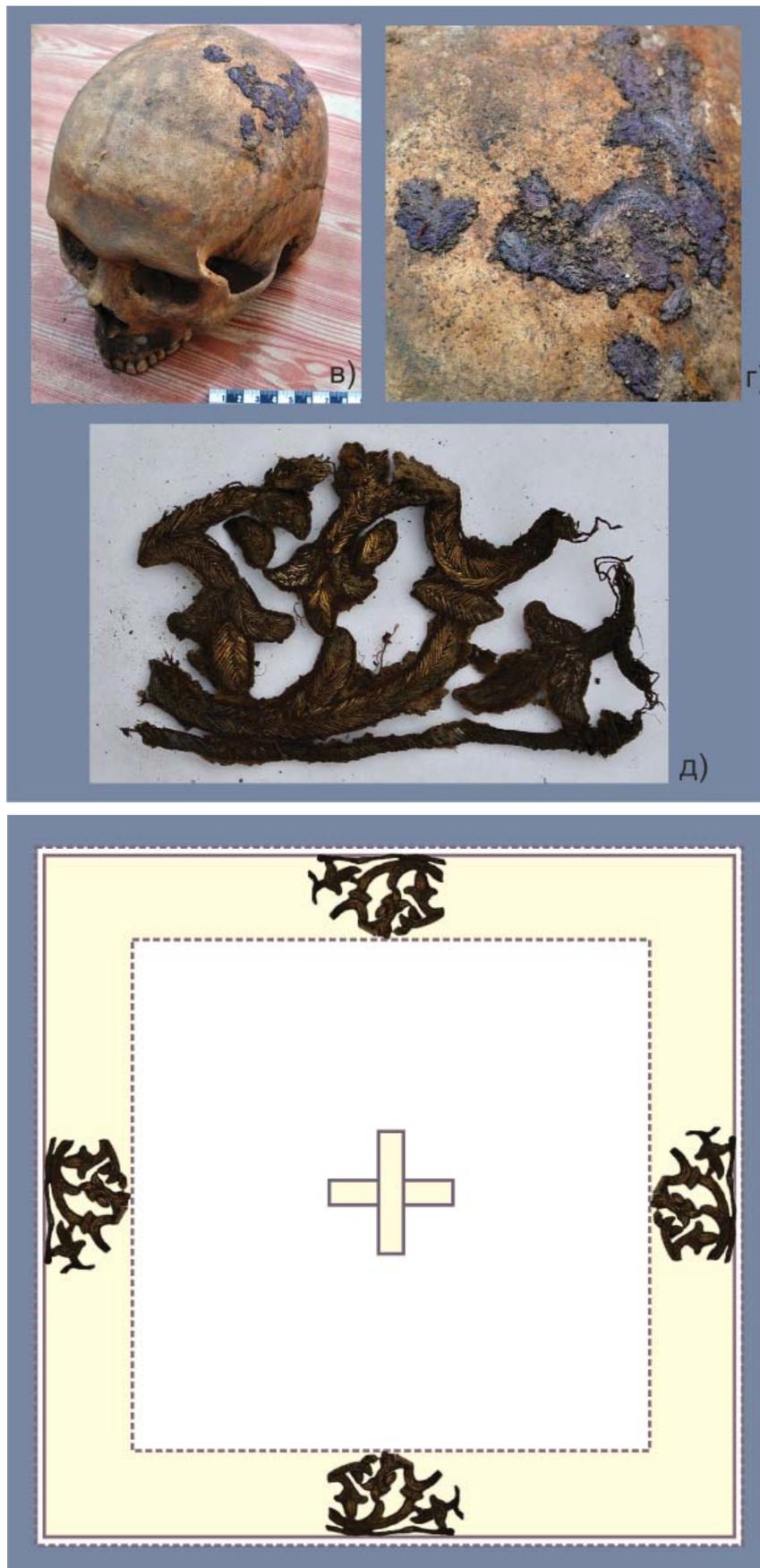

Рис. 3. Покровец 1. в). Текстильные остатки на черепе погребенного; г). Текстильные остатки на теменной части погребенного. Макрофотосъемка; д). Фрагмент двустороннего золотного шитья. Фрагмент находился в области груди погребенного; е). Покровец. Графическая реконструкция.

Рис. 4. Оплечь фелони: а). Текстильные остатки в погребении. Фото; б) Фрагмент оплечья. Золотое шитье в прикреп; в). Графическая реконструкция раппорта.

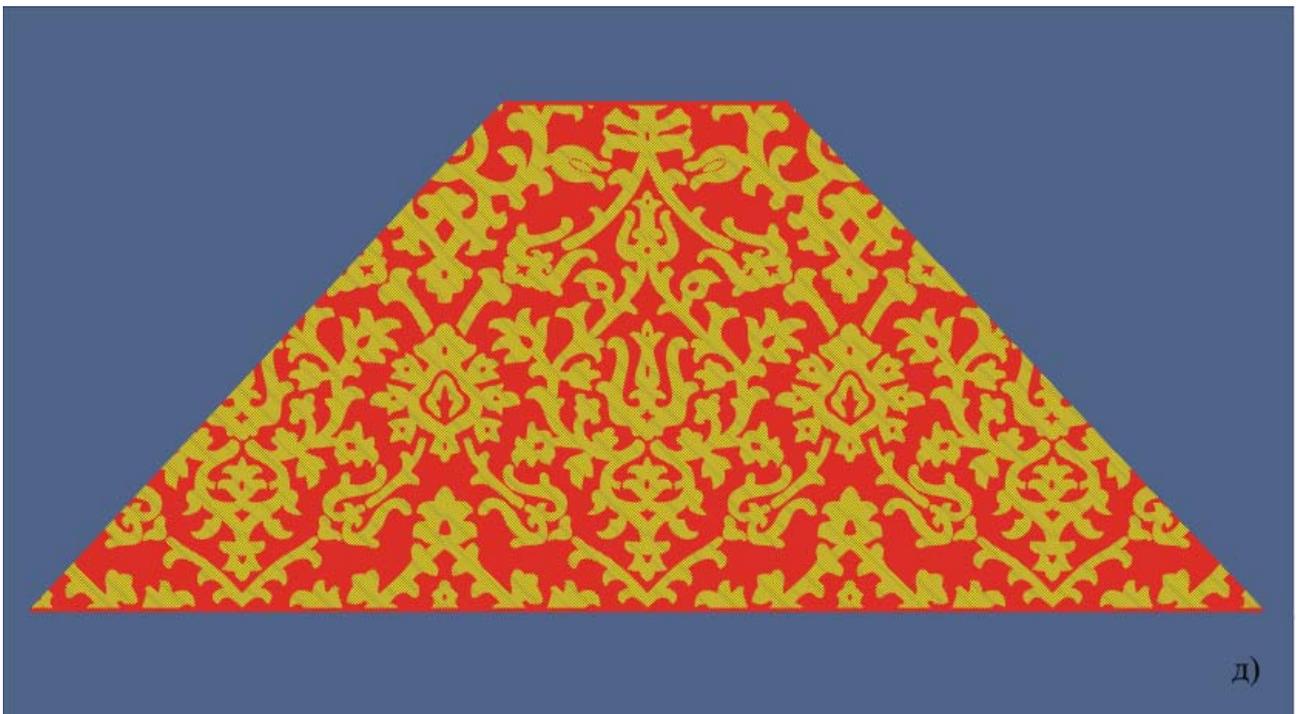
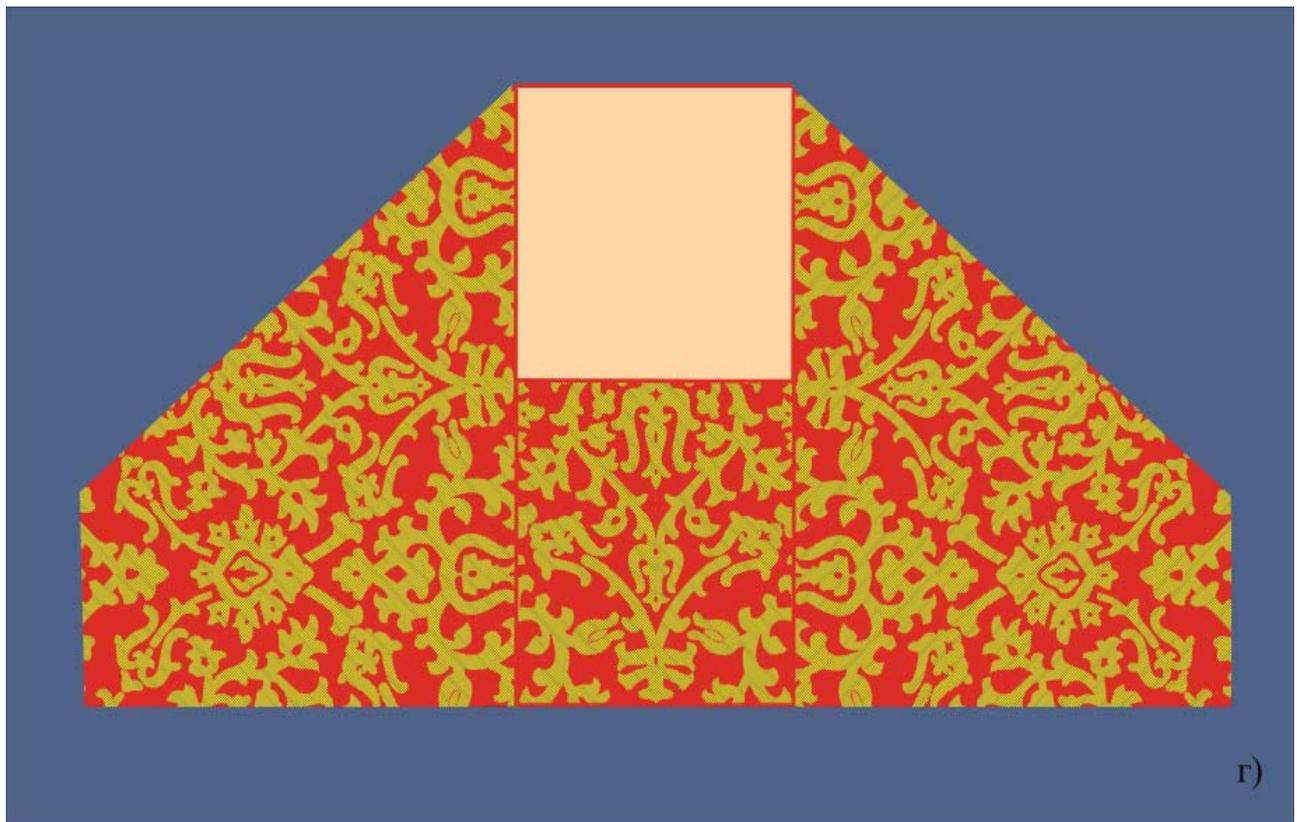

Рис. 4. Оплечье фелони: г). Графическая реконструкция оплечья. Вид спереди; д). Графическая реконструкция оплечья. Вид сзади

УДК 902/904

ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ / ВОСТОК; ДРЕВНЯЯ РУСЬ / ВИЗАНТИЯ. СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОСТЮМА И ГОЛОВНЫХ УКРАШЕНИЙ

© 2019 г. Н.В. Жилина

История соседних государств – Волжской Булгарии и Древней Руси – шла синхронно, но в разных культурных направлениях. Принятие разных монотеистических религий стимулировало яркие культурные изменения в X–XI вв. В XII – первой трети XIII в. и там, и здесь наблюдаются расцветы ювелирного ремесла и убора из украшений. При использовании местной основы восприняты образцы нового, пришедшие из разных источников, для Руси – из Византии, для Волжской Булгарии – из Арабского Халифата и стран Востока. В Волжской Булгарии развивается мусульманский костюм, в Древней Руси – христианский. Первые шаги ювелирного дела аналогичны, используется филигрань крупных параметров. Впоследствии применяется филигрань миниатюрных параметров, происходит переход к ажурной конструкции украшений, которая в Волжской Булгарии и Древней Руси оказывается в целом различна. Наблюдается сходный интерес к восточным ажурным украшениям. И там, и здесь развивается рациональная форма трехбусинного кольца, носимого преимущественно в системе головного убора. В Волжской Булгарии кольца сохраняют подвески с бусинами, появляется цилиндрико-овальная форма бусин, связанная с местной и исламской традицией. На Руси актуальны шарообразные и овально-конические формы бусин. И там, и здесь востребованы местные формы шумящих украшений, связанные с языческими верованиями. И исходные формы, и их ювелирные воплощения разные. Результаты ювелирного апогея оказались существенно различны как по формам украшений, так и по технологии. При различиях в конкретных формах сходен сам процесс перехода к более развитому ювелирному делу и новому убору из украшений.

Ключевые слова: убор, украшения, височные кольца, серьги, бусины, Волжская Булгария, Древняя Русь.

Вехи истории соседних государств – Волжской Булгарии и Древней Руси – отражают синхронное развитие, но в разных культурных направлениях. Субстрат культур в целом различен: оседающие в Среднем Поволжье кочевники болгары, приуральско-камские народы – для Булгарии; славяне, скандинавы, финны и другие народы – для Древней Руси. Сходным является соприкосновение с культурой поволжско-камских финнов.

Сложившееся во второй половине IX в. государство Древняя Русь, в политике и культуре тесно связанное с Византийской империей, сохранило независимость. В конце IX – X в. развивается ювелирное ремесло (филигранное дело).

К X в. болгары перешли к оседлому образу жизни, кочевание сохранялось на уровне сезонного занятия. Государство Волжская Булгария, освободившись от зависимости от Хазарского каганата, перешло под протекторат Арабского халифата. С X в. начинается дифференциация ремесла, выделяется ювелирное (Смирнов, 1951, с. 27, 145; Степи..., 1981, с. 208).

В X в. обе страны принимают монотеистические религии, но разные: Булгария – ислам, Русь – православный вариант христианства. И там, и здесь начинается период ярких культурных изменений, сказывающихся к концу XI в. В XII – первой трети XIII в. и в Булгарии и на Руси наступают блестящие расцветы новых культур, в том числе – ювелирного ремесла и убора из украшений.

Русские проживали на территории Булгарии, а выходцы из Булгарии – на территории Руси (Полубояринова, 1993, с. 9, 73, 74, 88, 89, 98–109). В результате военных столкновений население той и другой страны попадало в плен на чужбину (ПСРЛ, т. X, л. 84, 85). Заключались династические браки. Супруга Андрея Боголюбского была «болгарка родом» (ПСРЛ, т. XV, стб. 250). При строительстве Георгиевского собора в Юрьеве Польском в 1230 г. «мастер был болгарский» (Татищев, 1995, т. III, с. 226; Смирнов, 1948, с. 93–97). Через Булгарию на Русь ввозились болгарские и восточные ремесленные товары (Валеев, 1986, с. 26).

Ювелирные изделия Волжской Булгарии известны у русского населения: москов-

ский клад 1988 г. (Жилина, 2014, № 197/6, 8, 11). Древнерусские изделия известны по болгарскимкладам и другим находкам (Смирнов, 1948, с. 98–100, рис. 1–3; Гущин, 1936, с. 80–83, табл. XXX: 5; XXXII: 1, 4, 6, 10; XXXIII: 4, 6–8; Полубояринова, 1993, с. 26, 27, рис. 6: 1, 3, 5). Русский элемент в культуре волжских болгар и болгарский элемент на Руси остаются неразстворенными.

Костюм. В X–XI вв. в различных районах территории Болгарии сохранялись традиции костюма поволжских и прикамских финнов, тюрко-угорских племен, славян (Руденко, 2010, с. 330–334).

В костюме финнов основная одежда туникообразная, предполагается верхняя распашная. Распространены ленточный и полотенчатый головной убор, шапка (удмурты, мари), формируется кичкообразная конструкция (мордва) и жесткая (удмурты, мари) (Финно-угры..., 1987, с. 102–104, 110–112, 132–135, 140–143; Жилина, 2016, с. 261–267, рис. 3).

В состав мужского кочевнического восточноевропейского костюма VIII–X вв. входили: меховая или войлочная шапка (тюркский «калпак»; основная одежда: рубаха, кафтан, штаны; верхняя одежда – полушубок мехом внутрь; парадный пояс с металлическими накладками и подвесными ремешками и повседневный. В качестве основной конструкции женской одежды предполагается туникообразная (Руденко, 2010, с. 330; Жилина, 2017) (рис. 1, I: 1, 2).

После принятия ислама в Волжской Болгарии распространяется новый тип восточного или общеисламского костюма, созданный под эгидой Арабского Халифата. Состав мужского: туникообразная рубаха, штаны, кафтан, халат, плащ, чалма; женского: туникообразная рубаха, распашное платье, широкие штаны; объемный плащ, покрывала для головы и лица (Вейс, 2000. Т. II. С. 151–185). Резкой типологической разницы с прежним новым костюмом не имел, но некоторые особые виды одежды, вероятно, усваивались не сразу или – не полностью, например, женское распашное платье, штаны (нетипичны до XIV в.), сложная система головных и лицевых покрывал. Девичьи головные уборы состояли из матерчатой ленты или платка, женские не поддаются реконструкции.

Требование Ислама к женской одежде закрывать лицо, судя по свидетельству Ибн-Фадлана, в Болгарии строго не соблюдалось: «Я долго старался заставить женщин

закрывать лица [в присутствии] мужчин, но мне не удалось добиться этого» (Книга..., 2016. С. 39). По всей видимости, исламские нормы впоследствии окрепли.

В IX–XI вв. стали использоваться тонкие ткани: шелк и парча, в частности, византийская (Книга..., 2016, с. 33; Смирнов, 1951, с. 80; Казаков, 1992, с. 95, 100; Руденко, 2010, С. 331, 332). Дорогая восточная одежда и украшения входили в состав дипломатических даров. Миссия Ибн-Фадлана привезла в Болгарию многочисленные «одежды и жемчуг для него [царя] и его жены. Я даровал их им, вещь за вещь, пока не закончил со всем этим» (Книга..., 2016. С. 33). Дарение супруге царя халата имело вид торжественной церемонии: «Затем я облачил его жену в почетный халат на виду у всех людей. ... Когда я облачил ее в халат, женщины рассыпали на нее серебряные монеты...» (Книга..., 2016. С. 33). Упоминается портной, обслуживавший болгарского царя, родом из Багдада: «портной, служивший у царя болгар, а он [был] из жителей Багдада и случайно попал в эту страну (Книга..., 2016, с. 37; Смирнов, 1951, с. 79, 80; 1948, с. 97, 146). Тем не менее, востребованность профессии эмигранта из Арабского Халифата не случайна.

Новый мусульманский костюм постепенно усваивается, становясь одинаковым для мусульманского населения разного этнического происхождения и уклада жизни.

Древнерусский костюм с конца VIII в. переходит на туникообразную конструкцию основной одежды (рис. 1, II: 2). Ношение драпированного верхнего хитона с парными фибулами оставалось характерно для скандинавских по происхождению женщин. Драпированность сохраняла и верхняя одежда, застегиваемая фибулами (плащи). Влияние конструктивно сходного парадного византийского костюма принципиально не изменило славянскую основу, добавились узорные нашивки по вороту, подолу, зарукавьям (Кондаков, 1929, с. 223, 228, 232, 278, 279). Но одежда многих княжеских семей, видимо, сохранила достаточно простой вид (рис. 1, II: 3, 4). Мужской головной убор – полусферическая шапка с отворотом или опушкой, парадная – с драгоценными украшениями (Жилина, 2017, рис. 1: 17–27).

Ибн Фадлан определенно свидетельствует о том, что русы «не носят ни курток, ни хафтанов, вместо этого их мужчины носят одеяние, которым они закрывают половину

туловища, так что одна из рук остается обнаженной» – плащ (Книга..., 2016, с. 42).

В погребениях второй половины X в. зафиксирована одежда с застежкой на пуговицы, в которой предполагают кафтан со стыкующимися полами и петлицами (Михайлов, 2016, с. 415–427, рис. 3, 9, 11–13). Изображения княжеской древнерусской одежды XI в. не показывают явно распашной одежды и застежки на пуговицы. Вертикальный разрез по археологическим материалам и изображениям не на всю ее длину, а лишь на груди, до талии (Зубкова, Орфинская, 2016, с. 379–381) (рис. 1, II: 1). У младшего сына князя Святослава XI в. заметен вертикальный разрез до талии и горизонтальные линии петлиц (рис. 1: II, 4). Конструкция византийского «скармангия», возможно, ездового кафтана болгарского происхождения, по письменным источникам точно не определяется, пока нет данных о распространении его на Руси (Кондаков, 1929, с. 204, 226, 227, 232–238, 250–252).

На наш взгляд, происходит удлинение застежки ворота туники до пояса, что создает предпосылки для развития распашной конструкции; удобство для движений обеспечивают боковые разрезы (рис. 1, II: 1, 2, 4).

Проявляется интерес к восточной одежде: китайский халат с запахом из Гнездово, погребальная одежда «знатного руса» по описанию Ибн-Фадлана (Меч и златник..., 2012, № 239; Пушкина, Орфинская, 2011, с. 92–96; Книга..., с. 43, 44).

Без сильных противоречий с местной славянской основой усваивается византийский парадный костюм и принципы его ornamentации. Он усредняет и стирает различия в costume христианского населения разного происхождения, славян, скандинавов, финнов. В этом процессе играет роль и славянская колонизация (Жарнов, 1991, с. 219, 220; Археология..., 2009, с. 91, 92, 97–114).

Головные украшения.

Волжская Булгария. У населения Среднего Поволжья наблюдались разные традиции головных украшений. Для салтовского компонента характерны серьги, для финско-гонаселения – височные кольца и серьги, но на территории сложения Булгарии височные кольца оказались почти не распространены (Степи..., 1981, рис. 37: 1–7, 97–99, 139–141; 52: 46, 48, 52, 53, 77–79; Иванова, 1999, рис. 6: 1–13; Никитина, 1999, рис. 8, 10: 1–6; Вихляев, Петербургский, 1999, рис. 3: 8–10, 7: 3, 4).

Две группы археологических памятников второй половины VIII – первой половины

IX в. соответствуют этно-культурным регионам будущего государства (Казаков, 1992, с. 33, 34). Для салтовского круга характерны серьги кочевнического облика (рис. 2: Ia, 1–7); для прикамско-приуральского, кроме того, гроздевидные формы головных украшений (рис. 2: Ib, 1–18) (Путешествие..., 2016, № 303). На некоторых украшениях используются напускные бусины.

В IX–X вв. украшения обеих групп сблизились, к этому периоду относятся и большие контакты с финским населением (рис. 2: Ia, 8–21; Ib, 19–30). Распространены каплевидные салтовские серьги и гроздевидные финские украшения (Казаков, 1992. С. с. 77, 87, 175, 176). Известны и серьги миндалевидной формы (Полякова, 1996, с. 174, рис. 60: 26). Головной убор украшают серебряные и бронзовые штампованные нашивные бляшки геометрических форм (Казаков, 1992. С. 170, 171, рис. 61: 1–14).

Этот вариант взаимодействия можно определить как породнение уборов, обусловленное проживанием населения рядом и в сходных условиях (тенденция перехода к оседлости). Породнению способствует и изначальное сходство формы каплевидных салтовских и гроздевидных финских головных украшений, в истоке восходящих к одному византийскому прототипу филигранных (Степи..., 1981, рис. 7: 16). Украшения различались размером и техникой: крупные гроздевидные орнаментировались грубой филигранью, более легкие салтовские изготавливались литьем. Обильно-металлический финский убор и облегченный убор кочевников с элементами ювелирного сближаются.

Большую роль для формирования последующего ювелирного убора сыграла ювелирная культура финских народов, главным образом, удмуртов. Она имела оригинальный облик и соответствовала общеевропейскому уровню (Иванова, 1999, с. 226). Со времени финала поломской культуры IX в. сформировалась традиция декора крупной зернью в геометрическом стиле, известная по гроздевидным наушницам. По сравнению с аналогичными формами, распространившимися под воздействием византийского ювелирного дела в Моравии и на Руси в IX–X вв., финские украшения и зернь имеют более крупные размеры (Финно-угры..., 1987, табл. LX: 1–4, 10). В период чепецкой культуры аналогично оформляются лунницы и бусинные височные кольца (Иванова, 1999, рис. 6: 1–13).

Форма бусинного кольца стала новой для народов данной территории. Ее появление можно связывать с рационализацией формы финских гроздевидных наушниц IX–XI вв.: части их корпуса и напускные бусины дают образец для отдельных бусин с геометрическим орнаментом.

Наиболее ранними являются трехбусинные кольца с шаровидными бусинами с поперечным ободком X–XI вв. – начала XII в. Бусины оставлены гладкими или орнаментированы крупной зернью, широкая зона ободка выделена и воспринимается как цилиндрическая форма. Комплекс таких бусин сохранился в древнерусском кладе из Московского Кремля 1988 г. (рис. 3: I, 5–12). Булгарское трехбусинное филигранное кольцо с крупной средней бусиной из Новгорода датируется концом XI – началом XII в. (рис. 3: I, 1). Комплекты головных украшений этой стадии есть в материале перми вычегодской (рис. 3: I, 2–4) и коми-пермяков (родановская культура) (Седова, 1981, с. 13, рис. 3: 10; Казаков, 1992, рис. 98: 11; Полякова, 1996, рис. 60: 7–10; Савельева, Истомина, Королев, 1999. Рис. 12; 14: 13, 18; Оборин, 1999, рис. 7: 5; Путешествие..., 2016. № 301). На этих изделиях используется филигрань крупных параметров: зернь имеет диаметр от 1,0 до 2,0 мм; скань, витая из двух проволок – от 1,0 до 2, 15 мм (Жилина, 2008, с. 124, С-49–56).

К XI–XII вв. относится расцвет ювелирной культуры Волжской Булгарии, создаются оригинальные формы украшений, применяется новая технология ювелирного дела. Всегда отмечалось яркое своеобразие нового убора и особо – бусинных височных колец (Смирнов, 1948, с. 100–104; Руденко, 2011, с. 53).

Однобусинные и трехбусинные кольца XI в. диаметром 4,0–5,0 см. состоят из гладких бусин биконической (рис. 4: 1) и овально-конической (рис. 4: 2–5, 9) формы со строгим филигранным поперечным бордюром. Снизу есть петли для цепочек (рис. 4: 3, 5). В конце XI – первой трети XIII в. выделяются типы бусин: овально-конические сплошные (рис. 4: 6, 7), удлиненные овально-конические полуажурные на кольцах (рис. 4: 10–16), цилиндрические овальные сплошные на подвесках (рис. 4: 11–15). Новая полу-ажурная конструкция бусин с выделенной центральной цилиндрической зоной с геометрическим орнаментом иногда используется только на центральной бусине (рис. 4: 8). Строго декорированные овально-конические бусины характерны для

серебряных украшений диаметром 7,0–9,0 см (рис. 4: 6, 7).

Кольца золотых украшений близки к диаметру 4,0–5,0 см. Треугольники зерни поперечного ободка находятся на объемных конусовидных подкладках (Руденко, 2011, с. 54). Форма бусин кольца сохраняет преемственность с бусинами предшествующего этапа, но облик преобразован новой ювелирной технологией. Миниатюрная зернь используется для геометрического орнамента, крупная – для выделения поперечного ободка. У колец с ажурными и гладкими бусинами появляются подвески с цилиндро-овальными бусинами и геометрическим орнаментом (рис. 4: 11, 12).

Булгарскими, вероятно, являются кольца из древнерусского клада в Стариково Курской обл. 1883 г. и овально-конические бусины на цепях (подвески височного кольца или фрагмент ожерелья) из клада в Княжей Горе 1891 г. (Жилина, 2014. № 157/7, 8; № 117/9).

Изменения формы бусин связывают с развитием ажурной конструкции (Руденко, 2011, с. 54). Но полуажурные бусины как раз сохранили традиционные черты: овально-коническое сечение, выделение центральной зоны, крупную зернь. Овально-цилиндрическую форму имеют тисненные бусины подвесных цепей с тонкой зерновой орнаментацией (рис. 4: 9, 11–15).

На наш взгляд, новая форма бусин возникает под действием в одном направлении двух сливающихся традиций: местной и восточной. Овально-цилиндрическое сечение имеют ранние местные формы бубенчиков IX – начала XI в. (Полякова, 1996, с. 188, 189, 196, 200, 201, рис. 65: 6, 29, 30, 33, 34). Бубенчик весьма вероятен в качестве прототипа детали, изображающей или напоминающей шумящую (цепь с бусинами). Другая традиция исходит от исламского Ирана, где цилиндрическая форма бусин связана с формой футляров для Корана (Украшения..., 2000, № 111–113; Jenkins, Keene, 1982, № 23).

В XII – первой трети XIII в. созданы трехбусинные височные кольца с подвесками и миниатюрной скульптурно-филигранной фигуркой птицы (рис. 4: 13–16) и с проволочной плетеной деталью для крепления к волосам (Руденко, 2011, с. 60–64).

Фигурка водоплавающей птицы и шумящие подвески характерны для финского убора (Финно-угры..., 1987, табл. XLIX: 2). Важные составляющие традиционного украшения и связанность кольца с головным убором сохранились. Но ювелирное воплощение, техника,

преобразившая древнюю основу, связаны с культурой Востока. Иранские зооморфные филигранно-скульптурные подвески к серьгам и ожерельям (Украшения..., 2000, № 120, 122, 123, 126) дали образец для болгарских. Технология ювелирных изделий Болгарии аналогична восточной: использование фигурных пластинчатых подкладок при создании ажурных и полу-ажурных конструкций, переход к использованию тонкой зерни (Жилина, 2008, с. 122–124).

Известны кольца с одной бусиной из ажурной филигрании, дополненные снизу пластиной для развода цепочек, что удобно при свисании с боковой стороны головы (рис. 4: 17). Аналогии ажурной конструкции есть в иранском кладе из Гургана, но типологически украшение вписывается в систему болгарских (Полубояринова, 1993, с. 23; Жилина, 2008, с. 23, 27, 36).

Полуажурные и овально-цилиндрические формы бусин используются и для серег, отражающих исконную традицию салтовского населения (рис. 4: 18, 19).

В итоге, ювелирный убор отразил обе традиции головных украшений, свойственных народам региона Волжской Болгарии: серьги и кольца.

В причёске участвовали заколки или булавки с полусферической головкой, декорированной сканью и зернью, пока единично известные по находкам в Болгаре (Руденко, 2015, с. 175, ил. 275).

Славяне и Древняя Русь. В конце VIII – IX в. у славян распространены простые браслетообразные проволочные височные кольца, кольца с гладкими бусинами (рис. 2: II, 5, 6, 9), а также салтовские серьги, которые они иногда носят с помощью простых проволочных височных колец (рис. 2: II, 1–4, 7).

В IX в. складываются лучевые и спиральные, в X в. – ромбоцитковые и перстнеобразные кольца (рис. 2: II, 8, 13–18).

В конце IX – первой половине X в. наряду с импортными (рис. 2: II, 10, 11) распространились гроздевидные наушницы, корпус которых образован филигранными деталями: гранулами, кольцами, конусами – I типологическая разновидность (рис. 2: II, 12) (Каргер, 1958, с. 208–210, табл. XXVIII; Жилина, 2014, с. 7, рис. 12, № 16/3; 18/3). С этим временем связывается возникновение зерни на Руси. Диаметр гранул очень разнообразен и составляет от 0,75 до 6,0 мм. Для наиболее крупных из них использовались заготовки из пластины в форме колпачка, заполненного ломом и

припоем (Жилина, 2005, с. 47, 48, А-61–63, 73, 74). Для формирования конусообразной срединной части использовались конусы, свернутые из гладкой проволоки, штампованной филигрании и скани. Диаметр филигрании также разнообразен: 0,5 мм; 1,00–1,25 мм. (Жилина, 2005, с. 47, 48. А-61–63, 73, 74). Во второй половине X в. распространены гроздевидные наушницы с тисненым корпусом и поверхностным зерневым геометрическим орнаментом – II типологическая разновидность (рис. 2: II, 20).

Бусинные украшения появляются в IX–X в. Наиболее ранние, с гладкими бусинами известны по материалу Новотроицкого городища роменско-боршевской культуры. Форма украшений еще не отработана, количество бусин и материал разные (от однобусинных до многобусинных). (рис. 2: II, 19; 3: II, 1–4).

Бусины из спаянной зерни (рис. 3: II, 1, 5), связанные с культурой ранних гроздевидных наушниц I типологической разновидности, на кольце которых имеются такие же бусины (рис. 2: II, 12), доходят до XI в. (Ляпушкин, 1958, с. 90, 184–188, 228, 229, рис. 58: 3; Сабурова, Седова, 1984, с. 102, 103, 114–116. Рис. 6: 3; Жилина, 2005, с. 51, 52, 55 А-147/2). Бусины с сетчатым геометрическим орнаментом, происходящие от тисненых наушниц, II типологической разновидности известны с X в. (Голубева, 1949, с. 107–109, рис. 2) (рис. 2: II, 20; 3: II, 7–10). Как более ранний материал, кольца с такими бусинами входят в более поздниеклады (рис. 3: II, 7–10).

Отработанная форма трехбусинного кольца складывается на рубеже X/XI вв. Наблюдается узелковая или плетеная конструкция бусин из филигрании или проволоки (рис. 3: II, 6).

К X – первой половине XI в. широко распространились трехбусинные украшения с бусинами проволочно-каркасной конструкции, когда на параллельные ряды проволоки укладываются ряды зерни, на них используется как тонкая, так и довольно крупная, даже грубая филигрань (рис. 3: II, 11–13). Зернь на таких изделиях крупна: Д = 1,00–1,25 мм. (Жилина, 2005. С. 52, 55. А-106; 140–143; рис. 12: 1–3, 5). Встречены очень грубые бусины («достигают величины голубинового яйца») соответственно и с более крупной зернью от 1,0 до 2,0 мм в диаметре (ОАК за 1889..., с. 43, 44. № 13; Жилина, 2005, А-102–105).

К началу XI в. распространились кольца с тиснеными бусинами и рядами зерни (рис.

3: II, 16, 17). Литые подражания относятся к середине XI – первой половине XII в. (рис. 3, II: 14, 15, 18).

В XI – первой половине XII в. в Древней Руси известны колоколовидные подвески-рясна с цепочками, на ювелирном уровне воплотившие идею шумящих украшений (рис. 5). В их изготовлении используется тисненая скульптурная конструкция. Филигранная орнаментация имеет разнообразные параметры, в том числе и крупные. В геометрических выкладках зернь имеет диаметр менее 1,0 мм (0,5–0,7 мм), на бордюрах подвески – более 1,0 мм, плавно меняясь по диаметру в соответствии с расширением: от 1,5 до 2,0–3,0 мм (Жилина, 2010, с. 66–81).

В последующее время бусинные кольца и тисненая конструкция бусин стали основными. Кольца с гладкими бусинами использовались редко (рис. 6: б). Бусины покрываются накладной филигранной орнаментацией. Напаивание орнамента создает технические трудности, связанные с необходимостью обеспечить выход горячего воздуха из полостей конструкции и предотвратить разрывы бусин. Создаются предпосылки для образования полу-ажурной и ажурной конструкции. В связи с ее развитием бусины поделены на четыре технологических этапа (Жилина, 2010, с. 116–147).

На I этапе продолжают использоваться сплошные бусины, но на участках у стержня бусины делаются точечные незаметные отверстия (рис. 6: 1–4). Есть две опорные стратиграфические датировки по материалам Новгорода, позволяющие отнести данный этап к концу XI – первой половине XII в. (рис. 6: а, б).

Для II этапа, в начале – около середины XII в. характерно размещение точечных отверстий на основную поверхность бусины и вписывание их в орнаментальную композицию: между лучами розеток внутри миниатюрных напайных колец или в центре крупных (рис. 6: 5–8).

Для первых двух этапов более характерны бусины, поверхностно разделенные накладными окружностями на три части – I подтип (рис. 6: 2, 3, 5, 7). Рациональным является разделение поверхности бусины на восемь частей, соответствующее диаметральным опорным линиям бусины – II подтип (рис. 6: 4, 6, 8). Интересный особый вариант данного подтипа дает кольцо с бусинами, где треугольники зерни лежат на фоне отверстия¹

¹ Это одно из трехбусинных колец клада из

. Можно предполагать, что треугольник зерни либо держится на специальной подкладке, либо небольшие отверстия внутри орнаментальной окружности оставляют для него поверхность (рис. 6: б). Но, видимо, такой неудобный в изготовлении вариант не стал распространенным и бытовал недолго.

На III этапе отверстия увеличиваются до размера накладных окружностей бусин II подтипа. Конструкция становится полу-ажурной, сплошными остаются ромбические участки между окружностями (рис. 6: 9–13). Сложение такой конструкции можно относить к середине – второй половине XII в.

На IV этапе ромбические участки также являются ажурными, их орнаментацию составляют сканные перекрестья, иногда дополняемые зернью, но и эти перекрестья утрачиваются. Конструкция – полностью ажурная (рис. 5: 14–16). На наш взгляд, эти кольца продолжают развитие конструкции и орнаментации предшествующих этапов (несмотря на трудность размещения, на перекрестья укладывается зернь, сохраняются более толстые кольца, играющие роль подкладок под орнаментальные окружности, и их следует относить к концу XII – первой трети XIII в. Тем не менее, следует допустить, что вариант полностью ажурной конструкции мог существовать и ранее, поскольку бусины, состоящие из проволочных или филигранных лепестков известны и на гроздевидных наушниках.

Технология вырезания пластины-основы для создания ажурной конструкции связывается с произведениями византийского круга (Жилина, 2010, с. 199).

В числе древнерусского материала присутствуют импортные золотые, вероятно, иранские трехбусинные украшения с ажурными бусинами, каждая половина которых образована петлями из филигрании (примеры имеются в составе клада из Стариково Курской губ., 1883 г., собрания М.П. Боткина, Владычной палаты НГОМЗ (Жилина, 2008, С-86-2; 87, 88; 2014, № 158/6).

В скано-зерненом (филигранном) древнерусском уборе возникли не только бусинные кольца, но и более крупные и сложные по форме головные украшения – лучевые колты, продолжившие формальную линию височных колец славянского убора. Эмалевые и

усадыбы Есикорского в Киеве 1885 г. К сожалению, кольцо известно только по фотографии в публикации, а аналогичный вариант в древнерусском материале более не встретился (Жилина, 2014, № 98/4к).

черневые уборы развили византийский образец лунничных серег и колтов, а эмалевый – и диадем².

Выводы. Сходный процесс развития костюма в Волжской Булгарии и Древней Руси воплощен в разных культурных вариантах. Разнообразие традиций в X–XI вв. нивелируется новыми религиозными и культурными нормами сформировавшихся государств. В Булгарии развивается мусульманский костюм, на Руси – христианский. Становление рациональной распашной одежды имело разные формы и дошло до разных результатов: в Волжской Булгарии знакомая распашная конструкция разнообразится; в Древней Руси при основной туникообразной развивается более длинная застежка ворота на пуговицах как ступенью перехода к распашной одежде.

Ступени развития ювелирного ремесла сходны: крупные параметры филигранны сменяются миниатюрными, развивается ажурная конструкция, тем не менее, технологически разная. Булгарские ювелиры используют пластинчатые подкладки, свойственные восточной ювелирной культуре; древнерус-

ские – постепенное вырезание пластины-основы, характерное для византийских изделий.

И там, и здесь бусинные кольца сформировались на основе разных местных вариантов гроздевидных украшений IX–X вв., востребованы и местные формы шумящих. Воплощения этих форм на высоком ювелирном уровне оказались различны: в Булгарии – кольца с бусинными подвесками, на Руси – колоколовидные ясна.

Развивается рациональная форма трехбусинного украшения. В Волжской Булгарии шарообразные и овально-конические бусины совмещаются с новой цилиндро-овальной формой, связанной как с местной, так и с исламской традицией. В Древней Руси актуальны шарообразные и овально-конические бусины.

Наблюдается сходный интерес к серьгам салтовского облика и восточным ажурным украшениям.

Результаты апогея ювелирного дела оказались одинаково блестящи, но существенно различны по формам украшений и технологии.

ЛИТЕРАТУРА

Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. В трех томах / под ред. Н.А. Макарова. Палеоэкологические условия, общество и культура. Т. 3. М.: Наука, 2009. 233 с.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. СПб.; Пенза: Издательство Пензенского государственного педагогического университета, 2001. 198 с.

Валеев Р.М. Торговые связи Волжской Булгарии и Руси в домонгольский период (X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: АН СССР, Казанский филиал, 1986. С. 20–37.

Вихляев В.И., Петербургский И.М. Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 119–160.

Вейс Г. История цивилизации. «Темные века» и Средневековье. IV–XIV вв. Том II. М.: Эксмо-пресс, 2000. 600 с.

Воронина Р.Ф. Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX–XI века. М.: Наука, 2007. 164 с.

Гуцин А.С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение, 1936. 90 с. Табл.

Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред. М.Г. Рабинович. М.: Наука, 1986. 272 с.

Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово / Под ред. Д.А. Авдусина. М.: Издательство Московского университета, 1991. С. 200–225.

Жилина Н.В. Славяно-русская филигрань VIII–X вв. // Stratum plus. 2005. № 5. С. 21–170.

Жилина Н.В. Средневековая филигрань и русская зернь и скань // Жилина Н.В., Макарова Т.И. Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций IX–XIII вв. Художественные стили и ремесленные школы. М.: ИА РАН; «Гриф и К», 2008. С. 99–294.

Жилина Н.В. Зернь и скань Древней Руси. М.: ИА РАН, «Гриф и К», 2010. 260 с.

² Иллюстрации этих украшений в статье не приводятся, так как аналогий колтам и диадемам в Волжской Булгарии нет, а многократные публикации этих древнерусских украшений позволяют ограничиться ссылками на их хронологию и эволюционные ряды (Жилина, 2014. Глава 4, разделы 3.1; 3.3; 4.1; 5.4; с. 70–76, 82–84; 88–100; 120–127).

Жилина Н.В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS; Книжный дом «Либроком», 2014. 400 с.

Жилина Н.В. Славяно-русские и финские головные уборы: корни и традиции (на археологическом, изобразительном и этнографическом материале) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 6. / Отв. ред. Н.А. Макаров; Сост. С.В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2016. С. 257–271.

Жилина Н.В. Сравнительный анализ хазарского и славяно-русского убора из украшений к костюму // ПА. 2017. № 2 (20). 2017. С. 127–156.

Зубкова Е.С., Орфинская О.В. Текстиль из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. / Отв. ред. И.К. Лабутина. Т. 2. СПб.: Нестор-история, 2016. С. 373–394.

Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.

Иванова М.Г. Удмурты // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред.: М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 207–254.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.

Каргер М.К. Древний Киев. Т. I. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. 580 с.

Кондаков Н.П. Изображения русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб.: издание Императорской Академии наук, 1906. 123 с. VI таб.

Кондаков Н.П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага: Издание Чешской академии наук и искусств, 1929. IV с (предисловие), 455 с.

[Ахмад ибн Фадлан] Книга Ахмада ибн Фадлана. Перевод с арабского и примечания Вяч. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М.: Издательский дом Марджани, 2016. С. 18–47.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства / МИА. № 74 / Ред. М.И. Артамонов. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1958. 327 с.

Макарова Т.И. Зарайский клад и проблема наследия в ювелирном деле восточных славян в XI столетии // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 126–131.

Мартьянов В.Н. Декоративный комплекс женского костюма мордвы-мокши VIII–XI веков // Материалы по археологии Мордовии. Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при совете министров Мордовской АССР. Вып. 52 / Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1976. С. 88–106.

Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства. Каталог выставки / Ред. А. Евдокимова. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.

Михайлов К.А. Костюм из псковских камерных погребений 2-й пол. X в. на фоне раннесредневековых европейских аналогий // Отв. ред. И.К. Лабутина. Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI века. Т. 2. СПб.: Нестор-история, 2016. С. 415–427.

Никитина Т.Б. Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред.: М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 161–206.

ОАК за 1889 г. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1892. 128 с.

Оборин В.А. Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 255–298.

Покровская Л.В. Комплекс ювелирных украшений усадьбы А Троицкого раскопа середины X – первой половины XI в. // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей. К 80-летию академика В.Л. Янина / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 144–150.

Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 119, 4 с.: ил.

Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1996. С. 154–268.

ПСРЛ. Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 248 с. разд. паг. (IV с., 244 с.).

ПСРЛ. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 540 с. разд. паг. (XII с. 186 стб., 29 с.; V с., 504 стб.б 35 с.).

Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / Ред. Е.П. Чебучева. М.: Издательский дом Марджани, 2016. 560 с.

Пушкина Т.А., Орфинская О.В. Текстиль из женского камерного погребения Ц-301 в Гнёздове // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 57 заседания / Отв. ред. И.К. Лабутина. М.; Псков: ИА РАН, 2011. С. 92–99.

Руденко К.А. Некоторые вопросы исторической реконструкции средневекового костюма Волжской Булгарии на основе археологических материалов и ее представление в музейной экспозиции // Пензенский археологический сборник. Международный сборник научных трудов. Вып. 3. / Под ред. Г.Н. Белорыбкина. Пенза: Пензенский институт развития образования, 2010. С. 315–340.

Руденко К.А. Булгарское золото. Филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том I. Казань: Заман, 2011. 256 с.

Руденко К.А. Булгарское серебро. Филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Сабурова М.А., Седова М.В. Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города / Отв. ред. И.П. Русанова. М.: Наука, 1984. С. 91–130.

Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь вытегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, 1999. С. 299–349.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.: Наука, 1981. 196 с.

Смирнов А.П. Русский элемент в культуре волжских булгар // Историко-археологический сборник / Под ред. А.П. Смирнова. М.: Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы, 1948. С. 93–110.

Смирнов А.П. Волжские Булгары // Труды ГИМ. Вып. XIX. М.: Издание ГИМ, 1951. 277 с., 10 л. ил. и карт.

Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 300 с.

Татищев В.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Тома II и III. История Российская. Часть вторая. М. Научно-издательский центр. «Ладомир», 1995. 688 с. (II т. – 352 с; III т. – 340 с.).

Украшения Востока из коллекции Патти Кадби Берч, США. Каталог выставки. М., Издательство ГМИИ им. А.С. Пушкина; ГЭ, 2000. 156 с. (без нумерации).

Финно-угры и балты в эпоху средневековья Археология СССР / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 513 с.

Jenkins M., Keene M. 1982. Islamic Jewelry in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum of Art.

Информация об авторе:

Жилина Наталья Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); nvzhilina@yandex.ru

VOLGA BOLGARIA / EAST; ANCIENT RUSSIA / BYZANTINE EMPIRE (COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF JEWELRY COMPLEXES: COSTUME AND HEAD ADORNMENTS)

N.V. Zhilina

The history of neighboring states - Volga Bolgaria and Ancient Rus - was synchronous, but proceeded in different cultural directions. The adoption of different monotheistic religions stimulated striking cultural changes in the 10th – 11th centuries. In the 12th - first third of 14th centuries both countries were characterized by the golden age of jewelry craft and clothing decoration. On the basis of the local framework, the population adopted new items from various sources, from the Byzantine Empire for Russia, and from the Arab Caliphate and Oriental countries for Volga Bolgaria. A Muslim costume was being developed in Volga Bolgaria, and a Christian costume - in Russia. The first steps of jewelry craft were similar, involving the use of large-scale filigree. Subsequently, the craftsmen began to use miniature filigree, and a transition to openwork design of

adornment design occurred, which was generally different in Volga Bulgaria and Ancient Rus. A similar interest in oriental openwork jewelry is noted in both countries. The craftsmen of both countries developed a rational shape of a three-bead ring mainly worn in the headwear system. In Volga Bulgaria, the rings retained pendants with beads, and a cylinder-oval shape of beads appeared, which was associated with the local and Islamic tradition. Spherical and oval-conical beads were widely spread in Rus. The local forms of noise-making pendants associated with pagan beliefs were highly demanded in both countries. Both the original forms and their jewelry implementations were different. The results of the golden age of jewelry were significantly different both in terms of the shape of the jewelry and their manufacturing technology. Given the differences in specific forms, the very process of transition to a more developed jewelry craft and new jewelry complexes is similar.

Keywords: costume, adornments, temple rings, earrings, beads, Volga Bulgaria, Ancient Rus.

About the Author:

Zhilina Natalia V., Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; nvzhilina@yandex.ru

Рис. 1. Костюм по изображениям и реконструкциям: I – средневожский средневековый костюм IX–X вв.: 1 – всадник, блюдо, серебро, гравировка, урало-венгерская школа торевтики 2 – всадник, полусферическая накладка, Южный Урал или Среднее Поволжье, серебро, чеканка (Путешествие, 2016. № 256, 254); II – древнерусский костюм X–XI вв.: 1 – реконструкция расположения тесьмы на застежке, погребальная камера кургана Польш-62, X в. (рисунок О.В. Федорова; Михайлов, 2016, рис. 3); 2 – оковка рога, Черная могила, вторая половина X в. (Рыбаков, 1948, рис. 68); 3 – князь Ярополк, миниатюра Трирской Псалтыри, середина XI в. (Кондаков, 1906. Табл. VI); 4 – семья Святослава, миниатюра «Изборника Святослава», вторая половина XI в. (Древняя одежда..., 1986, рис. 1 – цв.).

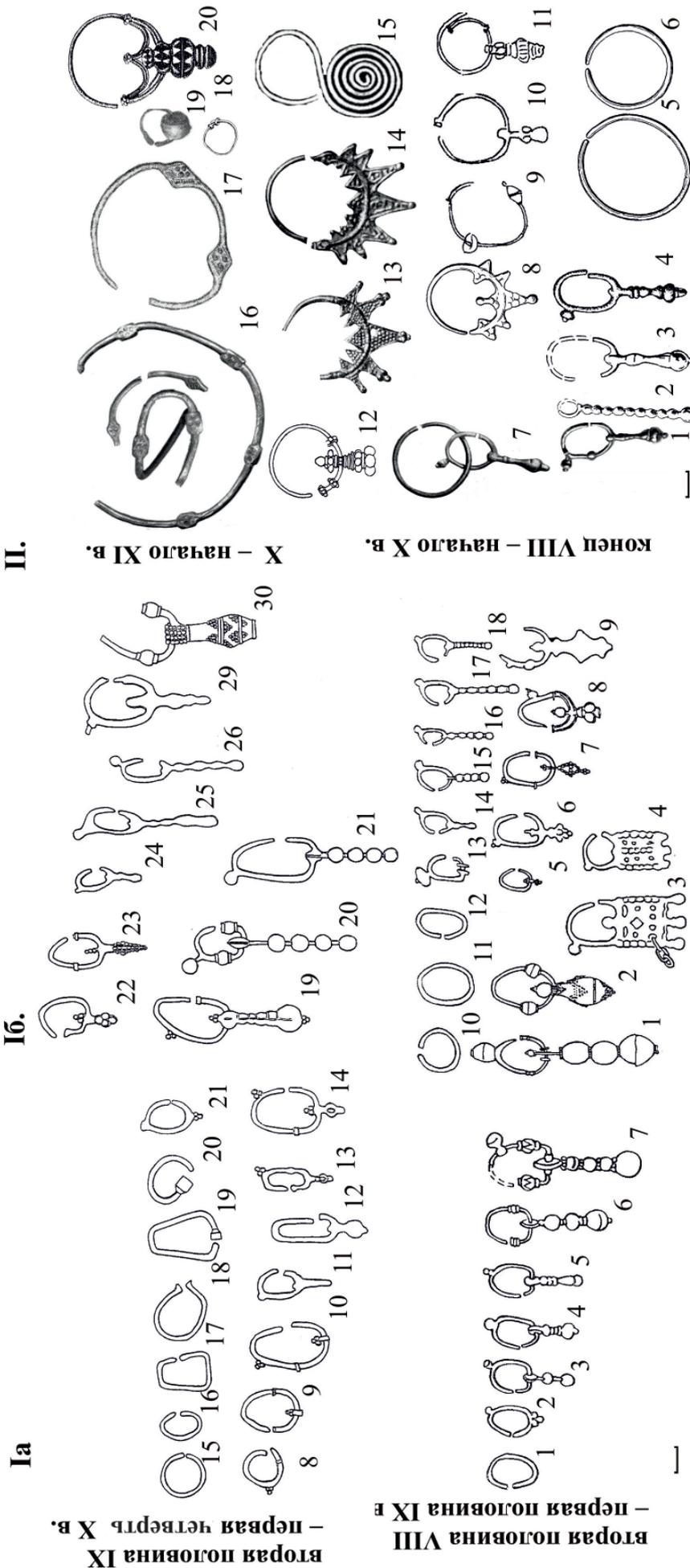

Рис. 2. Головные украшения VIII–X вв.: салтовского круга – 1–7 – серьги, бронза, Болышетарханский могильник (Казаков, 1992, рис. 13: 1–7); 8–21 – Танкеевский могильник (Казаков, 1992, рис. 63: 1–14); прикамско-приуральского круга – 1–18 – серьги, бронза, серебро, Большетиганский могильник (Казаков, 1992, рис. 21: 1–9, 12, 13, 15–19, 22, 23); 19–30 – Танкеевский могильник (Казаков, 1992, рис. 63: 15–24); славяно-русские – 1, 7, 13, 14 – клад из Железницы Рязанской губ., 1855 г., салтовские серьги, присоединены к проволочным височным кольцам, лучевые височные кольца, серебро (Макарова, 2005, рис. 3; Жилина, 2014, с. 191, № 8/5, 4); Новотроицкое городище Сумской обл.: 2, 3 – клад из кв. Ш2 1953 г., подвеска к серегу, серега, серебро (Жилина, 2014, с. 194, № 177/3, 8, 9); 5, 6, 8 – клад из кв. У3, 1953 г., браслетообразные височные кольца лучевого височного кольца, серебро, бронза, литье, проволока (Жилина, 2014, с. 194, № 176/3, 5, 6); 4 – клад из Супруты Тульской обл., 1972 г., серега салтовского типа, серебро, литье (Жилина, 2014, с. 194, № 178/1); 9 – височные кольца, одно бусинное, бронза, серебро, жилища 5 и 21 (Лялушкин, 1958, рис. 58: 3); 10, 11 – прозевидные наушницы, бронза (?), серебро, жилища 5, 43 (Лялушкин, 1958, рис. 40: 3, 83: 11); 15 – клад из Полтавы 1905 г., спиральное височное кольцо, серебро (Жилина, 2014, с. 187, № 1/4); височные кольца – ромбоцитковые, серебро, лагунь – 16 – клад Горшково, Любоежа Новгородской обл., 2001 (Жилина, 2014, с. 214, № 236/25); 17 – Новгород, рубеж X–XI вв. (Седова, 1981, рис. 1: 4; с. 9, 10); 18 – перстнеобразное заязанное, клад из Гнездово 1993 г., серебро (Жилина, 2014, с. 211, № 180/14); 19 – Новгород, от рубежа X–XI вв., биллон (Седова, 1981, рис. 3: 4; с. 13); серебро: 20 – тисеная прозевидная наушница, клад из Гнездово 1993 г. (Жилина 2014, с. 201, № 18/3а; с. 211, № 180/2а).

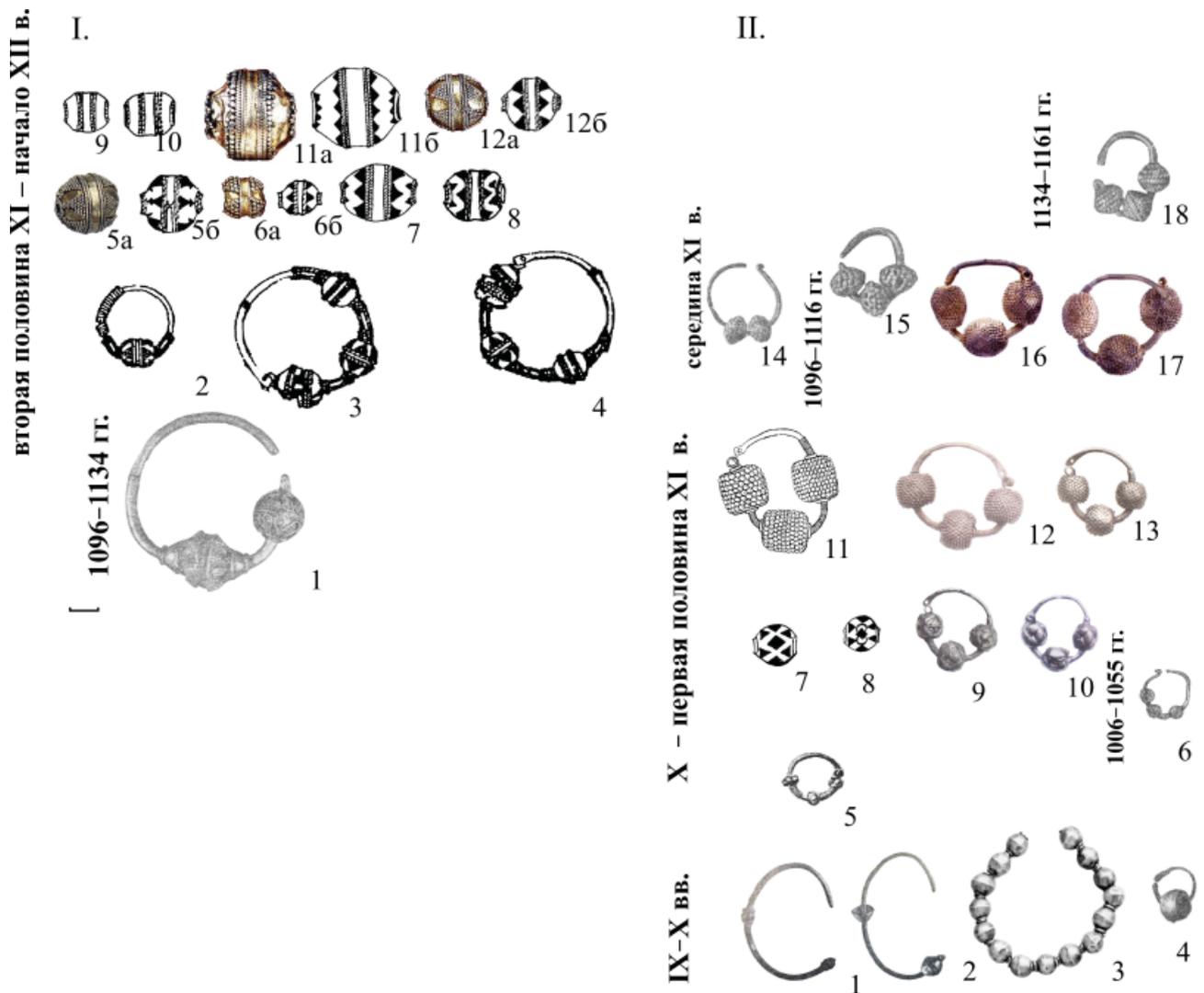

Рис. 3. Головные украшения конца X–XI (начало XII) в.: I. Волжская Булгария: 1 – височное кольцо, Новгород, 1096–1124 гг. (Седова, 1981, с. 14, рис. 3: 10); 2 – однобусинное кольцо, 3, 4 – кольца трехбусинные, серебро, бронза, пермь вычегодская (Савельева, Истомина, Королев, рис. 14: 13, 18); 5–12 – из клада в Москве, 1096–1116 г. (Жилина, 2014, № 197/6); II. Древняя Русь: 1, 2 – кольца с бусинами из спаянной зерни и гладкими, Новотроицкое городище, IX–X вв. (Ляпушкин, 1958, рис. 58: 3); 3 – многобусинное из клада в Гнездово 1867 г. с гладкими бусинами (Жилина 2014, с. 204, 205; № 23: 17); 4 – Новгород, от рубежа X–XI вв., биллон (Седова, 1981, рис. 3: 4; с. 13); 5 – золото, клад из Князя Гора Киевской губ., 1883 (Жилина, 2014, № 123/2а); 6 – трехбусинное кольцо с бусинами узелковой конструкции, серебро, 1006–1055 гг., бронза (Седова, 1981, с. 14, рис. 3: 6); бусины с геометрическим орнаментом из кладов – 7, 8 – Собачьи Горбы близ Новгорода 1906 г и Спанка Петербургской губ. 1913 г.; 9, 10 – Киев, усадьба Есикорского, 1885 г. (Жилина, 2014, № 55/7, 56, 5д; 98/4н, 4р); кольца с зернеными бусинами проволочно-каркасной конструкции, серебро из кладов – 11 – Киев, Десятинная церковь, 1936 г.; 12, 13 – Киев, усадьба Есикорского, 1885 г. (Жилина, 2014, № 68/56; 98/4о4, 4о2); 14, 15, 18 – кольца литые с имитацией зерни по поверхности, Новгород (Седова, 1981, рис. 3: 14, 16, 12); 16, 17 – тисненые бусины со сплошной орнаментацией по поверхности (Жилина, 2014, № 202/9а, б).

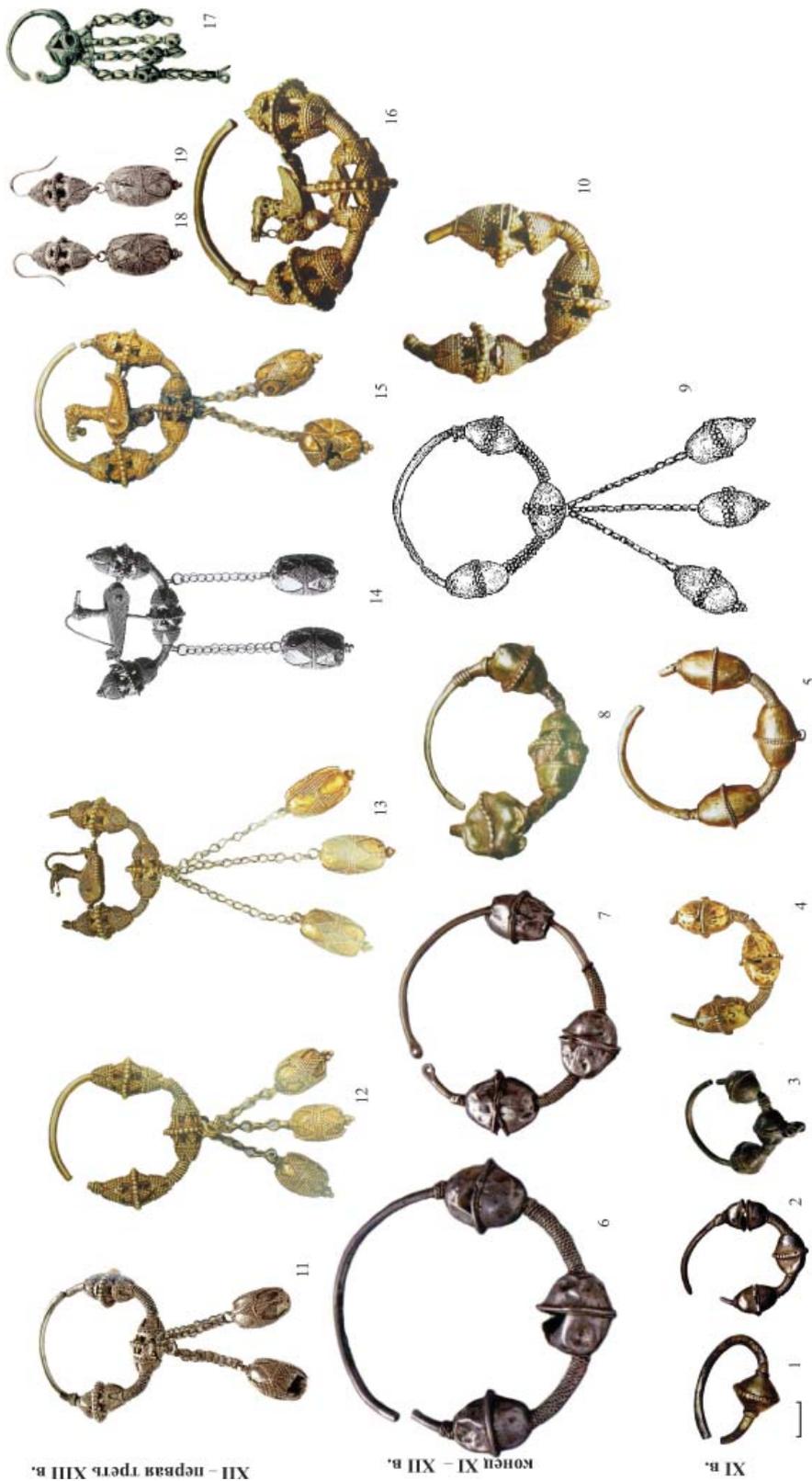

Рис. 4. Бусинные височные украшения Болгарии XI–XIII в.: 1 – однобусинная серьга, бронза, Биллярское городище, XI–XIII вв. (Руденко, 2015, ил. 229); трехбусинные кольца, серебро – 2 – IV Семеновское селище, Спасский район, XI–XII вв. (Руденко, 2015, ил. 220 – в соответствии с каталогом – № 145); 3 – сплав меди и серебра, Биллярский клад, XI–XIII вв. (Руденко, 2015, рис. 29: 6 – опубликовано без масштаба); 4 – золото, Биллярское городище, XI–XII вв. (Руденко, 2011, рис. 2: 1, № 1); 5 – золото, IV Кожавское селище, Спасский район, XI – начало XII в. (Руденко, 2011, рис. 2: 2, № 2); 6, 7 – Бугаевский клад, XII–XIII вв., серебро (Руденко, 2015, ил. 217, 218. № 140, 141); 8 – Казанское Поволжье, подьемный материал, конец XI – XII в., золото (Руденко, 2011, рис. 4: 1, № 6); 9 – Золотаревское поселение, конец XI – XII в., серебро (Белорыбкин, 2001, рис. 26: 1); 10 – Казанское Поволжье, подьемный материал, XII в. (Руденко, 2011, рис. 3. № 7); 11 – Именьковский клад, XII в., серебро (Руденко, 2015, ил. 220. № 143); XII в., золото – 12 – Казанское Поволжье, подьемный материал (Руденко, 2011, рис. 18, № 8); 13 – клад у с. Мокрые Курнали Алексеевского района (Руденко, 2011, рис. 12, № 19); 14 – случайная находка у с. Верхнее Никиткино Пермской губ. – подвески передельны в XIX в. (Руденко, 2011, рис. 11, № 22); 15 – находка XIX в. в Казанской губернии, крепежная деталь для волос утрачена (Руденко, 2011, рис. 17: 1, № 25); 16 – Казанское Поволжье, подьемный материал (Руденко, 2011, рис. 1, № 28); 17 – Спасско-болгарский клад 1888 г., золото (Гушин, 1936, табл. XXXIII: 1, опубликовано без масштаба); 18, 19 – серьги, золото, Никитское Пермской губ. (Гушин, 1936, табл. XXXIV: 4, 5, опубликовано без масштаба).

1 – Украшения опубликованы без масштаба.

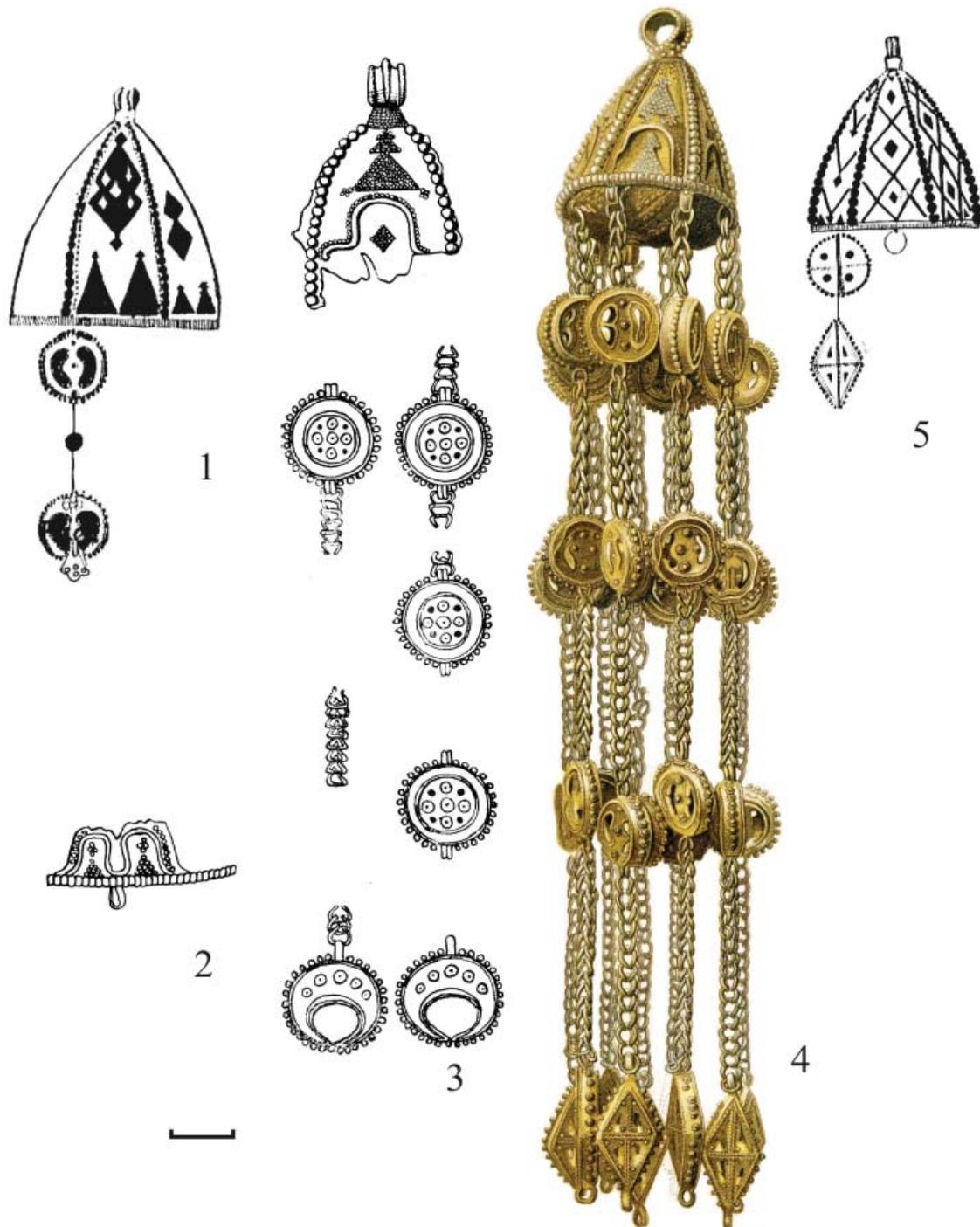

Рис. 5. Древнерусские колоколовидные рясна из древнерусских кладов, вторая половина XI – первая половина XII в., серебро: 1 – Мартыновка Киевской губ., 1886 г.; 2, 3 – Мирополь Житомирской обл., 1938 г.; 4 – Старая Рязань, 1868 г.; 5 – Старая Рязань, 1967 г. (Жилина, 2014, № 129/Зв; 137/4; 163/3; 184/1).

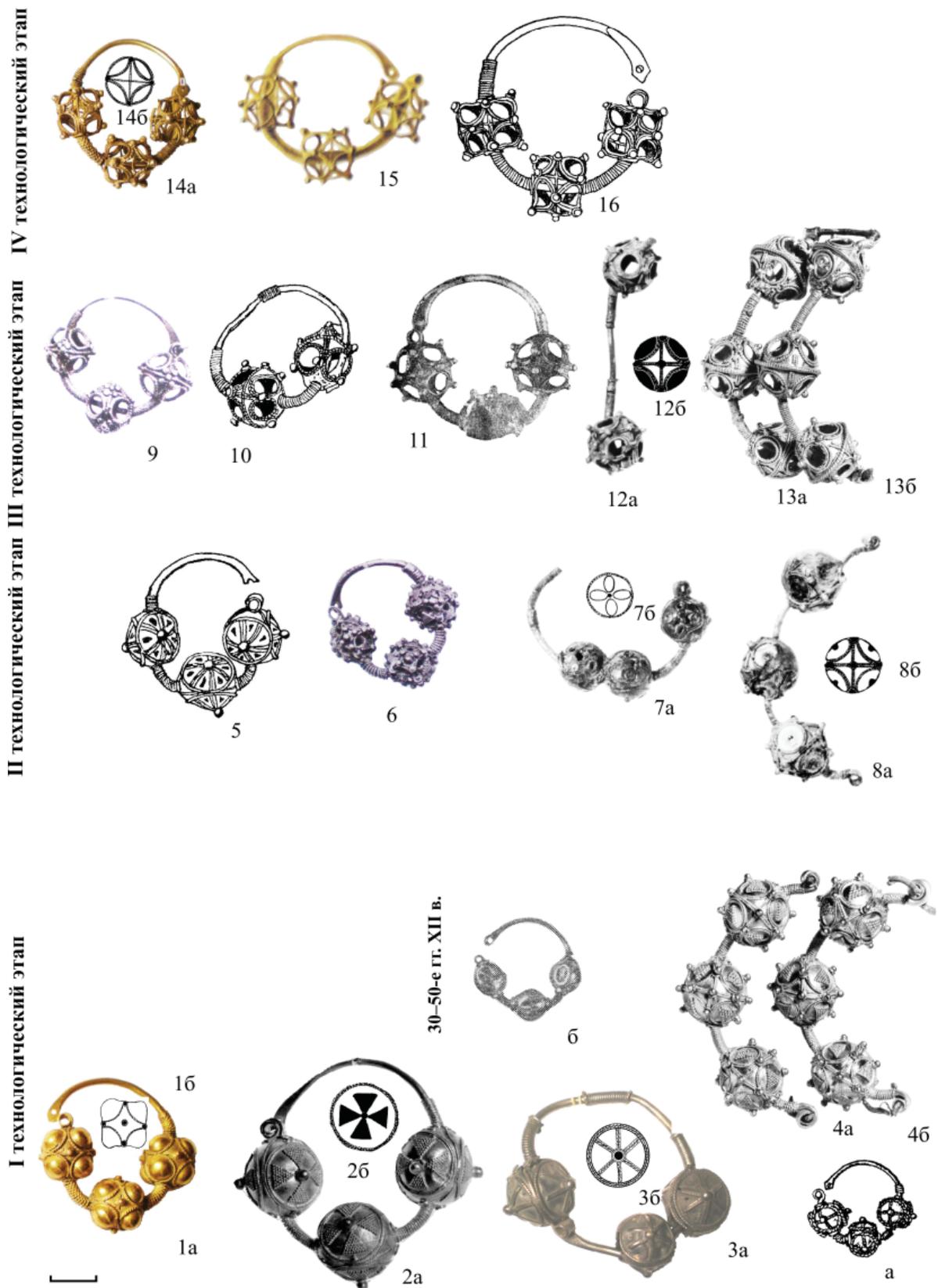

Рис. 6. Бусинные височные украшения Древней Руси конца XI – первой трети XIII в.: из кладов – 1, 14 – Киев, Десятинная церковь, до 1868 г.; 2 – Старая Рязань, 1970 г.; 3 – Романово, Могилевской губ., 1892–1893 гг.; 4, 13 – Старая Рязань, 1992 г.; 5 – Киев, Десятинная церковь, 1936; 6, 9 – Киев, усадьба Есикорского, 1885 г.; 7 – Старая Рязань, 1979 г. № 2; 8, 12 – Старая Рязань, 1967 г. № 2; 10 – Киев, Десятинная, 1909; 11 – Киев, Сретенская ул., 1893 г.; 15 – Киев, Житомирская ул., 1880 г.; 16 – Киев, Житомирская ул., 1902 г. (Жилина, 2014, № 66/3а, б; 186/7; 173/2а; 191/1а, б; 68/5в; 98/4к, 4е; 189/16; 184/3а, б; 74/3б; 94/3б; 90/8б2; 91/4); вещи со стратиграфическими датировками: а – с гладкими бусинами (Покровская, 2009, рис. 2: 1); б – с тиснеными бусинами, Новгород (Седова, 1981, рис. 3: 13).

УДК 902/904

**ВОЛЖСКАЯ БОЛГАРИЯ / ВОСТОК; ДРЕВНЯЯ РУСЬ / ВИЗАНТИЯ.
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УБОРА ИЗ УКРАШЕНИЙ:
ШЕЙНО-НАГРУДНЫЙ ЯРУС, УКРАШЕНИЯ РУК**

© 2019 г. Н.В. Жилина

Для шейно-нагрудных украшений и украшений рук Волжской Булгарии и Руси выделяются сходные ранние этапы с использованием крупной филигрании финского облика (монетовидные и лунничные подвески, браслеты, перстни). В ювелирных нагрудных цепях Волжской Булгарии сохраняется принцип шумящих ожерелий с подвесками, находящих ансамбль с височными украшениями. Формы ожерелий находят аналогии среди иранских. Подвесные футляры для текстов из Корана соответствуют ювелирной культуре стран ислама. Оригинальны гривны и браслеты ажурного плетения. В Древней Руси гривны и браслеты сохраняют плотное витье и плетение. В Волжской Булгарии создается оригинальный смешанный убор из украшений в технике филигрании (головные украшения, ожерелья) и черни (предметы культа, украшения рук), эти техники совмещаются. В Древней Руси выделяется несколько уборов, соответствующих техникам: эмалевый, черневой, филигранный. В каждом создаются свои варианты основных категорий украшений (ожерелья из медальонов с христианскими сюжетами, черневые браслеты наручи). Стилистическое развитие орнамента болгарских и русских черневых изделий сходно. Соприкосновение культур Руси и Волжской Булгарии не привело к существенным изменениям в уборе из украшений и ювелирном деле этих стран. Русский элемент в культуре волжских болгар и болгарский элемент на Руси остались узнаваемы. Каждая из культур создала оригинальный ювелирный убор.

Ключевые слова: убор, украшения, гривны, нагрудные, цепи, браслеты, перстни, Волжская Булгария, Древняя Русь.

Булгарские и древнерусские шейно-нагрудные украшения и украшения рук в целом отразили ту же параллель развития, что и головные, показали сходные процессы, завершившиеся разными культурными вариантами.

Волжская Булгария. Украшения шейно-нагрудного яруса.

Во второй половине VIII – первой половине IX в. в уборе двух основных этнокультурных регионов будущего государства Волжская Булгария, салтовском и прикамско-приуральском, используются нагрудные шумящие украшения. В рамках первого круга шумящие украшения редки, там характерны подвески-лунницы, круглые подвески (Казаков, 1992, с. 51–53) (рис. 1: 1–9; 10–20).

В IX–X вв. продолжают использоваться украшения финской традиции, нанизываемые на ремешки: пронизки: бусинные и трубчатые; крупные шумящие подвески с длинными цепочками (Казаков, 1992, с. 33, 34, 176–179, рис. 63: 25–38) (рис. 1: 21–33).

В IX–XI вв. известны шаровидные и удлиненные бубенчики с линейной прорезью, в XII–XIII вв. – шаровидные и грушевидные со щелевидной (Полякова, 1996, с. 188, 189, 196, 200, 201, рис. 63: 25–38; 65: 6, 29, 30, 33,

34). Формы некоторых ранних бубенчиков IX – начала XI в., аналогии которым имеются в Танкеевском могильнике (удлиненно-овальные), аналогичны формам болгарских ювелирных бусин.

Так же, как и для головных украшений, для шейно-нагрудных выделяется более ранний этап с использованием крупной филигрании финского облика. Его демонстрируют монетовидные и лунничные подвески, из материалов Чепецкой культуры (рис. 2: I, 1–7). Аналогичный материал из Прикамья дает представление о наборах из височных колец и нагрудных ожерелий, выполненных в данной технике (Савельева, Истомина, Королев, 1999, с. 333, 334) (рис. 2: I, 8–15). Из Московского клада 1988 г. происходит лунница с крупной неравномерной зернью диаметром от 0,6 до 1,5 мм и сканью диаметром 1,00–1,25 мм (Жилина, 2008, с. 124, С-55; 2014, № 197/8) (рис. 2: I, 16). Лунницы иногда украшаются крупными вставками, вероятно, это вклад кочевнической ювелирной культуры, отталкивающийся от полихромного стиля гуннской эпохи (рис. 2: I, 4–6, 8–10, 13, 14). На наш взгляд, филигранные лунницы в дальнейшем вошли в элитарный убор Волжской Булгарии как исконный традиционный элемент.

Литые лунницы, подражающие филигранным, входили в демократический убор (рис. 3: I, 7, 8). Они найдены на Билярском городище (рубеж XII–XIII вв.), литейные формы для таких изделий происходят из Булгара и Биляра (Полякова, 1996, с. 187, рис. 63: 17; Руденко, 2015, с. 195, ил. 320). Такие украшения, возможно, существовали и в более раннее время.

Своеобразные по технике изготовления болгарские плетеные серебряные гривны известны с XI в. Они сплетены из трех пар проволок, окончания снабжены втульчатыми наконечниками с крючками застежки. Гривны дополняются бусинными и лунничными подвесками. Наиболее ранней считается гривна из Кожаевского клада, другие отнесены к XII – началу XIII в. (Руденко, 2015, с. 203–206, ил. 336)¹.

Для кочевников гривны не столь характерны, они распространяются под воздействием культуры оседлых народов (Степи..., с. 217)². На гривнах финских народов, соприкасавшихся с культурой Волжской Булгарии, плетение не используется, но характерны гривны с подвесками: в VIII–XI вв. у мордвы есть серповидные гривны с подвесками, у удмуртов (Чепецкая культура) – бусинные ожерелья с подвесками и цепочками (Вихляев, Петербургский, 1999, рис. 8; Иванова, 1992, рис. 36: 1, 3, 4).

В ювелирной культуре Булгарии создаются гривны особого плетения (рис. 3: I, 1–6). Считается, что они входили в элитарный убор в отличие от подвесок-лунниц (Руденко, 2015, с. 194). Гривна – типичное украшение обильно-металлического убора. Категория предмета в истоке, а также ношение гривен с подвесками – финская традиция, получившая новую ювелирную форму (рис. 3: I, 6–8). Тонкость плетения болгарских гривен создает ажурность, легкость и тонкость, приближающие их к ювелирному убору. Появление на гривнах подвесок с филигранными бусинами параллельно культуре развития бусинных височных колец и также – шаг в сторону ювелирного убора (рис. 3: I, 5).

¹ На основании анализа гривны с привесками-лунницами из Чистополя боковые подвески-лунницы датируются серединой, а центральная – второй половиной XII в. а в целом же – такие дополнения на гривнах отнесены к началу XIII в. (Руденко, 2015. С. 194) (рис. 3: 6).

² Золотые шейные гривны входили в парадный гуннский убор (Степи..., 1981, с. 16).

Оригинальным болгарским видом украшений являются тонкие золотые и серебряные цепи из восьмерковидных звеньев с подвесками, дисковидными и бусинными. Скорее всего, эти украшения занимали место в нагрудном ярусе.

Золотые украшения имели сложный состав. Основные составляющие золотого набора: цепи с дисковидными подвесками и цепи с бусинными подвесками, вероятно, использовавшиеся парно (рис. 4: 1, 4). Фрагмент цепи с бусиной из электра сохраняет по декору сходство с золотыми изделиями (рис. 4: 5).

Цепи усложнялись добавлением золотых пластин. Сохранилась часть нагрудного убора: пара золотых, соединенных шарниром, прорезных штампованных пластин, оконтуренных цепью сверху и снизу, снизу – цепь с подвесками-бусинами (рис. 4: 1). Такая часть могла играть роль отдельного кулона-подвески, но включенной в ансамбль нагрудных украшений с основами из цепей. Пластины могли быть соединены и в другой комбинации, в большем количестве, приспособленность к шарнирному соединению обеспечивала более удобное прилегание к костюму. В целом, конструкция такой системы ожерелья представляла собой довольно широкий и обильный по украшениям нагрудник. Удлиненные тисненые бусины подвесок со сканью и зернью стандартны и аналогичны бусинам на височных кольцах (рис. 4: 1–4).

Эти ожерелья аналогичны широким иранским средневековым ожерельям с подвесками на цепочках, основа ожерелья, представляла собой бусинную нить или ленту из пластин. Благодаря вещам из Волжской Булгарии можно провести аналогию и по конструкции (Луконин 1969. Табл. III: 1г; 1977, с. 185; Jenkins, Keene, 1982. Fig. 2, 3. P. 28, 29; Украшения..., 2000, № 97, 104, 109, 114; Яценко, 2006. Рис. 170). Вместе с тем, источником является и обильный нагрудный ярус финского убора, также родственный получившемуся итогу.

Среди серебряных цепей выделяется два вида по конструкции.

1. Серебряные цепи с бусинными подвесками представляют собой парные комплекты. Средняя длина цепи – около 40 см, на каждой примерно 20 бусин, в центральной части бусины расположены чаще. На цепях не прослежено замков. Бусины имеют также удлиненную, цилиндрико-овальную форму; орнаментированы поперечным сканным бордюром. Они

встречены вместе с серебряными трехбусинными височными кольцами, декорированными более просто (рис. 4: 6, 7). Одна бусина орнаментирована крупной зернью на ободке (рис. 4: 3).

По имеющимся находкам не всегда есть уверенность в парности комплекта, иногда сохранились одинарные цепи (рис. 4: 7).

2. Цепь одинарная круговой формы, отдельные отрезки соединены кольцами, дополнена разнообразными скано-зернеными (удлиненными и шарообразными) бусинами-соединителями и бусинами-привесками на цепочках. Предполагается использование таких цепей для ношения культовых футляров или кулонов (рис. 4: 8). Здесь наблюдаются традиции финского этапа крупных украшений и зерни.

Золотые цепи с подвесками датированы XII в., вероятно, его второй половиной (Руденко, 2015, с. 209). Несмотря на очевидное стилистическое сходство этих изделий с височными кольцами XII – первой трети XIII в., предлагается датировка серебряных цепей с подвесками XIII в. – началом XIV в. В качестве аргументов выдвинуто отличие серебряных цепей от золотых по конструкции, декору и форме подвесных бусин (Руденко, 2015, с. 210–216). Но оно, скорее, вызвано различием назначения и сложившимися традициями более строгого оформления серебряных изделий. Аналогичное различие форм бусин наблюдается на болгарских домонгольских золотых и серебряных трехбусинных кольцах – от овально-конической до овально-цилиндрической формы. Овально-цилиндрические бусины используются и в качестве подвесок к гривнам XII – начала XIII в. (рис. 3: 5). Тем более, что овально-коническую форму бусин, судя по височным кольцам, следует считать как раз более ранней (XI–XII вв.).

Для болгарской круговой серебряной цепи по форме и декору в качестве аналогии можно указать серию болгарских бусин из домонгольского клада в Московском Кремле 1988 г. самая крупная бусина имеет выраженную цилиндрическую центральную часть (Жилина, 2014. № 197/6). Две простые овально-конические бусины, каждая на отдельной цепи, входят в состав древнерусского клада из Княжей Горы 1891 г. (Жилина, 2014. № 117/9). Эти бусины, скорее всего, фрагмент височного украшения, но безусловна аналогичность бусин и подвесок в обеих категориях украшений. То есть, аналогий домонгольского времени для бусин цепей достаточно много.

Другая часть аргументации более поздней датировки связана с технологией: использование отверстий внутри накладных колец на крупной бусине отнесено по аналогии с иранскими изделиями – к XIII в. Но технологические приемы имеют свою конкретную историю в каждом регионе, овладевая технологией, мастера осваивают их в разное время. В Древней Руси такой прием перехода к ажурной конструкции использовался на протяжении XII в. (Жилина, 2010, с. 116–147). Поэтому, на наш взгляд, серебряные и золотые цепи следует рассматривать в комплексе материала домонгольского времени.

Дисковидные подвески рассматриваются как происходящие от местной традиции монет-привесок раннебулгарского времени, позже испытавших воздействие северо-европейских и древнерусских дисковидных и щитовидных подвесок X–XI в. Подвески из восточных монет в качестве общего прототипа монетовидных подвесок оказали сходное влияние и на Русь, и на другие народы (финские дисковидные подвески: у мордвы к серповидным гривнам, у удмуртов – к цепям). На наш взгляд, при условии развития болгарского ювелирного дела, новое иноземное заимствование в данной ситуации не было необходимо, сходные приемы филигранного оформления круглых подвесок выработались самостоятельно.

Флаконовидные подвески XI в. из Биляра, возможно, являются языческими амулетницами финского населения (рис. 8: 6, 7). Ранние формы представлены в Танкеевском и Большетиганском могильниках IX–X вв. (Руденко, 2015. С. 73). Они оформлены крупной зернью. Аналогичные изделия есть и у удмуртов (поломская культура) (Финноугры..., 1987, табл. LX: 19).

С эпохой Ислама появились прямоугольные футляры для текстов из Корана в технике тиснения и черни, носимые на груди на цепях с бусинами.

Серебряный футляр с чернью и растительным орнаментом из Спасского клада XII – первой трети XIII в. обнаруживает стилистическое сходство с перстнем этого времени (рис. 5: 1). Местное производство подтверждается стилистическим сходством с черневыми перстнями второй половины XII в. и находкой матрицы XII в. для футляров в Биляре (Руденко, 2015, с. 72, 73). Второй литой футляр из Крещеноелтанского клада со сложным орнаментальным зооморфным изображением (геральдической композицией из двух

ланей) и арабскими надписями, возможно, имеет несколько более позднюю дату: конец XII – XIII в. (Руденко, 2015, с. 286, 287) (рис. 5: 2).

Неясно назначение и место в уборе подвесных миниатюрных коробочек с кольцом XII в. Возможно их носили в составе ожерелий и височных колец, наполняя ароматическими веществами. Они сделаны из согнутой пополам пластины и орнаментированы чернью растительным орнаментом (рис. 5: 3–5). В качестве прототипов предполагаются сходные, но более крупные и иначе декорированные иранские изделия (Руденко, 2015, с. 72, 73. Кат. 80, 81). Эти вещи входили в состав черневого болгарского убора. Возможно, это декоративные подвески, в восточной культуре разрабатывавшие идею амулетов-футляров. Яшмовая прямоугольная подвеска в серебряной оправе известна в составе древнерусского клада из Путивльского у. Курской губ., 1878 г. (Жилина, 2014, № 159/5).

Древняя Русь. Украшения шейно-нагрудного яруса. В составе раннеславянского обильно-металлического убора (антов) известны тяжелые шумящие нагрудные цепи с круглыми и лунничными подвесками, колокольчиками; гривны (Жилина, 2017, рис. 5: 42–51). С VIII в. главную роль начинают играть отдельные ожерелья на нитях из разнообразных бусин, с дисковидными подвесками и также – гривны (Жилина, 2017, рис. 5: 53–60).

В IX в. преобладают дровые гривны, с X в. распространяются витые и плетеные (Жилина, 2017, рис. 6: 11, 32). Сканныя перевить на витых и плетеных гривнах и браслетах известна со второй половины X в. (Жилина, 2014, с. 26, 47, рис. 9, 27). Витье и плетение гривен в это и последующее время – XI – первая треть XIII в. остается плотным. Но можно выделить отдельные экземпляры второй половины X – рубежа X–XI вв., где плетение несколько более свободное и объемное, детали плетения имеют форму петель, гривны являются полыми и сохраняют эластичность, напоминая цепи (рис. 3: II, 1) (Корзухина, 1954, с. 91; Жилина, 2014, № 16/6, 17/5, 31/3)³. Попытка придать гривнам изящество – та же самая тенденция, которая осуществлена в уборе Волжской Булгарии, но в Древней Руси она получила другой конкретный вариант и не развилась сильно, поскольку активно развивались другие сложные ювелир-

ные техники. Древнерусские гривны в основном остались в рамках обильно-металлического убора, постепенно уходя из элитарного, хотя наблюдаются попытки разнообразить узор витья и плетения за счет использования проволоки разной толщины (рис. 3: II, 2–6). Гривны продолжают использоваться в уборе, но, или остаются в нем на втором плане.

В X–XI вв. дисковидные подвески оформляются из монет или сохраняют облик монеты, имитируя ее (рис. 2: II, 1, 2, 14–16). Известны подвески в технике пуансонной чеканки, литые подражают орнаментации украшений из зерни (рис. 2: II, 17–21).

Ранние древнерусские бубенчики X–XI вв. имеют шаровидную (иногда удлиненно-каплевидную) или грушевидную форму (до начала XII в.) и крестовидную прорезь. Более поздние бубенчики конца XI – XIII в.: шаровидные с щелевидной прорезью; в XII – XIII вв. сохраняются и грушевидные с крестовидной прорезью (Мальм, Фехнер, 1967, с. 133–137, рис. 20).

В состав созданного к X в. филигранного древнерусского убора входят ожерелья на бусинной или проволочной жесткой основе, состоящие из лунничных подвесок разного размера и довольно стандартных полусферических медальонов (рис. 2: II, 3–13). Их орнаментация выполняется в геометрическом стиле, орнамент развивается от линейно-геометрического к геометрическому (Жилина, 2017, рис. 6: 33–43). Данный зерновой убор бытует в начале – первой половине XI в., позже актуальность его утрачивается.

Со второй половине XI – по первую треть XIII в. создаются и широко бытуют в элитарном уборе черневые и эмалевые христианские ожерелья из медальонов с сюжетами Деисуса и орнаментальными композициями процветшего креста. Золотые медальоны из перегородчатой эмали имеют драгоценные филигранные оправы. Несмотря на то, что неизвестно византийских аналогий древнерусским христианским ожерельям, сомнений в том, что прототипы были византийскими, практически нет. К этому располагают христианские сюжеты и орнаментика. Можно предполагать, что окончательное сложение стандартного облика ожерелий из медальонов произошло на Руси (Жилина, 2014, с. 84–87, 110–114).

В составе Спасского клада из Волжской Булгарии есть крупная серия из девяти черневых медальонов (рис. 6: 1–9). Они хорошо укладываются в эволюционный ряд

³ Эти серебряные гривны происходят из кладов Копиевка Киевской обл., 1928 г.; Борщевка Волынской губ., 1883 г., Богдыхов Волынской губ., 60-х гг. XIX в.

медальонов древнерусских кладов. По их орнаментальным композициям наблюдается то же стилистическое движение: наиболее ранний этап характеризуется геометризованным изображением (рис. 6: 1, 2, 5–7). Наиболее близкие аналогии дают медальоны кладов Новгородской и Суздальской земель, Старой Рязани и Владимира (рис. 6: 10–14). Средний этап характеризуется естественной передачей растительных мотивов (рис. 6: 3, 8). Эта стадия хорошо представлена покладам с территории Древней Руси, близкой аналогией является один из медальонов Суздальского оплечья (рис. 6: 15). Завершающей стадией является утрированное и пышное отображение растительного орнамента (рис. 6: 4, 9). Аналогии происходят из Суздальской земли и Москвы (рис. 6: 16, 17).

Волжская Булгария. Украшения рук. В VIII–IX вв. характерны перстни салтовских форм с крапанами для обжима вставки. Появляются новые типы с высокой жуковиной и щитком (рис. 7: 1, 2, 12). Формы браслетов просты: дровые, пластинчатые, витые; концы обрубленные или заостренные. Появляются витые браслеты и оформление концов вставками. Есть многогранные и прямоугольные в сечении формы, орнамент геометрический и рифленый (Степи..., 1981. С. 79; Казаков, 1992. С. 71–74). Браслеты более известны в прикамско-приуральской этно-культурной группе (рис. 7: 3–11, 13, 14).

В IX–X вв. продолжается распространение перстней со вставками, есть формы с цельнолитыми и припаянными щитками; простые пластинчатые и проволочные перстни с заходящими концами (Казаков, 1992, с. 171, 172) (рис. 7: 15–27). Разнообразные по сечению браслеты делаются из бронзы, серебра и железа (дровые, пластинчатые, витые). Формы типичны для круга прикамских, поволжских народов и народов салтово-маяцкой культуры (Степи..., 1981, с. 79; Казаков, 1992, с. 172–174). В это время больше представлены браслеты с расширяющимися концами, геометрическим орнаментом, вставками на концах: дровые и витые в раннебулгарских могильниках (Казаков, 1992, рис. 62: 3, 9, 10, 16) (рис. 7: 28–43). Дровые и витые браслеты со вставками из раннебулгарских могильников сыграли роль прототипов для формирования последующих булгарских форм (Казаков, 1992, рис. 62: 3, 9, 10, 16) (рис. 7, I: 30, 34, 38, 43).

В Булгарии известны витые браслеты из трех проволок с петлевидными концами

элементарного вида без каких-либо особенностей, типичные для многих народов. Петлевидные концы приспособлены для закрепления кастов со вставками (Полякова, 1996, с. 180, рис. 60: 4, 5, 15, 16; Руденко, 2015, с. 192, рис. 54).

Своеобразны булгарские плетеные браслеты из золотой, серебряной или медной проволоки с расплюснутыми или петлевидными концами, со сложным ажурным плетением, как на гривнах. Сложенная пополам двухпроволочная заготовка переплеталась с третьим двухпроволочным жгутом. При ажурном плетении из шести проволок плотное витие проволоки в жгуте сочеталось со свободным ажурным сплетением самих жгутов. Такая фактура отмечается как отличительная черта браслетов булгарского производства.

Браслеты типа 1 конца X – XII в. выполнены из сложенного вдвойне жгута из двух проволок (2 x 2) плотного плетения (рис. 8: I, 1, 2). Такие браслеты также общераспространены и не составляют специфики. Браслеты типа 2 ажурного плетения выполнены из трех жгутов (3 x 2), датируются XII – началом XIII в. (бытовали до второй трети XIII в.) (рис. 8: I, 3–5). Эти браслеты украшались овальными или прямоугольными вставками по концам (стекло, сердолик, янтарь), крупной филигранью (Полякова, 1996. С. 186, 187; Руденко, 2015. С. 176, 177, 198, 200–202). Браслеты типа 3 выполнены из 6–8 плотно свитых жгутов (рис. 8: I, 6).

Булгарские и русские плетеные браслеты с миндалевидными окончаниями и крупной зернью сходны. Есть мнение, что браслеты из клада в Старой Рязани 1970 г. являются подражаниями булгарским (Руденко, 2015. С. 185). На наш взгляд, это типичная стадия браслетов с крупной филигранью, своя в каждом регионе. Филигрань с крупными параметрами – показатель ранней стадии филигранного ремесла, сходно наблюдающейся в Древней Руси, Прикамье и Булгарии. Ажурного булгарского плетения на старорязанских браслетах нет (рис. 8: II, 6–8).

В технике филигрании в Волжской Булгарии выполнялись широкие пластинчатые браслеты с крупными вставками и расширенными овальными концами. Типологические разновидности выделяют по форме окончаний и вставки: 1) с округлыми окончаниями и прямоугольным кастом со вставкой, вторая половина XII в. (рис. 9: 1–3); 2) с овальной лопастью и круглым кастом (рис. 9: 4–6).

Прототиповая форма обнаружена в Новгороде и относится ко второй четверти XI в. (1025–1055 гг.) (Седова, 1981. С. 112. Рис. 38: 6). К XI (?) – XII вв. относится комплекс аналогично орнаментированных зернью изделий из Предуралья (рис. 9: 1–3). На рубеже XII–XIII вв. орнаментация браслетов второй типологической разновидности дополняется чернью (плетеный орнамент) и гравировкой, один из таких браслетов дошел в кладе из Москвы 1988 г. (рис. 9: 4–6). (Руденко, 2015. С. 186–192; Жилина, 2014. № 197/11) Датировка этих браслетов первой третью XIII в. аргументируется сокрытием клада накануне 1238 г. Но дата первой трети XIII в. не распространяется на все вещи клада⁴. Крупная филигрань характерна для начального этапа развития филигранного дела. На наш взгляд, дату браслетов, оформленных крупной зернью, следует приблизить к XII в.

Исследователи, изучающие уральские и прикамские изделия, полагают, что лунницы и широкие браслеты с крупной зернью являются болгарским импортом (Савельева, Истомина, Королев, 1999. С. 334, 335. Рис. 14). Исследователь древностей Волжской Булгарии К.И. Руденко полагает, что эти изделия отражают влияние болгарского ювелирного дела на другие регионы (Руденко, 2015. С. 194). На наш взгляд, эти изделия демонстрируют более ранний пласт болгарского ювелирного дела XI – начала XII вв., выросшего на основе искусства финских народов. Впоследствии здесь распространяется более тонкая филигрань.

Филигранные перстни конца XI – XII в. немногочисленны: серебряные с плоским и полусферическим щитком и обильной поверхностью зерневой орнаментацией; серебряные и золотые с сердоликовыми и лазуритовыми вставками цилиндрической, круглой и прямоугольной формы (рис. 10: I, 1–6).

По мнению К.А. Руденко, прямых местных предшественников болгарским филигранным перстням из более раннего времени нет: предшествующие украшения преимущественно литые; роль в их происхождении сыграли древнерусские перстни с полусферическими щитками X в. Выделен тип перстня с плоским щитком, общий и для болгарского и прикамского ювелирного дела (Руденко, 2015. С. 160–169, 173, 174, рис. 38: 2; 43: 2).

Наличие общих форм подчеркивает, что вклад филигранный финских народов и в этом аспекте нельзя не учитывать. Сходство форм

и навыки орнаментации естественно продолжают. Сохраняется использование зерни крупных параметров, по этому признаку и по аналогиям из древнерусских кладов болгарские филигранные перстни можно относить к XI–XII вв. Развитие филигранных перстней и браслетов сходно.

Черневые болгарские перстни многочисленны, но однотипны, серию выделяет выбор формы пластинчатых щитковосрединных перстней с различными щитками (круглым, прямоугольным, шестиугольным, овальным) и богатой орнаментацией (в ранний период растительной, к XIII в. – плетеной), на обороте есть знаки собственности. Перстни, вероятно, производились в мастерских Болгара и Биляра. Выделение подтипов произведено по форме щитка (Полякова, 1996, с. 176–178; Руденко, 2015, с. 53–58, 68, 69) (рис. 10: I, 7–13). На наш взгляд, можно выделить перстни с круглым, прямоугольным и шестиугольным щитком. Многие перстни, щиток которых определен как прямоугольный или овальный, отражают шестиугольную форму со слегка сглаженными гранями.

Хронологию перстей с чернью установлена по ряду опорных дат и стилистике черневого орнамента. Второй половиной XII в. датируется перстень с кринообразным орнаментом из жилища на Билярском городище. Перстни из клада на Кожаевском селище относятся к концу XI – началу XII в. (Руденко, 2015. С. 68, 69. Кат. 33, 38–43). Первая хронологическая группа перстней отнесена к XI–XII вв. (композиции с крином и птицей) (Руденко, 2015. Рис. 3); вторая – ко второй половине XII в. (со схематичным изображением, тип 2.6) (Руденко, 2015. Рис. 4); третья – к началу – первой половине XIII в. (перстни типа 4.3, со схематичным рисунком и плетеным орнаментом (Руденко, 2015. Рис. 5–7).

При верной хронологической расстановке изделий, можно предложить иную стилистическую характеристику. Схематично трактованные геометризованные варианты орнаментальных изображений находятся в первой хронологической группе (рис. 10: I, 7–10). Для второй хронологической группы характерна развитая криволинейная стилистика растительного кринообразного орнамента, опорная датировка второй половины XII в. связана именно с такой стилистикой (рис. 10: I, 11). Для третьей хронологической группы характерен не схематизм трактовки орнаментальных элементов, а сложность композиции,

⁴ В составе клада есть вещи XI в.

разделение на зоны, общая орнаментализация, использование плетеного орнамента (рис. 10: I, 12, 13).

Древняя Русь. Украшения рук.

В IX–X вв. развитие древнерусских украшений рук и украшений с территории Болгарии довольно сходно. Среди древнерусских браслетов преобладают пластинчатые и дрововые, с X в. известны витые. Слегка расширяющиеся концы сменяются сужающимися и завязывающимися (Жилина, 2017, рис. 4: 30–33, 38–40). В раннеболгарском материале дольше (до X в.) сохраняется архаичная форма браслетов с существенно расширяющимися концами, раньше встречены витые браслеты, а также формы со вставками (IX–X вв.) (рис. 7: 1, 4, 28–30, 34, 38).

Наблюдается сходная приверженность салтовским формам перстней (рис. 7: 12, 25) (Жилина, 2017, рис. 4: 27). Распространение перстней со вставками происходит приблизительно одновременно: в X–XI вв. (Жилина, 2017, рис. 4: 37) (рис. 10: I, 3–6; II, 1–3). В древнерусском уборе X–XIII вв. широко используются перстни, выполняемые ковкой и литьем, с основой из дрота, пластины, проволочные, витые (с XI в.), чрезвычайно распространена форма широкосрединных, подражающих витым (Седова, 1981, с. 121–142; Жилина, 2014, рис. 38).

В древнерусском филигранном уборе X – первой половины XI в. известны перстни с полусферическим щитком и крупной филигранью (Жилина, 2017, рис. 4: 34). С XI в. крупная филигрань сопровождает перстни со вставками (рис. 10: II, 4). Возможно, с этим убором следует связывать немногочисленные витые и плетеные браслеты с крупной зернью и вставками, в технологическом отношении они параллельны перстням, можно предполагать их более раннюю дату: XI – XII вв. (рис. 8: II, 3, 6, 7). Этот этап в Волжской Болгарии также демонстрируют филигранные перстни и браслеты (рис. 8: I, 3–62, 4; 10: I, 4–6). Параллелен и постепенный переход к использованию более миниатюрной филигрании (рис. 10: I, 1–3; II, 1–3).

Среди древнерусских проволочных украшений рук преобладают витые, плетение остается плотным (рис. 10: II, 1–10). Со второй половины XI в. проволочные браслеты украшаются завитково-растительным черневым орнаментом на окончаниях, развивающихся от прямоугольной к миндалевидно-кринообразной форме (рис. 10: II, 1, 2, 9, 10).

В черневом ювелирном уборе широко представлены двусторчатые пластинчатые браслеты из ровной широкой пластины с богатым набором орнаментальных композиций, среди которых наблюдаются черты скандинавской византийской и складывающейся древнерусской орнаментики (Жилина, 2014, с. 100–109). Филигранные пластинчатые браслеты немногочисленны, орнаментированы геометрическим и завитковым провизантийским орнаментом, гофрированной лентой (Жилина, 2014, с. 138, 139). В эмалевом уборе браслеты и перстни не представлены.

Черневые древнерусские перстни характеризуются многочисленностью и типологическим разнообразием: форма щитков: круглые, овальные прямоугольные, шестиугольные и квадрифолийные (Жилина, 2014, с. 109 – 110). Стилистическое развитие в черневом уборе в целом идет от геометризованных форм передачи растительных и зооморфных мотивов, через естественную стадию к утрированной, это отмечается и по украшениям рук (рис. 10, II, 11–21).

Выводы.

Для шейно-нагрудных украшений и украшений рук Волжской Болгарии и Руси выделяются сходные ранние этапы с использованием крупной филигрании финского облика (монетовидные и лунничные подвески, браслеты, перстни).

Шейные и нагрудные украшения IX–X вв. сходны наличием дисковидных подвесок, подвесок-лунниц, бубенчиков, но имеющих собственное происхождение, разные формы и использовавшихся различно (болгарские лунницы подвешивались к гривнам, височным украшениям).

При формировании ювелирных нагрудных цепей Болгарии слились местная финская традиция шумящих ожерелий и восточная иранская традиция драгоценных широких (ленточных) ожерелий. Оригинальны гривны и браслеты ажурного плетения.

В Древней Руси гривны и браслеты сохраняют плотное витие и плетение. Сходная с болгарской тенденция облегчения гривен в русском уборе не нашла большого развития.

Болгарские и русские филигранные перстни сходны по форме и орнаментации. И там, и здесь бытуют перстни салтовских форм, на территории Болгарии это одна из традиционных форм, на Руси – заимствование. Типологическое разнообразие русских черневых перстней шире, но стилистическое развитие сходно.

В Волжской Булгарии создан оригинальный смешанный по техникам ювелирный убор: височные подвески и ожерелья в технике филиграни; предметы культа в технике черни, перстни и пластинчатые браслеты в технике черни и филиграни, иногда с совмещением техник; плетеные украшения (гривны и браслеты) оригинальной ажурной техники плетения со вставками. Стилистическое единство наблюдается в рамках отдельных техник.

В Древней Руси выделяется несколько уборов, соответствующих техникам: эмалевый, черневой, филигранный. В каждом создается стилистический ансамбль и свои варианты основных категорий украшений (колты, рясна, ожерелья из медальонов с христианскими сюжетами, черневые браслеты наручи и др.). Византийские основы сказываются в формах категорий украшений и их орнаментального развития, в конкретных итоговых формах изделий сказываются славянские и скандинавские традиции.

Стилистическое развитие орнаментации болгарских и русских черневых изделий сходно.

В итоге соприкосновение и знакомство культур не привело к существенным изменениям в уборе из украшений и ювелирном деле этих стран. Достижения ювелирной культуры Волжской Булгарии не вызвали в традиционной культуре соседних народов переориентации художественных вкусов и предпочтений (Руденко, 2015, с. 6, 7). Не вызвали они существенных изменений и в русском уборе из украшений. Параллельное культурное развитие дошло у каждого государства до своеобразных высоких вариантов.

Волжская Булгария – яркая оригинальная страница культуры исламского Востока, выросшая на местной основе культуры болгар и камско-уральских народов. Древняя Русь – новая вершина развития славянско-скандинавской культуры под влиянием христианской культуры Византии.

ЛИТЕРАТУРА

- Вихляев В.И., Петербургский И.М.* Мордва // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред. М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 119–160.
- Гуцин А.С.* Памятники художественного ремесла Древней Руси X–XIII вв. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство. Ленинградское отделение, 1936. 90 с. Табл.
- Жилина Н.В.* Средневековая филигрань и русская зернь и скань // Жилина Н.В., Макарова Т.И. Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций IX–XIII вв. Художественные стили и ремесленные школы. М.: ИА РАН; «Гриф и К», 2008. с. 99–294.
- Жилина Н.В.* Зернь и скань Древней Руси. М.: ИА РАН, «Гриф и К», 2010. 260 с.
- Жилина Н.В.* Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS; Книжный дом «Либроком», 2014. 400 с.
- Жилина Н.В.* Сравнительный анализ хазарского и славяно-русского убора из украшений к костюму // ПА. 2017. № 2 (20). С. 127–156.
- Иванова М.Г.* Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1992. 184 с.
- Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.
- Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1954. 226 с.
- Луконин В.Г.* Культура сасанидского Ирана. Иран в III–V вв. Очерки по истории культуры / Серия: Культура народов Востока. М.: Главная редакция восточной литературы, 1969. 244 с.
- Луконин В.Г.* Искусство Древнего Ирана. М.: Искусство, 1977. 232 с.
- Мальм В.А., Фехнер М.В.* Привески-бубенчики // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Под ред. Б.А. Рыбакова. Труды ГИМ. Вып. 43. М.: Советская Россия, 1967. С. 133–148.
- Оборин В.А.* Коми-пермяки // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века / Отв. ред.: М.Г. Иванова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 255–298.
- Полякова Г.Ф.* Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Отв. ред. Г.А. Федоров-Давыдов. Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1996. С. 154–268.
- Равдина Т.В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.: Наука, 1988. 150 с.
- Руденко К.А.* Булгарское серебро. Филигранные височные подвески. Древности Биляра. Том II. Казань: Заман, 2015. 528 с.

Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь выгегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН, 1999. С. 299–349.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М.: Наука, 1981. 196 с.

Степи Евразии в эпоху средневековья / Археология СССР / Отв. ред. С.А. Плетнева. М.: Наука, 1981. 300 с.

Украшения Востока из коллекции Патти Кадби Берч. США. Каталог выставки. М., Издательство ГМИИ им. А.С. Пушкина; ГЭ, 2000. 156 с. (без нумерации).

Финно-угры и балты в эпоху средневековья Археология СССР / Отв. ред. В.В. Седов. М.: Наука, 1987. 513 с.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии. М.: Восточная литература, 2006. 664 с.

Jenkins M., Keene M. 1982. Islamic Jewelry in the Metropolitan Museum of Art. New York: Metropolitan Museum of Art.

Информация об авторе:

Жилина Наталья Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); nvzhilina@yandex.ru

VOLGA BOLGARIA / EAST; ANCIENT RUSSIA / BYZANTINE EMPIRE (COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF JEWELRY COMPLEXES: NECK AND CHEST COMPLEXES, HAND ADORNMENTS)

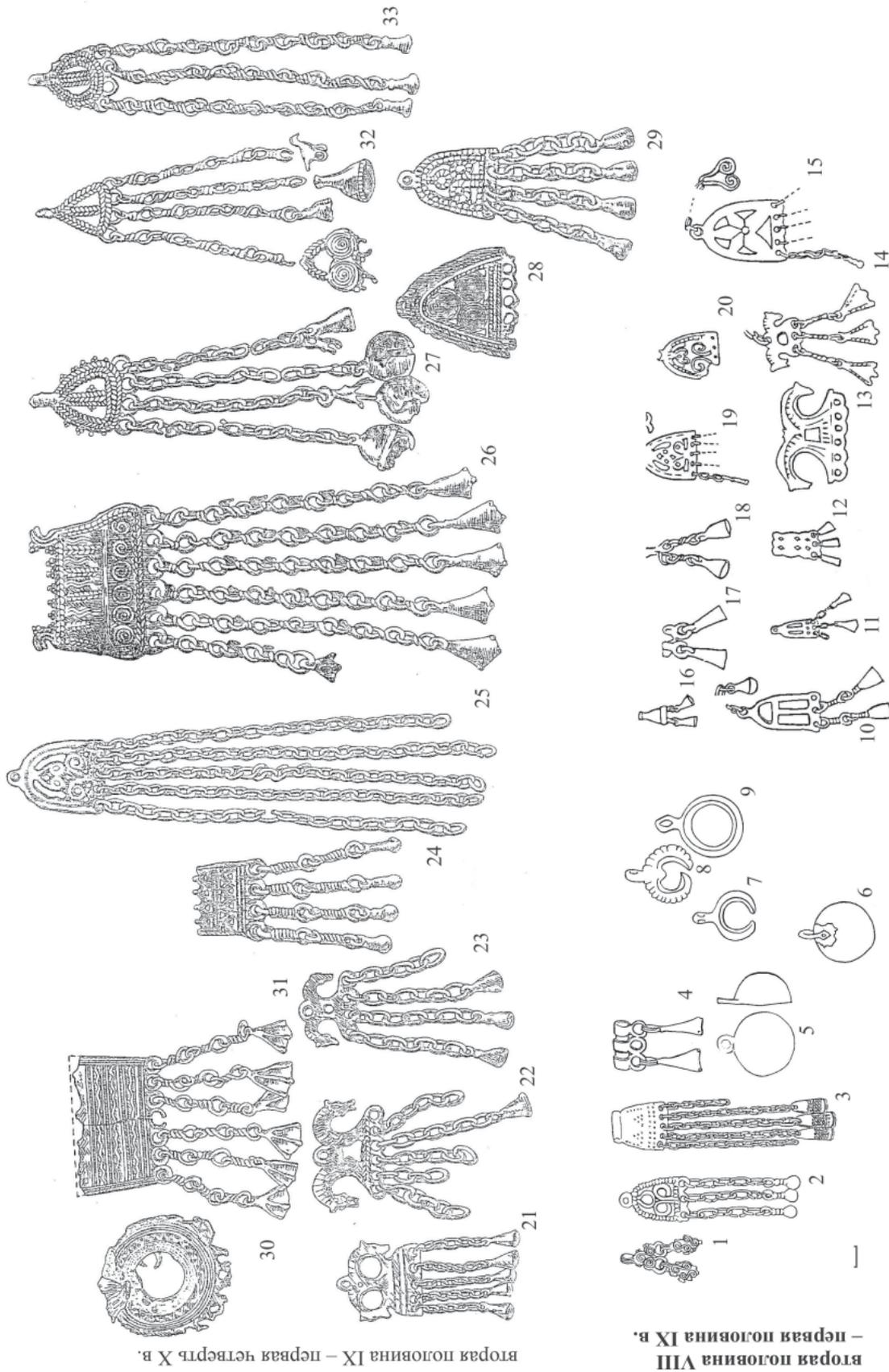
N.V. Zhilina

The neck and chest jewelry and hand adornments of Volga Bolgaria and Rus are characterized by similar early stages involving the use of large-scale filigree of the Finnish type (coin- and moon-shaped pendants, bracelets and signet rings). The jewelry breast chains of Volga Bolgaria retained the principle of using noise-making necklaces with pendants included in the jewelry complex together with temple adornments. The shapes of necklaces are similar to those of Iranian origin. Suspended cases for texts from the Quran correspond to the jewelry culture of Islam. Other adornments include original torcs and openwork bracelets. The torcs and bracelets of ancient Rus retained the techniques of dense twisting and weaving. The craftsmen of Volga Bolgaria created an original mixed jewelry complex involving the use of filigree (for head adornments, necklaces) and blackening (for cult items and hand jewelry), and the two techniques were combined. Several complexes were distinguished in Ancient Rus, which correspond to the following techniques: enameling, blackening and filigree. Each of them established its own versions of the main categories of adornments (necklaces consisting of medallions with Christian plots, blackened arm bracelets). The stylistic development of Bolgar and Rus ornamentation of blackened articles is similar. The contact of Rus and Volga Bulgar cultures did not result in significant changes in the complex of adornments and jewelry of these countries. The Rus element in the culture of the Volga Bolgars and the Bolgar element in Rus remained distinguishable. Each of the cultures created an original jewelry complex.

Keywords: complex, jewelry, neck, torcs, chest, chains, bracelets, signet rings, Volga Bolgaria, Ancient Rus.

About the Author:

Zhilina Natalia V., Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences. Dmitriya Ulyanova Str., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; nvzhilina@yandex.ru

вторая половина IX – первая четверть X в.

– первая половина VIII в.

Рис. 1. Шейно-нагрудные украшения ранних этапов с территории Волжской Булгарии: вторая половина VIII – первая половина IX в.: салтовский круг – 1–4 – шумящие украшения, бронза, Большетарханский могильник; 5–9 – круглые и лунничные подвески (Казаков, 1992, рис. 13, 33, 34, 36, 35, 16, 21–24); прикамско-приуральский круг – 10–20 – шумящие украшения Большетарханский могильник (Казаков, 1992, рис. 21: 67–77); вторая половина IX – первая четверть X в. – 21–33 – шумящие украшения, бронза, Танкеевский могильник (Казаков, 1992, рис. 64: 1–13).

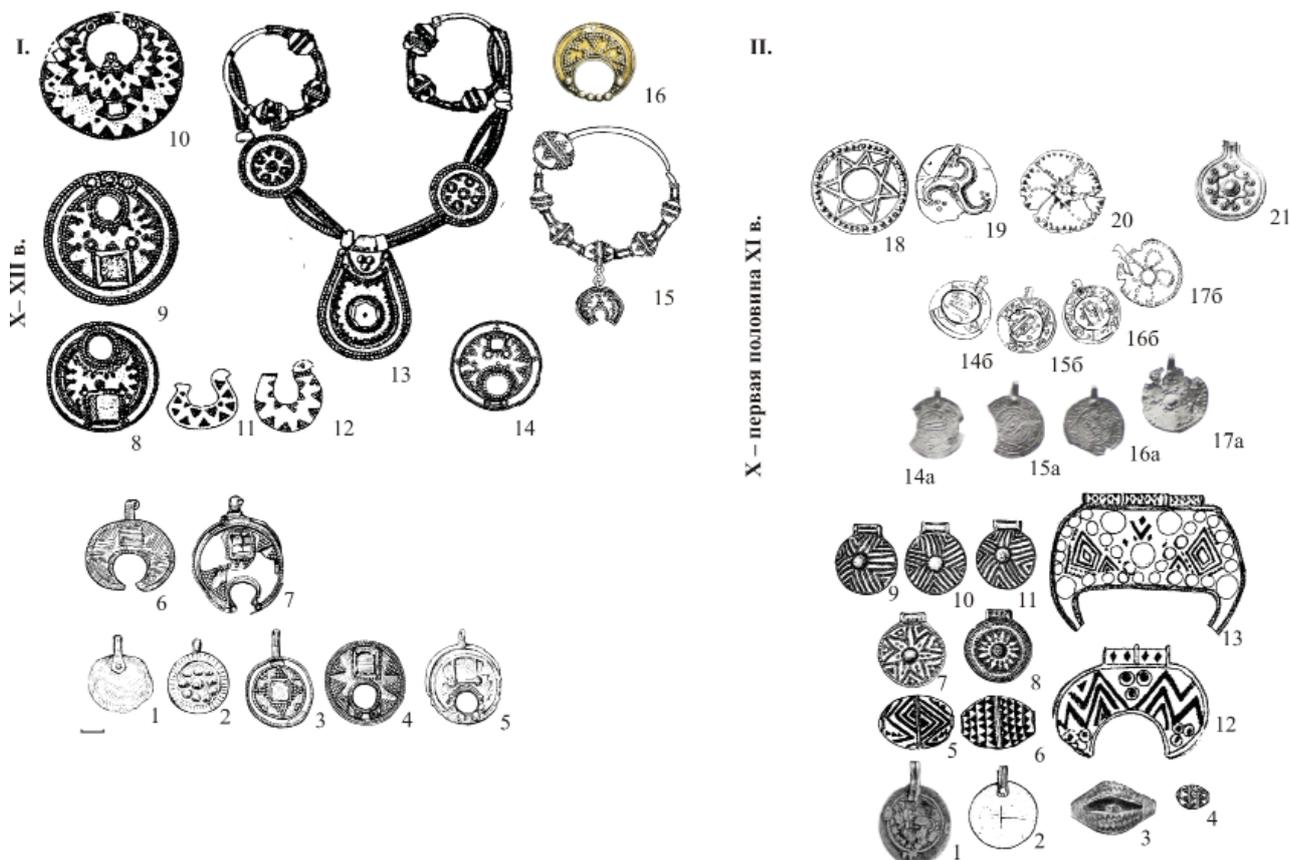

Рис. 2. Филигранные и тисненые нагрудные украшения:

I. Волжская Булгария, X–XII вв.: чепецкая культура, подвески к ожерельям: 1–3 – монетовидные гладкие и с филигранью (Иванова, 1992: рис. 12: 1, 3, 8); 4, 5, 7 – лунницы (Иванова, 1992, рис. 12: 10, 13, 14); пермь-вычегодская: 8–12 – лунницы с зернью и вставками, 13 – цепь с лунницей и круглыми подвесками (Савельева, Истомина, Королев, 1999, рис. 14: 9–11, 6, 7, 18); коми-пермяки: 14 – лунница, 15 – височное кольцо с подвеской-лунницей (Оборин, 1999, рис. 7: 5, 7); 16 – лунница, клад из Москвы, 1988 г. (Жилина, 2014, № 197/8);

II. Древняя Русь: клады – 1, 2 – подвески из монет и дисковидная, Гнездово Смоленской обл., 1867 г., 1993 г. (Жилина, 2014, № 23/161; 180/6); филигрань, бусины – 3 – Юрковцы Киевской губ. 1864 г. Жилина, 2014, № 15/4а); 5, 6 – Гнездово, 1867 г. (Жилина, 2014, № 23/5в); 7–11 – медальоны, Гнездово, 1993 г. (Жилина, 2014, № 180/5); 12, 13 – лунницы, Копиевка Киевской обл. 1928 г. и Борщевка Волынской губ. 1883 г. (Жилина, 2014, № 16/3, 17/26); 4 – погребение конца X – начала XI в., Куреваниха, Вологодской обл., курган 2 (Равдина, 1988, табл. 6: 20); клад, подвески из монет и в технике пуансонной чеканки – 14–17 – Витебская губ., до 1907 г. (Жилина, 2014, № 47/1); 18, 19 – Спанка Петербургской губ., 1913 г. (Жилина, 2014, № 56/4); 20 – Васьково Псковской губ., 1923 г. (Жилина, 2014, № 50/6); 21 – литая, подражание филигрании, Мироновский фольварк Киевской губ., 1883 г. (Жилина, 2014, № 32/4).

Рис. 3. Гривны XI–XIII вв.; I. Волжская Булгария: 1 – клад, Кожаевка, Спасский район Республики Татарстан, вторая половина XI в. (Руденко, 2015. Кат. № 251); XII – начало XIII в.; 2 – место находки неизвестно (Руденко, 2015, Кат. № 248); 3 – Болгарское городище, случайная находка (Руденко, 2015, Кат. № 247); 4 – Рождествено, Раишевский район РТ (Руденко, 2015, Кат. № 246); 5 – клад, Именьково Раишевский район РТ (Руденко, 2015, Кат. № 249); 6 – случайная находка, г. Чистополь РТ Раишевский район РТ (Руденко, 2015, Кат. № 253); 7, 8 – подвески-лунницы, бронза, литье, Билярское городище (Руденко, 2015, ил. 320 – опубликованы без масштаба); II. Древняя Русь: клады – 1 – Богдыхов Волынской губ., 60-е гг. XIX в.; 2 – Мироновский фольварк Киевской губ., 1883 г.; 3 – Бужиски Гродненской губ., 1885 г.; 4 – Черныши Киевской губ., до 1899 г.; 5 – Княжа Гора Киевской губ., 1891 г.; 6 – Тверь, 1906 г. (Жилина, 2014, № 31/3, 32/1а1, 43/2а, 128/1, 117/а, б; 170/8).

Рис. 4. Украшения Волжской Булгарии из цепей и подвесок: золото – 1 – клад, Самара (Руденко, 2015, ил. 351 – опубликовано без масштаба); 2 – Муромский городок или Болгар (Руденко, 2015, Кат. № 389, 390); 3 – место находки неизвестно (Руденко, 2015, Кат. № 389, 388); 4 – клад, Спасск (Руденко, 2015, ил. 350 – опубликовано без масштаба); серебро – 5 – место находки неизвестно, электр (Руденко, 2015, Кат. № 393); 6 – парный комплект цепей, Старое Альметьево (Руденко, 2015, ил. 353 – опубликовано без масштаба); 7 – Бутаевский клад (Руденко, 2015, ил. 352 – опубликовано без масштаба); 8 – Билярск, коллекция А.Ф. Лихачева (Руденко, 2015, ил. 354 – опубликовано без масштаба).

Рис. 5. Волжская Булгария. Подвески-футляры для текстов из Корана: 1 – Спасский клад, серебро, чернь, XII – первая треть XIII в. (Руденко, 2015, рис. 8: 1); 2 – Крещеноелтанский клад, конец XII – первая треть XIII в. (Руденко, 2015, рис. 8: 4 – опубликованы без масштаба); 3–5 – миниатюрные подвески-коробочки (Руденко, 2015, рис. 5: 1–3); 6, 7 – флаконовидные подвески, Билярское городище, XI–XII вв. (Руденко, 2015, ил. 122 – опубликованы без масштаба).

Рис. 6. Древнерусские нагрудные медальоны с христианскими сюжетами из кладов: 1–9 – клад из с. Великие Болгары Спасского у. Казанской губ. (Гущин, 1936, табл. XXXII: 1; XXXIII: 8; XXXII: 12; XXXIII: 6; XXXII: 4, 10; XXXIII: 4; XXXII: 6, XXXIII: 7); 10, 11 – Сельцы Новгородской губ., 1892 г. 12 – Старая Рязань, 1970 г.; 13 – Владимир (на Клязьме), Ветшаный город, 1837 г.; 14–16 – Исады под Суздалем Владимирской губ., 1851 г.; 17 – Москва, 1991 г. (Жилина, 2014, № 174/2а, 2б; 186/2а1; 166/1а; 169/1в, 1г; 1е; 198/17).

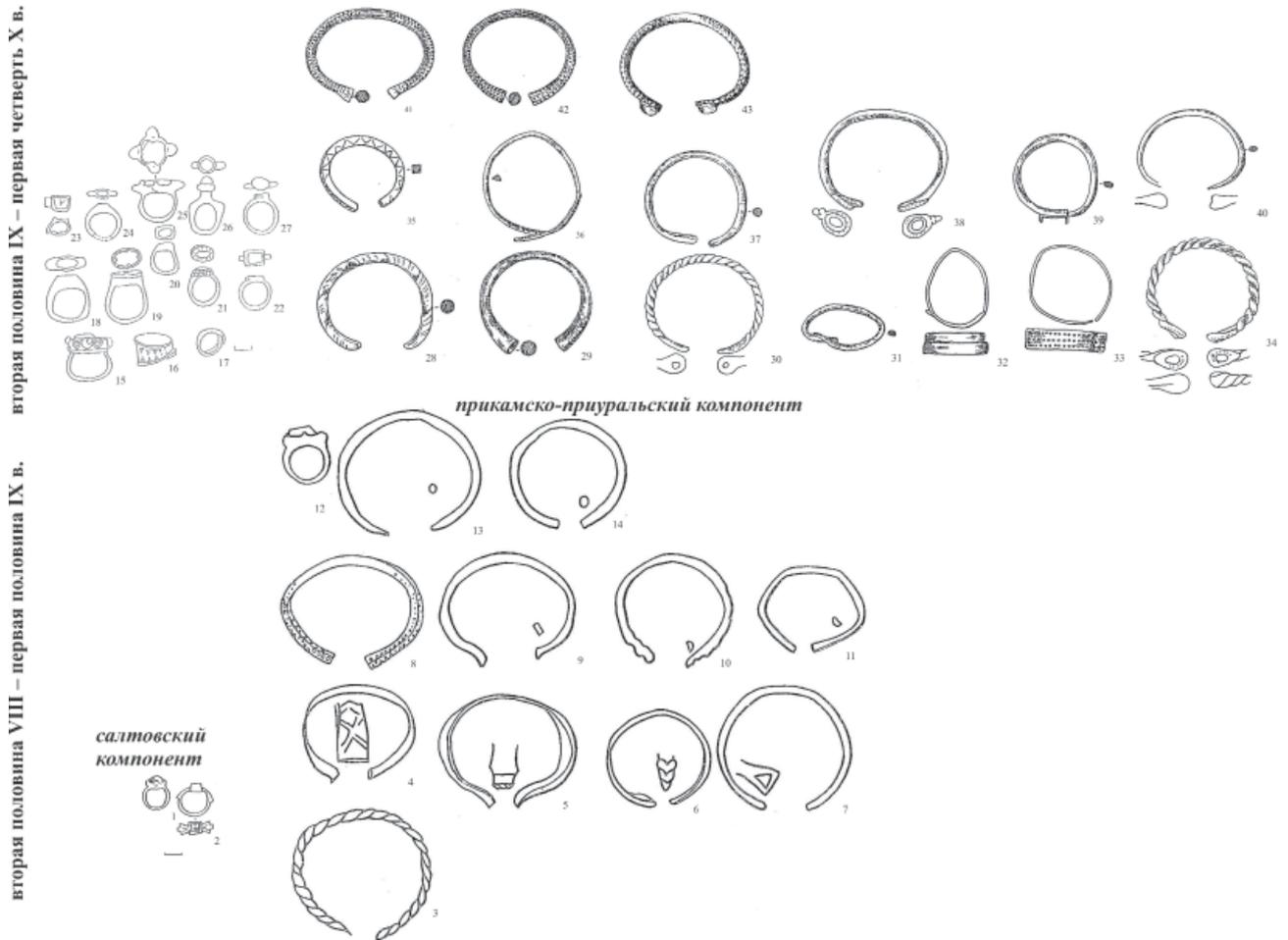

Рис. 7. Украшения рук ранних этапов с территории Волжской Булгарии, VIII–X вв.: вторая половина VIII – первая половина IX в.: 1, 2 – бронза, Большетарханский могильник (Казаков, 1992, рис. 13: 53, 54); 3–14 – Большетиганский могильник (Казаков, 1992, рис. 13: 15–26); вторая половина IX – первая четверть X в.: 15–27 – перстни, Танкеевский могильник (Казаков, 1992, рис. 61: 15–27); 28–43 – браслеты, Танкеевский могильник (Казаков, 1992, рис. 62: 1–16).

Рис. 8. Браслеты проволочные. I. Волжская Булгария: XII – начало XIII в., плетеные, серебро, Биляр или Болгар – 1, 2 – тип 1 (Руденко, 2015, ил. 327, Кат. № 237); 3, 4 – тип 2 (Руденко, 2015, рис. 53: 12, Кат. № 238); 5 – часть золотого браслета, музейное собрание Национального музея республики Татарстан (Руденко, 2015, ил. 280 – опубликовано без масштаба); 6 – тип 3, плотное плетение (Руденко, 2015, рис. 53: 2, Кат. 361); II. Древняя Русь, вторая половина XI – XII в.: 1 – происхождение неизвестно; клады – 2 – Пилява Киевской губ., 1895 г.; 3, 10 – Киев, Десятинная церковь, 1909 г.; 4, 5 – Мужищево Тверской губ., 1927 г.; 6, 7 – Старая Рязань, 1970; 8 Старая Рязань, 1966 № 1; 9 – Святое озеро Черниговской губ., 1908 г. (Жилина, 2014, рис. 113: 28; № 34/2а, 74/2б, 2а; 171/1, 3; 186/10, 11; 183/16; 152/6).

Рис. 9. Пластинчатые филигранные серебряные браслеты со вставками: 1–3 – браслеты первой группы, Пермское Предуралье; браслеты второй группы – 4 – Тибей-Сале ЯНАО, серебро, сердолик; 5 – Кишертский могильник; 6 – клад из Московского Кремля 1988 г. (Руденко, 2015, рис. 46: 3, 2, 1, 8; ил. 303, 304, 306 – опубликованы без масштаба).

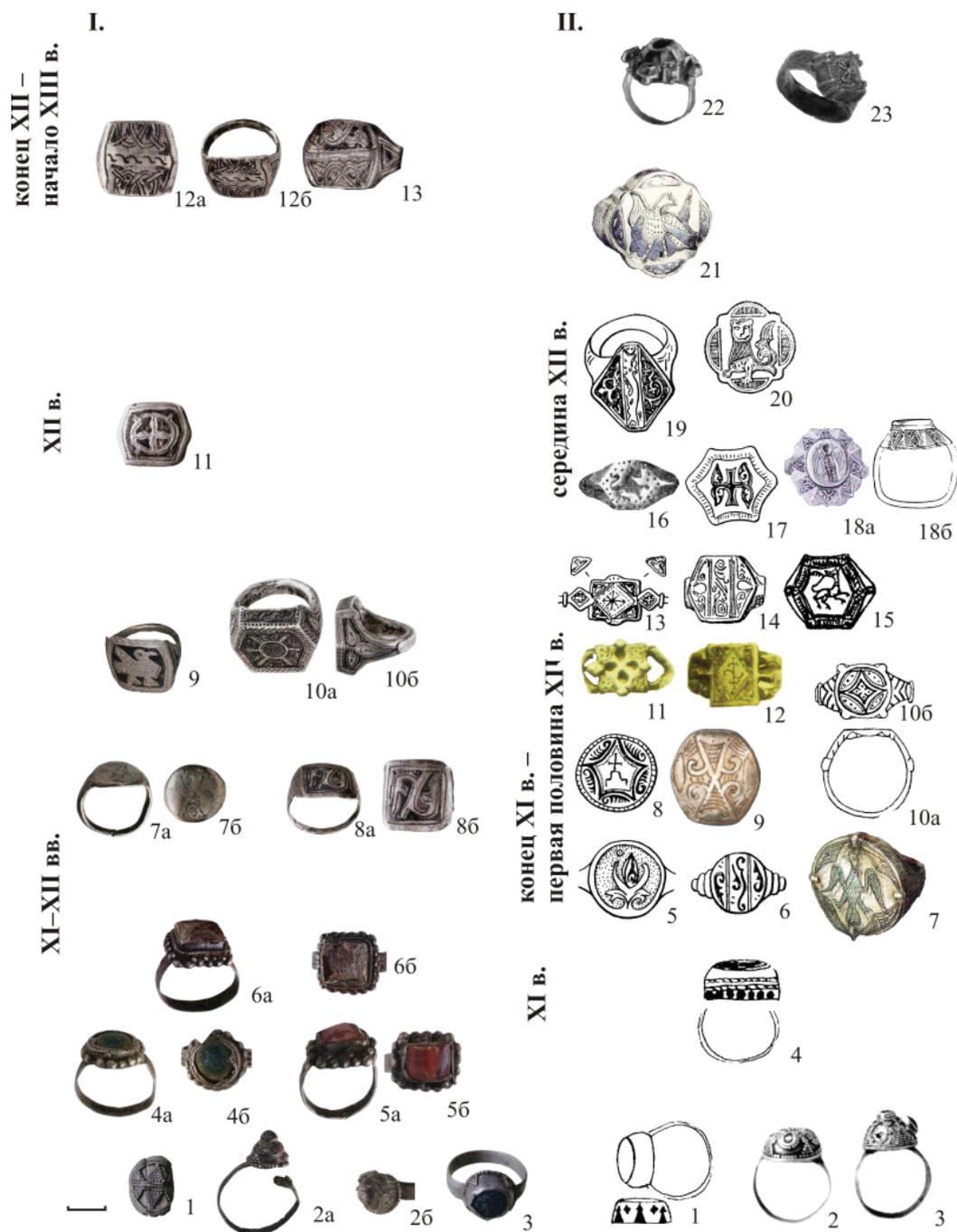

Рис. 10. Перстни. I. Волжская Булгария: филигранные – 1 – с круглым плоским щитком (Руденко, 2015, рис. 35; 3 – опубликовано без масштаба); 2 – с полусферическим щитком (Руденко, 2015, Кат. 78); перстни с кастами – 3 – с цилиндрическим (Руденко, 2015, Кат. 79); 4 – с круглым (Руденко, 2015, Кат. 76); 5, 6 – с прямоугольным (Руденко, 2015, Кат. 74, 77¹); широкосрединные перстни, чернь, со щитками – 7 – с круглым, XI–XII вв. (Руденко, 2015, Кат. 24); 8 – с прямоугольным (Руденко, 2015, Кат. 5); 9–13 – с шестиугольным (Руденко, 2015, Кат. 40, 10, 33, 3, 36); II. Древняя Русь: 1 – Суздальский некрополь (Жилина, 2014, рис. 99: в); клады – 2, 3 – Шалахова Витебской губ., 1892 г.; 4 – Елецкий монастырь, Чернигов, 1848 г.; 5, 20 – Шмарово Калужской губ., 1849 г.; 6 – Киев, ул. Трехсвятительская, 1906 г.; 7, 21 – Москва, 1988 г.; 8 – Старая Рязань, 1979 г. № 2; 9 – Путивльский у. Курской губ., 1878 г.; 11, 12 – Киев, усадьба Есикорского, 1885 г.; 13, 19 – Киев, Михайловский монастырь, 1903 г.; 14 – Киев, ул. Стрелецкая, до 1914 г.; 15 – Згарское городище Хмельницкой обл., 1970 г.; 16 – Войтовцы Полтавской губ., 1898 г.; 17 – Святое озеро Черниговской губ., 1908 г.; 18 – Киев, усадьба Гребеновского, до 1889 г.; 22 – Старая Рязань, 1822 г.; (Жилина, 2014, № 49/12а, б; 35/26; 155/5, 1; 108/12а; 197/15в, а; 189/3а; 159/4а; 103/17б; 68/46; 98/11д, б; 103/17б, е; 100/7; 205/14г; 145/14; 152/9; 99/10; 162/8); 23 – Старая Рязань, раскоп 13, погребение 49 (Жилина, 2014, рис. 99: е).

¹ В масштабе перстней возможны неточности, они опубликованы без масштаба, и, к сожалению, не всегда понятно, какой размер указывается в каталоге.

УДК 7.032(31)

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЙ ПОДХОД ПРИ АНАЛИЗЕ И РЕКОНСТРУКЦИИ ПАЛЕОКОСТЮМА

© 2019 г. Л.В. Копосова, Т.А. Галеева

В статье предпринята попытка реконструкции средневекового костюмного комплекса тохаров и уйгуров на материале росписей Таримского бассейна Великого шелкового пути. Предложенная автором методология рассмотрения костюма как «универсального произведения искусства» (по другой терминологии – «совокупного»), с прояснением гештальта этноса и учетом дополнительных модусов тактильности, сакральности и телесности, позволяет увидеть в истории развития декоративно-прикладного искусства в целом, его сложные взаимодействия с другими сферами культуры, влияния на различные стороны жизни человека. Это способствует выявлению возможных моделей развития древнего социума, культуры мышления и уровня духовной организации общества, маркированных через объекты искусства и их бытование в предметной среде человека.

Ключевые слова: палеокостюм, костюмный комплекс, искусствоведческий подход, методики исследования, искусство оазисов Шелкового пути.

Можно выделить несколько этапов при изучении археологического костюма. Первичная идентификация, определение временных, этнических и т.д. характеристик происходит на этапе работы в объектом археолога. Следующим этапом является изучение костюма с привлечением более широкого материала: археологических аналогов, данных этнографических исследований, изображений на росписях и объектах прикладного искусства. В дальнейшем, при наличии достаточного количества данных возможен более глубокий, специализированный анализ с привлечением сведений из смежных или соприкасающихся по темам исследований областей знаний - истории искусства, культурологии, филологии, лингвистики, психологии, когнитивистики, нейробиологии, генетики и т.д.

При исследовании палеокостюма, вследствие его плохой физической сохранности, сложно, а подчас и невозможно достоверно и обоснованно провести его реконструкцию. Новые данные в области когнитивных дисциплин, проясняющие особенности функционирования головного мозга человека¹, дают возможность предположить, что считывание достаточно большого объема информации происходит уже на досемантическом этапе: на уровне восприятия формы, пространственных характеристик, цвета. Эти качества могут быть зафиксированы этно-характеристиками костюма также, как и остальными пространственными элементами культуры и искусства – архитектурой, скульптурой, различными

формами декоративно-прикладного искусства.

Как правило, одежда идентифицируется по особенностям кроя (силуэта), расцветке, декору. Есть достаточно много археологических исследований по одежде Восточного Туркестана, рассматривающих ее на материале росписей отдельных оазисов². Однако древний костюм, как правило, не изучается с точки зрения его художественных особенностей, взаимосвязи с другими формами искусства. Между тем, его элементы, обладающие специфическими приемами формообразования и характером декора, выражают определенную картину мира и образные структуры этносов. В рамках данной статьи делается попытка рассмотреть эти элементы на примере древнего костюма тохаров и уйгуров.

Эти народности вобрали в себя мощь двух могучих этнических конгломератов – тюркского и индоевропейского (ираноязычного). На протяжении долгого времени они теснейшим образом взаимодействовали на политическом, экономическом и культурном уровне, сохраняя ярко выраженную самостоятельность образной и визуальной структуры костюмного комплекса. Возможно, это следствие их «трансцендентного» взаимодополнения, что проявилось, на наш взгляд, в ряде устойчивых аспектов их культуры. При этом, визуальные характеристики уйгурской культурной традиции в данном контексте, вне зависимости от особенностей формирования

¹ См. исследования и книги V. S. Ramachandran (В. Рамачандрана), журнал «Искусство» №3 (598) «История искусства — это яд», 2016 и др.

² Самым обширным и системным является «Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье», под редакцией Б. А. Литвинского в трех тт., издания 1982, 1992, 2000 гг.

этноса, рассматриваются как более близкие к тюркской традиции.

Определение «костюмный комплекс», используемое в данной статье, позволяет подойти к исследуемому предмету как к сложному, многосоставному произведению искусства, репрезентирующему художественную составляющую не только посредством формы и цвета, но также благодаря образным и сакральным связям, возникающим при его бытовании в аутентичной среде. Структурирующим принципом для системы искусства, при этом, является пространство, которое «обнаруживает» себя не только в визуальной культуре, но и через пространственную систему мифа, эпоса, литературы.

В зависимости от диахронных и синхронных характеристик миграций меняется и ментальное пространственное ощущение этноса. Таким образом, категории «цвет–форма–пространство» могут быть выделены из комплекса основных символов и элементов, характерных для данного этноса, и применены к области костюма. На изменение восприятия триады «цвет–форма–пространство» может влиять уровень пассионарности (используя определение Л.Н. Гумилева), интенсивность и качество контактов с соседними этносами.

Для понимания художественной составляющей палеокостюма необходимо, в первую очередь, выявить некую структурирующую схему–образ, «гештальт» этноса³. Он определяет во многом и основополагающие характеристики костюмного комплекса: его композиционные и кинетические свойства, орнаментальные мотивы, рождающиеся на основе мифо-поэтического мышления конкретного народа и др. Такой подход помогает восполнить недостающие звенья в развитии палеокостюма и реконструировать его с достаточной долей вероятности.

При исследовании предметного творчества традиционных культур ученые сталкиваются с формальным отсутствием индивидуального творца, что выдвигает на первый план общие характеристики явления, школы.

³ «Гештальт как формат знания представляет собой неразложимое единство чувственных и рациональных характеристик объекта. Иными словами, в нем сочетается и образное, и понятийное в их единстве». (Голованова Е.И. Образ, понятие, гештальт как форматы профессионального знания // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2014. № 6. С. 123.

В этом случае устойчивые визуальные коды, как своеобразные «якоря», даже в трансформированном виде дают понимание иерархии ценностей данной культуры, выражающейся и в визуальном облике костюмного комплекса. Искусствоведческий подход при рассмотрении арт-объектов в древних и традиционных культурах основывается на крайне малой индивидуализированности художественного процесса, незначительностью таких важных для современного художественного творчества категорий как колорит картины, психологичность, образность, аллегоричность и т.д. Гораздо более значимыми для этого искусства являются качества, выявляющие статусные характеристики персонажа или события. С этим, как правило, связана регламентация, канонизация форм, традиционность искусства, обобщенность и символичность.

При анализе костюмного комплекса необходимо учитывать пластические и динамические характеристики этноса, механику распространенных телесных практик, своеобразии психомоторики его носителей, которые неизбежно влияют на конструкцию и семантику одежды⁴. Особенности проведения ритуалов, церемоний, празднеств, зафиксированные в литературных и исторических источниках, также помогают реконструировать некогда бытовавшие варианты форм и элементов костюмного комплекса. В перспективе, подобный модус рассмотрения темы требует более расширенного исследования в междисциплинарном поле.

Выявление взаимосвязей некоторых обозначенных характеристик с особенностями одежды в данной статье проводится на материале костюмных комплексов уйгуров⁵ и тохаров⁶ Турфана, Кучи и Карашара,

⁴ См. Шмит Ф. Избранное. Искусство: проблемы теории и истории // Ф. Шмит. Москва : Центр гуманитарных инициатив, 2013. Искусство. Основные проблемы теории и истории, гл. II. Психология художественного творчества. С. 27–40; гл. IV. Социология искусства. С. 172–181.

⁵ Впервые этноним встречается как имя одного из тюркоязычных телеских племен Восточного Туркестана. Наименование ведущего племени "уйгур" в период существования III Уйгурского каганата (VII–IX вв.) распространилось на весь токуз–огузский союз племен.

⁶ Тохары («юэчжи» – по китайски, «ятии» у греков или «яду» у индийцев) – могущественный племенной союз центрально–азиатских кочевых, полукочевых и оседлых народов. Под именем юэчжи известен из китайских источников, описывающих события, происходившие в степи по периметру

крупных оазисов северной ветки Великого шелкового пути в Таримском бассейне (Синьцзян-уйгурский автономный округ Китая) в средневековый период. Важно отметить, что если в рамках уйгурской культуры некоторые объекты декоративно-прикладного искусства и элементы костюмного комплекса, пусть в измененном виде, сохранились в живой традиции, то тохарский костюм, в силу мощных миграционных процессов, реконструировать можно только на основе археологических артефактов, стенописей монастырей и более поздних этнографических данных близких этносов.

Именно поэтому особо показательными для данного исследования представляются сохранившиеся росписи монастырского комплекса Безеклик (VIII–XII вв.) оазиса Турфан, в частности, масштабная сцена поклонения Будде – «Пранидхи» (310 x 240 см.)⁷, в которой присутствуют и уйгурские и тохарские персонажи. Впрочем, в целом, уйгурская составляющая безекликских росписей выражена сильнее: фигуры большинства донаторов, например, облачены в характерные церемониальные уйгурские одежды, а «Принцы» и «Принцессы» на фресках VIII–IX вв. из пещерного храма № 9 монастыря Безеклик (сейчас хранятся в Музее азиатского искусства в музейном центре Берлин–Далем / Museumszentrum Berlin–Dahlem) также идентифицированы исследователями с уйгурами.

Оазис Куча (Кучар) этого же периода являл собой тип городского поселения преимущественно тохарской культуры, обогащенной активными влияниями Согдианы⁸. Это

северо-китайских государств в III–II вв. до н.э. В отечественной литературе также часто использовалось название «юэджи». Наименование «тохары» первым ввел в научный оборот Ю.Н. Рерих, предположивший, что тохары и юэджи – один и тот же этнос. См.: Рерих Ю.Н. История Средней Азии. В 3 томах. М: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2004. Том 1. С. 265–277

⁷ «Пранидхи» (на санскрите – «обет»). Фрагмент росписей находится в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге, где с недавнего времени экспонируется в Зале культуры и искусства оазисных городов-государств Восточного Туркестана.

⁸ Согд, Согдиана – государство на территории Центральной Азии, местонахождение главного города которого – Согда, почти совпадает с современным Самаркандом (Узбекистан). Формирование государства связано с миграциями тохар из Таримского бассейна на рубеже тысячелетий.

был мощный экономический и культурный центр, оказавший сильное влияние, в том числе, в одежде, на соседние народы. Характер сохранившихся росписей дает возможность предположить, что жители Кучи были своего рода законодателями моды, а певцы, музыканты и актеры этого оазиса высоко ценились в Китае (Камалов А.К., 2007; Камалов А.К., 2008; Камалов А.К., 2011). Яркое представление об особенностях тохарского костюма, в том числе, церемониального, очень нарядного и репрезентативного, дают росписи пещерных комплексов Кучи (некоторые их фрагменты хранятся в Музее азиатского искусства в Берлине).

Сохранившиеся артефакты оазиса Карашар, в отличие от двух предыдущих, зачастую представляют собой скульптурные объекты, мелкую пластику, одна из важных коллекций которых находится в Национальном музее восточных искусств Гиме в Париже.

Как правило, основным визуальным маркером, по которому можно выявить характеристики изобразительного искусства того или иного этноса, является монументальная архитектура. Но при исследовании кочевых и полукочевых художественных культур мы сталкиваемся практически с отсутствием архитектурных сооружений. В этом случае, очевидно, значимыми для определения мировоззренческих параметров этноса, выраженными визуально, становятся декоративно-прикладное искусство и костюмный комплекс.

Попробуем соотнести пластику, орнаментику и цветовое решение в костюмных комплексах уйгуров и тохаров с содержательными характеристиками их культур.

Великий шелковый путь и его оазисы в каждой своей точке представляли собой конгломерат различных народов и племен, одежда которых отличалась разнообразием и самобытностью⁹. Эти качества поддерживались торговыми взаимодействиями: и оседлые, и кочевые народы были заняты либо непосредственно торговлей, либо связанными с ней ремеслами. В сохранившихся росписях, как правило, одежда персонажей выявляет их этническую принадлежность, социальный статус, характер деятельности. Росписи

⁹ «Великий шелковый путь» – термин, впервые введенный в 1877 г. немецким географом Карлом фон Рихтгофеном для обозначения системы торговых караванных путей, связывавших со II в. до н. э. до XVI в. н. э. главные культурно-хозяйственные регионы Евразии: Китай, Центральную Азию, Индию, Средний и Ближний Восток, Средиземноморье и Европу.

обычно создавались в монастырях (чаще – буддийских), в местах религиозного поклонения, но даже в этом случае в них присутствовали персонажи, облаченные в современную времени их создания одежду. Нередко это были т.н. «донаторы» – заказчики и дарители, в образах которых, при всей стилизованности изображений, присутствуют характерные этнические признаки, подчеркивается их высокое социальное положение (соответственно, одежда была парадной). В других случаях современный костюм фигурировал в сюжетах, повествующих, например, историю жизни Будды (т.н. «джатаки»). В целом, действующие лица в росписях облачались в наиболее привычную им одежду: повседневную, парадную, церемониальную и пр.

Обращаясь к характерным признакам костюмного комплекса, выделим наиболее значимые из них. Как видно по росписям, тохарский костюм отличался сложностью кроя, богатством и разнообразием отделки: верхняя одежда могла быть распашной и не распашной, иметь разрезы на подоле и рукавах, глубокие вырезы горловины и драпировки. Ткани украшались пышным орнаментальным декором – сочным, с преобладанием крупных кругообразных элементов. Помимо орнаментальных, в него включались изобразительные мотивы (прежде всего – анималистические), помещенные, как правило, в круглые медальоны. Кстати, только у тохарских народов из всего обширного азиатского региона в период от начала тысячелетия и до раннего средневековья встречается приталенный силуэт одежды. Женские платья часто были длиной до щиколоток, мужские кафтаны – до колен или чуть выше, что давало свободу движения. Верхний мужской кафтан мог иметь короткие рукава до локтя, часто встречавшиеся в ираноязычном мире.

Отсутствие жесткой нормативности проявлялось, например, во множестве вариантов простой, казалось бы, детали – отворотов верхней одежды: они могли быть симметричными, двусторонними, односторонними простой остроугольной или сложной формы (двойными, драпированными из мягкой ткани), застегнутыми, расстегнутыми и т.д. (таких элементов много во фресках Бизеклика и Кучи). Иногда использовалось оплечье с фигурным краем, пришедшее от согдийцев, или волнообразный подол кафтана, позаимствованный от иранцев. «Франтоватый» образ тохарского костюма дополняли ниспадающие и развевающиеся при движении элементы –

короткие накидки из легкой ткани или ленты в декоративных прорезях. На основе только лишь росписей, ввиду их недостаточной сохранности, сложно точно определить цветовую палитру костюма. Тем не менее, можно увидеть тенденцию преобладания насыщенной красно-коричневой гаммы, включающей зеленые и желтые оттенки, изредка – синий цвет.

В целом, тохарский костюмный комплекс, как и более четко определяемый географически согдийский, отличали изящество, вольность, игривость и, даже, пикантность. Сложность и богатство нюансов характерно и для близкого тохарскому костюму иранцев, который, по наблюдениям С. А. Яценко, «по праву считался одним из самых роскошных, отличаясь сложными формами и обильным, разнообразным декором (из золотых аппликаций, парчи, вышивки жемчугом и цветным бисером, драгоценных ярких тканей), головными уборами со скульптурками животных» (Яценко, 2006, 7).

В анализе костюмного комплекса как архитектурной формы искусства¹⁰, обращение к музыкальной традиции представляется вполне оправданным (общеизвестно шеллинговское определение архитектуры как «застывшей музыки»). Их сосуществование имело глубокие корни, о чем свидетельствуют археологические находки: так в 2008 году в пещере Холе-Фельс в Германии рядом со скульптурной статуэткой, датируемой периодом от 35 до 44 тыс. лет до н.э., была найдена древнейшая флейта (Марков А., 2009).

Для тохарской музыкальной традиции, как и для иранской, характерен преимущественно монодический тип музыки, основанный на семиступенных звукорядах, обладающих ритмическим многообразием. Это сложно организованная и структурированная музыка, в основе которой лежит своеобразная ладовая система дестгахов — звукорядов из 24 звуков. Кроме того, необходимо отметить широкое распространение в этом регионе такого народного жанра, как музыкальная баллада — сюжетно-повествовательных

¹⁰ По предложению М.С.Кагана термин, выявляющий лежащий в основе формообразующий принцип, структурную доминанту художественного языка видов искусства, для которых важна как эстетическая (но не изобразительная), так и опирающаяся на выразительные характеристики материала и техники составляющие (Каган М.С., Морфология искусства. Москва: Искусство. 1972, С. 440).

песен лирического, романтического или героического характера.

Визуальная сложность и семантическая наполненность орнамента тохарского костюма близка также эстетическим принципам древнего индийского искусства. По мнению специалиста по эстетике и философии Индии А. Кумарасвами, «только художнику под силу передать идеальный мир (Рупа–лока) настоящей реальности. <...> Изначальные картины памяти передаются потомкам как выкристаллизовавшаяся традиция. <...> Каждый маленький узор имеет большую родословную и долгую историю. Для тех, кто умеет читать их язык, даже строго декоративное искусство имеет сложные символические ассоциации, которые в тысячу раз увеличивают важность его послания, так же как сложные литературные ассоциации обогащают ритмическую паутину устного стиха» (Кумарасвами, 2015, С. 7).

Аналогичная многослойность смыслов типична для более поздней суфийской литературной традиции¹¹, а также для орнаментального письма ираноязычных народов. Таким образом, выстраивается своеобразная линия «якорных признаков», выявляющих развитие отдельных черт древнего индоевропейского мировосприятия в более поздней культуре ислама (в частности, ираноязычной), имеющей, в том числе, тохарские истоки. К примеру, распространенная этимология слова «суфий», происходящего от араб. «суф» – грубая шерсть (традиционный материал кочевников), указывает, что лингвистически это явление может восходить к ранним кочевым традициям.

¹¹ С X в. суфизм (эзотерическое течение в исламе) породил богатую — религиозно-философскую, агиографическую и художественную литературу. Увлечению суфизмом отдали дань крупные поэты XII–XIII вв., значение творчества которых далеко вышло за его пределы: Омар ибн аль-Фарид, Ибн аль-Араби и Джалаледдин Руми и др. В суфийской литературе, по словам исследователей, была «разработана целая система символической поэтики. В ней выражалось происходившее по законам поэтической метафоричности двойное переосмысление: сначала реальные образы осмысливались как символы самых абстрактных суфийских понятий (например, «возлюбленная» обозначала «бог»), но затем эти абстрактные символы вновь могли восприниматься читателем как высокопоэтическое выражение отнюдь не мистических, а идеализированных, высокогуманных понятий чистой, возвышенной любви или дружбы, свободы человеческого духа» (Брагинский И.С., 1987 С. 429.)

В XVI–XVII веках именно в иранской среде появляется теоретическое обоснование приверженности к изобразительным образам, имеющим скрытые духовные смыслы. По наблюдениям Ш.М. Шукурова, «эстетствующее сознание иранцев выдвигает тщательно сформулированную с религиозной точки зрения теорию о втором Каламе, призванном стать обоснованием уже давно состоявшейся в изобразительном искусстве Иконосферы. Начертания вторым Каламом, как и первым, тоже являли собой письмо, но письмо изобразительными образами, и это письмо следовало уметь прочитывать, оно обладало своими законами» (Шукуров, 2002, 149). Таким образом, умение прочитывать, как в письме, в узорах тканей и одежде мировоззренческую родословную этноса, является одной из насущных задач при искусствоведческой реконструкции и интерпретации палеокостюма.

Костюм тохарского этноса представлял собой пластичный и выразительный ансамбль, имевший элементы сложного кроя и драпировки, нарушавшие целостность формы. Подобные детали смягчали графическую четкость силуэта одежды, давая дополнительную возможность ее взаимодействия с пространством. Таким образом, традиционный костюм тохаров и близких им иранцев отражал общий гедонистический характер их культуры, проявившийся, в том числе, в музыке, тесно связанной с бытованием вещей. Можно предположить, что динамичность и живописность тохарского костюма вполне соответствовала мироощущению этноса, легкого на подъем, одной из заслуг которого являлось поддержание маршрутов Великого шелкового пути – торговой мультикультурной артерии Старого мира.

По сравнению с тохарским костюмный комплекс уйгуров средневекового периода проще по крою, целен по форме, но также насыщен символическими элементами. Исследователи восточного костюма отмечают, что в начале своего формирования он находился под явным влиянием одежды центральноазиатских народов, особенно согдийцев, а позже приобрел больше китайских черт (Камалов А.К., 2007 С. 115–118; Камалов А.К., 2008, С. 56–68; Камалов А.К., 2011, С. 83–98; Яценко С.А., 2006; Яценко С.А., 2007).

Наряды уйгурских «Принцесс» и «Принцесс», фигурирующие в росписях пещерных храмов Турфана (комплекс Безеклик) и Кучи (пещерный храм № 9), подтверждают, что для их костюма была характерна упрощен-

ность, ясность силуэта, сдержанная отделка: украшенный орнаментом отложной воротник (либо вышитый, либо из узорной камчатной ткани), высокие боковые разрезы. Даже если лицевая сторона или подклад халата были из орнаментированной ткани, они выглядят почти монохромными. Вероятно, чаще использовались камчатные или парчовые узорные ткани, создающие плотную, тягучую форму.

Длинная (в пол) наплечная верхняя одежда уйгуров (часто не распашная) туникообразного кроя всегда наглухо застегивалась, создавая ощущение замкнутости объема. Даже нижняя одежда плотно охватывала горло или завершалась воротником-стойкой, а широкие рукава парадной одежды в ритуальных сценах полностью закрывали кисти рук (за пределами церемоний они собирались у запястья). Подобная одежда неизбежно требовала определенного характера движения – большей плавности, неспешности, размеренности. Меньшая «контактность», некоторое «несоответствие» формы одежды пластике тела может свидетельствовать о незначительной роли телесных, чувственных ощущений в уйгурском комплексе костюм–тело, но большей важности визуальных символических атрибутов.

Хотя красный цвет встречается и в тохарском, и в уйгурском костюме, в последнем он, очевидно, имел особое значение. В росписях, как правило, этот цвет присутствует в одежде знати. Но кроме социальной функции, преобладание открытых, чистых цветов солнца (красного и желтого) на крупных обобщенных формах соотносит уйгурский костюм с космогоническими характеристиками триады цвет–форма–пространство.

Космогоничность присуща и древней музыкальной культуре тюрков, для которой характерны анимизирование и обожествление реальной природы. Тюркская музыка нередко имитирует природные, и шире – «космогонические» звуки, обращаясь не столько к человеку, сколько к большому Миру. Инструменты (в основном струнно-щипковые и духовые), как правило, сопровождали песни и сказания, эпически определяющие структуру Мира. Активно использовались варган и горловое пение, звуки которых не только распространяются широко в пространстве, но имеют своеобразное «внечеловеческое» звучание. Не случайно, такую разновидность горлового пения как «хоомей», исследователи нередко

называют «абсолютной» музыкой кочевников (Карелина, 2007, С. 34).

Так, рассуждая о форме традиционной хакасской флейты «хобрах» исследователь И.К. Кидиекова отмечает, что ее форма, сохраняющая природную узловатость стебля борщевика, из которого она делалась, одновременно обретает символические черты рога марала – архаического тотема. Хобрах по воззрениям тюрков Саяно–Алтая имеет божественное происхождение, а потому через него в тело человека передается жизненная энергия (Кидиекова, 2007, 46). Горловое пение словно переносит музыкантов и слушателей на уровень макрокосма: это – символическое перемещение в пространстве и времени. Уйгурский парадный костюм своей обобщенностью форм, локальными цветовыми плоскостями и малой контактностью с телом, также больше принадлежит внешнему, надмирному по отношению к человеку пространству, как и горловое пение. И, если музыка «активизирует другую реальность, недоступную человеку, как проявление космического порядка и импульса жизни» (Мазай, 2007, с. 22), то проведя аналогии, можно предположить, что и костюмный комплекс является каналом, связующим эти реальности, точкой взаимодействия микро и макрокосма, Внутреннего и Внешнего, сакрального и профанного, материализованной диахронной структурой культуры и мироустройства.

Пространственные координаты уйгурского костюмного комплекса определяются горизонтальной структурой традиционного переносного жилища кочевников – юрты. По мнению Г.Д. Гачева, этот тип жилища «оберегает больше с боков, все устройство юрты предполагает максимальное взаимодействие с землей, человек как бы сидит верхом на земле...» (Гачев, 1999, 34). Исследователь считает, что округлость юрты связана с равномерной открытостью пространства во все стороны и необходимостью быть готовым к нападению с любой стороны: «в степи ландшафт не дифференцирован, зато каждый звук разносится далеко, так что из юрты ориентируются по слуху» (Гачев, 1999, 39).

Для тохарской же культурной традиции в большей степени присуще стремление к вертикали, проявившееся в строительстве городов, в которых стены были естественным элементом пространственной структуры. Различие в восприятии пространства тохарами и уйгурами заметно и в украшении жилища. Если в юрте ковры, кошмы, подушки,

создающие удобства, находятся преимущественно на полу в горизонтальной плоскости, то в индоевропейской традиции, как правило, ковры используются для украшения стен. И хотя древние образцы ковров на территории Туркестана не сохранились, представляется оправданным предположение С. И. Руденко о соотношении ковра как украшения с росписями стен, композиционно сходных с расположением изобразительного материала на ковре – наличием центрального поля, бордюров и орнаментальных полос (Руденко, 1952, С. 75). Типичность такого композиционного приема в средневековой живописи Востока подтверждают ряд росписей Афрасиаба и Пенджикента, также построенных по «ковровому» принципу (Беленицкий А.М., 1973; Альбаум Л.И., 1975.).

Особенности восприятия пространства, а также характер соотношения земного и небесного выражались и в выборе почитаемых животных, изображения которых нередко использовались в декоре тканей. Для уйгуров главным тотемом, первоначально, священным животным был волк (почитался во многих культурах), обладавший хтоническими признаками посредника между нижним миром и землей. Благодаря своему бесстрашию это животное обычно символизировало воинские доблести, которые были в высокой степени присущи тюркам. По свидетельству средневекового арабского историка Абу-ль-Фарадж ибн аль-Ибри (XIII в.) «главное преимущество тюрков состояло в их военном искусстве и изготовлении орудий войны» (Асадов Ф.М., 1993. С. 12). Характерно, что в древней мифологии волк связывался с солнцем, а потому ассоциировался с красным цветом, часто встречающимся в костюме уйгуров.

В индоевропейской традиции более почитаемыми являлись крылатые существа, обладавшие ирреальными характеристиками: Симург (сенмурв, дословно – вершинник, птица с вершины дерева/горы, царь птиц, в переводе с совр. персидского – тридцать птиц); Грифон – фантастическое сложносочиненное животное с туловищем льва и головой орла.

Костюмные комплексы тохаров и уйгуров в целом создают своеобразное совокупное произведение искусств («гезамкунстверк»), в котором составляющие его части дополняют и гармонизируют друг друга. Это синтетическое произведение включает в себя все элементы триады цвет–форма–пространство. Колористический строй костюмных комплек-

сов в основе имеет декоративное (орнаментальное) единство, построенное на цветовой гармонии отдельных элементов. Форма в обоих случаях представляет собой не просто совокупность силуэтов, но явно выраженный образ, рождающийся из пластических элементов костюма. Наконец, пространственная структура костюма имеет ментальный характер происхождения, определяемый культурологическими, мифологическими, географическими особенностями этноса, местами его обитания, продолжительностью проживания в них. Однако, «внешнее пространство», воздействующее на форму костюма, может менять вектор своего развития. Костюмный комплекс, как и любой значимый визуальный объект искусства, создает свое «внутреннее пространство», корреспондирующее с окружающей средой и соприкасающимся с ним человеком¹².

Немаловажную роль в структурировании обоих костюмных комплексов играли акцентные детали. В частности, статичность, устойчивость и приземленность костюма уйгуров, задаваемых горизонтальной организацией их дома–юрты, проявившейся также и в специфическом пространственном характере музыки, уравнивались вертикализмом головных уборов и «ниспадающих» элементов (пояса, лент головного убора), обобщенностью («космичностью») цветовой палитры костюма.

Для тохарского костюмного комплекса, с его, напротив, динамическими ритмами и вертикальной устремленностью, уравнивающими факторами были горизонтальные элементы: пояс, крепящийся к нему кинжал, несколько уровней длины разных частей костюма (пелерина/отвороты; укороченный кафтан; штаны). «Приземлял» тохарский костюм и детализированный орнаментальный узор ткани, использовавшей стилизованные растительные и животные мотивы (земные). Подобные акцентные композиционные элементы костюма фактически воспроизводят в визуальной форме иерархическое миропонимание.

Поясной набор всегда играл в средневековом восточном костюмном комплексе важную роль. У тохаров особенное значение имел сам пояс с драгоценными наборными бляшками любимой согдийцами круглой

¹² К сожалению, на данном этапе развития когнитивных дисциплин особенности воздействия формы и, особенно, пространства на психику человека слишком мало изучены.

формы (Аржанцева, 1987; Беленицкий, Распопова, 1980). Именно у них впервые стали использоваться удобные при движении короткие мечи, ножны которых снабжены двумя ушками, за которые их подвешивали к поясу почти горизонтально. Завершающим элементом была небольшая сумочка для мелочей, которая привязывалась причудливым декоративным узлом.

Поясной набор уйгуров сдержаннее по декору, хотя включал порой даже два пояса (использовался дополнительный по китайскому образцу). Сплетенный из тесьмы и украшенный редко нашитыми крупными круглыми золотыми бляхами с ободком, он дополнялся двумя прикрепленными к нему вертикально расположенными пеналами–калямдонами¹³ и двумя сумочками для мелочей полукруглой или сердцевидной (лировидной) формы на длинных шнурачках. Дополняла комплект пара коротких кинжалов, располагавшихся также строго вертикально.

В головных уборах, однако, происходит инверсия. Кроме того, частью костюмного комплекса являются и прически, непосредственно связанные с головными уборами и достаточно хорошо различимые на рассматриваемых росписях. У тохаров головные уборы или отсутствуют, или достаточно просты (колпако– или реже тюбанообразной формы). Для них характерны небольшая окладистая борода и усы среднего размера. По иранской моде были широко распространены завивка бороды и волос, иногда укладка их буклями по бокам лица или завивка по нижнему краю. Эти приемы создания причесок, а также засвидетельствованная источниками традиция окраски волос, подтверждают, среди прочего, и отмеченный ранее гедонистический характер тохарской культуры.

В уйгурском костюме, с его более сдержанной «скульптурной» пластичностью, формы головных уборов и причесок, напротив, чрезвычайно сложны, регламентируемы и прихотливы. Это хорошо видно в некоторых анализируемых росписях, в которых акцент сделан на прическах героев и их головных уборах, что вносит в костюм элемент вертикализма.

Играя роль социального маркера, прическа и головной убор были важнейшими атрибутами взрослого мужчины. Так, прическа знатного уйгура состояла из 4–6 довольно длинных кос (у тюркской аристократии

их обязательно 7), дополнялась небольшой бородкой, часто раздвоенной (Яценко, 2007, ч. 4). Иногда косы соединялись в пучок внизу или вверху. Для членов каганского клана и знатнейших родов был характерен сложно–профильный высокий островерхий убор красного или желтого цвета (иногда он покрывался пестрой тканью).

Женские прически также создавали устремленный вверх акцент. Они имели сложную форму в виде фигурно уложенных жгутов или косичек, обернутых тканью (Яценко, там же). Характерен головной убор аристократок «су–му–чже», который, по литературным данным (Яценко, там же), использовался уйгурками в ритуальных представлениях. Он представлял собой плоскую лаковую шапочку красного цвета, помещенную между двумя изогнутыми косичками, перевязанными сверху бантом. Волосы собирались по бокам в два больших узла, обтянутых черной газовой тканью с вышивкой в виде фениксов (кит. – фэнхуан) и облаков; иногда сзади до земли свисала красная лента.

Таким образом, поясной набор и головные уборы с прическами и тохаров, и уйгуров, с соответствующими акцентами, вносили уравнивающие координаты в структуру костюмного комплекса (табл. 1.).

Некоторые характеристики, отличающие уйгурскую и тохарскую костюмные культуры, можно представить в виде условной таблицы, облегчающей их применение для идентификации и реконструкции костюмных комплексов тохаров и уйгуров.

Изучение палеокостюма на основе совокупности искусствоведческих, исторических, археологических, культурологических подходов может стать плодотворной формой оценки возможностей и качества его реконструкции. Для углубленного исследования проблемы и подтверждения высказанных в статье предположений необходимо более детальное рассмотрение структуры и семантики орнамента, изобразительных элементов, цветового решения с учетом характеристик мифопоэтического творчества, сакральных пластов мировосприятия, особенностей диахронного и синхронного бытования знаковых элементов костюмного комплекса. Это возможно лишь при опоре на анализ параллельного функционирования и развития других форм искусства, что может уточнить методологию исследования древних костюмных комплексов, а шире – объектов прикладного искусства.

¹³ Пенал, как правило, из папье–маше, для письменных принадлежностей.

Таблица 1.

Характеристики уйгурской и тохарской костюмных культур.

	Уйгуры	Тохары
1	Преобладание щипковых инструментов (варган – хомыс), горловое пение различных типов.	Сложная структура музыки.
2	Сложные прически и головные уборы	Простые по форме конусообразные шапки, связанные с обычаем деформации черепа.
3	Упрощенный силуэт, одежда в пол.	Укороченная одежда, наличие штанов.
4	Большие одноцветные плоскости одежды. Преобладание цветовой символики солнца.	Богатая орнаментальность. Преобладание формы солярного знака как элемента орнамента.
5	Простой крой одежды, «уплотненность» внутреннего пространства формы, ее устойчивость.	Сложный крой одежды, многообразие драпировок, многослойность, разнообразие форм костюма.
6	Костюмный комплекс предполагает размеренность, торжественность движений.	Характер деталей одежды и драпировок предполагает, что костюм приобретает дополнительные характеристики во время движения.
7	Особая роль головного убора и прически.	Особая роль пояса.
8	Сокрытость рук, особенно в церемонии.	Руки всегда открыты, свободная и разнообразная жестикуляция.
9	Наличие квадратных, крестообразных элементов как основа структурирующая орнамент (земля).	Преобладающие круглые элементы орнамента (небо).
10	Симметрия (обусловлена тем, что правое полушарие формирует универсальные координаты пространства изображения, дающие ощущения устойчивости).	Ассиметрия, свободная пластичность формы.

ЛИТЕРАТУРА

- Альбаум Л.И.* Живопись Афрасиаба. Ташкент : Фан, 1975. 113 с.
- Аржанцева И.А.* Пояса на росписях Афрасиаба / История материальной культуры Узбекистана. Вып. 21. / Отв.ред. А. Аскарров. Ташкент: Фан, 1987. С. 92–114.
- Асадов Ф. М.* Арабские источники о тюрках в раннее средневековье. Баку : Элм. 1993. 204 с.
- Беленицкий А.М.* Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, скульптура. М.: Искусство. 1973. 65 с.
- Беленицкий А.М. Распопова В.И.* Согдийские «золотые пояса» // Страны и народы Востока. Москва : [б.н.], 1980. Т. XXII. С. 213–218.
- Брагинский И. С.* Суфийская литература // Литературный энциклопедический словарь. / Под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия. 1987. С. 429–430.
- Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с.
- Голованова Е.И.* Образ, понятие, гештальт как форматы профессионального знания // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Челябинск : Челябинский государственный университет, 2014. № 6 (335). С. 122–125.
- Камалов А.К.* Древние уйгуры VIII–IX вв. Алматы : Издательский дом «Наш Мир», 2001. 216 с.
- Камалов А.К.* О тюрко-согдийском взаимодействии в танском государстве. // Иран–Наме, 2007. №4. С.115–128.
- Камалов А.К.* Тюрки и иранцы в танском Китае в правление Императора Дэ-цзуна (779–805). // Иран–Наме. 2008. №2. С. 56–68.
- Камалов А.К.* О согдийских колониях в Танской империи. // Иран–Наме. 2011. №1 (17). С. 83–97.
- Карелина Е.К.* Звуковые идеалы хоомея как «абсолютной» музыки кочевников // Чатхан: история и современность. Материалы III международного симпозиума (Абакан, 30 июня – 4 июля 2007 г.). Абакан: Прогресс, 2007. С. 31–34.
- Кидиекова И.К.* Изобразительный декор хакасских музыкальных инструментов // Чатхан: история и современность. Материалы III международного симпозиума (Абакан, 30 июня – 4 июля 2007 г.). Абакан: Прогресс, 2007. С. 45–47.
- Кумарасвами А. К.* Цели индийского искусства // Искусство. 2015. № 3(594). С. 3–12.
- Мазай Л.Ю.* Культурно–исторический анализ шаманской музыки хакасов // Чатхан: история и современность. Материалы III международного симпозиума (Абакан, 30 июня – 4 июля 2007 г.). Абакан: Прогресс, 2007. С. 21–24
- Мамлеева Л.А.* Становление Великого шелкового пути в системе трансквиализационного взаимодействия народов Евразии // Археология Евразии. URL: <http://archaeology.kiev.ua/pub/mamleyeva.htm> (дата обращения 15.02.2019)
- Марков А.* Рядом с древнейшей скульптурой найдены музыкальные инструменты // Элементы (Элементы большой науки). 2009. 26 июня. URL: <http://elementy.ru/news?newsid=431111> (дата обращения 15.05.2017)
- Пугаченкова Г.А.* К истории костюма Средней Азии и Ирана XV — первой половины XVI в. URL: https://kitabhona.org.ua/costum_costum/pugachenkova.html (дата обращения: 15.02.2019).
- Пугаченкова Г.А.* Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент : Изд–во лит. и искусства, 1987. 224с.
- Рахманалиев Р.* Империя тюрков. Великая цивилизация. Москва: Рипол, 2009. 294 с.
- Рерих Ю.Н.* История Средней Азии. В 3 томах. Москва: Международный Центр Рерихов, Мастер-Банк, 2004. Том 1. 439 с.
- Руденко С.И.* Горноалтайские находки и скифы / Итоги и проблемы современной науки. Москва–Ленинград, 1952. 268 с.
- Шукуров Ш.М.* Искусство средневекового Ирана (Формирование принципов изобразительности). Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 248 с.
- Шукуров Ш. М.* Образ храма. Imago Templi. Москва : Прогресс–Традиция, 2002. 496 с.
- Яценко С. А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 664 с.
- Яценко С.А.* Древние тюрки: Костюм на разноцветных изображениях // Museum, Интернет–конференция «Древности в музейных коллекциях» / Под ред. Т. Н. Крупы. Харьков, 2007. URL: <https://>

swordmaster.org/uploads/2011/oldturks/ancient_turks_costume_in_a_color_images.pdf (дата обращения: 20.05.2018).

TURFANFORSCHUNG. Berlin-brandenburg academy of science and humanitie. URL: <http://turfan.bbaw.de/projekt-en> (дата обращения 20.05.2018).

Информация об авторах:

Копосова Любовь Валентиновна, магистр истории искусств, Ведущий художник Центра современной культуры Уральского Федерального Университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия); koposova.lubov@urfu.ru

Галеева Тамара Александровна, кандидат искусствоведения, доцент, заведующая кафедрой истории искусств и музееведения, Уральского Федерального Университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург, Россия); Tamara.Galeeva@urfu.ru

ART HISTORICAL APPROACH TO ANALYSIS AND RECONSTRUCTION OF PALEO COSTUME

L.V. Koposova, T.A. Galeeva

The article features an attempt to reconstruct a medieval costume complex of Tocharians and Uyghurs on the basis of wall paintings in Tarim Basin of the Great Silk Road. The author proposes a methodology according to which the costume is considered as a “universal work of art” (or an “aggregate” work of art as suggested by another terminology), and clarifies the ethnic gestalt with consideration of additional moduses of tactility, sacrality and corporeality, reflecting the complex interactions between the costume and other spheres of culture and its influence on different aspects of human life during the historical development of arts and crafts as a whole. It facilitates the identification of possible ancient social development models, principles of thinking and the level of spiritual organization of the society, reflected in the works of art and their application in the household life.

Keywords: paleo costume, costume complex, art historical approach, study methods, art of Silk Road oases.

About the Authors:

Koposova Lyubov V. Ural Federal University, Mira St. 1, 62002, Ekaterinburg, Russian Federation; koposova.lubov@urfu.ru

Galeeva Tamara A. Candidate of Art History, Associate Professor, Ural Federal University, Mira St. 1, 62002, Ekaterinburg, Russian Federation; Tamara.Galeeva@urfu.ru

УДК 903.24

К ВОПРОСУ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ С «ÖRBELGE»

© 2019 г. Л.Э. Макласова

В статье исследуется такое понятие как головной убор с системой перьев «örbelge». Рассмотрена история возникновения головного убора и причины именованя его шапкой – орбелге. Выявлено значение слова «örbelge», с точки зрения филологии. Сделан вывод о несоответствии названия объекту исследования.

Ключевые слова: Монгольская империя, костюм, головной убор, örbelge, источники, исследователи.

Монголы создали самую большую империю, которую только видел мир, распростершуюся от Кореи до Западной Руси, от Бирмы до Ирака. На таком огромном пространстве возникла милитаристская держава, которая, как и любое другое военизированное государство «было знакомо с неравенством и иерархией... Социальное господство конструировалось в соответствии с терминологией родового общества» (Всемирная история, Т. 2, с.612), шло подчинение младшего старшему (отец - сын, хан - нукеры). Это неравенство нашло свое отражение в материальной культуре, в том числе и в костюме, каждый элемент которого строго регламентировался согласно «табели о рангах». Костюм показывал социальный статус носившего его человека, это была своего рода униформа, рассказывающая о включении в систему управления империей. Только в зависимости от социальной стратификации одежда могла быть из тканей попроще, украшений поменьше и т.д.

В империи, наряду со строгой иерархией, было хорошо развито такое понятие как «институт дарения». Ярче всего это описывает З.В. Доде в своей статье (Степи Европы, Т. 13, 2014, с.7) «Практика одаривания ... использовалась как визуализация наделения властными полномочиями и продвижения по служебной лестнице военных и гражданских чинов». Все путешественники, просители, послы, знать и прочие гости хана переодевались в подаренную одежду. Этому были свои объяснения, в первую очередь, принимая дары и надевая халат человек, автоматически соглашался с монгольской системой подчинения, вплоть до мелочей, во вторых это было эстетически красиво. Помимо халатов дарили все: оружие, пояса, обувь и головные уборы (Шелковый путь, 2007, с. 41).

Монгольские головные уборы известны по изобразительным, письменным и

археологическим источникам, разные исследователи рассматривали их по видам, типологиям и материалам. В данной работе постараемся проанализировать термин – «шапка – орбелге». Предметом исследования станет элемент головного убора – система перьев «örbelge». Цель работы – выяснение семантики¹ слова «örbelge». Эта цель конкретизируется постановкой задач, которые тесно взаимосвязаны друг с другом: определить степень изученности темы, подвергнуть анализу изобразительные и письменные источники, выявить значение слова «örbelge» и причины именованя его «шапкой - орбелге».

Природа такого понятия как головной убор «örbelge» имеет противоречивый характер. С одной стороны стоят исследователи, которые называют данный головной убор (рис. 1) «шапкой – орбелге», привязывая его к определенному типу, с другой, мы не находим ни одного упоминания, среди современников, ни одного письменного источника, который бы утверждал что данный головной убор именно так называется. У Фазлуллаха Рашид-ад-дина в Джамии-ат-таварих в рассказе о неповиновении Новруза, «..хождении [его] к Кайду - хану и прибытии обратно для битвы..» описывается сцена оплакивания, в которой упоминаются шапки украшенные перьями «Когда Газанхан прибыл в Семнан, эмиры посовещавшись, доложили Газан - хану о событии с Аргун - ханом. Царевич исполнил обряды оплакивания и приказал по монгольскому обычаю снять с шапок перья» (Рашид-ад-дин, 2011, с. 230).

Обратимся к работам, в которых «örbelge»² упоминается. Некоторые авторы в

¹ Семантика (от др.-греч. σμαντικός — обозначающий) — раздел лингвистики, изучающий смысловое значение единиц языка.

² Örbelge - перья, у чиновников на шапке, в соколином хвосте, для украшения. Kowalewski, 1844, p. 587

своих исследованиях коснулись этой тематики, например, данный вопрос, изучали М.В. Горелик и М.Г. Крамаровский. Практически все они в своих работах называют «örbelge» головным убором. Рассмотрим откуда пошло это понятие, что означает örbelge и приемлемо ли применять его в данном контексте? Как случилось, что слово, означающее «перо», превратилось в головной убор?

В большинстве, исследователи, занимающиеся материальной культурой Монгольской империи, в частности костюмом, в своих работах ссылаются на М.Г. Крамаровского (Крамаровский, 2001, с. 30). К примеру, М.В. Горелик, в статье (Степи Европы, Т. 13, 2014, с. 96) «Уникальные комплексы татарских и монгольских костюмов и аксессуаров XI-XIV вв. из частных собраний» назвал головные уборы, украшенные системой перьев, шапками – орбелге. В своей статье, М.Г. Крамаровский, ввел определение «шапка- örbelge» (Крамаровский, 2001, с. 31) и описал его, ссылаясь на Б.Я. Владимирцова «Шапки украшены системой перьев цапли или хвостов фазанов-петухов, основание для которых служат металлические напершия. Головные уборы такого типа назывались орбелге (örbelge)». Из-за не точной интерпретации сноски Б.Я. Владимирцова «Затем царевичи - чингисханиды сохраняли, в первой половине рассматриваемого периода, во всяком случае, старинный обычай носить головные уборы с перьями (orbelge), между тем, как сайды носили otaga, т.е. длинное перо на задней части головного убора» (Владимирцов, 2002, с. 476), возникло в дальнейшем искаженное понимание семантики слова «örbelge». Б.Я. Владимирцов подразумевал, что царевичи - чингисханиды носили на головных уборах перья называемые «örbelge», а сайды (младшие феодалы) носили перо «otaga». В данном случае «örbelge» - это система перьев на головном уборе, а не название головного убора. Если М.В. Горелик, в более ранних своих статьях, разделял головные уборы на типы, никак не называя их, отдельно описывая украшения «... снабжались таким характернейшим для монголов элементом, как система перьев...» (Горелик, 2010, с. 33), то в последней своей статье он привязал название «örbelge» к определенному головному убору (рис. 1) «Монгольскость» выражается прежде всего в низкой и круглой тулье и лентах-завязках, пришитых не с изнанки, как в орбелге (рис.40з), а снаружи над висками, но не за верхние концы, а немного под ними, так,

что верхние концы лент свисают вниз, как на орбелге... Похожее увенчание из золоченной кожи имеется на шляпе – орбелге (рис.40з) из погребения в пещере Цагаан чанаб в Гобии, Монголия (Dschingis Khan..., 2005, №63)» (Степи Европы, Т. 13, 2014, с. 96). Согласно Юань - ши, этот головной убор модернизировала императрица Чаби «Что касается северной шапки (hu-mao), раньше у нее не было козырька (ch'ien-yen). Во время стрельбы солнце начало слепить императору глаза. Он сказал об этом императрице (hou). Императрица (hou) тотчас добавила козырек (ch'ien-yen). Император остался очень доволен и, в результате, приказал, чтобы такой вариант стал образцом»^{3,4}. Описываемый головной убор можно увидеть на Хубилай-хане, изображенном на картине художника Лю Гуаньдао «Охота Хубилай - хана» (рис. 2). Головной убор «hu-mao» и его модернизация с козырьком (ch'ien-yen) на иранских миниатюрах (рис. 3) и китайских картинах изображается не только с напершиями изготовленными из металлов (Крамаровский, 2012, с. 102-103, ил. 63: 65) (золото, серебро, бронза), и из других материалов (янтарь) (рис. 4) (Юрченко, 2012. с. 315, рис. 15), предназначенными под систему перьев «örbelge», но и без перьев, украшенными драгоценными камнями и жемчугом. Уместно ли называть шапку – орбелге, если головной убор не украшен перьями? Если вернуться к определению и логике М.Г. Крамаровского, то головной убор с отсутствием напершия с системой перьев называться «örbelge» не может.

В подтверждение этому ссылаемся на перевод со старописьменного монгольского языка из Монгольско – русско - французского словаря (не утратившем значения и сегодня), составленным О.М. Ковалевским (Kowalewski, 1844, p. 587) - «Перья, у чиновников на шапке, в соколином хвосте, для украшения». Этим же источником в своей монографии пользовалась доктор филологических наук Е.В. Сундуева, рассматривая слово «örbelge» как

³ «As to the northern cap (hu-mao), formerly it had no visor (ch'ien-yen). The Emperor, on the occasion of shooting, was blinded by the sun in his eyes. He told the Empress (hou) about it. The Empress (hou) straightway added a visor (ch'ien-yen). The Emperor was very happy and, as a result, ordered that it become a model». Francis Woodman Cleaves, 1979–1980. Part 1. P. 145

⁴ Адаптированный перевод с английского Т.В. Захарова.

лексеми⁵ в монгольских языках: халха-монгольском, бурятском, калмыцком, ойратов Сыныцзяня, ордосском, на которых оно пишется и звучит практически одинаково (өрвөлгө, үрбэлгэ, өрвлһ, өрвелге, ögvölgö) и переводится как - перья на головном уборе (Сундуева, 2011, с 141). Лубсан Данзан в своей историографической работе Алтан Тобчи (Золотое сказание), в пер. М.П. Шастиной, упоминает о людях носящих перья на головных уборах «örbelge-ten» «Они пригласили войти в одну дверь джинонга во главе тридцати трех [человек его свиты] с перьями на шлемах (örbelge-ten), сорока четырех его сайдов с длинными перьями на шапках, шестидесяти шести человек с лентами на шапках...». Из выше сказанного следует, что «перо» или «örbelge» это первоэлемент всех производных от него, будь то «перо в шапке» или «человек носящий перья», без него, содержание изучаемого объекта будет абсолютно другим.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Люди, интегрированные в структуру управления монгольской империей, носили монгольский костюм, тем самым подтверждая свой статус и свою лояльность. Костюм отражал социальную принадлежность человека и состоял из множества элементов. В работе исследовался один элемент костюма - головной убор с системой перьев «örbelge».

Определено смысловое значение слова «örbelge» как «перья на головном уборе».

При изучении публикаций выявилось малое количество исследователей работающих в этом направлении, как вывод, данная тема не широко освещена в научной литературе и нуждается в дополнительном изучении. Изучив историю появления одного из типов головного убора, который назывался, по мнению исследователя М.В. Горелика «шляпа - орбелге», сопоставив его с археологическими и изобразительными источниками, удалось установить разнообразие комбинаций украшений шапки. Анализ иранских и китайских изобразительных источников показал, что не все схожие головные уборы имеют систему перьев, следовательно, не могут называться «örbelge». Оценка письменных источников продемонстрировала отсутствие такого понятия как «шапка - орбелге», и напротив убедительно указывает на наличие «головного убора с перьями», «перья на шлемах», «человека носящего перья» и т.д., и только современные исследователи ввели такое определение, интерпретировав перевод по-своему. С точки зрения филологии, старописьменное слово «örbelge» в монгольских языках имеет совокупность форм, схожих по звучанию и семантике, означающее «перья на головном уборе» и изменение его содержания ведет к искажению его понятия, при дальнейшем изучении монгольских головных уборов, и непосредственно системы перьев «örbelge».

ЛИТЕРАТУРА

Владимирцов Б.Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.

Всемирная история. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока./ Отв. ред. П.Ю. Уваров. Москва: Наука, 2012. 894 с.

Горелик М.В. Введение в раннюю историю монгольского костюма (X–XIV вв., по изобразительным источникам) // Батыр. 2010. №1. С.16–79.

Горелик М.В. Уникальные комплексы татарских и монгольских костюмов и аксессуаров XI–XIV вв. из частных собраний // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 13 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2014. С. 75–262.

Доде З.В. «Халат власти» и «пояс покорности» - почетная одежда в монгольской имперской культуре: Опыт семантической реконструкции // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 13 / Гл. ред. А.В. Евглевский. Донецк: ДонНУ, 2014. С. 7–74.

Доде З.В. Шелк в культуре Монгольской империи // Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка. СПб: Славия, 2007. 200 с.

Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 363 с.

Крамаровский М. Г. Человек средневековой улицы. Золотая Орда. Византия. Италия. СПб: ЕВРАЗИЯ. 2012. 496 с.

Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. Москва : Эксмо, 2006. 669 с.

⁵ Лексема - гр. lexis - слово, выражение - лингв. 1) единица словарного состава языка; 2) совокупность форм одного слова.

Лубсан Данзан. Алтан Тобчи («Золотое сказание») / Пер. с монг. Н. П. Шастиной. М: Наука, 1973. 439 с.

Сундуева Е. В. Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.

Фазлуллах Рашид-ад-дин. Джамии-ат-таварих. Баку: Нагыл Еви, 2011. 540 с.

Юрченко А.Г. Элита Монгольской империи: время праздников, время казней. СПб: ЕВРАЗИЯ, 2012. 432с.

2005. Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Munchen: Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland, Hirmer.

Kowalewski, J.E. 1844. Dictionnairemongol-russe-français. Vol.I. Kasan: Imprimerie de l'Université.

Francis Woodman Cleaves The Biography of the Empress Cabi in the Yuan shih. Harvard Ukrainian Studies. Vol. III/IV. Ukrainian Research Institute, Harvard University, Cambridge, Massachusetts, 1979–1980. Part 1. P. 138–150.

Информация об авторе:

Макласова Людмила Эдуардовна, аспирантка Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, лаборант-исследователь Музея археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); maklasova_luda@mail.ru

HEADWEAR WITH “ÖRBELGE”

L.E. Maklasova

The article considers the notion of headwear with the “örbelge” feather system. The author reviews the history of origination of this type of headwear and the reasons why it is referred to as “orbelge” hat. The meaning of the word “örbelge” is determined from the philological point of view. A conclusion is made that the name is inconsistent with the study object.

Keywords: Mongol Empire, costume, headwear, örbelge, sources, researchers.

About the Author:

Maklasova Lyudmila E. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; maklasova_luda@mail.ru

Рис. 1 Головной убор. Шелк, бумага, кожа, щетина. Вторая половина XIII – XIV вв. Пещера Цагаан Ханан. Провинция Омногоби, Монголия. (Dschingis Khan, 2005, p 86.).

Рис. 2 Фрагмент картины китайского художника Лю Гуандао «Охота Хубилай хана». Тушь и краска на шелке. 1280 г. Национальный дворцовый музей Тайпэя, Тайвань. (Dschingis Khan, 2005, p 299.).

Рис. 3 Парадная сцена раздачи воинских поясов. Миниатюра. Тебриз(?), Иран. Начало XIVв. Saray-Albem (MS. Diez A. Fol. 71, S.47) (Юрченко, 2013, Рис.33, с. 368).

Рис. 4 Янтарное навершие голоного убора. Янтарь, резьба. Великое Монгольское государство. XIII в. Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург. (Юрченко, 2012. с. 315, рис. 15).

УДК 903.24

К ВОПРОСУ ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫКРОЙКИ И МОДЫ ЖЕНСКОЙ ДЭЛИ (ВЕРХНЯЯ МОНГОЛЬСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА) КИДАНЬСКОГО ПЕРИОДА

© 2019 г. Ч. Мунхбаяр, Б.Мунхцэцэг

В апреле 2016 г. на территории местности Узуур-гялан (Үзүүр гялан), относящаяся к низовой административной части Борт сомона Мунххайрхан-Ховдского аймака при археологических раскопках погребения, относящегося к X в. (киданьский период) было найдено 50 экземпляров редких археологических находок, включая мумифицированные трупы человека и лошади, шкуру барана, кости, женскую одежду, принадлежности для швейного ремесла, конскую амуницию и бытовые изделия. Эти находки относятся к древним кочевникам Центральной Азии и являются важными источниками для исследования истории, культуры, политики, экономического развития региона и многосторонних межгосударственных отношений. В статье приводятся первые результаты исследования вышеуказанных находок из памятников киданьского периода, а также заново рассмотрены гипотезы предшественников. Среди этих находок представлены 15 видов элементов одежд, таких как женский головной убор, дэли (монгольская национальная верхняя одежда), штаны, носки. Проанализированы 4 дэли и на основе их были сделаны измерения и реконструированы особенности кроя. Материалы и мода и форма воротника этих дэли показывает все основные особенности одежд кочевников киданьского периода, а конструкция выкройки имеет более сложное оформление, чем другие находки, относящиеся к киданьскому периоду, ранее происходившие с территории Монголии. В этой связи были сделаны сравнительные исследования этих находок с деталями одежд других народов и с другими одеждами данного периода. Одним из первых результатов данного стало то, что конструкция выкройки этих дэли очень похожа на корейскую верхнюю одежду «жангот» периода Чосон.

Ключевые слова: структура выкройки, размер, форма и мода, воротник, прямоугольная вставка, жангот.

Член археологической экспедиции в Буянта А.Н.Мухарева в своей статье в 2009 г. писала: "... реальные детали снаряжения верхового коня и конской амуниции на наскальных рисунках были сделаны из органических материалов. Поэтому до настоящих дней они не сохранились в погребальных сооружениях ... (Мухарева, 2009, с. 36–37, рис. 1). Поэтому полная находка скального погребения, найденная на территории местности Узуур-гялан (Үзүүр гялан) в сомоне Мунххайрхан Ховдского аймака дала возможность поставить точку на предыдущие выводы и начала новую эпоху исследования похороны с всадником. Кроме того в ней содержит новый материал для исследования, показывающий развитие женской одежды, тканей и украшений, что дает возможность сделать новые выводы, и построить новую гипотезу о развитии культуры, искусства и деталей монгольской одежды.

В этой статье мы представляем первые результаты изучения найденных предметов одежды, которые происходят из археологических раскопок погребения, относящегося к X в. (Киданьский период), которые производились в апреле 2016 г. на территории

местности Узуур-гялан (Үзүүр гялан), относящаяся к низовой административной части Борт сомона Мунххайрхан-Ховдского аймака (Мөнхбаяр, 2016, т. 44; Мөнхбаяр, Пүрэвдорж, Бямбасүрэн, Сүхбаатар, 2015. с. 164–187; Мөнхбаяр, 2017; Мөнхбаяр, Пүрэвдорж, Бямбасүрэн, Сүхбаатар, 2017. т. 98–111; Мунхбаяр, 2017; Мунхбаяр, Тишкин, Серегин, 2017, с.727). Здесь было найдено более 40 видов хлопчатобумажных деталей одежды, каких как головной убор, дэли (монгольская национальная верхняя одежда), штаны и носки (Мөнхцэцэг, Мягмарсүрэн, Оюунчимэг, 2017, стр. 61–67). Сейчас эти находки подвергаются специальному естественнонаучному изучению и консервации.

В данном погребении вместе с женщиной были погребены 5 головных уборов, 4 дэли, 3 штаны 3 носок и сапог и других деталей костюма и принадлежностей ремесла и быта. Они являются хорошими материалами, позволяющие обогатить исследования одежд и хлопчатобумажных тканей не только древних монголов, но и других народов Евразии, а также предоставить новую и уникальную информацию о культурных взаимодействиях в степных районах Евразии.

Данный памятник относится к культуре киданей – монгольского по происхождению народа, которые начали укреплять свое могущество с IV века нашей эры и в IX–XII вв. создали империю (Великая Ляо), которая граничила на юге с Великой Китайской стеной, и областями с центрами в Пекине и Датуне, на севере – частично с горными хребтами Монгольского Алтая, а частично с Хэнтийским хребтом и рекой Хэрлэн, в южной части – с Байгоу. За время существования в этой империи расцвели общественное устройство, культура, ремесла, производство, а их культурное влияние распространилось до Центральной и Восточной Азии. Империя Ляо, существовавшая 907–1125 гг., объединяла в своем социальном устройстве кочевой образ жизни с оседлой китайской цивилизацией. Эту особенность данной культуры можно подробно увидеть благодаря последним находкам, найденным на территории Монголии. Среди этих находок предметы одежды занимают важное место.

В данном докладе авторы обратили главное внимание на измерение и изучение остатков 4 дэли, по которым произведены исследования и восстановлена структура выкройки. Из первых результатов видно, что эти дэли похожи на жангот (jangot), являющийся одним из видов корейской женской одежды. Штаны с подтяжкой, найденные вместе с дэли похожи на корейские штаны с одной подтяжкой тансуггуд (danspkkot) периода государства Чосон. Это свидетельствует о том, что Корея и Монголия с древних времен имели разносторонние культурные взаимоотношения. Поэтому их подробное изучение дает нам возможность обогатить данную сферу исследования новой информацией.

Историк и археолог Д.Баяр в свое время сделал вывод, что «Исследователи установили, что с I века нашей эры предки корейцев начали жить в Центральной Азии. Кроме того в устных народных произведениях и в легендах о этом тоже рассказывается...» (Баяр, 2013, стр.92).

В своем обобщающем научном труде «Рождение мировой истории» известный японский учёный Окада Хидэхиро писал: «Империя Киданей стала сильным и захватила в 925 году царство Бохай находящееся в северной части Маньчжурии..., с этого момента государство Когуре было зависимым от неё до ее гибели...» (Окада Хидэхиро, 2017, стр. 174; Эрдэнэчимэг, 2006, стр. 105; Батсүрэн, Чинзориг, Жигмэддорж, 2017, стр. 59–125. В одном

из главных древних исторических источников Кореи «Изучение Пэкче» много информации и об Империи Ляо, созданной киданями. Например, есть такое сообщение этого источника: «...3-ий год (917) Тайцзу Елюй Абаоцзи государства Ляо. Князь Пэкче прислал посланника в государство Ляо. В 4-ом году государство Ляо восстановило древний город Ляоян и поселило там народы из Пэкче...» (Юу Дыггон, 2014, стр. 49). Кроме этого исследователи А.Очир, Л.Эрдэнэболд написали, что археологические находки, оставленные выходцами из царства Бохай (Пэкче), нашли на территории Монголии (Очир, Эрдэнэболд, 2010, стр. 325–342). Контакты между Кореей и Монголией развивались и позднее. Так, уже в 1259 г. Корея выразила желание Монголии стать зависимым от нее государством и чтобы Монголия приняла их «6 просьб» об этом. Первый пункт этих просьб гласил: «... Головной убор и одежда, будут сохранены согласно традициям данного народа и не будут изменены полностью...» (Ким Ходон, 2016). Тем не менее, император династии Юань Хубилай принимал эти желание и их просьбы.

Поскольку в предыдущей статье «О воротниках одежд киданей» мы обосновывали гипотезу, что корейцами, возможно, унаследована форма воротника от киданьского периода... (Hailan Liu, Munkhtsetseg, p. 103–113), то это дает нам возможность расширить эти выводы и, основываясь на реальных фактах, построить и другие гипотезы. Как известно, основатель государства Кара-китаев (Западное Ляо (китайское название Си Ляо) 1131–1212) Елюй Даши в 1123 году достиг территории уйгуров и с их помощью сражался с кыргызами (История Монголии, 2003, стр. 290). Это событие, видимо, оказало важное влияние на судьбы данного археологического памятника. Кроме того, следует подчеркнуть, что есть много сходств в одежде периода Империи Юань и корейцев.

ИССЛЕДОВАНИЯ ВЫКРОЙКИ ДЭЛИ

ДЭЛИ 1 (рис. 1. 1–5). Красно-оранжевого цвета, с войлочной подкладкой, найдено в одетом виде на трупе. При снятии одежды с мумии некоторая часть этой одежды часть оторвалась из-за ветхости и осталась на трупе, так как оказалось пропитано и приклеено природной смолой мумии. После реставрации и очистки одежды реставраторами согласно установленным правилам, нами были сделаны осмотр, заметки и измерения. Сохранив-

шиеся остатки дэли, такие как воротник, правое плечо, подмышка, рукава, внутренний борт, узел, пола составляют 60-70% от общего размера реальной одежды.

Из оформления воротника, формы рукава, ткани, войлока из шерсти барана очищенного дели видно, что это оно относится к киданьскому периоду. Рассмотрев все детали и изучив цвет материала остальных частей одежды, линии основной нити, линии шитья, шитье войлочной подкладки, общий вид, утраты и разрывы, авторы сделали необходимые измерения, реставрацию и сравнительно-сопоставительный анализ с другими похожими находками.

Общий размер, внешний вид. «Дэли 1» верхняя одежда для прохладного сезона красно-оранжевого цвета, с войлочной подкладкой, имеет борт, направляющий на правую сторону (т.е. по-монгольскому обычаю с «правильным бортом (запахом»)). Высота воротника при боковой точке шеи 3,5 см, на конечной части, которая соединяется с внешним бортом расширяется до 5 см, а на части, соединяющейся с внутренним бортом, вновь заужена до 2,5 см. Общая длина одежды 144,5 см, общая длина между обеими рукавами 196 см, ширина кончика рукава (край) 12,0 см, ширина грудной части 66 см, ширина полы 143 см.

Воротник. Воротник вертикальный, пересекающие полы до центральной точки ключицы. Подобные дэли являются особенностью киданьского периода. Воротник сделан на желтом светлом фоне тонким синим шелком и украшены геометрическими фигурами и узорами в виде цветы. На верхней части левой концы воротника пришивали пуговицу в диаметре 0,3 см, из толстой скрученной веревки, но на правом конце нет следа пришивания петли для пуговицы. Зато есть маленькая дырка на правой части полы, внизу в 6 см от линии плеча. Возможно около этой дырки пришивали петлю для пуговицы. На правом конце воротника, там где соединяется воротник и борта пришивали кусок дерюги в размере 16,5 см.

Размер задней части и полы дэли и их соотношение. Ширина грудной линии и ширина полы разные, ширина борта 66 см, ширина задней части борта 64 см, ширина преднего пола 144,5 см, ширина линии заднего борта 142 см.

Войлочное дэли, найденное из погребения в местности Дугуй цахирын хад, на территории сомона Баянцагаан аймака Баянхон-

гор (Эрдэнэбат, Амартүвшин, 2010, стр. 58, 140, 141, рис. 14, 15; Мөнхцэцэг, 2014 а, стр. 43–55; Мөнхцэцэг, 2014 б, стр. 140–153) тоже сделано по этому принципу. То есть, ширина задней части дэли тоньше, чем передняя часть. Это свидетельствует, что в киданьскую эпоху выкраивали одежду четко учитывая индивидуальные особенности и пропорции тела конкретного человека.

Вставка и состояние пояса. На обеих подмышках дэли пришивали прямоугольную вставку, чтобы свободно выполнять различные движения. Сделали вставку очень тонким куском материи с светло-желтым фоном и вышивали узоры белыми, голубоким, синим цветом. Это является одним из главных особенностей. Вставка левой подмышки оказалась изношенной и на ней сделали заплатку.

Около конца на передней части вставки (на одном уровне), между центральной и боковой деталью борты оставлены следы пёстрога шнура шириной 22 см. И на центральной детали левой части, боковой детали задней части тоже видны следы таких шнурков. Задняя пара шелковой шнуры имеют ширину 4 см, расстояние между двумя шнурами 3 см. Верхний край верхнего шнура положен в 9 см внизу прямоугольной вставки. Часть вставки задней части подмышки изнашивались из-за ветхости, что не позволило сделать необходимые измерения.

На каждой левой и правой части задней полы две небольшие дырки, на внешней и внутренней полы передней части полы по также по две дырки. Всего шесть отверстий. Также на полах имеются шесть прямоугольных вставок, что сделали полы расширенной книзу. На правой части задней поле имеется прямоугольная вставка с подставкой шириной 49,5 см и высотой 49,5 см. Вследствие изнашивания нижней части левой полы, авторам не удалось сделать нужные измерения, но, судя по остаткам нитей от вставки, она была. На нижней части внешнего и внутреннего борта сделаны по две прямоугольные вставки. Высота вставки по центру борта 111 см, и на верхнем конце этой вставки пришили надставку с высотой 16 см. На боковом шве сделана вставка с высотой 42,5 см и с шириной 16 см. Прямоугольная вставка полы делало полу широкой и позволяло выполнять свободные движения нижней частью тела. По нашим исследованием самая древняя находка такого дэли относятся к гунскому периоду (Мөнхцэцэг, 2013, стр. 59).

Часть верхнего конца вставки дэли 1, выполнены точно также как вставки для подмышки и воротника, но другими материалами другого цвета, что позволило сделать полу не только широкой, но и разнообразно украсить одежду в целом.

Рукава. Крой рукава был сделан согласно плечевой линии, а его длина от шеи до конца рукава составляет 98 см.

Определение моды и формы одежды. Данное дэли имеет пересекающийся вертикальный воротник, длинные тонкие рукава, маленькую прямоугольную вставку на подмышках, 6 прямоугольных вставок на поле, чтобы пола стала растопыренной, широкую и длинную полу. Это было дэли с широким поясом от линия талии до подмышки, красивого дизайна, использовалась, очевидно, для прохладного сезона (для весны и осени).

Цвет. В китайских источниках отметили, что знатный мужчина одевал тонкое дэли красного цвета (Эрдэнэбат, Амартүвшин, 2010, стр. 56). Хотя различаются пол человека в разных источниках, но если совпадал цвет дэли, то это показывает различное социальное происхождения умерших женщин.

ДЭЛИ 2 (рис. 2. 1–5). Она была найдена в седельной сумке, поставленной наверху погребения и представляло собой остатки дэли с меховой подкладкой, с внешним покрывом из дерюги светло-палевого цвета из (Мөнхбаяр, 2017, стр. 31–35). Размер сохранившихся остатков – 70%, причем правый кусок оставшейся одежды имеет сравнительно большие размеры. Выкройка и дизайн похож на дэли 1, однако вставки воротника, полы и подмышки сделаны из материи красно-желтого цвета, что отличало его от цвета основного дэли.

Общий размер, внешний вид. Общая длина 137 см, общая ширина между двумя концами рукавов 205 см, ширина краев рукавов 13 см, другие размеры меньше чем у дэли 1.

Воротник. Сделан он из дерюги светло-серого цвета с подкладкой, похожей на дерюгу, края которой обшили мехом из шкуры ягнёнка высотой 1,2 см, высота воротника 5,2 см. Общий крой и дизайн их похож на воротник дэли 1.

Вставка. Верхний конец вставки полы сделан из того же материала, что и воротник, вставку подмышки сделали материалом похожей на дерюгу коричнево-палевого цвета.

Пятли для пуговиц. На правой части или во внутреннем борту, выше на 1 см от точки

подмышки, на правую стороны от центра борта в 9 см пришивали три петля длиной 3,5 см.

Особенность выкройки. Метод выкройки и дизайн данного дэли похожи на дэли 1, но по размеру меньше, боковая деталь не имеет шва вдоль линии бока, задняя часть и борт пошиты слитно. Эти особенности различают данное дэли от предыдущих находок.

Внутри борта пришита вставка из ткани с прямоугольными узорами с размером 9-12 см, а внутри полы вставка с размером ширины 26-27 см. Между внутренней подкладкой и внешним покрывом была вшита тонкая войлочная прокладка, что делало эту одежду очень теплым зимним дэли. Подобные материал и ткани, использованные для этого дэли ранее не находили на территории Монголии. Отличается оно и своими особыми узорами на этих тканях.

ДЭЛИ 3 (рис. 3. 1–4). Третье дэли было найдено вместе с погребенным. Оно было яркого тёмно-коричневого цвета, с внешним покрывом из дерюги и с подкладкой из войлока. Размер оставшейся части около 60-70%. Дизайн и размер данного дэли похожи на дэли 2, но вид воротника различается.

Общий размер и внешний вид. Общая длина 135 см, задняя пола длиннее на 5 см, чем передная пола. Ширина между концами двух рукавов 198 см, ширина краев рукавов 11,5 см, было в складыванном наружу виде. На крае внешнего борта остался остатки кожанного шнура. Кроме воротника дизайн выкройки похожи на дэли 2.

Воротник. Воротник – вертикальный, высота 5 см, на левом конце пришивали пуговицу из тканей с диаметром 0,5 см и от этого конца на расстоянии 38 см – петля. Это показывает, что воротник обматывал горло и застёгивается на правой части воротника. Данный воротник похож на воротник дэли, найденном в погребении из Мой Чжоу Юй провинции Цзянсу Республики Китай в 1975 г. и на воротник шелкового дэли с узорами в виде орла, которое находится в музее шелка Китая в городе Ханчжоу. Данное дэли подарили этому музею в 2014 г. из собственной коллекции «Мэн Дэ Шуэн» из Гонконга. Также он похож на воротник дэли глиняной скульптуры женщины, найденном в марте 1988 г. в первом погребении близ городов Суньюань, Чжаоюань и Даань провинции Шэньян региона Ляонин, находящийся в музее региона Ляонин (Ван Чэн Ый, 2002).

Размеры борта и задней части дэли, их соотношение. Соотношение задней части и борта, их выкройка похожи на дэли 2. Слитный шов боковой вставки дэли 2, дэли 3 первый раз встречается среды дэли, относящихся к клчевникам и найденных на территории Монголии.

ДЭЛИ 4 (рис. 4. 1–4). Четвертое дэли является меховым дэли из овчины и было поставлено поверх погребения. Разрушены части дэли на правом конце воротника, средняя часть обеих рукавов, край воротника внутреннего борта, часть правой подмышки. Общий размер оставшейся в целостности части дэли 75-80%. Шкура, меха гораздо хуже сохранилась за длительный период, чем изделия из ткани. Поэтому в настоящее время очень редко встречаются меховые изделия и изделия из шкуры. За время долгого хранения на шкуре дэли появились многочисленные рельефы и складки, что делает трудным возможность его полного расправления и очистки. Поэтому авторы старались не портить дэли, сделав сухую очистку, измерения и выяснив конструкцию выкройки. Из многих заплаток на внешнем и внутреннем бортах видно, что оно изнашивалось. В том числе на внутреннем борте делали заплатки из других материалов как войлок, ткань и шкуры.

Главное отличие от других дэли является то, что оно сделано из мехи без внешнего покрытия, а также обшивки шириной 4 см по краю полы запаха и внешнем борту. Шкура, из которой была сделана обшивка, тоньше и плотнее, чем шкура самого дэли, и оказалась шкурой другого животного.

Общий размер, внешний вид. Общая длина 118-120 см, ширина между двумя концами рукавов 184 см, ширина концов рукавов 12,5 см, ширина полы 88 см.

Воротник. Ширина остатков воротника около 4 см. По выкройке похожа на крой воротника на Дэли 3, и также обматывает горло и застёгивается на правую сторону. Воротники дэли 3 и дэли 4 различаются только вырезом воротника.

Размер борта и задней части дэли, их соотношение. Решение структуры борта и задней части дэли 4 различаются в зависимости от материала. Мех барана не бывает длинными, что оказывает влияние на весь дизайн. Прямоугольную вставку делали треугольной формы, в зависимости от толщины и состояния мехи. Ширина линии задней части талии 58 см, ширина полы 88 см. Около подмышек кожа изнашивалась, поэтому не удалось изме-

рить ширину линии груди. А центральная задняя часть осталась сравнительно целой и дали нам ценное сообщение о методе выполнения. Из остатков мехового дэли видно, что есть вставки меха на верхней передней и задней части. Внизу от воротника, вдоль центральной линии есть меха с размером 7 см и внизу этого присоединили другой материал с внутренней стороны на 2-3 см. От шитья надставки к талии тоже использована меха, продолжается это 17 см. Это произошло в результате изгиба человеческой спины.

Конструкция учитывающая прогиба спины в дизайне одежды является основным фактором в составлении дизайна, подходящего для тела человека. Подобные случаи также встречались в ранее изученном дэли периода Монгольской империи и династии Юань (Мөнхцэцэг, 2014 б; Оюунчимэг, 2014). В зависимости от условий хранения затруднялись выявить размеры борта. Поэтому на этот раз получили размеры, основываясь на других теории и методам.

Рукава. Они как рукава других дэли широкие около подмышки и станут тонкими к концу до 12,5 см, имеют размеры 92 см. Это подходящее решение дизайна для ежедневного труда кочевого образа жизни, прохладного климата.

Дэли 4 считается самым древним памятником, которые употреблялись и ныне употребляемые одежды национальностей, живших и живущих на возвышенности Монголии. Поэтому оно покажет, что кочевники возвышенности Монголии адаптировались к климатическому условию, держали скотоводство и обрабатывали сырьё животного происхождения.

Подобные дэли для монголов, живущих в современной Монголии являются экспонатами музея. А для монголы узумчины (үзэмчин), суниты (сөнөд), баргачууды из аймака Хулун-Буйр (на северо-востоке автономного района Внутренняя Монголия (КНР) до сих пор одеваются в подобных дэли. Из них в узумчины одеваются в них чаще всего и сохраняют традиционному методу выполнения дэли, поэтому оно называется «узэмчинское дэли», поэтому необходимо изучать дизайн и моду данного дэли в сравнении с «узэмчинским» дэли и с захчинским дэли из белой овчины.

КОРЕЙСКИЙ ЖАН-УД (JANGOT).

Одна из разновидностей корейской женской одежды жан-уд нами выбран как средство для сравнительного изучения (рис.5). Так как эта одежда похожа на наши дэли самим

методом конструкции, вставкой материи в подмышки, шириной полы. Хотя они также различаются формой и узлом воротника, мы установили, что воротники данного вида широко использовались в дэли киданьского периода в предыдущих статьях. Жан-уд является разновидностью женской одежды чосонской Кореи (1392–1897). Впервые её использовали слуги и она была с капюшоном для прикрытия лица. Позднее ее начали использовать знатные дамы, но в период позднего средневековья перестали использовать.

На острове Чеджу жан-уд использовался как одежда для свадебной церемонии. Потом его использовали в погребальных церемониях в качестве одежды погибшего (Ким Ён Сүг, И Чү Вон, Чу Ү Хиён, 2010, стр. 126). Конструкция выкройки данного дэли очень похожа на дэли, которое мы изучаем и интересует нас тем, что это исследование может поможет разгадывать тайну узлы исторических событий Монголии и Кореи.

ВЫВОДЫ

Силуэт, структура выкройки, методы конструкции данных дэли больше всего похожи на жангот эпохи Чосон, чем другие дэли, найденные на территории Монголии. Особенно, сходны их решение выкройки, сделавший полу шире и треугольные вставки в подмышки.

Кроме этого дэли, которое одевали монголы при империи Юань тоже использовались корейцы во время периода Чосони. Поэтому в дальнейшем нам надо продолжать их исследования, сравнивая другие памятники как штаны, сапоги и шапка с одеждой корейцев других национальностей. Это позволяет нам установить древнюю историю, культуру, искусство, развитие производство и их взаимовлияние. Они только отличаются от друг друга размерами воротника и верезом.

Рукава жан-уд продолжается от подмышки до конца равномерно, а у проанализированных трех дэли, найденных на территории Монголии рукава стали тонкими к концу. Длинный конец, становящийся узким к концу является особенностью монгольского дэли, сохранившийся в течение многих веков. Это связано, прежде всего с климатической особенностью территории.

Раньше этого похожие 2 дэли нашли из похоронения местности Дугуй цахир сомона Баянцаган аймака Баянхонгор (войлочное и полотняное), из Синьцзянь Уйгурского автономного региона, из регионов Ляонин, Чжансу, из местности Ар хорчин, Улаан хад аймака Жирэм Внутренней Монголии, сомона Дайчин тал уезда Хорчин аймака Хянган. А также в Музее Шелка Китая города Ханчжоу, Национальном музее Синьцзянь-Уйгурского автономного района сохраняются похожие дэли.

Форма воротника дэли 1, дэли 2 похожа на воротник войлочного и полотняного дэли найденных из местности Дугуй Цахир сомона Баянцагаан аймака Баянхонгор в Монголии и на двух дэли, сохранившихся в музее Синьцзянь-Уйгурского автономного региона. Форма воротника дэли 3 похожа на форму воротника дэли сохранившееся в музее города Ханчжоу, которое подарили музею владелец из собственной коллекции «Мэнг Дэ Шүэн» из Гонконга в 2014 г.

Эти памятники не только обогащают исследования одежд Монголии, но и обогащают новыми информацией исследования Европейских регионов. Кроме того в дальнейшем требуется подробное исследование формы и структуры имеет большое значение в изучении общественного устройства, хозяйства, производства, развития ремесла, политическое и общественное отношение между государств.

ЛИТЕРАТУРА

Мухарева А.Н. Украшения конского снаряжения или свидетельства социального статуса? // Природные условия, история и культура западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд, Томск, 2009. С. 36–38.

Мөнхбаяр Ч. “Буянтын археологийн хээрийн шинжилгээний анги”-ийн авран хамгаалах археологийн малтлагын тайлан (2016 оны 4 сарын 01 – 11 сарын 01). Ховд., 2016. 135 х.

Мөнхбаяр Ч., Пүрэвдорж Г., Бямбасүрэн Х., Сүхбаатар Б. Үзүүр гялангийн түрэг хадны оршуулгын малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүнгээс // Мөнххайрхан, Булган гол-Их онгогийн байгалийн цогцолборт газар - 2016. ЭШ-ний II бага хурлын эмхэтгэл. Vol. 2. Ф.1. УБ., 2015. Т. 164–187.

Мөнхбаяр Ч. Хадан гэрийн соёл үзэсгэлэн нээгдлээ // ЭШБ. ХоИС-ийн НХУС-ийн эрдэм шинжилгээний бичиг. “Соёмбо принтинг” хэвлэлийн компани. Том IX. УБ., 2017. Т. 170–180.

Мөнхбаяр Ч., Пүрэвдорж Г., Бямбасүрэн Х., Сүхбаатар Б. Үзүүр гялан, Цахир, Тошинтын хадны оршуулгын малтлага судалгааны урьдчилсан үр дүн // Монголын археологи. УБ., 2017. Т. 98–111.

Мунхбаяр Б.Ч. Сравнительное исследование уздечки скального погребения Узуур Гялана // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): материалы международной научно-практической конференции (22-24 мая 2017 года) / Отв. ред. Ф.И. Куликов. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. С. 47–49.

Мунхбаяр Ч., Тишкин А.А., Серегин Н.Н. «Скальное» погребение раннего средневековья из Монгольского Алтая // V (XXI) Всероссийский археологический съезд (Барнаул, 2 – 7 октября 2017). Барнаул: Алтайский государственный университет 2017. С. 727.

Мөнхцэцэг Б., Мягмарсүрэн Б., Оюунчимэг О. Үзүүр гялангийн хувцасны дурсгалд хийж буй судалгааны явц // Хадан гэрийн соёл (Хадан гэрийн соёл түр үзэсгэлэнгийн танилцуулга). УБ., 2017. Т. 61–67.

Баяр Д. Монголын дундад зууны археологийн судалгаа: II боть. УБ., 2013.448 х.

Окада Хидэхиро. Дэлхийн түүх мэндэлсэн нь / Орч. П.Наранбаяр. УБ.: УБ пресс, 2017. 276 х.

Эрдэнэчимэг Г. Солонгосын түүх: 2 боть // Ред. Б.Сумьяабаатар, И.Пийн рэ, Т.Мөнхцэцэг.- УБ.: Адмон, Тэргүүн дэвтэр, 2006. 289 х.

Батсүрэн Б., Чинзориг Б., Жигмэддорж Э. Төв Азийн нүүдэлчдийн төр улсууд.- УБ.: Соёмбо принтинг, 2017. 212 х.

Юү Дыггон. Пархэгийн шинжлэл: Далайн дорно этгээдийн цэцэглэн мандсан улсын түүх // Орч. Ц.Цэрэндорж. УБ.: Мөнхийн Үсэг, 2014. 200 х.

Очир А., Эрдэнэболд Л. Монгол дахь Бохайн археологийн дурсгал // SA. Том (IX) XXIX, F.18. 2010. X. 325–342.

Ким Ходон. Монголын эзэнт гүрэн хийгээд Корйе: Хубилайн засаглалын үүсэл ба Корйегийн улс төрийн статус / Орч. Ц.Цэрэндорж.- УБ.: Адмон принт, 2016. 129х.

Hailan Liu, Munkhtsetseg B. 2016. Study on shape and type of collar for national dress “Deel” during Khitan period. In Journal of The Korea and China Association of Fashion Industry- Academy. 7 (1), 103–113.

Монгол улсын түүх. Тэргүүн боть. УБ., 2003. 496 х.

Эрдэнэбат У., Амартүвшин Ч. Дугуй Цахирын хадны оршуулга (X-XII зуун). УБ., 2010. 214 х.

Мөнхцэцэг Б. Киданы үеийн хувцасны зарим онцлогууд, тэдгээрийн уламжлал // Хятаны өв соёл: ШУА-ийн Археологийн хүрээлэнгийн Э/ш хурлын эмхтгэл.- УБ., 2014.- X. 43–55.

Мөнхцэцэг Б. Дугуй цахирын хувцасны судалгаа // Талын морьтон дайчдын өв соёл: VII-XIV зууны Монголын хадны оршуулгын шилмэл хэрэглэгдэхүүн / Ред. зөвл. Ц.Төрбат, У.Эрдэнэбат.- УБ., 2014. X.140–153.

Мөнхцэцэг Б. Хүннүд холбогдох хувцасны төрөл зүйлийн судалгаа: Соёл судлалын ухааны доктор (Ph.D)-ын зэрэг горилсон бүтээл.- УБ., 2013. 129 х.

Мөнхбаяр Ч. Үзүүр гялангийн хадны морьтой оршуулгын археологийн малтлага судалгаа // Хадан гэрийн соёл (Хадан гэрийн соёл түр үзэсгэлэнгийн танилцуулга). УБ., 2017. X. 31–35.

Ван Чэн Үй. Ляо улсын үеийн хувцас засал: Хятад хэл дээр. Ляонин, 2002. 150 х.

Оюунчимэг Н. Эзэнт гүрний үеийн монгол дээлийн хийц, загварт хийсэн судалгаа / Магистрын зэрэг горилсон бүтээл.- э/ш удирдагч Б.Мөнхцэцэг.- Хамгаалсан, 2014. 58 х.

Ким Ён Сүг, И Чү Вон, Чу Ү Хиён ба бус. Солонгосын уламжлалт хувцасны гоо сайхан.- 2010. 290 х.

Мин Сүг Вон. Ягаан танёон-ны нууц (민속원. 분홍 단령의 비밀) 2015. 232 р.

Информация об авторах:

Мунхбаяр, Чулуунбат Боролдой, заведующий кафедрой истории и обществоведение, Института Социально-Гуманитарных наук, Ховдский государственный университет. (г. Ховд, Монголия); munkh_boroldoi@yahoo.com

Баянзул Мунхцэцэг доктор (Ph.D), доцент, Культура-искусственный университет, старшая научная сотрудница учреждения наука и инновация bamuugii@yahoo.com

STUDY OF THE SEWING PATTERNS AND FASHION OF WOMEN'S DEEL (NATIONAL MONGOL OVERDRESS) OF THE KHITAN PERIOD

Ch.Munkhbayar, B.Munkhtsetseg

In April 2016, from the tomb of Bort bag, located in Munkhkhairkhan soum, Khovd province of Mongolia, was founded 50 pieces of 7 types like dry remains of the woman and horse, sheep skin, skeleton, clothes, accessories of the hand grafts, horse equipments that belong to X century (Khitan period). These are the not only most valuable monuments of ancient Asian settlements, but also, study of the diversity of regional history, culture, politics, economic development, and nations. Through this article we aim to bring first results of these research for the researchers attention, and renew previous hypothesis and conclusions about these archaeological sites of Khitan. There are 15 kinds clothes like woman's hat, deel (Mongolian traditional outwear), slacks, socks. Currently we have made measurements and restored the styling of the plant. The material and the collar designs used in these coats reflect the unique features of the Khitan's nomadic fashion. The design of the felt is characterized by the more advanced structure, it's similar to the structure of the Khitan coat that studied in the territory of Mongolia. So we started a comparison study of these deels with the Khitan deels that were founded from the Mongolian territory before. First results saw us an interesting information that structure of these deels similar to the design garments of the Korean outwear 'jangot' that belongs to the Chosuni period.

Keywords: Structure of garment, size, design, collar, rectangular insert, jangot.

About the Authors:

Munkhbayar, Chuluunbat Boroldoi. Head of Department, Department of History and Social Studies, Institute of Social Sciences and Humanities, Khovd State University (Hovd, Mongolia); munkh_boroldoi@yahoo.com

Munkhtsetseg Bayanzul, Doctor of Science (Ph.D), Professor, Senior Specialist, Scientific Department, University of Art and Culture (Ulaanbaatar, Mongolia); bamuugii@yahoo.com

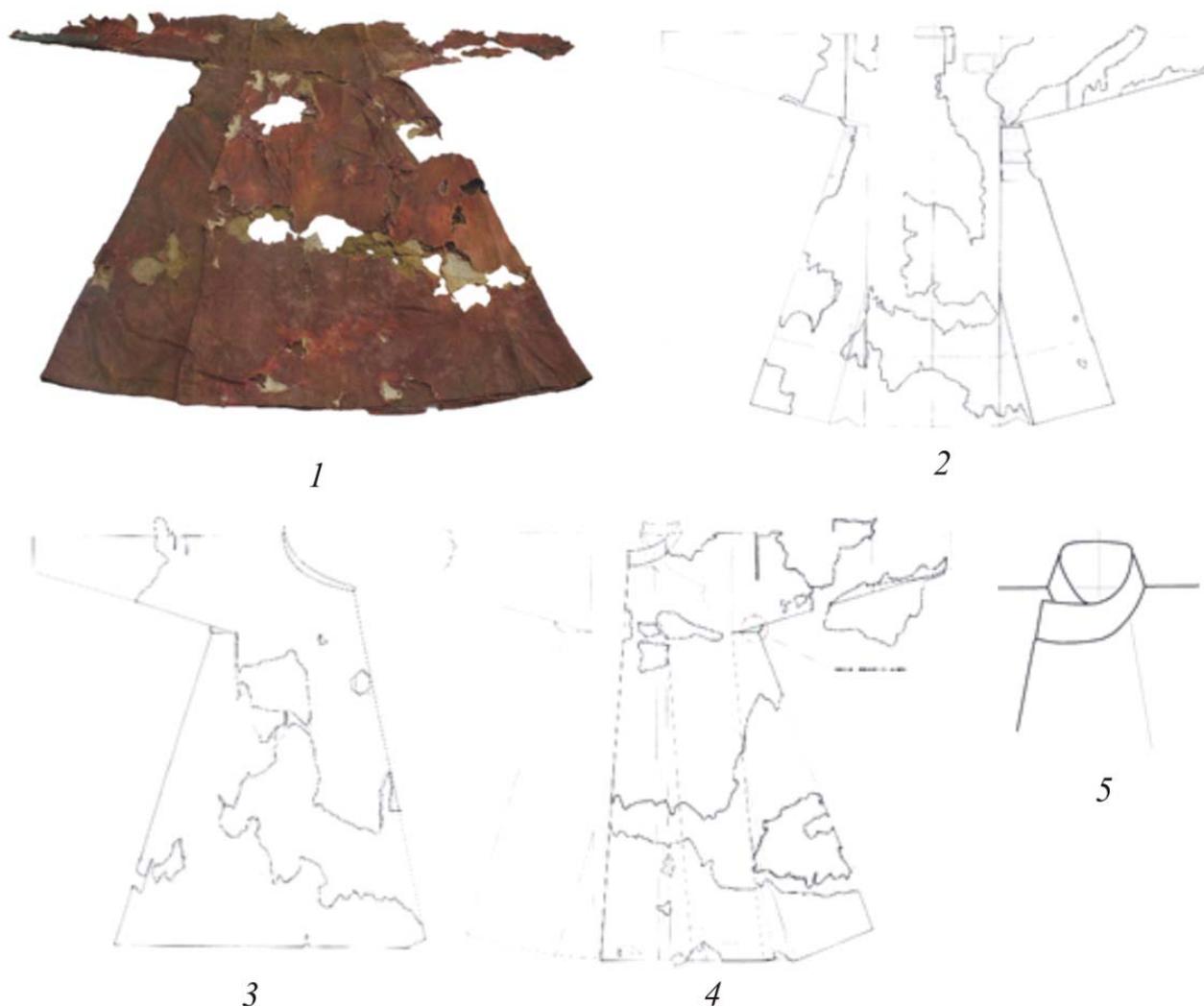

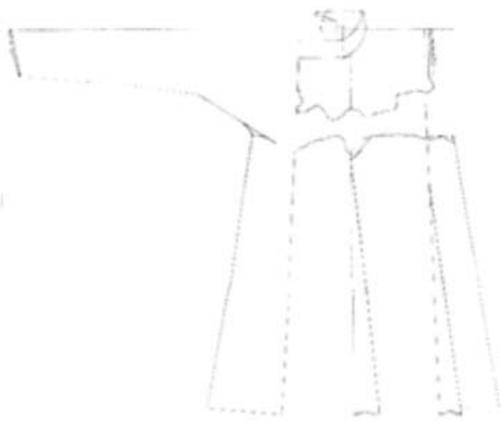
Рис. 1. Дэли 2. 1 – Вид остатки, 2 - Вид остатки /задняя сторона/ 3 – Вид остатки левого борта, 4 - Вид остатки / Правой борт/; 5 – Дизайн воротника

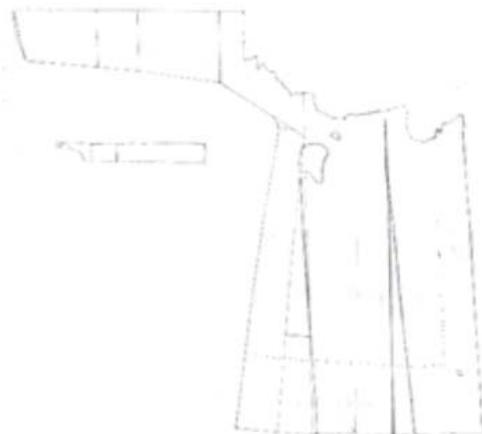
1

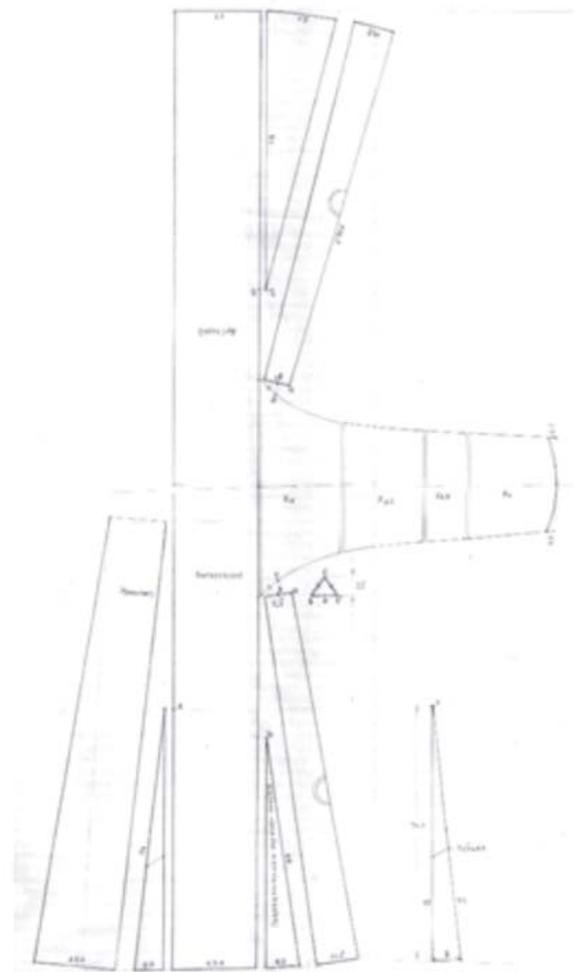
4

2

3

5

Рис. 2. Дэли 2. 1 - Вид остатки; 2 - Вид остатки /левый борт/ 3 - Вид остатки /правой борт/; 4 - Вид остатки /Артал/; 5 - Вид остатки /задняя сторона/

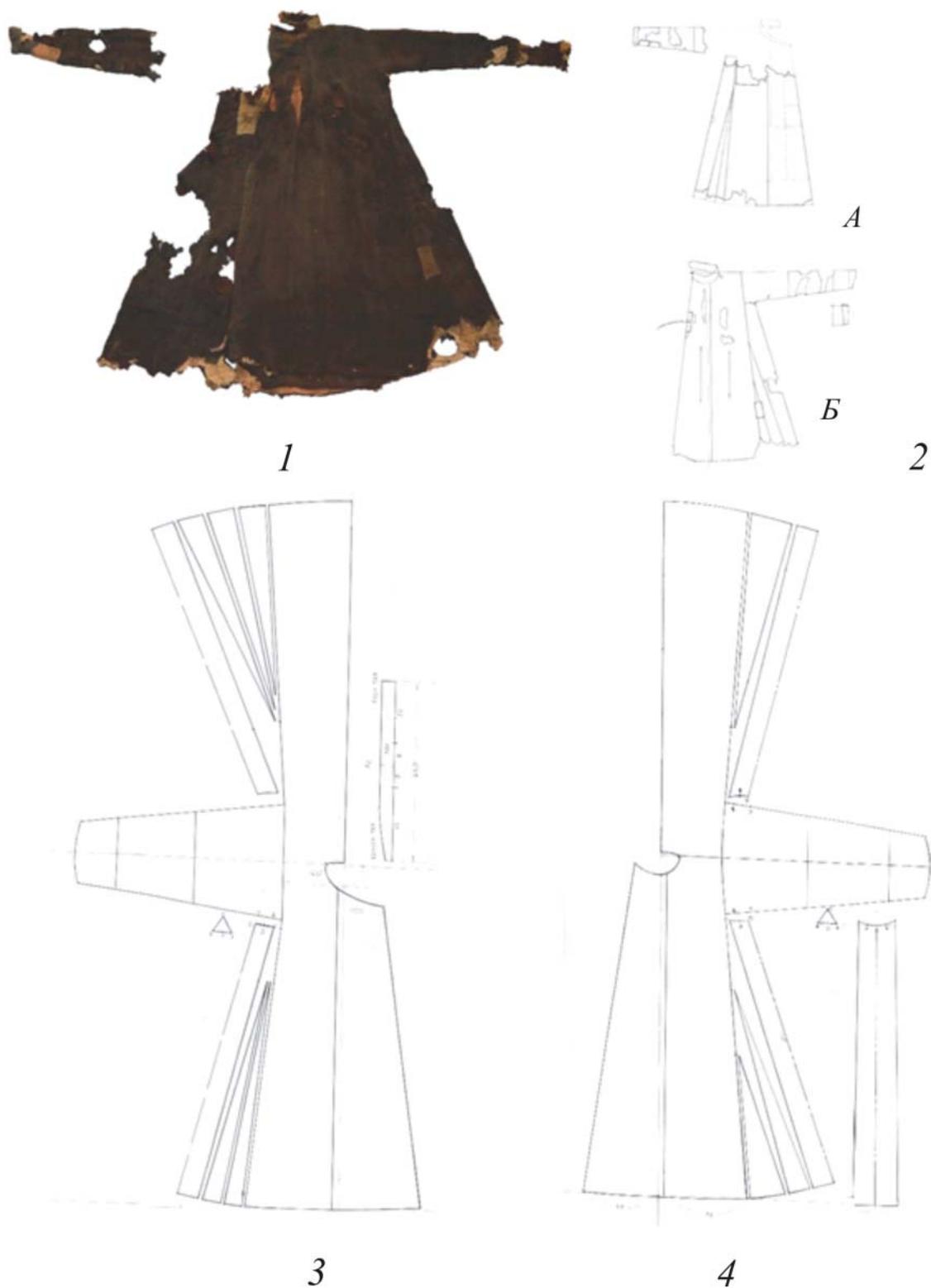

Рис. 3. Дэли 3. 1 - Вид остатки; 2 - а/ правой борт, б/ Вид остатки правого борта; 3 – Выпрямление выкройки дэли - 3 /правая сторона/; 4 - Выпрямление выкройки дэли - 3 /левая сторона

Рис. 4. Дэли 4. 1 – Внешны вид; 2 – Внутренний борт; 3 – Общий вид выкройки (передняя сторона); 4 – общий вид выкройки (задняя сторона)

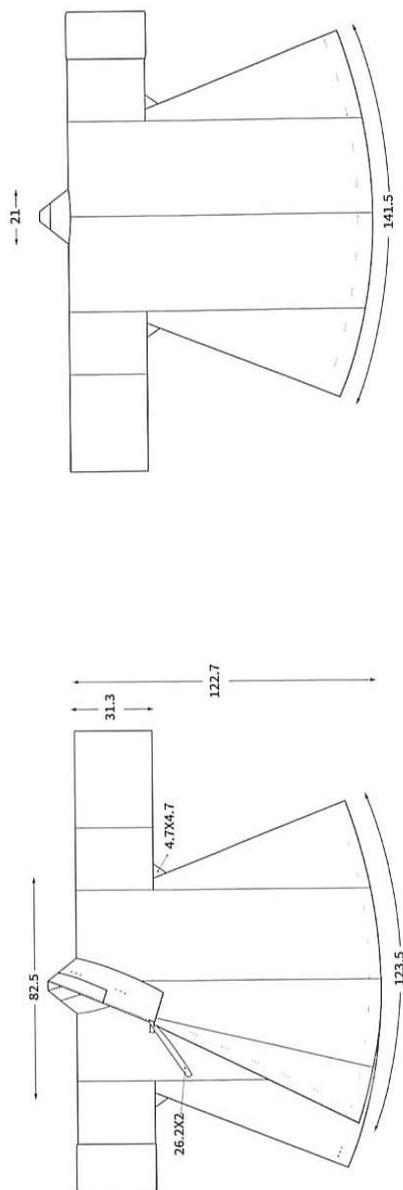

Рис. 5. Общий вид выкройки жан-уда (Jangot) Чосени (Мин Суг Вон, 2015, pp. 30–31)

УДК 903.2

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ТРАДИЦИОННОГО КОСТЮМА МАРИ

© 2019 г. В. С. Патрушев

Марийский костюм включал характерные элементы – головной убор, шейные и нагрудные украшения, поясной набор, реже браслеты и перстни. Традиционные черты костюма мари формировались в глубокой древности. В материалах раскопок могильников Марийского края начала эпохи железа встречены все характерные для традиционного марийского костюма элементы. Это прототипы налобных повязок (нашмаков) – налобные венчики, вместо поздних вышивок на груди с зооморфными изображениями и солярными символами – металлические бляхи с этими же элементами, поясные наборы, реже браслеты и перстни. Элементы костюма начала эпохи железа сохраняются в костюме древних марийцев эпохи средневековья.

Ключевые слова: костюм мари, истоки, эпоха железа, средневековье.

Костюм — одно из самых ярких проявлений культуры этноса, где отражаются представления о красоте и целесообразности. Формы костюма зависели от природно-климатических, социально-экономических, исторических условий. У каждого народа, как известно, существовали свои эстетические представления об одежде. Специфической особенностью марийского костюма был белый цвет. Одежда марийцев функционально подразделялась на повседневную, праздничную и обрядовую.

Национальный марийский костюм на протяжении столетий изменялся, но в то же время не утратил самобытности, сохранив многие свои исконные элементы.

Стойкость традиционных видов одежды особенно характерна для женского костюма, так как эта часть марийского населения была менее подвижной и потому менее восприимчивой к стороннему влиянию. Сохранение старинного костюма можно объяснить существованием полунатурального хозяйства и живучестью традиционных верований.

Большинство исследователей наиболее распространенной формой одежды марийских женщин называет туникообразную рубашку из белого холста, украшенную богатой отделкой вышивкой, металлическими бляшками и проволокой, монетами или их имитацией, блёстками и раковинами каури, бисером и бусами разных цветов; головные уборы, указывающие на возраст, общественное положение носительниц, с височными подвесками; шейные ожерелья и в ранний период кольца; пояса с привесками и подвешенными ножнами, мешочками, кошелками; нередко браслеты и перстни (Белицер, 1965, С. 73–77; Гаген-Торн, 1960; Крюкова, 1956, С. 126–129;

Козлова, 1978, С. 250–254 и сл.; Сепеев, 1975, С. 154–157; Соловьева, 1982; Молотова, 1992; Никитина, 2002, с. 89 и сл. и др.).

Древнейшие истоки костюмов финноязычных народов, в том числе далеких предков марийского народа, относятся ко времени существования финноязычной общности с текстильной керамикой XIV–VI вв. до н.э. на обширной территории от Среднего Поволжья до Скандинавии (Патрушев, 2016, рис. 1-2). При этом к эпохе бронзы относятся лишь отдельные украшения из могильника Дикариха (Никитин, 1963), не позволяющие проследить особенности костюма. Основной материал о древнейших костюмах дает Старший Ахмыловский могильник VIII–VI вв. до н.э. – самый крупный во всем финно-угорском мире (Патрушев, Халиков, 1982). Он располагался на берегу живописного озера у деревни Ахмылово в Марийском Поволжье. В процессе систематических раскопок здесь обнаружено несколько тысяч предметов из различных материалов, 21 фрагмент кожи и ткани от одежды, 3 антропоморфные фигурки с изображениями элементов одежды. Вместе они позволяют представить этнографический облик древнего населения. Кроме того, сведения о древних костюмах финно-угров Поволжья дополняют материалы Аkozинского и Козьмодемьянского могильников в Республике Марий Эл, Пустоморквашинского и Тетюшского в Татарском Поволжье и Младшего Волосовского в муромском течении реки Оки (Патрушев, 2011, таблица-вкладыш).

Продолжение тех же традиционных элементов костюма можно видеть в материалах древнемарийских Младшего Ахмыловского могильника VI–VII вв. н.э. и многочисленных могильников IX–XIV вв: налобные

венчики близкого облика, височные кольца с заходящими друг за друга концами, шейные гривны из дрота, нагрудные бляхи, но нередко дополнительно с подвесками, поясные наборы и др. (Архипов, 1973, С. 39 и след.; Никитина, 2002, С. 89 и след.).

Судя по материалам могильников, украшения мужских и женских костюмов в VIII–VI вв. до н.э. слабо дифференцированы. В обеих группах захоронений встречены височные подвески, шейные гривны, нагрудные бляхи.

Реконструкция древних костюмов по археологическим данным представляет определенные трудности. В большинстве случаев археологи могут говорить лишь об украшениях костюма из металлических частей. В какой-то мере об особенностях самой одежды можно судить по фрагментам кожи или ткани, а также антропоморфным изображениям. И, наконец, большую помощь при реконструкции костюма могут оказать этнографические материалы.

Характерными женскими украшениями начала эпохи железа были составные налобные венчики, состоящие из полоски кожи или шерстяной ткани с нашитыми на них металлическими накладками, бляшками и реже настowymi бусами (Патрушев, 1984, рис. 17; 1982, рис. 1-3).

По наличию и сочетанию составных частей венчики подразделяются на три типа.

Первый тип венчиков (39 экз.) состоит только из накладок и реже бляшек. Подобные венчики изредка встречаются и на памятниках Прикамья раннеананьинского времени (Патрушев, 2011, таблица-вкладка). Второй тип (27 экз.) характеризуется наличием в венчиках трубчатых пронизок, свернутых из тонкого медного листа и в одном случае из трубчатых костей птиц. По их положению на конце или в средней части выделены два подтипа. Венчики третьего типа (13 экз.) содержат пастовые бисер, бусы, мелкие металлические бусы-пронизки. Они встречены в захоронениях подростков. Украшения второго и третьего типов характерны только для могильников Поволжья.

Часть венчиков второго типа (подтип 2) обнаружена только в частичных погребениях и в одном случае в могиле с вторичным захоронением и лишь иногда в одиночных и коллективных погребениях, где костяки ориентированы головой на запад. В публикациях материалов Старшего Ахмыловского могильника частичные погребения определе-

ны как девичьи (Патрушев, Халиков, 1982). Также с девичьими захоронениями связывается обычай надземных погребений в марийской этнографии (Смирнов, 1899, С. 150) и мордовском фольклоре (Смирнов, 1895, С. 170–171). Таким образом, венчики первого и второго подтипов типа II выделяются не только по внешнему облику и различному сочетанию элементов, но и по назначению. Кроме того, изделия второго подтипа бытовали лишь в VII в. до н.э., а первого встречены в могилах VIII–VI вв. до н.э. (Патрушев, 1984, рис. 20).

Особо выделяются многосоставные венчики первых двух типов. Большое количество деталей само по себе подчеркивает их особую роскошь. Кроме того, они обычно сопровождались другими богатыми украшениями. Близкий обычай прослежен у марийцев. По свидетельству К.И. Козловой, наиболее богатый праздничный наряд с «нашмаком» (нашмак представлял собой «неширокую (3-4 см) полосу холста длиной около 40 см, сплошь вышитую разнообразными узорами как геометрического, так и зооморфного и растительного характера») носили по строго соблюдаемому обычаю молодухи в течение года после свадьбы (Козлова К.И., 1978, С. 279, 283).

Налобные венчики третьего типа, возможно, это украшения девочек-подростков. Об этом же свидетельствует бедность сопровождающих комплексов. Подросткам могли принадлежать и некоторые изделия первого и второго типов (разновидности А и Б, отличающиеся небольшими размерами). Подобные более скромные украшения были характерны для марийских девочек-подростков (Козлова, 1978, С. 279).

Определенным этническим маркером на могильниках Волго-Камья были височные подвески с завершениями концов в виде плоской спирали и височные кольца. Первые известны и в Прикамье, а вторые характерны только для Марийского Поволжья (Патрушев, 2011, таблица-вкладка). Височные кольца изготовлены из бронзовой пластины или реже из железа. Их диаметр колеблется от 1 до 9 см. В 16 погребениях они встречены по 2, а в одном - 3 экземпляра. Среди них выделено 2 вида - с разомкнутыми и заходящими друг за друга концами.

Височные кольца встречены как в ранних, так и поздних комплексах ахмыловских могильников и они синхронны височным спиральям.

В захоронениях височные подвески распределяются следующим образом: 14,6 % спиралей и 38,7 % колец найдены в женских погребениях; 23,7 % спиралей и 7,5 % колец - в мужских (Патрушев, 1984, с. 13). Пол погребенных в остальных случаях не определен из-за плохой сохранности костей.

Височные кольца как элемент головных украшений сохраняется у древнемарийского населения (Архипов, 1973) и несколько измененном виде у марийцев вплоть до начала XX в. (Молотова, 1992).

Украшения шеи марийцев также занимали одно из ведущих мест в костюме. У древнемарийского населения они весьма близки к украшениям начала эпохи железа (Архипов, 1973; Патрушев, 1984, рис. 8). На Старшем Ахмыловском могильнике 102 экземпляра шейных гривен. Они изготовлены из бронзовых, железных и серебряных пластин, четырехгранного, круглого в сечении дротов или тонкой проволоки. Форма гривен кольцеобразная. Их концы обычно разомкнуты и отстоят друг от друга на 5-16 см. В могилах они обычно располагались по одному в области шеи погребенного. Только в трех погребениях в одной яме находились две гривны. В начале эпохи раннего железа шейные гривны известны у многих народов. В Волго-Камье они встречены как в мужских, так и женских захоронениях (Патрушев, 2011, таблица-вкладыш). На памятниках Поволжья подобное явление характерно и для ранних форм гривен, а в Прикамье, где гривны появляются лишь в конце VI-V вв. до н.э. они переходят в женский костюм лишь в IV-III вв. до н.э. (Збруева, 1952, С. 76-77).

Другим характерным женским украшением были ожерелья (Патрушев, 1984, рис. 21). Выделяются типы: 1 - только из пастовых или стеклянных бус или бисера; 2 - металлических частей (пластин, пронизок); 3 - сочетания бус, бисера и металлических частей. Ожерелья были характерны и для населения Прикамья, но только на ахмыловских памятниках встречаются многочисленные составные ожерелья. Ожерелья составляют характерную деталь костюма всех финно-угров от послепалеолитического времени до современности. Иногда ожерелья входят в состав более сложных украшений. К числу последних следует отнести составные нагрудные украшения (Патрушев, 1984, рис. 22). Обычно они представляют собой кулоны из бисера, бус или пронизок и металлических частей. В трех случаях это круглые бронзовые бляшки,

подвешенные к нитям из бисера. У одного нити кулона соединяются в верхней части, образуя ожерелье. Интерес представляет сложная расшивка одежды из погребения 837 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1984, рис. 22, 7). Она напоминает расшитые бисером и бусами марийские нагрудные украшения (Молотова, 1992).

Среди нагрудных украшений Старшего Ахмыловского могильника по положению в могиле в области груди костяка можно выделить 29 нагрудных блях (Патрушев, 1984, рис. 11). Очевидно, нагрудными являлись также крупные экземпляры блях, найденные в могилах без остатков костяков (22 экз.). Многие из них на внешней поверхности имеют разнообразные солярные символы, реже зооморфные и антропоморфные изображения (Патрушев, 1994, рис. 27, 39, 42-74). В древнемарийскую эпоху в связи с появлением новых мифологических представлений нагрудные бляхи усложняются коньковыми подвесками с привесками из утиных лапок или колокольчиков (Архипов, 1973). А после вхождения марийского края в состав Русского государства в связи с запретом царского правительства заниматься металлургией широкое распространение получают нагрудные украшения из монет, раковин каури, и сложной вышивкой с традиционными зооморфными, антропоморфными и солярными символами (Крюкова, 1951).

В этнографии марийцев редко представлены браслеты и перстни (Крюкова, 1956). На Старшем Ахмыловском могильнике браслеты представлены всего 13 экземплярами (Патрушев, 1984, рис. 23). Все они встречены в женских погребениях. Большинство из них изготовлено из круглого в сечении дрота и имеет гладкую или орнаментированную поверхность. Из памятников Марийского Поволжья начала эпохи железа также единичны перстни (Патрушев, 1984, рис. 24, 1-7).

В единственном экземпляре на Старшем Ахмыловском могильнике представлено составное головное украшение в виде трубчатых пронизок, проходящих по теменной части и завершающиеся височными кольцами (Патрушев, 1984, рис. 24, 35). Возможно, это часть головного убора типа марийского шарпана, представляющего собой полотенце длиной до 2 м, богато украшенное по краям вышивкой, тесьмой (Молотова, 1992).

Характерными мужскими украшениями по материалам раскопок Старшего Ахмыловского могильника являются поясные. Укра-

шения поясов представлены как единичными экземплярами, так и в богатом наборе (Патрушев, 1984, рис. 26-27). По составу и назначению частей пояса подразделяются на 4 типа: I тип - изделия, включающие все основные составные части поясов - бляшки-накладки, пронизи, подвески; II - пояса включают бляшки или пронизи на поясе и подвески; III - с украшениями только на самих поясах; IV - содержит только подвески. В древнемарийскую эпоху наряду с мужскими поясными украшениями появляются женские (Архипов, 1973), а в марийской этнографии наиболее характерны богато украшенные женские пояса (Молотова, 1992).

Мужской костюм ахмыловца представлен на бронзовом идольчике из погребения 249 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1994, рис. 31). Резными линиями переданы шапка-ушанка усеченно-конической формы. На шапке, возможно, имелись узоры в виде косых линий. Обтягивающая тело и ноги одежда, скорее всего, представляла собой соединенные вместе в виде комбинации короткую куртку и штаны.

На идольчике отсутствует пояс. Вместо него почти от шеи до пояса идет вертикальный зигзаг с округлыми выпуклинами, возможно, застежки распахивающейся одежды. На руки человеческой фигурки надеты рукавички с узорами из поперечных полос (на правой руке, вероятно, перчатка с растопыренными четырьмя пальцами, удобными для стрельбы из лука зимой). На ногах высокие до колен сапожки с такими же узорами на голенище и окантовкой верхней части. Многие элементы костюма явно сходны с чертами костюмов ираноязычных скифов. Возможно, наряду с привозными формами оружия, некоторых изделий из числа украшений оказались привнесенными из южных областей и какие-то элементы мужского костюма, поскольку одежда мужчин более подвижна и подвержена стороннему влиянию (Козлова, 1978, с. 249). Такая одежда могла быть у воина-всадника как наиболее практичная при верховой езде.

На другом идольчике (Ахмылово - погр. 263) обозначены узоры из двух косых линий на шапке и складки одежды без пояса (Патрушев, 1994, рис. 32). Лицо с выступающим носом на третьем идольчике окантовано капюшоном, а на груди следующей фигурки содержатся узоры из двух уголков (погр. 301; Патрушев, 1994, рис. 33-34).

Облик древнего представителя ахмыловского населения по материалам двух

погребений Акозинского могильника был дан А.Х. Халиковым (1962, рис. 7). С использованием основных черт самого костюма, предложенных исследователем, автор предложил реконструкцию мужского костюма с полным набором украшений и оружия из погребения 900 Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев, 1984, рис. 28,2). Он включает гривну и богатый поясной набор.

Женский костюм гораздо богаче представлен украшениями. Наборы украшений женской одежды весьма различны. Основные их сочетания по материалам Старшего Ахмыловского могильника показано автором (Патрушев, 1984, рис. 28, 1). Реконструкция элементов костюма с находками из погребений показывает случаи других сочетаний: налобный венчик и гривна; ожерелье, гривна и нагрудная бляха; налобный венчик и височные спирали или кольца и т.д. (Патрушев, 1984, рис. 29). Довольно часто различные типы украшений являются единственными. Это и налобные венчики, височные спирали и кольца, шейные гривны или ожерелья.

Исследование древних истоков костюма марийского народа позволяет сделать ряд выводов:

1. Характер и способы ношения украшений костюма отражают этнические особенности населения Поволжья. Несмотря на участие в формировании ахмыловской культуры восточных приказанско-ананьинских племен (по А.Х. Халикову), только 15,6 % украшений костюмов ахмыловцев находят аналогии на прикамских памятниках (Патрушев, 1984, с. 173).

2. Сопоставление элементов костюмов Старшего Ахмыловского могильника и традиционной одежды мари показывает их генетическую связь: истоки основных черт костюма и принципов ношения украшений мари восходят к ахмыловским традициям. Это подтверждается вычислением среднего коэффициента сходства по сумме типов украшений Старшего Ахмылова и финно-угорских народов: мари - 35,8; меря - 35,2; мордвы - 28,1; удмуртов - 16,2; коми - 12, 3 (Патрушев, 1996, с. 23).

Таким образом, формирование основных элементов традиционного костюма мари археологически прослеживается со времени формирования ахмыловской культуры, в основе которой было финноязычное население с текстильной керамикой, испытавшее влияние прикамского населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов Г.А.* Марийцы IX – XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1973. 137 с.
- Белицер В.Н.* Этногенез мордовского народа по данным этнографии // Этногенез мордовского народа. Материалы науч. сессии. (Саранск, 8–10 декабря 1964 г.) Саранск: Морд.кн.из-во, 1965, С. 69–74.
- Гаген-Торн Н.* Женская одежда народов Поволжья. Чебоксары: Чевкнигоиздат, 1960. 72 с.
- Козлова К.И.* Очерки этнической истории марийского народа. М.: Наука, 1978. 217 с.
- Крюкова Т.А.* Марийская вышивка. Л.: Наука, 1951. 195 с.
- Крюкова Т.А.* Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1956. 134 с.
- Молотова Т.Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Изд МарНИИ, 1992. 112 с.
- Никитин А.Л.* Дикариха // МИА. № 110. / Труды Горьковской археологической экспедиции. Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья. М.-Л.: Наука, 1963, С. 222–226.
- Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: Изд МарНИИ, 2002. 432 с.
- Патрушев В.С.* Налобные венчики Старшего Ахмыловского могильника // СА. 1982. № 2. С. 186–200.
- Патрушев В.С.* Марийский край в VII–VI вв. до н.э. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1984. 232 с.
- Патрушев В.С.* Древнее искусство финно-угров Поволжья. I тысячелетие до н.э. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1994. 80 с.
- Патрушев В.С.* Древняя одежда финноязычных народов России // Historia Fenno-Ugrica 1:2. Congressus primus historiae fenno-ugricae. -Oulu, 1996, С. 17–26.
- Патрушев В.С.* Могильники Волго-Камья раннеананинского времени / Археология Урала и Поволжья. Вып. 2. Казань: ООО «Фолиант». 2011. 383 с.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы. М.: Наука, 1982. 280 с.
- Сенеев Г.А.* Восточные марийцы. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1975. 248 с.
- Смирнов И. Н.* Мордва (историко-этнографический очерк) // Известия отдела археологии и этнографии Казанского университета. Т. 12. Казань, 1894.
- Смирнов И. Н.* Черемисы (историко-этнографический очерк) // Известия отдела археологии и этнографии Казанского университета. Т. 7. Казань, 1889.
- Соловьева Г.И.* Орнамент марийской вышивки. Йошкар-Ола: Мар.книгоиздат, 1982. 86 с.

Информация об авторе:

Патрушев Валерий Степанович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-культурных технологий Института национальной культуры и межнациональной коммуникации ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет». (г. Йошкар-Ола); valpatr92@gmail.com

ARCHAEOLOGICAL ORIGINS OF TRADITIONAL MARI COSTUME**V. S. Patrushev**

The Mari costume included the following characteristic elements: headwear, neck and breast adornments, belt sets, and more rarely - bracelets and signet rings. Traditional features of the Mari costume formed in antiquity. The materials of excavations at the cemeteries of Mari Krai dating back to the early Iron Age feature all characteristic elements of the Mari costume. These are prototypes of forehead bands (nashmaks) - forehead circlets, breast embroideries with zoomorphic images and solar symbols of the later period replaced with iron plaques with the aforesaid elements, belt sets, and less frequently bracelets and signet rings. Elements of early Iron Age costume preserved in the medieval costume of the ancient Mari.

Keywords: Mari costume, origins, Iron Age, Middle Ages.

About the Author:

Patrushev Valery S. Doctor of Historical Sciences, Professor, Mari State University, Lenin Sq. 1, Yoshkar-Ola, 424000, Russian Federation; valpatr92@gmail.com

Рис. 1. Реконструкция костюмов Старшего Ахмыловского могильника (1- женский костюм с наиболее типичным набором украшений; 2 – мужской костюм по материалам погребения 900).

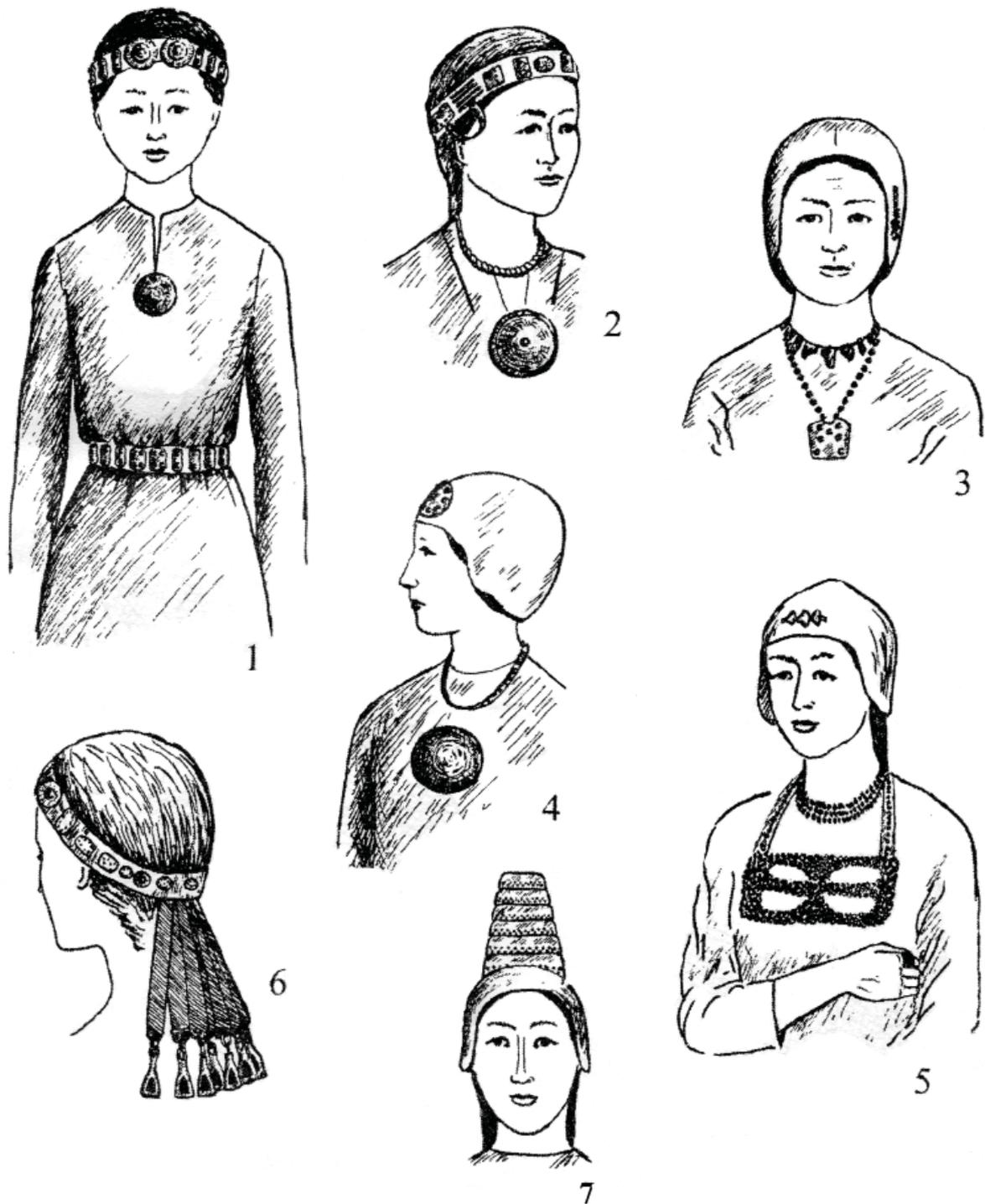

Рис. 2. Реконструкции женских костюмов Старшего Ахмыловского могильника по материалам погребений: 1 – п. 114, 2 – п. 150, 3 – п. 932, 4 – п. 209, 5 – п. 837, 6 – п. 991, 7 – п. 479 (4 и 7 – приблизительно тканевые шапочки).

УДК 7(4/9): 902(4/9)

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ ВЕНГЕРСКОГО ПАРАДНОГО МУЖСКОГО КОСТЮМА И КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ ЭПОХИ «ВЕЛИКОЙ ВЕНГРИИ» (ПО ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ)

© 2019 г. К.А. Руденко

Статья посвящена реконструкции средневекового венгерского мужского костюма на основе комплексного анализа изобразительных материалов и археологических данных. Это восполняет имеющуюся лакуну в изучении раннесредневекового венгерского костюма эпохи «Великой Венгрии», поскольку основное внимание чаще всего уделялось женской одежде и украшениям. Источником для реконструкции стали изделия урало-венгерского центра художественного металла с изображением всадника с ловчей птицей - так называемого «сокольника» (рис. 3-2; 4; 5-6). Автор считает, что несмотря на то, что этот сюжет имеет широкое распространение, но сюжет: охотник с соколом или орлом наиболее характерен для IX в. и связан со степями Восточной Европы. Судя по рисункам на изделиях урало-венгерского центра и данным из раскопок могильников IX- начала X в. в Татарстане и Башкирии мужской парадный венгерский костюм (верхняя одежда) включал в себя длинный кафтан, поясной ремень, сапоги головной убор. Головной убор представлял собой невысокую шапочку с округлым верхом, сшитую из меховых шкур и ткани или матерчатую (войлочную) шапочку с полукруглым верхом и завернутыми наверх полями. Кафтан двухбортный, украшенный шелковой каймой по подолу и на рукавах. Сапоги сложно кроя с мягкой подошвой без каблуков с высоким голенищем (рис.5). Из вооружения - сабля или колчан. Из конского снаряжения – уздечка с псалиями, седло со стременами, ремни украшены накладками и декоративными подвесками круглой или сердцевидной формы.

Ключевые слова: археология, Великая Венгрия, Великая Моравия, хазары, Урал, Волга, средневековое искусство.

Реконструкция костюма древних эпох по археологическим материалам, сталкивается со многими непростыми проблемами, что не раз отмечалось в литературе (Яценко, 2006, с.20). Проверить правильность реконструкции непросто и в этом плане неоценимым источником являются изобразительные материалы, дающие представление о одежде, причёске, различных аксессуарах в комплексе, хотя и применительно к этим материям также требуется тщательное источниковедческое исследование (Яценко, 2006, с. 21–24). Изучение костюма народов Среднего Поволжья эпохи средневековья сталкивается с рядом проблем: для эпохи Волжской Булгарии - это отсутствие погребальных комплексов вследствие преобладания захоронений по мусульманскому правилам, где сопровождающие вещи отсутствуют. К этому надо добавить наличие социального костюма, костюма лиц духовного звания и т.п. (Руденко, 2010, с. 315 – 340). Недавно появилось исследование костюма VII – первой половины VIII в. населения Самарской Луки (Богачев, Французов, 2012), однако костюм угорского населения, как и болгарского VIII – IX вв. в нем не рассматри-

вался, что было отмечено в рецензии на эту монографию (Лифанов, 2014, с. 267).

В отношении костюма IX в. угорского населения Среднего Поволжья на археологических материалах первые реконструкции были сделаны в публикации материалов Больше-Тиганского могильника (рис.1;2), исследованного Е.А. и А.Х. Халиковыми в 1970-80-х гг. (Chalikowa, Chalikow, 1981), откуда эти рисунки стали копироваться в других изданиях как научных, так и научно-популярных. После этого к этой теме никто не обращался, прежде всего вследствие малой доступности этой книги для российских исследователей, хотя в археологических штудиях эти данные привлекались регулярно. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев внимание ученых привлекал женский костюм и причёска, поскольку он отличался обилием выразительных украшений и аксессуаров (рис.1-3,4; 2).

Мужской костюм угров Предуралья в этом плане был менее интересен в силу скудности археологических свидетельств. По материалам Больше-Тиганского могильника мужская плечевая одежда реконструировалась в виде короткополого кафтана без воротника

с длинными рукавами, сужающимися к запястьям (рис. 1-1,2). Реконструкция эта гипотетическая поскольку остатки самой одежды из захоронений не позволяли воссоздать детали ее внешнего вида.

Ситуация несколько изменилась в 1990-х гг. когда Б. И. Маршак и Н. В. Федорова атрибутировали изделия урало-венгерского центра, где имелись изображения всадников. По ним можно воссоздать те элементы, которые нельзя восстановить по археологическим данным, в частности одежду или части конской упряжи, выполненные из ткани или дерева. Эти материалы, которые хранятся в МВК им. И. С. Шемановского ЯНАО и Государственном Эрмитаже пополнились в начале XXI в. предметами из частных коллекций, ставшими доступными для научного изучения.

Несмотря на достаточно большой разброс мнений по поводу оценки представительности угорских материалов в древностях Волго-Камья (Второй, 2013), атрибуция относительно небольшой группы изделий урало-венгерского центра художественного металла, датированных преимущественно IX в., достаточно хорошо аргументирована (Руденко, 2016, с. 64 – 71). Остается открытым вопрос о месте локализации этого центра (Руденко, 2016а, с. 334 – 338), если это вообще возможно сделать.

Основным источником для реконструкции мужского костюма IX в. эпохи «Великой Венгрии» являются несколько артефактов с так называемым «царским сюжетом» или сюжетом «царской охоты». Это орнаментированная круглая серебряная накладная из собрания Фонда Ш. Марджани (Москва) (ФМ, инв. №Им/м-397) (рис. 3-2), разрезанное серебряное блюдо и целое серебряное блюдо из фондов МВК им. И. С. Шемановского ЯНАО (Сокровища, 2003, с. 53, 57, кат.19, 22) (рис.4) и серебряное блюдо из собрания Государственного Эрмитажа найденное у починка Утемиль Глазовского уезда Вятской губернии (Смирнов, 1909, табл. LXXXVII, №157; Артамонов, 1962, с. 261) (рис. 5-6). Отметим, что почти идентичный сюжет встречен и в Подунавье. Речь идет о серебряном медальоне, происходящем из Старого Места в Великой Моравии и датированный не ранее середины IX в. (Dekan, 1976, ил.131; Поп, 1988, с. 19, 21). Это серебряное монетовидное изделие диаметром 4 см; с рельефным изображением на лицевой стороне всадника с ловчей птицей (рис. 5-1) выполненное чеканкой. Всадник

показан непропорционально большим, значительно крупнее самого коня. Верхняя половина его туловища и голова развернуты в фас к зрителю; нижняя половина - в профиль.

Наездник сидит в седле с высокими луками, которое закреплено на крупе лошади несколькими ремнями. Под седлом - потник, украшенный снизу круглыми нашивками и окантованный по краю полоской ткани. Наличие стремян можно предполагать, хотя явно на изображении их не видно. Оружия у всадника нет. Одет он в кафтан из плотной материи, с правым (?) запахом. Воротник глухой, плотно облегающий плечи и горло или же это может быть видимой частью накидки или плаща. Пояс украшен накладками. Сапоги с высокими голенищами имеют острые носки.

В правой гипертрофированно увеличенной ладони зажат повод и вероятно плеть, от которой видна рукоять, а на левой сидит крупная хищная птица с мощным клювом и длинным оперением. Голова всадника обнажена, длинные волосы свободно спускаются на плечи, прикрывая уши. Лицо европеоидное, крупное. Лоб открытый высокий, глаза круглые широко расставленные; нос прямой, подбородок тяжелый. Рот узкий, губы плотно сжаты.

Конь с длинной гривой и хвостом неторопливо двигается влево. Детально показаны ремни оголовья: нащечный, налобный, наносный, затылочный. Удила и псалии не изображены. Фон обработан пунсоном. Медальон оконтурен выпуклым орнаментальным пояском с имитацией витя. За исключением деталей, рисунок на этом медальоне очень близок изображениям на предметах, отнесенных к урало-венгерскому центру художественного металла (рис. 3 -2).

Сюжет. Изображенная на данных изделиях «царская охота» относится к так называемым «бродячим сюжетам». Его в такой иконографии можно найти в искусстве поздней Римской империи и Византии, а также в Иране эпохи Сасанидов (Банк, 1978, рис. 34, 35; Тревер, Луконин, 1987, с. 107 – 110). Здесь акцент делается на сцену охоты на животных - кабанов, львов, газелей, реже зайцев, иногда с участием собак. Ловчие птицы в данном случае были не уместны. Главный герой всегда изображался в полной экипировке, а конь в полном снаряжении. Тщательно были показаны не только предметы вооружения, но и мелкие подробности - орнамент на такни из которой была сшита одежда царя, прическа, украшение конской сбруи, особенности

стрижки гривы и хвоста коня. Это внимание к деталям прослеживается и в согдийском искусстве VII – X вв. (Маршак, 1971, рис. 9). Вместе с тем, изображений царской охоты с ловчими птицами мы на согдийской торевтике не найдем. В римско-византийском искусстве императора чаще всего сопровождали изображение богинь - свидетелей триумфа (Банк, 1978, рис. 4).

Конечно, существовали и схожие сюжеты. Например, в Подунавье в искусстве фракийцев с античного времени и до V–VI вв. присутствовало изображение божества или царя поражающего копьём животное¹, нередко в сопровождении собаки (Фракийское, 2013, с. 68,69, кат. 5). Близкий сюжет зафиксирован на Балканах и позже - в рельефном изображении Мадарского всадника, датированного VIII в. (ок. 710 г.) созданном уже болгарами.

Возвращаясь к римско-византийским образам, отметим, что из рассматриваемых сосудов только утемильское блюдо (рис.5-6) может быть своеобразным отголоском этой традиции. На нем помимо главного персонажа изображен и еще один человек более низкого статуса, о чем свидетельствует существенно меньший размер его фигуры и поза просящего.

Возможно, что сюжет с ловчей птицей связан с элитой кочевых обществ, и сформировался в восточноевропейских степях в VIII-IX в. в период кочевых тюркских империй частью которых являлись продвигавшиеся с востока на запад венгерские племена. За более узкую культурную интерпретацию данной группы изделий говорит и то, что этот сюжет не встречается в искусстве болгар-хазар Приазовья в VII – X вв. В Хазарии в воинской среде имели хождение изображения батальных сцен, включенных в некий мифологический контекст (Флерова, 2001, с. 147, рис. 5), но изображения всадников с ловчими птицами на них не встречаются. Таким образом сюжет с сокольников (всадником с ловчей птицей на руке) получает распространение в данной трактовке с IX в. и более характерен для кочевников восточноевропейских степей, что позволяет использовать их для нашей реконструкции.

Снаряжение коня и всадника. Наиболее близкое к реальности изображение лошади имеется на накладке из Фонда Марджани и на салехардском блюде (рис. 3-2; 4). Но при

¹ Сцена охоты олицетворяет царское испытание и конь в данном случае - символ статуса (Фракийское, 2013, с. 68).

этом в обоих случаях голова у нее непропорциональна мала по сравнению туловищем. Холка высокая; спина седлистая, мягкая; живот поджарый. По внешнему виду лошадь может быть отнесена к степным породам. Художник показал лошадь в тот момент, когда она неспешно движется. Грива ее аккуратно расчесана; хвост также расчесан, подстрижен и перевязан посередине чем-то вроде ремешка или ленты, но не завязан узлом.

Конское снаряжение достаточно стандартно и в такой комплектации ремней и аксессуаров фиксируется с VIII – IX вв., распространившись на просторах Евразии, особенно вдоль Великого Шелкового пути, о чем можно судить, например, по глиняной китайской погребальной миниатюрной скульптуре начала VIII в. (The glory, 2003, p. 176, 177, cat. 91) (рис. 6 -2) или более раннему византийскому изображению (рис. 6-1) (Bayet, 2009, p. 57).

Ремни оголовья лошади если рассматривать все изображения, были в такой комплектации: налобный, нащечный, подбородочный, наносный. В одном случае показаны S-видные псалии с окончаниями в виде «сапожков». Художником детально проработаны изображения нагрудного и подхвостного ремней. Почти на всех артефактах, на них показаны прикрепленные подвески сердцевидной формы: четыре – на одном ремне и три – на другом. Эти ремни помимо этого украшены накладками прямоугольной формы, как и портупейные ремни, а также пояс на всаднике. Эти элементы присутствуют практически на всех изображениях охотников с ловчей птицей (Смирнов, 1909, табл. LXXXVII, №157).

Под седлом изображен нарядный чепрак из сукна или тканной материи с окантовкой по краю, прикрепленный к задней луке. Он мог заменять пóтник, но по рисунку на бляхе это установить практически невозможно. Не видны также ремни подпруги, но изображено путилище и стремя.

Стремена такого типа достаточно широко распространены на памятниках IX–X вв. Восточной Европы, в том числе в Южном Приуралье и на Средней Волге, например, в Бекешевских курганах на Южном Урале (Мажитов, 1981, с. 59, рис. 31-23), в Больше-Тарханском (Генинг, Халиков, 1964, табл. IX - 10-12) (рис. 7-2,3) и Танкеевском могильниках (Казаков, 1992, с. 151).

Удилам с такими псалиями имеются археологические аналоги, например, железные удила из катакомбных погребений-106 и 115 Дмитриевского могильника IX в. (Плет-

нева 1989, с. 82, рис. 38, №106, 115). В катакомбе-106 были также обнаружены стремяна, а в тайнике – позолоченный сбруйный набор (Плетнева 1989, с. 230). Практически аналогичные псалии встречены в Хусаиновских и Каранаевских курганах IX–X вв. на Южном Урале, а также в Больше-Тиганском (погребение-12) и Больше-Тарханском могильниках в Татарстане (Мажитов, 1981, с. 44, 106, рис. 22 -9; 57 -14; Chalikova - Chalikov 1981, s. 108, taf. X-25; Генинг, Халиков, 1964, табл. IX -6,7) (рис. 7-1). При этом, в крупнейшем могильнике IX– X вв., оставленном булгарами на Волге - Танкеевском, удила с псалиями такого типа не встречено (Казаков, 1992, с. 152 – 154, рис.57).

Форма подвесок фигурная, что отличает их от подвесок, которые встречаются на рисунках этого времени с изображением всадника. Там они обычно круглой формы или листовидной, что имеет археологические аналоги (Плетнева, 1989, с. 86, 87, рис. 41, 42, катакомба-106 Дмитриевского могильника). Датируются эти археологические аналогии 2-й половиной IX – первыми годами X в. (Плетнева, 1989, с. 172). В целом данный элемент часто встречается как украшение конской упряжи Западной Хазарии – в низовьях Дона и Северского Донца (Дмитриевский, Верхнесалтовский могильники). В большей степени эти материалы датируются IX в.

Накладки на ремни показаны в виде прямоугольных элементов с округлым краем с продольным штрихом посередине. Аналогичный изобразительный мотив имеется на круглой позолоченной пластине из впускного детского захоронения (погребение-32) кургана №3 Каранаевских курганов, а также, как и в данном случае, на нагрудном и подхвостном ремнях на лошади на упоминавшемся выше блюде из Салехардского музея (Мажитов, 1981, с. 108, рис. 58.-25; Сокровища, 2003, 57, кат. №22). Иконографические аналогии такому рода декору можно отметить на бордюре центрального медальона чаши с изображением льва IX – X вв. из собрания Эрмитажа (Сокровища, 2003, с. 55). Есть и археологические соответствия: прямоугольные поясные накладки известны из погребения-3 кургана №2 Бекешевского I могильника; погребения 2 Ямаши-Таусского кургана в Башкирском Предуралье (Мажитов, 1981, с.36, 59, рис. 17 -10,11; 31.-26). Аналогии в основном связаны с материалами IX - X вв., хотя ранние экземпляры прямоугольных накладок датируются VIII в., а поздние - началом XI в.

Скорее всего, данный мотив содержит некое условное содержание, хотя наличие реальных накладок как его прототипа допустимо, например, прямоугольных накладок с ребром посередине, с окончанием «ласточкин хвост» и острием в виде широкого треугольника из погребения-9 Больше-Тиганского могильника (Chalikova, Chalikov, 1981, s. 106, taf. VIII.-10).

Подводя итог анализу изображения экипировки коня на рассматриваемой бляхе, можно коснуться еще нескольких деталей. Несмотря на то, что седло плохо различимо, однако судя по изображенной задней луке оно вполне узнаваемо и состояло из деревянного остова: двух луков и двух боковин (лавок) обтянутых кожей. Это соответствует седлам кочевников VIII - IX вв. (Тишкин, Горбунова, 2004, с. 42, рис.22). Седло было закреплено на лошадином крупе нагрудным и подхвостным ремнями (рис. 7-4). Они украшены накладками прямоугольной формы, а также сердцевидными подвесками. Можно предположить, что накладки были металлическими; подвески могли быть выполнены и из другого материала.

Головной убор. Голова всадников как правило, закрыта головным убором, из-под которого видна короткая челка с вьющимися волосами (рис. 6) или зачесанные назад прямые волосы. Уши в обоих случаях открыты; очевидно, что волосы на голове подстригали. В одном случае (рис. 3-2) мужчина изображен с коротко стриженной бородой, но без усов. Усов нет ни на одном рисунке. На одной бляхе изображен мужчина без головного убора с выбритой головой и оставленном на макушке длинным чубом.

Головные уборы на рассмотренных рисунках двух типов. Первый - шапочка, сшитая из узких кусочков узорчатой (шелковой?) материи (рис. 3-2). Близкой аналогией ей могут быть шапочки вида 3 из могильника Мошечья балка (по А. А. Иерусалимской). Это круглая низкая шапочка высотой около 20 см при длине окружности в 50 см сшитая из четырех клиньев, а сверху покрытая согдийским шелком на холщовой основе (Иерусалимская, 2012, с. 187, илл. 114). Учитывая, что описанный экземпляр из Мошечья балки был сшит для мальчика - подростка, то если предположить конструктивную близость изображения на бляхе и археологического артефакта, то размеры у первого должны быть несколько крупнее.

Второй вариант головного убора - высокая шапочка с полукруглым верхом и поднятыми вверх боковыми лопастями (рис.4; 5-6). С опущенными лопастями шапочка могла застегиваться маленькой пуговичкой (Доде, 2001, с. 15,16). Конструктивно она близка предыдущему головному убору, только более декоративна и имеет боковые лопасти, а возможно и затыльник. Кроме того, она скроена так, что остается чуть открытым лоб, а над ним имеется украшение в виде трилистника.

Одежда. Всадник одет в верхний распашной длиннополый кафтан, узкий, приталенный, с глубоким «левым» запахом (правая полá перекрывает левую). Кафтан в верхней части плотно облегает тело всадника, воротника нет, при этом показаны два отворота: верхние углы бортов центрального разреза отогнуты наружу. Отвороты у кафтана разные: правый – треугольный остроугольный, левый – также треугольный, но с небольшим выступом, вероятно, для застегивания. Не очень ясно, как застегивался кафтан в верхней части: петель и пуговиц не видно, но, учитывая глубокий разрез, это могли быть воздушные петли по краю и небольшие кожаные пуговицы. Рукава кафтана узкие, плотно облегающие предплечье. Как уже упоминалось, на правую кисть всадника надета охотничья пятипалая (?) перчатка. Нижняя половина кафтана не застегивалась, имела свободный запах и была, вероятно, немного расклешена. Подол халата и левый отворот окантованы широкой лентой с волнистым орнаментом.

Поверхность халата покрыта линиями, вероятно имитирующие складки ткани. Так же можно предположить, что таким образом показан декор верхнего кафтана – его шелковая отделка. Как показывают материалы Мощевой балки, шелк нашивался на полотняную основу кафтана и обшивался каймами тоже из шелка (Иерусалимская, 2012, с. 215, ил. 132а), в данном случае такие каймы показаны на подоле. На значимость конструкции верхнего кафтана обратила внимание А.А. Иерусалимская. По ее мнению, «левым» запахом и два отворота воротника тесно связаны с Ираном и Средней Азией, в том числе Согдом, и имеют эфталитскую традицию (Иерусалимская, 2012, с. 222, 240).

Нижняя одежда – скорее всего, рубаха с небольшим стоячим воротником, который мог быть сделан из кожи. Кафтан перехвачен поясом, к которому подвешена сабля в ножнах. На одной из рук надета кожаная

перчатка. Они шились из кожи или из холста (Доде, 2001, с. 19).

Рассмотренный костюм (за исключением головного убора) похож на изображение на Салехардском блюде. Но на последнем кафтан двубортный, с правым запахом, но в остальном крой аналогичный: узкие рукава, перчатка на правой руке (на рисунке на накладке – на левой). Правый запах для костюма кочевника редкость, что может быть объяснено восточным влиянием (Яценко, 2000, с. 360-361).

Пояс. Кафтан в двух случаях перехвачен на талии узким кожаным ремнем с накладками (тесмяной или матерчатый ремень вряд ли мог быть украшен металлическими деталями). На одном рисунке показан матерчатый пояс, свернутый в несколько раз в узкий жгут из той же ткани, что и верхняя одежда.

Обувь. На ногах – остроносые кожаные сапоги с мягкой подошвой без подметок и каблуков; на голенище сбоку показана волнообразная линия (рис. 5-2-5). Остроносые сапожки, сшитые из одного куска кожи, встречены в могильнике Мощевая Балка VIII–IX вв. (Иерусалимская, 2012, с. 232–233). Голенище сапога высокое, и доходило до колена или даже закрывало колено. Сапоги такого кроя известны в археологических материалах из Нижнего Архыза и Мощевой Балки, а также в Хасаутском скальном могильнике VII - XI вв. (Доде, 1994, с. 42, рис. 3; 2001, с.15). Техника изготовления подобных сапог достаточно подробно описана в литературе (Литвинский, 1995, с. 83-84). Такие сапоги шились по сложной схеме, при этом верх сапога обшивался шелковой тканью. Не исключено, что сапоги были окрашены в красный цвет (Яценко, 2006, с. 336).

Интересно изображение (рис. 5-1) где на обуви четко очерченная линия отделяет ступню от голени в районе щиколотки. Вполне возможно, что здесь мы имеем дело с кожаными чувяками с раструбообразным верхом и мягкой подошвой, а в комплекте с ними - полотняные чулки (Доде, 2001, с.15; Иерусалимская, 2012, с. 211, 230, ил. 128; 137). У последних показан прямой вертикальный шов, возможно изображение вставного клина при крое чулка. Впрочем, это не исключает и другую интерпретацию (см.: реконструкция З.В. Доде: 2001, с. 106, ил. 2). В более ранних материалах зафиксированы случаи украшения голенищ сапог расшивкой бисером.

Вооружение. Из предметов вооружения изображались сабля и колчан. У рукояти

сабли - грибовидный набалдашник; от клинка ее отделяет ладьевидная крестовина с круглыми окончаниями (рис. 3-2). Клинок слабоизогнутый однолезвийный, что характерно для сабель «хазарского» или «венгерского» типов VIII–IX вв. известных из археологических раскопок. Длина клинка у них чаще всего была 70-75 см, при общей длине 80 см.; ширина клинка у рукояти около 3 см; острие изогнутое, что в целом характерно для клинкового оружия (Генинг, Халиков, 1964, с. 50). Рукоять сабли имела длину чуть больше 13 см. Почти идентичный аналог имеется в погребениях-22 и 28 Больше-Тиганского могильника, а также в погребении 52 могильника Мыдлань Шай в Удмуртии, которое по инвентарю может быть датировано IX в. (Генинг, 1962, с. 29, табл. XIII-5; Chalikova-Chalikov 1981, s. 116, 121, taf. XVIII-8; XXIII-22). Крестовина сабли с круглыми окончаниями встречена на саблях из трупосожжений IX в. могильника Дюрсо, а также из Больше-Тиганского могильника в погребениях-6, 8, 9, 12, 28, 33 (Дмитриев, 2003, с. 257, табл. 90 -29, 33, 47; Chalikova, Chalikov, 1981, s.103, 105, 106, 108, 121, 124, taf. V-21; VII-20; VIII-7; X-28; XXIII-22; XXVI-11).

Рукоять на изображении, так и на оригинальных саблях отклонена от основной оси на 6-80, при этом навершия были разными: так на саблях из могильника Мыдлань-Шай оно было железным в виде цилиндра (трубки), как и на саблях из захоронений Больше-Тарханского могильника (Генинг, Халиков, 1964, с. 50). Грибовидные набалдашники как на пластине с «сокольниковым» встречаются у палашей в салтовских могильниках второй половины VIII – IX в. (Кочевники 2012, с. 210, кат. №567). Аналогичное оформление имеется у сабель «венгерского типа» в Паннонии и Балканах начала X в. (The ancient, 1996, p. 80, №6. Iotov, 2008, p. 330,331, fig. 2; 3–8). Навершия из мадьярских захоронений по внешнему виду не совсем грибовидные, а скорее усеченноконические или почти цилиндрические с закругленным торцом (The ancient, 1996, p. 87, №10). Встречаются в ряде случаев не цельные навершия, а обкладки рукояти из серебряных декорированных пластин и орнаментированные серебряные головки-набалдашники с небольшим расширением в верхней части с боковыми выступами (The ancient, 1996, p. 106-107, №41-44).

Ножны с арочными скобами-петлями и наконечником с грибовидным (как у рукояти) завершением и верхней частью, с вырезом в

виде «ласточкина хвоста». Практически такие ножны имеются в уже упоминаемых погребениях-22 и 28 Больше-Тиганского могильника. Ножны изготавливались из дерева, а ремни портупей крепились к ним с помощью двух дуговидных скоб, расстояние между которыми было около 30 см. Причем, если по археологическим данным в Прикамье, на Средней Волге и в Подонье скобы на ножнах сабель не имели декоративных орнаментированных щитков, то на ножнах мадьярских сабель они присутствуют.

Колчан изображенный на утемильском блюде (рис.5-6) практически идентичен по внешнему виду, и, очевидно, по конструкции колчанам из раскопок кочевнических могильников VIII–IX в. евразийских степей, а также могильников болгар на Волге второй половины VIII – начала IX в., например, Больше-Тарханского.

Таким образом, мужской всаднический венгерский костюм IX в. представлен распашным двухбортным кафтаном с длинным подолом, закрывающим ноги всадника до колен и с левым запахом. Ткань для его изготовления использовалась разная: плотная практически без складок, прошитая или стеганая, узорчатая плотно облегающая тело. Не исключено что в последнем случае кафтан был обшит шелком. Кафтан украшался шелковой каймой по подолу и на рукавах, что подтверждается археологическими материалами (Иерусалимская, 2012, с. 215). Всадник подпоясывался кожаным поясом, украшенным металлическими накладками прямоугольной или квадратной формы. Он был обут в сапоги сложного кроя с мягкой подошвой без каблуков с высоким голенищем. На голове - невысокая шапочка с округлым верхом, сшитая из меховых шкурок и ткани или матерчатая (войлочная) шапочка с полукруглым верхом и завернутыми вверх полями. Из вооружения - сабля или колчан. Из конского снаряжения - уздечка с псалиями, седло со стременами, ремни украшены накладками и декоративными подвесками круглой или сердцевидной формы. Что касается времени бытования такого костюма, то его можно отнести ко второй половине IX – началу – первой трети X в. периоду совершения захоронений на Больше-Тиганском могильнике в Татарстане (Казаков, 1992, с. 76, 77), археологические материалы которого находят соответствия в изображениях всадников на изделиях урало-венгерского центра художественного металла.

ЛИТЕРАТУРА

- Артамонов М.И.* История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 523 с.
- Банк В.А.* Прикладное искусство Византии IX–XII вв. Очерки. М.: Наука. Гл. ред. восточн. лит-ры, 1978. 202 с.
- Богачев А.В., Французов Д.А.* Костюм праболгар Среднего Поволжья: конец VII – начало X в. Самара: СГТУ, 2012. 350 с.
- Второй Международный Мадьярский симпозиум (Челябинск, Щадринск, 13–15 августа, 2013 г.): сб. науч. тр. / отв. ред. С. Г. Богалов, Н. О. Иванова. Челябинск: Рифей, 2013. 256 с.
- Генинг В.Ф.* Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай / Вопросы археологии Урала Вып. 3. / Труды Удмуртской археологической экспедиции. Т. 1. Свердловск: Уральский государственных университет, 1962. 139с.
- Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.: Наука, 1964. 201 с.
- Дмитриев А.В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука, 2003. С. 200–206. Серия «Археология». Том 18(20).
- Доде З.В.* Костюмы персонажей Кяфарской гробницы // Аланская гробница XI века. - Ставрополь: Ставропольский гос. объедин. Краевед. музей им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Пправе, 1994. С.36-50.
- Доде З.В.* Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. М.: Вост. лит-ра, 2001. 136 с.
- Иерусалимская А.А.* Мошевая Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2012. 384 с.
- Кочевники Евразии на пути к Империи. Из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб: Славия, 2012. 272 с.
- Казаков Е.П.* Культура ранней Волжской Болгарии. М.: Наука, 1992. 335 с.
- Литвинский Б.А.* Горное дело и ремесло // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм / ред. Б.А. Литвинский. М.: Вост. лит-ра, 1995. С.7–90.
- Лифанов Н.А.* Рец.: Богачев А.В., Французов Д.А. Костюм праболгар Среднего Поволжья: конец VII–начало X в. (Самара: СГТУ, 2012. 350 С.) // ПА. 2014. №2(8). С. 261–283.
- Мажитов Н.А.* Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука, 1981. 162 с.
- Маршак Б.И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной тюревтике. М.: Наука, 1971. 156 с.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье (Дмитриевский археологический комплекс). М.: Наука, 1989. 288 с.
- Поп И.И.* От первобытной общины к государству // Краткая история Чехословакии / ред. А.Х. Клеванский, В.В. Марьина, И.И. Поп. М.: Наука, 1988. С. 5–38.
- Руденко К.А.* Некоторые вопросы исторической реконструкции средневекового костюма Волжской Булгарии на основе археологических материалов и ее представление в музейной экспозиции // Пензенский археологический сборник. Вып. 3 / Под ред. Г. Н. Белорыбкина. Пенза: ПИРО, 2010. С. 315–340.
- Руденко К.А.* Редкие находки эпохи хазарского каганата (заметки о хазарско-венгерском искусстве) // Теория и практика археологических исследований. 2016. №3 (15). С. 63–82.
- Руденко К.А.* Великая Венгрия и Леведия: венгры в Хазарии // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки / Науч.ред. А. И. Торгоев, И. Р. Ахмедов М.: Изд. дом Марджани, 2016а. С. 334–338.
- Смирнов Я.И.* Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Издание Имп. Археологической Комиссии ко дню 50-летия ее деятельности. СПб: Типография В. Киршбаума, [2-го февраля] 1909. 18 с., 130 табл.
- Сокровища Приобья. Западная Сибирь на торговых путях средневековья. Каталог выставки / Под ред. Н.В. Федоровой. Салехард-СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. 96 с.
- Тишкин А.А., Горбунова Т.Г.* Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья: Учеб.-метод. пособие. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. 126 с.
- Тревер К.В., Луконин В.Г.* Сасанидское серебро. Собрание Государственного Эрмитажа. Художественная культура Ирана III – VIII веков. М.: Искусство, 1987. 157 с.
- Флерова В.Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.: Мосты культуры/Гершаим, 2001. 160 с.

Фракийское золото из Болгарии. Ожившие легенды. Каталог выставки. М.: Кучково поле, 2013. 360 с.

Яценко С.А. Костюм // Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. Архитектура. Искусство. Костюм / Под ред. Б.А. Литвинского. М.: Восточная литература, 2000. С.296–384.

Яценко С.А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Восточная литература, 2006. 664 с.

Bayet Ch. 2009. Byzantine Art. N-Y.: Parkstone Press International.

Dekan J. 1976. Velká Morava. Doba a umenie. Bratislava: Tatran.

Chalikowa E. A., Chalikow A. H. 1981. Altungarn an der Kama und im Ural (Das Gräberfeld von Bolschie Tigani). Zum ehrenvollen andenken an Elena Alexandrwna Chalikowa. Der unermüdlichen forscherin der urungarn: Régészeti füzetek ser. II. No. 21. Magyar Nemzeti Muzeum.

Iotov V. 2008. A note on the “hungarian sabers” of Medieval Bulgaria. In: Other Europe in the Middle Ages. In Curta F., Kovalev R. (eds.). *Avars, Bulgars, Khazars and Cumans*. Leiden – Boston: Brill, 327–338. (East Central and Eastern Europe in the Middle Ages, 450–1450. Vol. 2).

Lászlo. 1988. Gyula Arpad nepe. Budapest.

The ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. 1996. Istvan Fodor ed. Budapest: Hungarian National museum.

The glory of the Silk Road Art from Ancient China. 2003. Li Jian ed.. Dayton: Art institute.

Информация об авторе:

Руденко Константин Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский государственный институт культуры (г. Казань, Россия); murziha@mail.ru

EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF HUNGARIAN MEN'S CEREMONIAL COSTUME AND HORSE HARNESS OF THE GREAT HUNGARY PERIOD (ON THE BASIS OF FINE ARTS AND ARCHEOLOGICAL SOURCES)

K.A. Rudenko

The article is dedicated to the reconstruction of a medieval Hungarian men's costume on the basis of a comprehensive analysis of graphic materials and archaeological data. This fills the gap in the study of the early medieval Hungarian costume of the “Great Hungary” period, as it has primarily focused on women's clothing and jewelry. The source of reconstruction materials were steel products from the Ural-Hungarian Center of Artistic Metal featuring the image of a rider with a bird of prey - the so-called “falconer” (Fig. 3-2; 4; 5-6). The author is convinced that despite the fact that this plot is widely spread, the images of a hunter with a falcon or eagle is most characteristic of the 9th century and associated with the East-European steppes. The drawings on the products of the Urolo-Hungarian Center and the data obtained from the excavations of the 9th and early 10th century burial grounds in Tatarstan and Bashkortostan suggest that men's ceremonial Hungarian costume (outerwear) included a long caftan, a waist belt, boots, and headwear. The headwear was a low cap with a round top sewn from fur skins and fabrics, or a cloth (felt) cap with a semicircular top and rolled up flaps. The kaftan was double-breasted and decorated with a silk lining along the hem and sleeves. The boots feature a complex design pattern with a soft sole, no heels and high top (Fig.5). The weapons included a saber or quiver. The horse harness consisted of a bridle with psalia, a saddle with stirrups, belts decorated with overlays and round or heart-shaped decorative pendants.

Keywords: archaeology, Great Hungary, Great Moravia, Khazars, Urals, Volga, medieval art.

About the Author:

Rudenko Konstantin A. Doctor of Historical Sciences. Professor, Kazan State Institute of Culture. Orenburgsky Trakt St., 3, Kazan, 420059, Russian Federation; murziha@mail.ru

Рис. 1. Реконструкция мужского (1,2) и женского (3,4) костюма по раскопкам Больше-Тиганского могильника. 1 - погр. 37; 2- погр.28; 3- погр.20; 4- погр.30 (по: Chalikowa, Chalikow, 1981, s. 32, 40, 41, 44, abb., 20, 30,32,34).

Рис. 2. Реконструкция женского костюма по раскопкам Больше-Тиганского могильника. 1- погр. 7; 2- погр. 17; 3- погр. 7 (деталь); 4 - погр.19; 5 - погр. 27; 6 - погр. 29 (по: Chalikowa, Chalikow, 1981, s. 19, 29, 31, 37, abb., 7,8, 22, 24, 33).

Рис. 3. Украшения с изображением «сокольничего». 1- серебряный медальон Старое Место, Великая Моравия, 2-я пол. IX в. (по: Декан, 1976, ил. 131); 2- серебряная накладка, Урало-венгерский центр. IX в. Собрание Фонда Ш. Марджани (ФМ, инв. №Им/м-397).

Рис.4. Серебряное блюдо с изображением сокольничего. Урало-венгерский центр. IX в. МВК им. И.С. Шемановского ЯНАО. (по: Сокровища, 2003, с. 53, 57, кат.19).

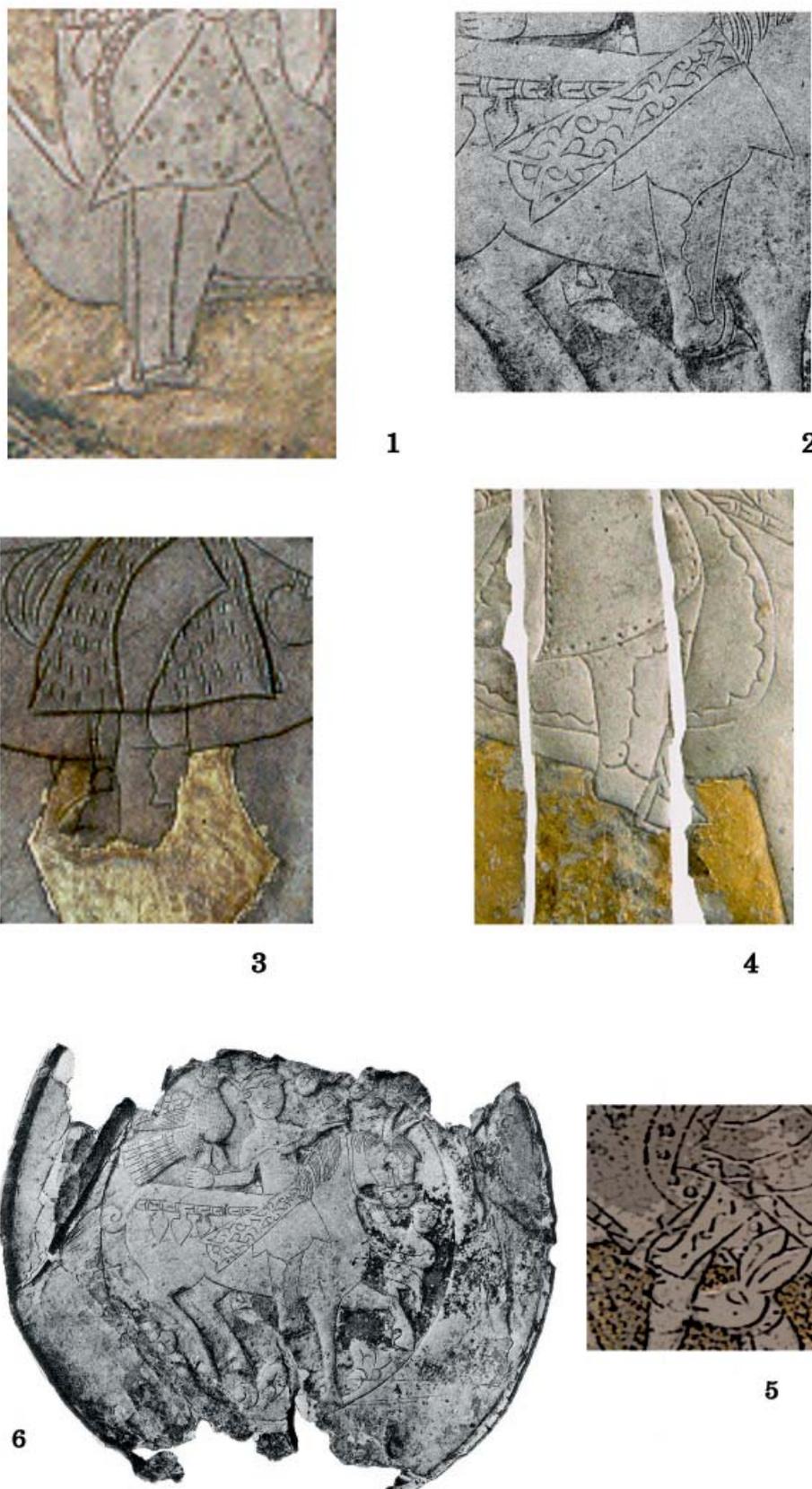

Рис.5. Изображение сапог всадников на изделиях Урало-венгерского центра. 1,4,5 блюда из собрания МВК им. И.С. Шемановского ЯНАО; 2,3,6 - собрание ГЭ. 6 (фрагмент: 2) - (по: Смирнов, 1909, табл. LXXXVII, №157); 5 - собрание ФМ; 1,3,4 (по: Сокровища, 2003, с. 53, 56, 57, кат. 19,21,22).

1

2

Рис.6. 1 - Костяная пластина с изображением триумфа императора (фрагмент). Начало VI в. (Bayet, 2009, p. 57);
2 - глиняная скульптура эпохи Тан. Начало VIII в. н.э. (по: The glory, 2003, p. 177).

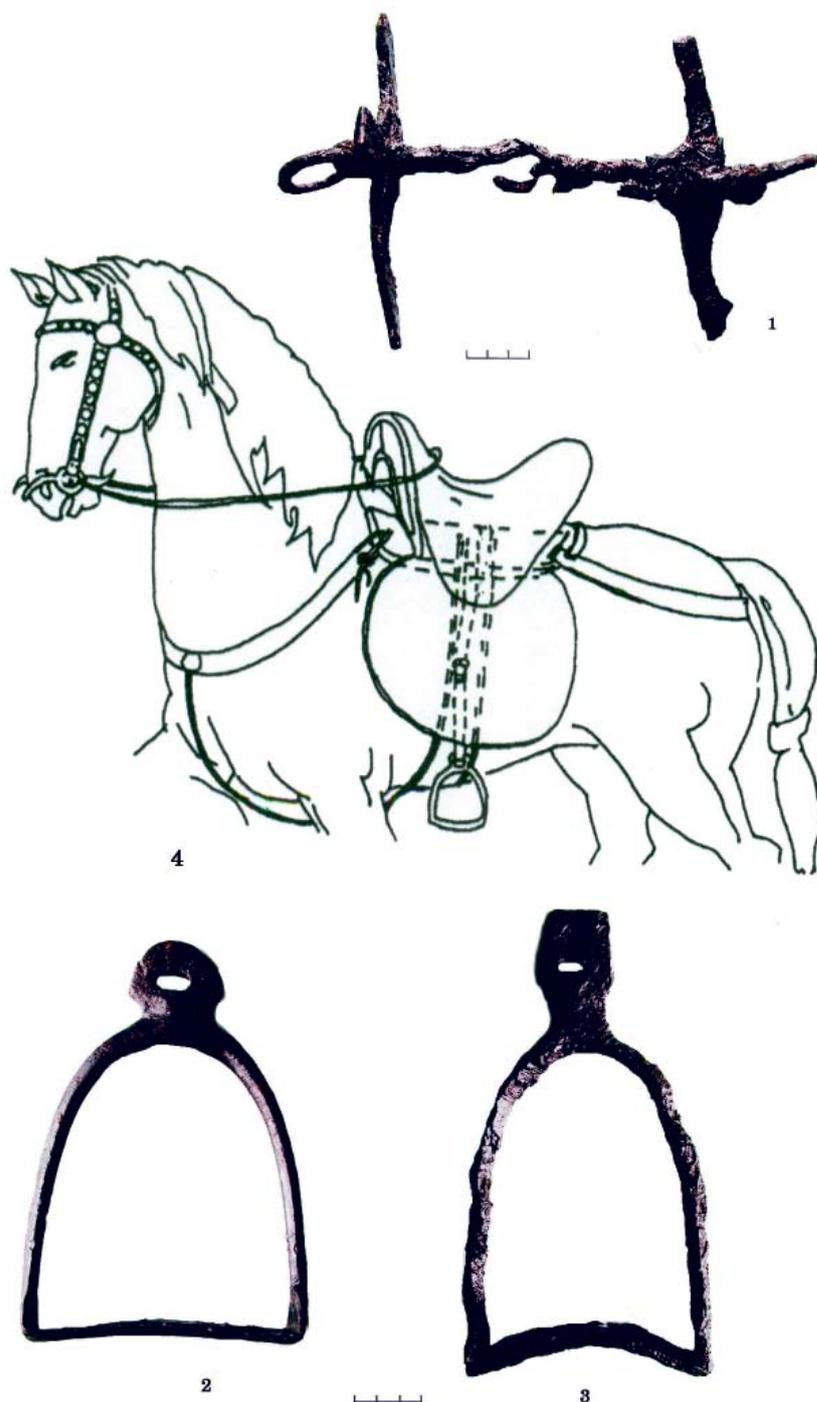

Рис. 7. Удила (1) и стремена (2,3) из Больше-Тарханского могильника. IX в. Собрание НМ РТ, инв. №№ 14225; 12225. 4 - реконструкция конского снаряжения (по: Lászlo, 1988, s. 100, кер. 108).

УДК 903.24

ЗНАКОВЫЙ ФАКТОР ГОЛОВНЫХ И УШНЫХ УКРАШЕНИЙ В АНДРОНОВСКОМ КОСТЮМЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ¹

© 2019 г. Э. Р. Усманова, В. К. Мерц

Желобчатые подвески в 1,5 оборота из андроновских погребений урало-казахстанской степной зоны использовались в качестве головных украшений. Реконструируются позиции их расположения на головном уборе. Ушные комплекты, основу композиции которых составляют подвески в 1,5 оборота, известны в погребениях восточной провинции распространения памятников андроновско-федоровского культурного облика: могильники Фирсово XIV, Рублево VIII (равнинный Алтай), Кенжеколь I (Павлодарское Прииртышье). Существует разница между алакульским и федоровским вариантами элементов женского костюма в оформлении подвесками. В алакульском головном уборе отсутствовали ушные гарнитуры. В федоровском варианте желобчатые подвески в 1,5 оборота закреплялись в продырявленные отверстия ушной раковины при помощи кожаного шнура, проткнутого сквозь них, фиксируясь лапчатыми подвесками или пронизьями. Такой ушной гарнитур мог быть самостоятельным головным украшением или крепиться к головному убору. Ушные аксессуары свидетельствуют о наличии пирсинга как украшения тела в культурах степных сообществ эпохи бронзы, который определялся его религиозно-магическим значением.

Ключевые слова: желобчатая подвеска в 1,5 оборота, ушной комплект, пирсинг, алакульский и федоровский головной убор, накосник, декор головной убора.

Головной убор в андроновском женском костюме. Являлся самым выразительным и насыщенным элементом андроновского женского костюма, который основательно фиксировался, пусть даже в «руинированном» виде в погребениях андроновской культурной традиции II тыс. до н. э. урало-казахстанской зоны. Дизайн его декоративных деталей, очевидно, имел символическое значение, который подчинялся знаковой демонстрации культа плодородия, и связанного с ним женской фертильностью.

Реставрация фрагментов текстиля, металлических деталей, найденных в погребениях могильника Лисаковский, а также определение растительного красителя (корни Марены красильной, лат. *Rubia tinctorum*) позволили восстановить головной убор в виде шерстяной шапочки, сшитой из плетеной тесьмы красного цвета (Усманова, 2010, с. 34; Орфинская, Голиков, 2010, с. 114–118). К шапочке (возможен и вариант налобной повязки) в районе затылка крепилось подвесное накосное украшение, которое собиралось из бусин, подвесок из металла и природных форм. Известно два типа накосных украшений: I тип – простой; II – сложносоставной (Усманова, 2010, с. 58). Форма подвесок: растение – лист, ромб – женское начало. Красный цвет шерстяных нитей, из которых

плелась/вязалась тесьма шапочки и накосного украшения – это цвет крови (Там же, с. 79, 84).

По археологическим данным накосное украшение индексировало возрастные группы в андроновском сообществе. В захоронениях девочек до 10–12 лет отсутствовали украшения для кос. Они появлялись у девушек старшего возраста. Накосник становился знаком нового социального положения и присутствовал у захороненных женщин в возрасте до 20–25 лет, возможно, отражая смену женских социальных ролей: незамужняя – невеста – замужняя (Там же, с. 76, 77).

В народном костюме традиционно головной убор с накосником представляет самые главные моменты в женской жизни: невеста, замужество, рождение детей. Основной жизненный цикл женщины присущий всем народам и культурам. Вселенский первообраз, связанный с главным предназначением женщины во все времена – это рождение детей. Магическая функция его – это оберегать, защищать женщину. Волосы – это ассоциация с растительностью и плодородием, с женской фертильной силой (Гаген-Торн, 1933, с. 76 – 88).

Подвеска в 1,5 оборота – универсалия декора женского костюма. Из других подвесных деталей к андроновскому головному убору особо выделяются желобчатые

¹ Работа выполнена в рамках грантового проекта Министерства образования и науки Республики Казахстан АР05133498 «Ранний бронзовый век Верхнего Прииртышья».

биметаллические подвески в 1,5 оборота (есть единичный вариант в 2 оборота). Распространены два типа округлой и вытянутой формы, в металлическом исполнении – бронза, плакированная/не плакированная золотой или серебряной пластиной. Такая подвеска является, чуть ли не самой универсальной распространенной деталью в ювелирном декоре костюма евразийских сообществ эпохи бронзы от Трансильвании до Минусинской котловины (Аванесова, 1991, с. 53, 54).

По всей видимости, ее форма и образ начали оформляться еще во времена первых цивилизаций. Здесь уместно упомянуть огромные золотые серьги в форме полумесяца, которые были либо, собственно, серьгами, либо частью головного убора шумерской царицы-жрицы Пуаби. Головные украшения в виде золотой диадемы с подвесками и золотых лент по бокам явно надевались на некую объемную конструкцию (парик) или же на головной убор. Поскольку ткани истлели, трудно установить совершенно точно были это серьги или подвески. Но многие исследователи, а также сам Вулли (руководитель раскопок) были уверены, что головной убор был париком, а серьги всегда стереотипно вдевают при реконструкциях в уши музейных манекенов (Царица Пуаби). Потому вполне вероятно, что серьги могли служить подвесками, закрученными в 2 оборота в головном уборе царицы Пуаби.

Вернемся к предмету нашего исследования, к декору андроновского головного убора. И конкретно к головным уборам алакульского и федоровского облика. Чаще всего, понятие «андоновская культура/общность» используется в широком смысле этого понятия по отношению к семье культур первой половины II тыс. до н. э. урало-казахстанских степей (Корочкова, 2004, с. 207). Потому в тексте употребляется общее понятие «андоновский головной убор». При этом, элементы костюмного ряда, впрочем, как другие оригинальные культурные показатели, различаются в облике федоровской и алакульской культур. И, безусловно, этот акцент, прежде всего, заметен в оформлении головного убора.

Алакульский головной убор имеет сложносоставные подвесные украшения в виде накового и челюстно-лицевого украшения. Это его главная отличительная черта. Федоровский головной убор минималистичен в деталях, сложносоставные наковые и лицевые подвески отсутствуют. Накосные украшения имели вид косоплеток с единичными

листовидными подвесками (Усманова, 2010, с. 58 – 60).

Однако, именно присутствие желобчатой подвески в 1,5 оборота в декоре головного убора диктует общий стиль андроновского головного убора. При этом согласно принятым культурным стереотипам подвеска украшает по разным позициям алакульский и федоровский головные уборы.

Алакульский головной убор. По археологическим данным алакульских погребений казахстанской степной зоны (см. подробно: Усманова, 2010, с. 68–70, табл. 1) желобчатая подвеска в 1,5 оборота, условно обозначим далее по тексту «подвеска 1,5», по всей видимости, крепилась к головному убору в следующих позициях:

- по длине окружности основания головного убора, мог. Лисаковский ИБ, ограда 4;
- в виде отдельной связки из подвесок в районе висков или на наушниках шапочки как своеобразная «оторочка», мог. Лисаковский IA, курган 1 (рис. 1);
- низание подвесок на височное, трубчатое кольцо, прикрепленное к головному убору, мог. Балыкты, ограда 14 (рис. 2)

Подвешивание, крепление осуществлялась при помощи плотно скрученного в спираль шнура из шерстяных нитей красного цвета, который, скорее всего, был пружинистым, и создавал при ношении иллюзию легкого колебания украшений на головном уборе. Следует отметить и количественную сторону подвесок. В синташтинско-петровском вариантах культуры, на раннем этапе развития стиля алакульского головного убора крепилось по одной или по две подвеске у каждого виска (мог. Бестамак, ямы 8, 10). Затем в декоре становится заметным количественное увеличение подвесок: с каждой стороны головного убора у виска крепилось по 2, 3, 4, 5 штук (мог. Балыкты, ограда 14; мог. Джангильды, яма 30; мог. Лисаковский I, курган; мог. Майтан, ограда 23). В алакульском головном уборе накосные украшения могли сочетаться с головными украшениями подвесками в 1,5 оборота.

Подвеска в 1,5 оборота в композиции ушного гарнитура. Совершенно по иному «звучит» в декоре костюма федоровского культурного облика (восточно-андоновский вариант) «подвеска 1,5». Она – «спутница» и главная деталь ушного гарнитура, который мог быть самостоятельным ушным украшением или крепиться к головному убору при помощи верхнего конца шнура. В качестве состав-

ляющей аксессуара федоровского костюма «подвеска 1,5» имеет территориально-избранный характер, и скорее всего, является этнокультурным показателем. Она присутствует в погребениях восточно-андроновской зоны: равнинный Алтай, Верхнее Приобье. Например, в погребениях могильника Фирсово XIV найдено 65 экз. биметаллических желобчатых подвесок в 1,5 оборота, могильника Рублево III – 24 экз., могильника Кытманово – 35 экз. (Грушин и др., 2009, с. 64). Как правило, при сохранности основных деталей погребения (рис. 3), подвески располагались дугообразно на височных костях черепа, как бы повторяя форму ушной раковины (Кирюшин, Папин, Позднякова, Шамшин, 2004, рис. 2 – 1, 2).

Благодаря уникальной по сохранности находке из погребения могильника Фирсово XIV (Позднякова, 2000, с. 50, рис. 2) в виде мумифицированного уха с закрепленными на нем подвесками, реконструируется общий вид ушного гарнитура (рис. 4). Подвески в количестве пяти штук (возможно, это постоянный количественный показатель) крепились по ушной раковине, сквозь них был проташен кожаный шнур, обмотанный нитками, который фиксировался в верхней части конусообразным навершием (мог. Рублево VIII, Кенжеколь I), внизу – бугорчатой лапчатой привеской/ ребристой пронизью (мог. Фирсово XIV). Иногда ушной гарнитур сочетался в комплекте с трубчатым височным кольцом (мог. Рублево VIII, Кенжеколь I) (рис. 5, б). Биметаллические детали, выполненные из бронзовой пластины покрытой золотой пластиной, оформляли подвески в 1,5 оборота в единую ювелирную композицию на ушной раковине, которая, скорее всего, в некоторых случаях имела отношение к головному убору. При этом, наконечники украшения могли отсутствовать или они археологически не фиксировались.

Следует отметить, что разрозненные детали подобного ушного комплекта (конусовидное навершие, ребристая пронизь) известны в федоровских погребениях Северного и Центрального Казахстана: могильники Алыпкаш, Мурзашоки (Усманова, 2010, с. 65). Желобчатые подвески в 1,5 оборота в федоровских погребениях Южного Зауралья, весьма редки, а иные детали ушного комплекта пока неизвестны (см.: Стефанов, Корочкова, 2006). Возможно, есть основание отнести происхождение ушного ювелирного комплек-

та к восточной зоне распространения Андрона.

Таким образом, отмечается принципиальная разница между алакульским и федоровским способом ношения «подвески 1,5» в качестве головного украшения: алакульский – крепление по разным позициям на поле головного убора (есть варианты совмещения с наконечным украшением); федоровский – крепление на ушной раковине с возможной фиксацией к головному убору (вероятно без наконечных украшений). Можно сказать, что федоровские «дизайнеры» оформили собственное стилевое направление в использовании желобчатой подвески в 1,5 оборота в облике своего костюма. По всей видимости, именно наличие ушного комплекта подчеркивало принципиальное отличие федоровского женского костюма (восточный вариант Андрона равнинного Алтая, Павлодарского Прииртышья) от алакульского и федоровского (вариант Андрона урало-казахстанских степей). В этом заключалась сущность ювелирного ушного аксессуара как культурно-территориального отличительного знака в женском костюме.

Андроновский (федоровский) ушной гарнитур – явление первобытного пирсинга. В культуре андроновского общества проявилось такое древнее явление как пирсинг (от английского piercing – «прокол»). Под ним подразумевается прокалывание ушей, бровей, языка и других частей тела серьгами и всякого рода предметами. Подвески продевались в ухо по краю ушной раковины на равном расстоянии. Для ношения такого гарнитура вся ушная раковина в буквальном смысле этого слова дырявилась. По мнению исследователей, операция по продеванию подвесок проводилась еще при жизни носителя (Позднякова, 2000, с. 47). Ширина самой узкой части подвески в 1,5 оборота составляет около 40 – 50 мм, значит, и отверстие в ушной раковине было примерно такого размера.

Самобытное искусство пирсинга известно у многих традиционных народов Азии и Африки, Северной и Южной Америки, которые с неистовостью «дырявили» и продолжают «дырявить» свое тело во имя определенных целей, и, конечно же, с благими намерениями. «Дырявить» свое тело стало и современным модным явлением. Своеобразным способом выделения из толпы. Хотя в этом, может быть и есть некий зов архаики культуры человеческого тела.

Так же как и одежда пирсинг повторяет знаковые функции костюма: знак социального, полового и возрастного статуса, культурно-территориальной принадлежности, и конечно сакральная функция, без которой в традиционной культуре никуда не деться. Духовные аспекты появления пирсинга связаны с очищением тела, защитой от демонических сил, сглаза и так далее. Ведь пирсинг, его материальное ювелирное воплощение призваны защищать основные видимые отверстия на теле (Ращ, 2011, с. 67, 68, 73). Есть у него своя «дырявая» тысячелетняя магия оберега.

Корреляция археологических данных могильника Фирсово VIII с возрастом и полом умершей женщины позволяет говорить о том, что подобный головной ушной комплект носили женщины в возрасте от 20–25 лет до 55–60 лет, исключая интервал от 40 до 56 лет. Скорее всего, он символизировал особый статус взрослой женщины, не исключено, что это мог жреческий статус (Позднякова, 2000, с. 51, 52). Также стоит задуматься над такими вопросами: как проводилась сама операция прокола ушной раковины, каким инструментом, какие были риски для здоровья, и как осуществлялось дезинфекция ран, кто осуществлял эти операции, и как появилась идея-образ такого ушного украшения? То есть, в андроновском пирсинге кроме культурно-магической составляющей, присутствует еще и медицинская и профессиональная составляющие. И конечно, ответы на эти вопросы, в какой-то степени, следует искать в технике пирсинга культур традиционных народов.

По археологическим данным в андроновских погребениях детей и подростков «подвески 1,5» неизвестны. Есть единичные случаи, когда они были найдены в мужских погребениях. Например, в погребении могильника Лисаковский V (курган 1) две бронзовые «подвески 1,5» находились в районе живота погребенного мужчины, что в данном случае, возможно, указывает на их функцию даропринесения, а не костюмную. Универсальность подвески, возможно, связана, с ее образом, который напоминает закрученные рога барана. И в этом контексте можно привести множественные примеры символики и значения бараньих рогов в мировых традиционных культурах как оберега и магического элемента: от рогов, которые украшают и оберегают дом до головных уборов с имитацией рогов (см. подробнее: Усманова, 2010, с. 85). Фарн – это понятие магической силы, связанное с сакрализацией барана, проявлением его культа и значением его как оберега (Байпаков, 1980, с. 43–45). Одним словом андроновский «фарн» проявился именно в украшении головы, как части тела, где сосредотачиваются важные жизненные энергии.

Андроновские ушные комплекты с использованием желобчатой подвески в 1,5 оборота как элементы украшения головы – это одно из ярких демонстраций происхождения пирсинга в первобытную эпоху, когда Солнце было богом, когда магическое свойство украшений было реальностью бытия, унося болезни и даря жизненную силу своему носителю.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесова Н. А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент: Изд-во «Фан», 1991. 200 с.
- Байпаков К. М. Культ барана у сырдарьинских племен // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / Отв. ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука КазССР, 1980. С. 32–46.
- Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // СЭ. 1933. № 5–6. С. 76–88.
- Грушин С.П., Патин Д.В., Позднякова О.А., Тюрина Е.А., Федорук А.С., Хаврин С.В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул: изд-во Алт. ун-та. 2009. 160 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Патин Д.В., Позднякова О.А., Шамишин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. / Под ред. Ю. Ф. Кирюшина. Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. С. 62–85.
- Кирюшин Ю. Ф., Позднякова О. А., Патин Д. В., Шамишин А. Б. Коллекция металлических украшений из погребений андроновского комплекса могильника Рублево–VIII // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. / Отв. ред. С. П. Грушин. Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. С. 33–44.
- Корочкова О. Н. К обсуждению термина «андроновская общность» // Проблемы первобытной археологии Евразии: (К 75-летию А.А. Формозова) / Ред. и сост. В. И. Гуляев и С. В. Кузьминых. М.: ИА РАН, 2004. С. 202–211.

Орфинская О.В., Голиков В.П. Экспериментальное исследование текстильных изделий из раскопок могильника Лисаковский II // Усманова Э. Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций / Приложение 1. Караганда – Лисаковск, 2010. С. 114–124

Позднякова О.А. Проблема интерпретации погребений женщин с головными уборами (по материалам андроновского комплекса могильника Фирсово-XIV) // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. Т. III. С. 47 – 53.

Раиш Э. Джон. История культуры татуировок, пирсинга, scarification, клеймения и вживления имплантов. СПб: ИГ «Весь», 2011. с. 192.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Урефты I: зауральский памятник в андроновском контексте. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 160 с.

Царица Пуаби. URL: https://pikabu.ru/story/tsaritsa_puabi_5346515 Дата обращения 26.06.2018

Информация об авторах:

Усманова Эмма Радиковна, ведущий научный сотрудник, Сарыаркинский археологический институт при Карагандинском государственном университете им. академика Е. А. Букетова, заповедник-музей «Улытау» (г. Караганда, Казахстан); emmadervish2004@mail.ru

Мерц Виктор Карлович, кандидат исторических наук, директор Центра археологических исследований, Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова (г. Паводар, Казахстан); v_merz@mail.ru

SYMBOLIC MEANING OF HEAD AND EAR ADORNMENTS IN BRONZE AGE ANDRONOVO COSTUME²

E.R. Usmanova, V.K. Merz

Grooved pendants of 1.5 turns discovered in Andronovo burials of the Ural-Kazakh steppe zone were used as head adornments. Their arrangement on headwear is reconstructed. The ear sets with their composition based on 1.5 turn pendants have been discovered in burials of the Eastern distribution area of Andronovo-Fedorovo cultural phenomena – Firsovo 14, Rublevo 8 (Altai plain), Kenzhekol 1 (Pavlodar Irtysh Region). The authors outline the difference between the Alakul and Fedorovo versions of women’s costume elements in terms of pendant decoration. Alakul headwear did not contain ear sets. The Fedorovo version features 1.5 turn grooved pendants secured in the punctured holes of ear auricles with a leather cord, pulled through the holes and fastened with footed pendants or beads. This ear set could be used as an independent head adornment or attached to headwear. Ear accessories indicate the presence of piercing as a means of body decoration in the cultures of the steppe communities of the Bronze Age, which was determined by its religious and magical significance.

Keywords: 1.5 turn grooved pendant, ear set, piercing, Alakul and Fedorovo headwear, plait decoration, headwear decoration

About the Authors:

Usmanova Emma R. Saryarka Archaeological Institute. Buketov Karaganda State University. Universitetskaya 28, Karaganda, 100028, Republic of Kazakhstan; emmadervish2004@mail.ru

Merz Viktor K. Director of the Archaeological Research Center, Pavlodar State University named after S. Toraiygyrova, Lomov, 64, 140008, Pavlodar, Republic of Kazakhstan; v_merz@mail.ru

² The work was conducted with the framework of a grant project of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan AP05133498 “Early Bronze Age in Upper Irtysh Region”.

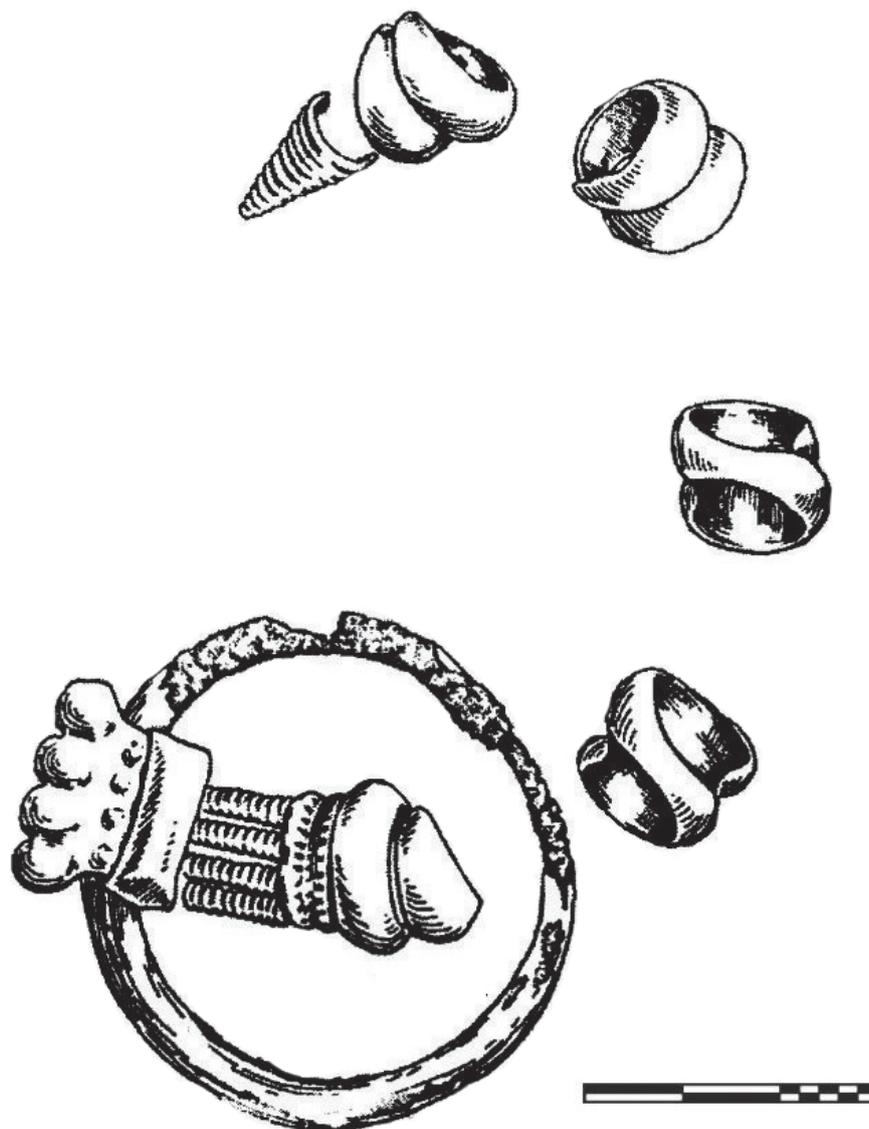

Рис. 1. Головной убор с накосным украшением и подвесками в 1,5 оборота. Могильник Лисаковский I, курган 1.
Реконструкция. Рисунок: И. В. Рудковский.

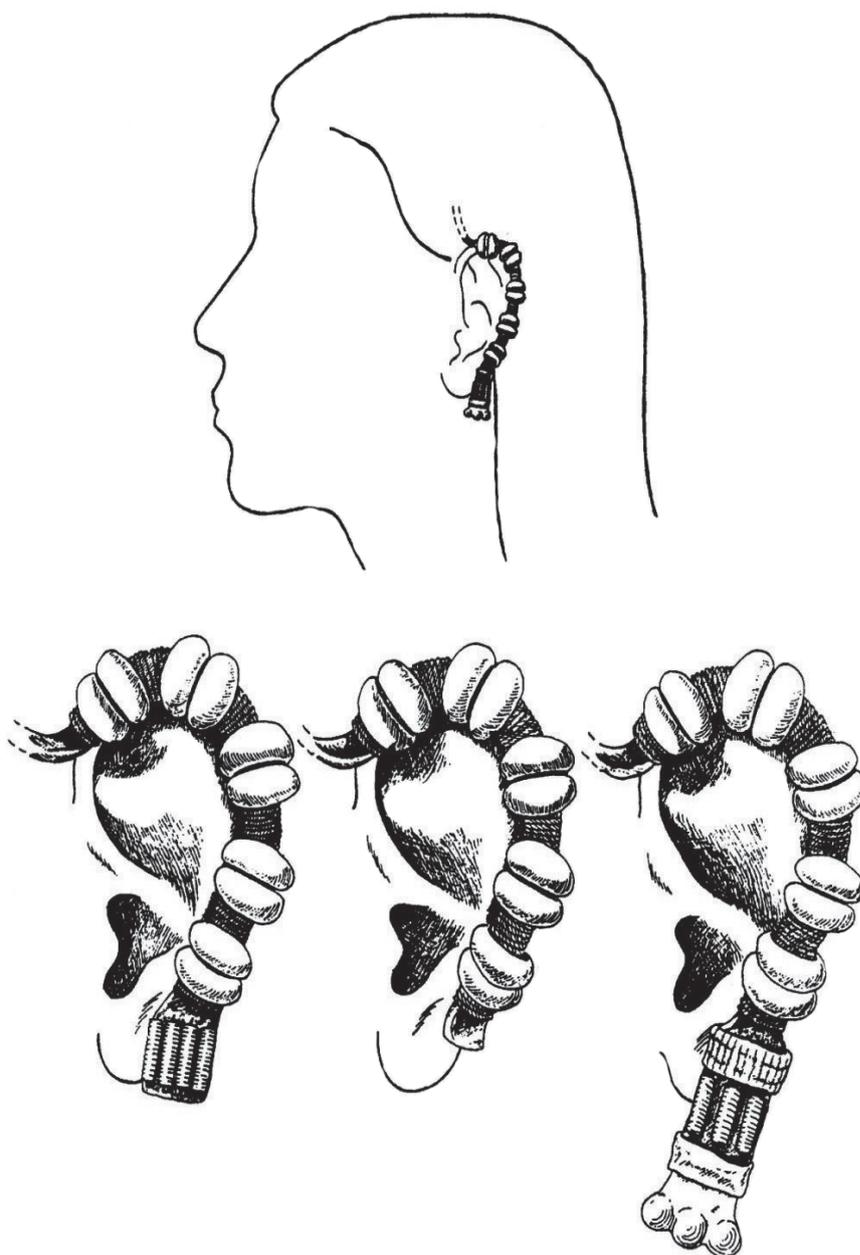

Рис. 2. Головной убор с лицевой подвеской, ушные серьги и подвески в 1,5 оборота. Могильник Балыкты, ограда 14. Реконструкция. Рисунок: И. В. Рудковский.

Рис. 3. Головное украшение: ушной комплект. Могильник Рублево VIII. По: Кирюшин, Позднякова, Папин, Шамшин, 2006, рис. 2.

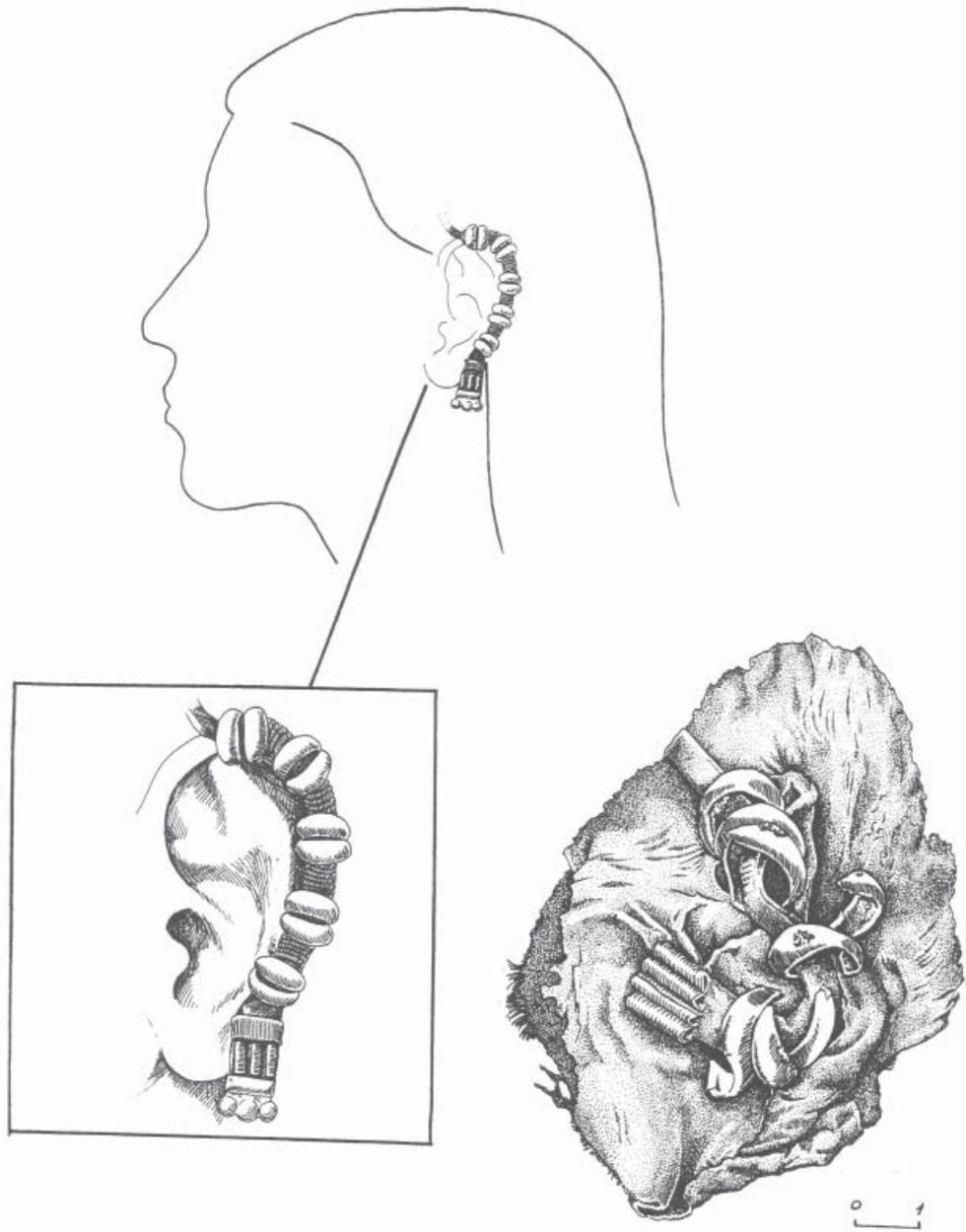

Рис. 4. Реконструкция способа ношения ушного комплекта. Могильник Фирсово XIV. По: Позднякова, 2000.

Рис. 5. Могильник Кенжеколь I. Расположение ушного гарнитура на черепе. Фото: В. К. Мерц.

Рис. 6. Могильник Кенжеколь I. Реконструкция ушного гарнитура. Автор и фото: В. К. Мерц.

УДК 902/904

К ВОПРОСУ О ТКАЧЕСТВЕ ТУНИК В ЕГИПТЕ В ПОЗДНЕАНТИЧНОЕ ВРЕМЯ: ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ТКАЦКОГО СТАНКА ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

© 2019 г. О.В. Орфинская, Е.Г. Толмачева

Вопросы реконструкции и изучения ремесел и технологий древности относятся в истории и археологии к числу наиболее дискуссионных. Исследования в области египетского археологического текстиля, несмотря на отмечающийся в последнее время рост количества и качества публикаций, все еще находятся в процессе своего становления; целый ряд фундаментальных проблем остаются нерешенными. К их числу относятся проблемы ткацких технологий, в частности, вопрос о ткацких станках, на которых был выработан массовый текстильный материал, в частности, туники. В связи с этим нам представляется актуальным попытаться проследить развитие некоторых аспектов текстильных технологий в позднеантичном Египте, рассмотреть особенности тканья египетских туник и попытаться представить возможный вариант реконструкции ткацкого станка на основе новейших археологических данных. В качестве рабочей гипотезы рассматривать изготовление туник на вертикальном станке с валами, появившемся на территории Египта в эпоху Нового царства, а в позднеантичное время приспособленного для ткачества туник. Ширина такого станка должна была быть довольно значительной и составлять не менее 280 см. При такой ширине за станком на участках тканья стана (до и после горловины) должно было работать 4 человека, поскольку средняя зона работы ткача составляла приблизительно 60 см. Появление античной туники на территории Египта не привело к повсеместному появлению на этой же территории вертикального ткацкого станка с грузиками. Новая форма, скорее всего, была переложена на адаптированный под нее ткацкий станок. Некоторые привнесенные технологические приемы, характерные для греческих и римских туник, легко вписались в уже достаточно хорошо развитую текстильную технологию Египта.

Ключевые слова: Позднеантичный Египет, текстильные технологии, история костюма, вертикальный ткацкий станок, вертикальный ткацкий станок с грузиками, туники, Фаюм, Дейр аль-Банат.

Вопросы реконструкции и изучения технологий древности относятся в истории и археологии к числу наиболее дискуссионных. Исследования в области египетского археологического текстиля, несмотря на отмечающийся в последнее время рост количества и качества публикаций, все еще находятся в процессе своего становления; целый ряд фундаментальных проблем остаются нерешенными. Одной из основных причин подобной ситуации является недостаточная изученность и фрагментарный характер письменных и археологических источников, сравнительно небольшое число комплексных публикаций памятников. Свою роль в сложившейся ситуации сыграли и некоторые особенности первых этапов археологического изучения эпохи поздней античности в Египте, проявившиеся в погоне за «сокровищами» и количеством находок, предназначенных для формирования европейских музейных коллекций, пренебрежении научными методами ведения археологических изысканий. В результате в многочисленных мировых музейных собраниях

представлено поистине огромное количество депаспортизированного текстильного материала: современные исследователи подчас не имеют представления не только об обстоятельствах находки, но и о месте происхождения вещи. Между тем, именно Египет в силу своих природно-климатических особенностей, способствующих удивительной степени сохранности органики, представляет уникальную возможность для изучения текстильных объектов.

Однако в отсутствии археологического контекста и при полном игнорировании массового материала позднеантичных некрополей в угоду поиску «шедевров», обладающих коммерческой и музейной ценностью, изучение т.н. коптских тканей (именно так некоторое время назад было принято называть текстиль позднеантичного времени, найденный на территории Египта) очень часто сводилось к анализу иконографических мотивов. Проблемы же ткацких технологий, в частности, вопрос о ткацких станках, на которых был выработан массовый текстиль

ный материал, пока остается открытым. В связи с этим нам представляется несомненно актуальным попытаться проследить развитие некоторых аспектов текстильных технологий в позднеантичном Египте, рассмотреть особенности ткачества египетских туник и попытаться представить возможный вариант реконструкции ткацкого станка на основе новейших археологических данных.

Ткацкий станок в Египте

К сожалению, в письменных источниках не содержится достаточно сведений позволяющих специалистам с уверенностью предположить тип ткацкого станка, который был распространен в Египте в позднеантичное время. Не сохранилось также достоверных изображений позднеантичного текстильного станка или отдельных его частей. Редкие археологические находки деревянных фрагментов не позволяют реконструировать форму и назначение станка¹. В этих условиях исследователям позднеантичных египетских текстильных технологий останется довольствоваться порой весьма умозрительными предположениями и интерпретациями исследователей² и сравнительно-историческими материалами.

Данные изобразительных источников свидетельствуют, что начиная с додинастического времени (конец IV тысячелетия до н.э.) на территории Египта для изготовления ткани применяли земляные горизонтальные ткацкие станки. Так, на росписях гробницы Хнумхотепа эпохи Среднего царства (ок. 2119—1794/93) в Бени-Хасане изображен простейший вариант горизонтального ткацкого станка, за которым работают две ткачихи. На станке натянуто полотно с четко прорисованной бахромой по боковой кромке³. В эпоху Нового царства (1550-1069 г. до н.э.) среди росписей гробниц фиванского некрополя (гробница Джутинефера (№104), Неферхетепа (№ 50), Неферренпета (№133)) появляются изображения вертикального станка с двумя валами⁴. По предположениям исследователей,

¹ Немногочисленные письменные и археологические свидетельства, позволяющие судить о вероятном типе ткацкого станка в эпоху поздней античности приводятся в публикациях Дж.П. Вайлда (Wild, 1970; Wild, 1987. P. 60-61).

² См. например: Carroll, 1988.

³ Варианты прорисовок данной композиции: Roth, 1913. Fig. 1-6.

⁴ Анализ изображений, варианты прорисовок см: Kemp, Vogelsang-Eastwood, 2001. P. 335-338, fig. 9.19-9.21. Реконструкция такого станка и технологические

именно такой тип станка стал доминирующим в Египте (Kemp, Vogelsang-Eastwood, 2001; Barber, 1991. P. 83-91).

В конце I тыс. до н.э. после завоевания Египта Александром Македонским и основания династии Птолемеев страна попадает в сферу влияния греческого мира, а, позднее, и римского. В современной научной литературе нередко обсуждаются вопросы соотношения локальных и привнесенных элементов в разных сферах жизнедеятельности египетского государства и общества, проблемы синтеза и/или заимствований. Нам представляется актуальным рассмотреть данную проблему в контексте развития текстильных технологий.

Одним из самых заметных признаков распространения влияния в Египте античного греческого и римского мира стало изменение формы и кроя наплечной одежды (Орфинская, 2017). Уже в первых веках новой эры, т.е. в римский период, на смену традиционным египетским туникам, у которых нить основы шла вертикально (т.е. нити основы в изделии располагались вдоль человеческого тела) приходят сотканые по форме туники, у которых в готовом виде нити основы шли горизонтально, а вертикально – нити утка (т.е. нити основы в изделии располагались поперек человеческого тела) (Pritchard, 2006. P. 45-46; Орфинская, Толмачева, 2017. С. 25). На северном побережье средиземного моря, откуда «пришла» на территорию Египта в античный период т.н. греко-римская туника, исторически преобладали вертикальные станки с грузиками⁵. Однако уже в римское время, начиная с I—II вв. н. э., как в самой Италии, так и в средиземноморских провинциях вертикальный ткацкий станок с двумя валами постепенно начинает сменять вертикальный станок с грузиками (Wild, 1970. P. 67—68; Walton Rogers, 2001, P. 160). Возникает вопрос: привело ли появление новой формы туники в Египте к появлению там же традиционного для данной одежды вертикального станка с грузиками? Или же, в русле общей тенденции развития текстильных технологий в регионе, в Египте продолжали использовать локальный вертикальный станок с двумя валами? Перемещаются ли технология и техника производства конкретных изделий вместе с ними, или на месте происходит копирование новых форм на традиционных для конкретной территории станках? Ответы на некоторые особенности тканья см: Kemp, Vogelsang-Eastwood, 2001. P. 307—426.

⁵ См. например: Barber, 1991. P. 92-112.

из поставленных вопросов предоставляют данные, полученные в ходе археологических исследований на некрополе Дейр аль-Банат (Фаюм, АРЕ).

Туники из погребений позднеантичного времени на памятнике Дейр аль-Банат (Фаюм, АРЕ).

Некрополь Дейр аль-Банат расположен в юго-восточной части Фаюмского оазиса⁶ (рис. 1). Название местности - «Дейр аль-Банат», в переводе с арабского буквально означает «девичий монастырь», однако до сих пор исследователи не ответили определённо ни на вопрос, когда именно появилось данное название (Krol, 2005. P. 214-215), ни определились, являлись ли расположенные на памятнике постройки из кирпича-сырца и в самом деле монастырем.

Центр египтологических исследований РАН проводит археологические раскопки в Дейр аль-Банате с 2003 года по настоящее время. За время проведения археологических работ было исследовано около 370 могил. Следует подчеркнуть, что определить четкие хронологические рамки существования некрополя довольно сложно в силу того факта, что около 2/3 составляющих его захоронений было разграблено (Белова, 2012. С. 8-9). Тем не менее, имеющиеся на настоящий момент данные позволяют утверждать, что данный некрополь функционировал с эллинистического по средневековый период (Белова, 2012. С. 8).

Одним из интереснейших с точки зрения разнообразия материала и значимости археологического текстильного комплекса является погребение 213, раскрытое в 2008 году в юго-восточном секторе квадрата F17 южного некрополя⁷. Тело взрослого мужчины, завернутого в несколько слоев погребальных пелен, располагалось на спине в вытянутом положении, головой на запад, руки вытянуты вдоль тела. В погребении был обнару-

жен следующий текстильный материал: пять туник (четыре шерстяных и одна льняная), льняная прямоугольная полоска ткани (полотенце (?), шаль (?)), две подушки — одна под головой, другая в ногах. Под подушкой в головах найдено некое снятое с ткацкого станка незавершенное изделие. Погребенный был обернут 12 тканями — льняными пеленами, расположенными в три слоя. Каждый слой фиксировался обвязкой, выполненной льняной лентой. Каркасная конструкция, на которой лежал погребенный, также была обернута двумя тканями (Орфинская, Толмачева, Белова, 2017. С.17-18).

Наибольший интерес для нашей темы представляют находки одежды. Все шерстяные туники сотканы и пошиты по одинаковой схеме: длина изделия в готовом виде около 120 см; максимальная ширина по линии плеч — 182 см; ширина стана по линии талии и подолу — 95 см. Обращает на себя внимание материал и особенности ткачества туник. Появление в захоронениях шерстяных одежд — характерная черта позднеантичного времени. По свидетельствам античных авторов египтяне в шерстяных одеждах «не вступали в храм и не погребали покойников» (Herod. Hist. II, 81). Результаты изучения погребений других египетских некрополей также свидетельствуют о том, что шерстяные одежды появляются не ранее IV – V веков. Туники из погребения относятся к т.н. римскому типу: сотканы по форме и сшиты из трех частей (рис. 2). Верхняя часть ткалась на станке единым ткацким куском и представляет собой часть стана с двумя рукавами, две остальные части, это нижние части стана: передняя и задняя (рис. 3). Туники выполнены из ткани полотняного переплетения. Шерстяные нити основы и утка желтоватого цвета. Плотность тканей неравномерная от 12/15 до 16/20 н./см².

Начало ткацкого куска определяется по начальной кромке в форме косички. Конец куска — по жгуту, в который скручиваются срезанные нити основы (рис. 4). Центральная деталь стана с рукавами с одной стороны имеет начальную кромку, а с другой стороны — конечную. Две детали в нижней части стана туник ткются отдельно. Они имеют соответственно четыре стороны, две — где начиналось тканье и две, где оно закончилось. Анализ четырех сторон двух деталей показал, что в них есть одна сторона с косичкой и три стороны со жгутом. Это указывает на то, что две нижних детали туники размещались на станке один за другим, а затем разрезались. Именно

⁶ Подробнее о последних результатах работ Центра египтологических исследований РАН на некрополе см. следующие публикации: Белова, 2017; Белова, 2012. Об особенностях христианского погребального обряда на некрополе см: Войтенко, 2012; Voytenko, 2009; Voytenko, 2016. Некоторые результаты исследований текстильных комплексов некрополя см: Орфинская, 2015; Орфинская, Толмачева, 2017; Орфинская, Толмачева, Белова, 2017; Tolmacheva 2017; Орфинская, Толмачева 2018.

⁷ Подробнее о погребении и происходящем из него материале см: Orfinskaya et al. 2015; Орфинская, Толмачева, Белова 2017.

при таком расположении ткацких кусков на станке нижние части туник будут иметь одно начало (косичка) и три конца (шнур). Следовательно, на одном станке сначала ткали верхнюю часть стана, а затем, сняв ее, ткали две нижних части, одну за другой. Если предположить, что все туники ткали на одном станке, то высота его должна быть не менее 220 см. Во всех четырех исследованных из одного погребения туниках ширина и высота сотканых деталей различна. Следовательно, станок не «диктовал» жесткие размеры изделия, то есть на одном станке могли быть выработаны изделия различной длины и ширины, но естественно в определенных рамках.

Вся полученная информация по шерстяным туникам из Дейр аль-Баната согласуется с многочисленными исследованиями туник из музейных коллекций или других памятников. В то же время эти данные уточняют некоторые особенности процесса ткачества, например, расположение деталей шерстяных трехчастных туник на ткацком станке⁸. Выявленные технические особенности туник помогают при их датировании. Например, незашитый участок бокового шва в районе подмышек характерен для позднеантичных шерстяных туник, относящихся к довольно широкому хронологическому промежутку начиная с IV–V вв. (Letellier-Willemin, 2015. P. 36) и включая арабский период. Другие детали ткачества, такие как способ оформления начала и конца ткацкого куска, укрепление горловины и участка перехода рукава в стан «косичкой», сформированной дополнительными нитями утка, типичны для шерстяных туник VI–VII вв. (De Jonghe, Verhecken-Lammens, 1993. P. 46–47).

«Изделие-Х»: неоконченный рукав туники?

В погребение 213 под подушкой, расположенной под головой, было обнаружено некое, снятое со станка неоконченное изделие, получившее условное название «изделие-Х» (рис. 5). Это изделие представляет собой полосу, длиной 200 см и шириной 20 см. В верхней части изделия фиксируются закрепленные нити основы, образующие начальную кромку-косичку, далее идет полоса мережки (3 см). Затем две парные нити, имеющие второй порядок крутки ($Z,2s$) и работающие

через две нити основы, перевиваясь между собой, выводят все нити основы в одну. Далее нити основы разделяются и 34 см работают в обычном полотняном переплетении. На расстоянии 25 см от края мережки по ткани вытканы две полосы пурпурного цвета шириной 1,5 см. Четные и нечетные нити основы разделены между собой с помощью двойной нити замкнутой в кольцо. Эта нить, вероятно ни к чему не крепилась. Открытие зева осуществлялось системой нитенок – петель из нитей, которые соединяли нечетные нити основы в единую систему для одновременного их поднятия (нитчатки были, вероятно, укреплены на прут). Фиксируются несколько систем петель: одна длинная нить проходит зигзагом, с одной стороны она захватывает нечетные нити основы, а с другой делает поворот с небольшой петелькой. На отдельных нитях основы привязаны самостоятельные петли, замкнутые кольцами. На одной отдельной петле привязана еще одна нить (разорванная петля?). Наличие отдельных, не входящих в общую систему петель можно объяснить дополнительным введением нитей основы в уже начатое ткаться полотно. Таких нитей не менее 10, которые введены в полотно на расстоянии от 4 до 12 см от края мережки. Эти нити, привязанные к нитям мережки, свободно проходят по поверхности, а затем вводятся в структуру ткани. Введение таких нитей фиксируется на сотканном участке. Задача этих дополнительных нитей основы заключается в выравнивании боковой линии рукава. За крайние нити основы, расположенные в полосе мережки, привязаны небольшие петли, которые, держали углы изделия. На противоположном конце изделия нити основы огибают шнур, длина которого составляет 100 см. Основа и уток сотканного участка – шерсть желтого цвета с неравномерной (от сильной до средней) S круткой толщиной 0,5 мм. Нить ровная и плотная, а нить утка рыхлая со слабой круткой. Плотность ткани 9/20 н/см². Цветные полосы сотканы также в полотняном переплетении, уток шерстяной пурпурного цвета, с S круткой толщиной 0,3 мм. Плотность нитей в полосе 9/24–28 н/см.

Для формирования начальной кромки пучок шерстяных нитей был согнут пополам и разделен на четыре отдельные пряди. При повороте этих прядей навстречу друг другу, между ними пропускались нити основы, которые равномерно распределялись между витками, формирующими «косичку». Такой способ

⁸ Из публикации в публикацию чаще всего переходит иная схема, иллюстрирующая расположение отдельных частей туники на станке в процессе ткачества: Lafontaine-Dosogne, 1988. P. 112, fig. 137, 138; De Jonghe, Verhecken-Lammens, 1993. P. 45.

создания начальной кромки можно получить при использовании двух дощечек с двумя дырочками каждая, поворачивая их навстречу друг другу (при одинаковой заправке нитей в дырочки), или в одну сторону (при зеркальной заправке). Эта система полностью соответствует системе ткачества на дощечках. Концы этих прядей, после завершения «косички», расположены свободно и не с чем не связаны. Подобный способ формирования начальной кромки хорошо известен. В конечной части изделия нити поворачивают вокруг колышка, после снятия с которого, петли продеваются на шнур, чтобы не допустить их спутывания.

Изначально высказывалось несколько предположений о функциональном назначении этого незавершенного изделия. На первый взгляд наиболее убедительной представлялась идентификация данного объекта как узкого шарфа или широкого пояса. Рассматривалась также символическая интерпретация «изделия-Х», возможно, указывавшего на профессию погребенного (ткач) и помещенного ему под подушку, дабы покойный смог завершить свою работу в ином мире.

Действительно, этот объект напоминает длинный широкий льняной пояс, принадлежность костюма довольно обеспеченного египтянина (вельможи или чиновника) фараоновского и греко-римского времени (Vogelsang-Eastwood, 1993. P. 72–82). Подобного рода тканые по форме изделия декорировались двумя темными полосками по утку и украшались длинной бахромой (Fluck, Linscheid, Merz, 2000. S. 218–219, №№ 147–148). Однако важнейшим отличием таких поясов от «изделия-х» из Дейр аль-Баната являются материал и размеры. Древнеегипетские пояса – это довольно узкие (10–12 см) льняные полосы. Незавершенное изделие из погребения 213, напротив, шерстяное (!), плотное и широкое, что затрудняет его использование в качестве пояса. Кроме того, нельзя не учитывать довольно большую хронологическую разницу между двумя объектами.

Другой вероятной аналогией «изделию-Х» могли бы быть т.н. нубийские текстильные миниатюры – найденные в Нубии, на поселении Каср-Нибрим, где во II–VI вв. н. э. существовал крупный центр местного хлопкового производства. При раскопках храма Исиды в слоях постмероитского времени (350 – 550 гг. н.э.) было найдено около 40 «ученических» образцов ткачества (Wild, Adams, 2015. P. 146, fig. 11). Это небольшие прямоугольные неоконченные изделия из

хлопка, шириной около 20 см и длиной 30 см, сотканые на довольно примитивном вертикальном станке с грузиками (на некоторых «миниатюрах» сохранились глиняные грузики, привязанные на нити утка). Несмотря на некоторое сходство с «изделием-Х», важнейшее отличие «нубийских миниатюр» – природа волокна и длина объектов. Обратим особое внимание, что длина неоконченного изделия из могилы 213 составляет почти 2 метра. Учитывая себестоимость затрат и материалов, это представляется несколько избыточным для ученического «пособия»⁹.

Наконец, было высказано предположение, что «изделие-Х» из могилы 213 представляет собой неоконченную тунику, точнее ее рукав в начальной стадии тканья. Нити основы имеют полную длину готовой туники (от кромки рукава до кромки рукава 2 метра). Слабым местом подобной гипотезы нам представлялась ширина вероятного рукава равная 20 см, что достаточно узко для взрослых (длина изделия равна ширине туники по линии плеч) аналогичных шерстяных туник этого периода. Однако, именно последнее предположение в настоящее время стало принятой интерпретацией данного изделия. Произошло это благодаря находке в могиле 243 фрагментов еще одной неоконченной туники. В этом погребении, аналогичному по обряду описанному выше, в ногах ребенка, для придания большего объема конструкции, была положена незавершенная туника (рис. 6). Сохранность этого изделия была не очень хорошей, оно представлено в нескольких разрозненных фрагментах. Два фрагмента являются участками перехода рукава в стан туники. При этом переходе к рукаву присоединяли новые начальные кромки с нитями основы для стана, а угол перехода укрепляли дополнительными нитями. Эти фрагменты важны, так как они показывают, что набор основы происходил отдельно для рукава и для стана туники. Один фрагмент имеет боковую кромку с бахромой, которая являлась подолом туники, другой – часть подола и боковую сторону, где фиксируется начальная кромка-косичка, полоса мережки, через нити которой проходит шнур и петля, привязанная к нитям основы, аналогичная петле на «изделии-Х». Еще один фрагмент является частью стана. Данные фрагменты не позволяют с полной уверенностью реконструировать размеры

⁹ Длина других известных ученических образцов ткачества, например, из Лувра (inv. 28520/154 (Bénazeth, Lapeyrie, 2015), также не превышает 60 см.

изделия, однако убедительно иллюстрируют процесс его создания.

Более того, находки сезонов 2016 и 2017 годов сняли последние сомнения в том, что «изделие-Х» является частью туники. Как уже отмечалось, наши сомнения были связаны с шириной рукава, слишком узкого для взрослой одежды. В 2016-2017 годах было обнаружено три туники с «ложными» рукавами. Под «ложным рукавом» в данном случае подразумевается узкая полоса (12 - 20 см), которая ткется как рукав, но не зашивается, а свободно висит, имитируя откидной рукав¹⁰. Отверстие для рук в этой форме одежды располагалось в боковом шве. Все подобные туники очень широкие. Так, туника из погребения 345/1 имеет ширину стана 115 см, то есть в свободном состоянии закрывает руку человека среднего роста почти до локтя. Далее рука выходит в отверстие, а «ложные» рукава шириной 14 см и длиной 40 см свободно свисают вниз, закрывая руку только с внешней стороны. Остальные найденные туники не менее широкие. Более того, они активно носились, так как почти вся поверхность основной ткани 2-х туник заштопана цветными шерстяными нитями (декоративная штопка).

Анализ данных, полученных в ходе многолетних исследований позднеантичного текстиля на памятнике Дейр аль-Банат показывает, что «изделие-Х» представляет собой неоконченную тунику, у которой соткан один рукав. Нити основы заправлялись на станок для ткачества ложного рукава, затем шло ткачество стана и второго рукава. Также очевидно, что набор основы для таких туник происходил отдельно для рукава и для двух частей стана, причем расположены начальные кромки изделия на двух уровнях, расстояние между которыми равно длине рукава.

Особенности ткачества позднеантичных шерстяных туник (выводы и гипотезы)

1. Все исследованные нами туники ткались «по форме». То есть конечная форма изделия в виде «креста» (стан и два рукава) закладывалась прямо на станке. Ничто не вырезалось и не подкраивалось. После снятия со станка тунику сшивали.

2. Туника могла быть соткана как одним куском, так и разделена на несколько частей (например, трехчастная), но не зави-

симо от этого, принцип расположения нитей основы в изделии или его частях всегда оставался неизменен.

3. Изготовление туники начиналось с одного из рукавов. Для этого формировали начальную кромку, условно названную «косичкой», вероятней всего с помощью дощечек (в нашем случае с 2 дырочками). Длина нитей основы соответствовала расстоянию изделия по линии плеч (от кромки рукава до кромки рукава).

4. После того, как рукав достигал задуманной длины, переходили на ткачество стана. Для этого формировали две начальные кромки-косички нужного размера для правой и левой стороны туники (перед и спина). Длина нитей основы соответствует ширине стана. После укрепления начальных кромок процесс ткачества продолжался уже не в пределах ширины рукава, а через всю длину стана от условно переднего края подола до его противоположного (заднего) края.

5. В центральной части стана (по линии плеч) оставалась щель, которая служила горловиной. Ткачество на этом участке шло по обе стороны от щели раздельно, т.е. фактически производилось два самостоятельных ткацких куска, боковые кромки которых играли роль отделки горловины в готовом изделии. Когда горловина заканчивалась, ткачество продолжалось на всю длину туники (от подола до подола).

6. После того, как был соткан стан нужной ширины, работа продолжалась в пределах второго рукава.

7. Нити основы, проходящие через стан, далее уже не участвовали в работе.

8. Завершив второй рукав, тунику снимали, срезав нити основы. Бахрому из нитей основы скручивали в жгут. Жгут, таким образом, представлял собой конечную кромку ткацкого куска. Наличие «косички» свидетельствует о начальной кромке, то есть о месте, откуда начинают ткать изделие, а наличие жгута – о завершении процесса.

Варианты реконструкции станка

Поскольку на некрополе не было найдено сохранившихся деревянных фрагментов ткацкого станка, все варианты реконструкций, которые будут представлены ниже, носят характер гипотез. Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют высказать несколько гипотетических реконструкций ткацкого станка и предположить степень их вероятности.

¹⁰ Рукав, снятый с руки и откинутый назад, в то время, когда рука выходит в отверстие, сделанное ниже рукава. Откидной рукав может быть одет на руку, а ложный рукав - только его имитация.

- Вертикальный ткацкий станок с грузиками

При описании «изделия-Х» мы уже обращали внимание на систему введения дополнительных нитей основы, которая свидетельствует в пользу того, что процесс ткачества мог идти сверху (от «косички») вниз. Подобный вариант характерен для вертикального ткацкого станка с грузиками. Более того, гипотетически вертикальный станок с грузиками может иметь вал, который поворачивался, накручивая готовую ткань. Подобная конструкция станка позволяет создавать второй уровень крепления начальной кромки стана. То есть, соткав рукав и завернув его на вал, можно к этому же валу укрепить начальные кромки слева и справа от рукава. Грузики позволяют закладывать нужную длину нитей основы для стана короче и для рукава длиннее. Завернув готовый стан и закрыв нити основы жгутом можно без проблем продолжать ткать второй рукав. Крепить грузики можно на нити основы, которые не разрезаны, а собраны в группы. Однако такое завершение и крепление грузиков нигде не описано. Более того, на незавершенном рукаве туники из погребения 213 нити основы в группы не собраны, на изделии также отсутствуют следы крепления грузиков, как, например, на «нубийских миниатюрах» из Каср-Ибрима.

- Горизонтальный земляной станок

Шерстяные туники, подобные найденным на некрополе Дейр аль-Банат можно было бы соткать и используя простейший известный в Египте с древнейших времен горизонтальный земляной станок. Укрепление валов на земле при помощи колышков существенно облегчило бы сложный и трудоемкий процесс ткачества. Более того, как уже отмечалось, и на углах «изделия-Х» и на углу рукава одной из неоконченных туник сохранились петли, которые могли растягивать начальную кромку между двух колышков. Это дополнительное укрепление наряду с валом, или планкой, пропущенной в мережку, помогало бы удерживать изделие в заданном положении. Однако, учитывая довольно значительные размеры туник, работа ткача в таком случае встретилась бы со значительными неудобствами. Идеальным вариантом было бы работа на некоем станке, аналогичном земляному, но развернутому вертикально, и укрепленному на стене. Однако, такие варианты станков не зафиксированы, и оснований полагать, будто они существовали в Египте, нет.

- Вертикальный станок с двумя валами

Наличие у фаюмских ткачей вертикального ткацкого станка с двумя валами как такового было нами аргументировано и доказано на большом числе грубых погребальных пелен, также обнаруженных на некрополе Дейр аль-Банат (Orfinskaaya et al. 2015, Орфинская, Толмачева, Белова, 2017. С. 18-22). Эти станки использовались для ткачества прямоугольных кусков ткани. Нити основы натягивались непосредственно на валы. Начальная кромка при такой системе заправки станка отсутствовала.

Вопрос заключается лишь в том, использовали ли подобного рода локальный станок для изготовления туник, бывших привнесенными для египетской текстильной культуры. Рассмотрим подробнее вариант, при котором туники ткались на вертикальном станке с двумя валами, известном по изображениям эпохи Нового царства. В монографии Б. Кемпа и Дж. Фогельзанг-Иствуд приводится реконструкция подобного рода станка, выполненная на основании сохранившихся изображений (Kemp, Vogelsang-Eastwood 2001: 307—426). Рассмотрим данный вариант реконструкции. Работа осуществляется снизу вверх. Ткацкий кусок имеет начальную кромку, за которую он привязан веревками к небольшому валу, не связанному со станиной – жестким каркасом станка. Этот вал соединен с планкой, к которой, вероятно, укреплена ткань. Эта ткань, проходя под нижним вылом станины, накручивается на дополнительную доску. Подобное соединение начальной кромки позволяет регулировать высоту начала работы. Например, ткачи могли вначале распустить всю ткань и сидя работать на уровне груди. По мере наращивания готовой ткани, доску, расположенную сзади поворачивали, опуская тем самым ниже начальную кромку, что опять-таки позволяло работать на уровне груди.

Далее располагалась стандартная система ремизок и палочек, разделяющих четные нити основы от нечетных. На определенной высоте нити основы перекидывались через планку. Эта планка также фиксировалась к подвижному валу, крепившемуся к станине через веревки. Нити основы спускались вниз, их крепили (вероятно, привязывали) на прут. Сам прут же был прикреплен к доске, которая поворачивалась, разматывая нити основы по мере сматывания готового изделия на нижнюю доску.

Итак, на подобном станке в определенных пределах можно было ткать изде-

лие нужного размера в удобной для ткача позе. Подвижные, не связанные с жесткой конструкцией станка, валы (пруты, планки) позволяли регулировать нужную высоту и создавать изделия различной формы. Такой станок вполне мог являться станком, на котором ткались туники позднеантичные туники из Дейр аль-Баната.

Тем не менее, существует несколько «но», не позволяющих полностью принять предложенную реконструкцию. На всех тканях Нового царства, фиксируется начальная кромка, сотканная по несколько иной системе. Дощечки для кромки не применялись, и никогда не было мережки. Можно только предположить, что в позднеантичное время в Египте такой достаточно совершенный станок был приспособлен для ткачества туник, которые на северном побережье Средиземного моря изначально ткались на вертикальных ткацких станках с грузиками. Можно также предположить, что вместе с формой туники была заимствована и система формирования начальной кромки на дощечках, ранее не характерная для Египта. Более того, как уже отмечалось выше, тенденция перехода от вертикального станка с грузиками к вертикальному станку с двумя валами стала, очевидно, повсеместной для всего позднеантичного мира.

Заключение

В результате проделанной работы по исследованию фрагментов и целых туник удалось восстановить процесс их создания. Однако для того, чтобы однозначно реконструировать ткацкий станок, на котором эти туники были сотканы, к сожалению, недостаточно самих тканей, необходимы находки деталей подобного станка. Гипотезу о вертикальном станке с грузиками подтвердили бы находки самих грузиков, которые в Египте, как правило, фиксируются на поселениях с большим процентом греческого и римского населения. Иноземные поселенцы сохраняли на новой земле многие свои традиции, в частности, продолжали использовать вертикальные ткацкие станки для тканья, в том числе

и туник. Однако туники греко-римского типа встречаются в позднеантичном Египте повсеместно, а не только в центрах с преобладанием пришлого населения. Туники, найденные в Фаюмском оазисе, были сотканы непосредственно на месте, некоторые были сняты прямо со станка и уложены в погребение. Наличие снятых со станка изделий в погребениях вероятно можно толковать двояко. В детском погребении фрагменты туники, наряду с другими рваными тряпками, являлись просто наполнением, служившим для придания нужной формы завернутого «коккона». В погребение 213, незавершенное изделие лежало под головой и никакого дополнительного объема не давало.

На данном уровне наших знаний в качестве рабочей гипотезы можно рассматривать изготовление туник на вертикальном станке с валами, появившемся на территории Египта в эпоху Нового царства, а в позднеантичное время приспособленного для ткачества туник. Ширина такого станка должна была быть довольно значительной. Так для туники длиной 140 см (на человеке), требовалась заправка нитей на 280 см. При такой ширине за станком на участках стана (до и после горловины) должно было работать 4 человека, поскольку средняя зона работы ткача составляла приблизительно 60 см. В связи с этим становится понятным переход на трехчастные туники, то есть уменьшение ширины изделия в три раза. С такой шириной мог справляться один или два человека.

Итак, появление античной туники на территории Египта не привело к повсеместному появлению на этой же территории вертикального ткацкого станка с грузиками. Новая форма, скорее всего, была переложена на адаптированный под нее уже существующий ткацкий станок. Некоторые привнесенные технологические приемы, характерные для греческих и римских туник, легко вписались в уже достаточно хорошо развитую текстильную технологию Египта.

ЛИТЕРАТУРА

Белова Г.А. Некоторые особенности погребального обряда на некрополе Дейр эль-Банат в греко-римский период // *Aeternitas. Сборник статей по греко-римскому и христианскому Египту* / Отв. ред. Войтенко А. А. Москва: ЦЕИ РАН. С. 7–37.

Белова Г.А. Предварительный отчет о работе миссии Центра египтологических исследований Российской академии наук (ЦЕИ РАН) на памятнике Дейр-эль-Банат (Фаюмский оазис) за 2017 г. // *Египет и сопредельные страны = Egypt and Neighbouring Countries*. 2017. № 4. Доступно по URL: <http://www.enc-journal.com/images/contributions/2017-4/4-1-belova.pdf>.

Войтенко А. А. Коптский погребальный ритуал IV—VII вв. по письменным источникам // *Aeternitas*. Сборник статей по греко-римскому и христианскому Египту / Отв. ред. Войтенко А. А. Москва: ЦЕИ РАН. С. 38–70.

Орфинская О.В., Толмачева Е.Г. Археологический текстиль и его значение при решении вопросов социально-этнической и религиозной принадлежности населения египетской хоры в греко-римское время: по материалам некрополя Дейр аль-Банат (Фаюм) // *Stratum plus*. 2018. №4. С. 219–237.

Орфинская О.В. Плечевая одежда Египта по данным археологии // *Культура Египта и стран средиземноморья в древности и средневековье-2* / Под ред. Белова Г.А., Иванов С.В., Толмачева Е.Г. Москва: ЦЕИ РАН, 2017, С. 60–76.

Орфинская О.В. Классификация текстиля для памятника Дейр аль-Банат // *И земля в ликовании...* Сборник статей в честь Г. А. Беловой / Под ред. Иванов С. В., Толмачева Е. Г. Москва: ЦЕИ РАН. С. 286–310.

Орфинская О.В., Толмачева Е.Г. Египетская туника с дионисийскими мотивами из раскопок ЦЕИ РАН на некрополе Дейр аль-Банат (Фаюм) // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2017. № 56. С. 21–37.

Орфинская О.В., Толмачева Е.Г., Белова Г.А. Текстильный комплекс позднеантичного времени из могилы 213 на памятнике Дейр аль-Банат (Фаюм, Египет) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2017. №3(38). С. 16–28.

Barber, E.J.W. 1991. *Prehistoric Textiles. The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages with Special Reference to the Aegean*. Princeton: Princeton University Press.

Bénazeth, D., Lapeyrie, C. 2015. *Essais de tissages du musée du Louvre* In De Moor A., Fluck C., Linscheid P. (eds.). *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference: of the research group «Textiles from the Nile Valley»*, Antwerp., 2013. Tiel: Lannoo, 100–107.

Carroll. D.L. 1988. *Looms and Textiles of the Copts: First Millennium Egyptian Textiles in the Carl Austin Reitz Collection of the California Academy of Science*. Seattle: Univ of Washington Pr.

De Jonghe, D., Verhecken-Lammens, C., 1993. *Technological discussion. Koptish textiel uit Vlaamse privéverzamelingen. Coptic textiles from Flemish private collections*. Zottengem: Pamzov, 31–52.

Fluck, C., Linscheid, P., Merz, S. 2000. *Textilien aus Ägypten. Teil I: Textilien aus dem Vorbesitz von Theodor Graf, Carl Schmidt und dem Ägyptischen Museum Berlin*. Wiesbaden: Reichert Verlag.

Kemp B., Vogelsang-Eastwood G. 2001. *The Ancient Textile Industry at Amarna*. London: Egypt Exploration Society.

Krol, A. A. The RIEC archaeological and anthropological surveys at the site of Dair al-Banat. In Gabra G. (ed.). *Christianity and Monasticism in the Fayoum Oasis: Essays in Honor of Martin Krause*. Cairo: American University in Cairo Press, 209–216.

Lafontaine-Dosogne, J. 1988. *Textiles coptes, Musées royaux d'Art et d'Histoire, Bruxelles: Musées Royaux d'Art et d'Histoire*.

Letellier-Willemin, F. 2015. The long- and narrow-sleeved tunic of the mummy W14 of el-Dier. In De Moor A., Fluck C., Linscheid P. (eds.). *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference: of the research group «Textiles from the Nile Valley»*, Antwerp., 2013. Tiel: Lannoo, 26–37.

Orfinskaya, O., Belova, G., Nauton, M., Tolmacheva, E. 2015. Textiles from burial 213 in Deir el-Banat. In De Moor A., Fluck C., Linscheid P. (eds.). *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference: of the research group «Textiles from the Nile Valley»*, Antwerp., 2013. Tiel: Lannoo, 38–47.

Pritchard, F. 2006. *Clothing culture: Dress in Egypt in the first millennium AD*, Manchester: Whitworth Art Gallery.

Roth, H. L. 1913. *Ancient Egyptian and Greek looms*. Halifax: Bankfield museum.

Tolmacheva, E.G. 2017. Archaeological textiles at the Deir el-Banat site (Fayyum): parallels, study, conservation and general description. In (ed.). De Moor A., Fluck C., Linscheid P. *Excavating, analyzing, reconstructing. Textiles of the 1st millennium ad from Egypt and neighbouring countries. 9th conference of the research group 'Textiles from the Nile Valley'*. Antwerp, 27–29.11.2015. Tiel: Lannoo, 32–59.

Vogelsang-Eastwood, G. 1993. *Pharaonic Egyptian clothing*, Leiden-New York: Brill.

Voytenko, A. 2008. Grave 249/2 at Deir el-Banat. A typical example of Coptic ordinary burial custom. In Buzi P., Camplani A., Contardi F. (ed.). *Coptic Society, Literature and Religion from Late Antiquity to Modern Times. Proceedings of the Tenth International Congress of Coptic Studies, Rome, September 17th-22th, 2012*

and Plenary Reports of the Ninth International Congress of Coptic Studies, Cairo, September 15th-19th, 2008 Vol. 2. Leuven, Paris, Bristol: Peeters Publishers, 1421–1432.

Voytenko, A. 2009. Preliminary Report on Coptic Burial Custom at the Necropolis of Deir el-Banat. In Belova G., Ivanov S. (eds.). *Achievements and Problems of Modern Egyptology. Proceedings of the conference held in Moscow on September 29-October 2, 2009*. Moscow: CESRAS, 392–400.

Walton Rogers, P. 2001. The re-appearance of an old Roman loom in medieval England. In Walton Rogers P., Bender Jorgensen L., Rast-Eicher A. (eds.). *The Roman Textile Industry and its influence. A Birthday Tribute to John Peter Wild*. Oxford: Oxbow Books, 158—171.

Wild, J. P. 1970. *Textile Manufacture in the Northern Roman Provinces*. Cambridge: Cambridge University Press.

Wild, J.P. 1987. The Roman Horizontal Loom. *American Journal of Archaeology*, 3 (91), 459—471.

Wild, J.P., Wild F.C., Adams N. K. 2015. A heddle from Qasr Ibrim. In De Moor A., Fluck C., Linscheid P. (eds.). *Textiles, tools and techniques of the 1st millennium AD from Egypt and neighboring countries. Proceedings of the 8th conference: of the research group "Textiles from the Nile Valley", Antwerp., 2013* Tiel: Lannoo. P. 142—146.

Информация об авторах:

Орфинская Ольга Вячеславовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра египтологии исследований РАН (г. Москва, Россия); orfio@yandex.ru

Толмачева Елена Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра египтологии исследований РАН (г. Москва, Россия); etolma@mail.ru

THE WEAVING OF THE TUNICS IN LATE ANTIQUE EGYPT: SOME CONSIDERATION ON THE RECONSTRUCTION OF THE WEAVING LOOM ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL EVIDENCES

O.V. Orfinskaya, E.G. Tolmacheva

Studies of the ancient crafts and technologies are always challenging for scholars. Despite wealth and abundance of materials the studies of Late Antique archaeological textile techniques are in the formation. Type and appearance of the Late Antique Egyptian loom for tunics are among the most widely discussed topics. With this in view we consider important to observe some aspects of Egyptian Late Antique textile techniques, particularly, to study some peculiarities of tunic's weaving. Based on the results of latest archaeological finds from Deir al-Banat necropolis we propose reconstruction of the loom used for tunics' weaving. As a working hypothesis we suggest that most of the wool Late Antique tunics from Deir al-Banat necropolis were made on the vertical loom with two beams. This type of loom developed in Egypt during New Kingdom time and was adopted in Late Antiquity for tunics' weaving. The width of this loom could be rather large (not less than 280 cm). This width demands quite extensive use of the working force (4 weavers for one tunic) for the weaving of the body of the tunic (average working area of one craftsman is about 60 cm). The appearance of the Roman tunic in Egypt did not let to adaptation of the vertical weight loom. New type of tunic most probably was made on local vertical loom with two beams with some changes in weaving techniques.

Keywords: Late Antique Egypt, textile technologies, history of costume, vertical weight loom, vertical loom, tunics, Fayoum, Deir al-Banat.

About the Authors:

Orfinskaya Olga V. Candidate of Historical Sciences, Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences (CESRAS), Leninskiy Av. 29 build. 8, Moscow, 119071, Russian Federation; orfio@yandex.ru

Tolmacheva Elena G. Candidate of Historical Sciences, Center for Egyptological Studies of the Russian Academy of Sciences (CESRAS), Leninskiy Av. 29 build. 8, Moscow, 119071, Russian Federation; etolma@mail.ru

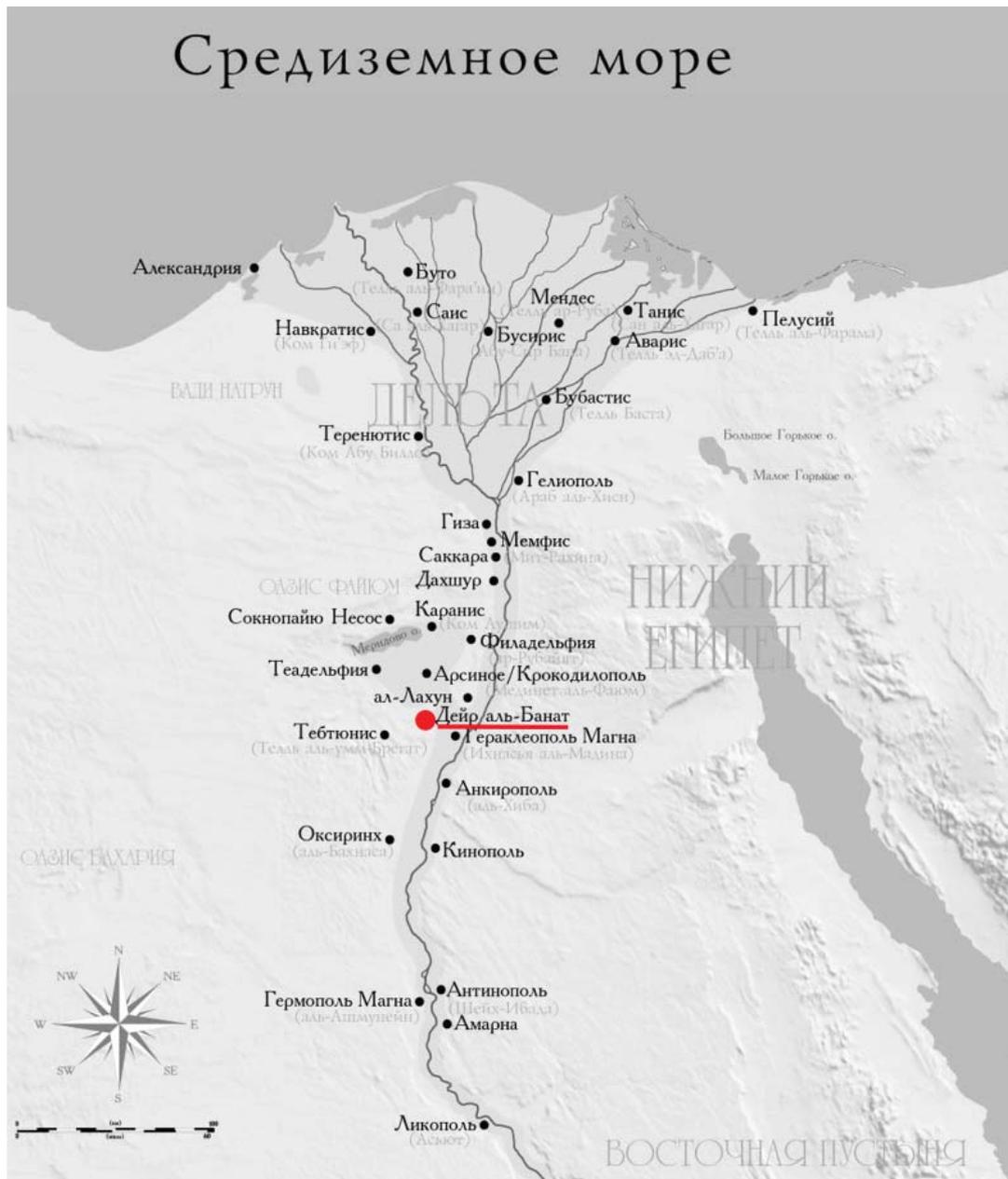

Рис. 1. Карта Египта греко-римского - позднеантичного времени.

0 50cm

Рис. 2. Туника из погребения 213 могильника Дейр аль-Банат. (Реставрация туники была проведена в полевых условиях группой реставраторов под руководством Н.П. Синицыной в 2010 году).

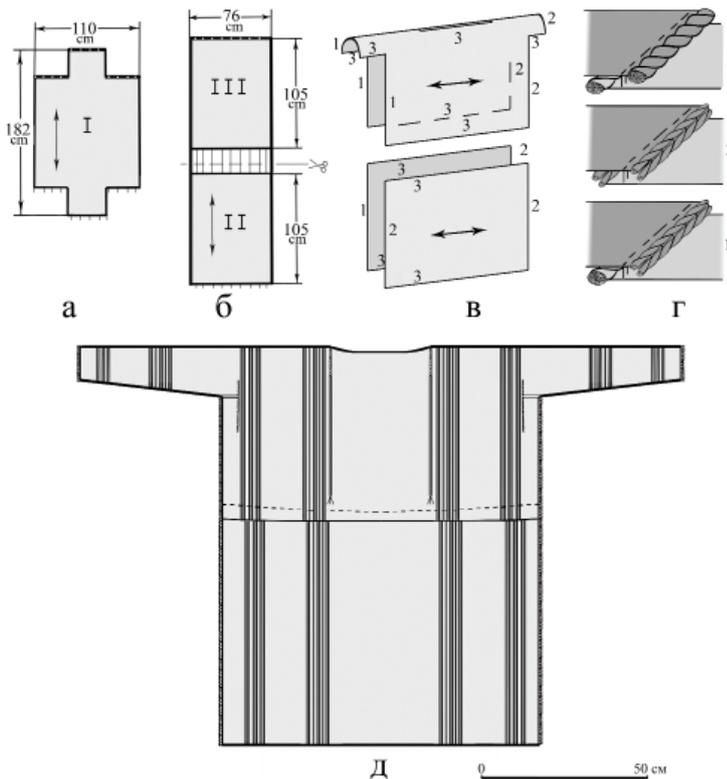

Рис. 3. Схемы трехчастной туники из погребения 213. а - расположение на станке центральной части туники. б - расположение на станке двух нижних частей; в - расположение всех частей при пошиве туники: 1 - начало ткацкого куска; 2 - конец ткацкого куска; 3 - боковая кромка. г - соединительные швы: 1- конец-конец ткацкого куска; 2- начало-начало ткацкого куска; 3-начало-конец ткацкого куска. д - общий вид туники.

а

б

Рис. 4. Микрофотографии начала и конца двух различных ткацких кусков: а- начало ткацкого куска; б – конец ткацкого куска.

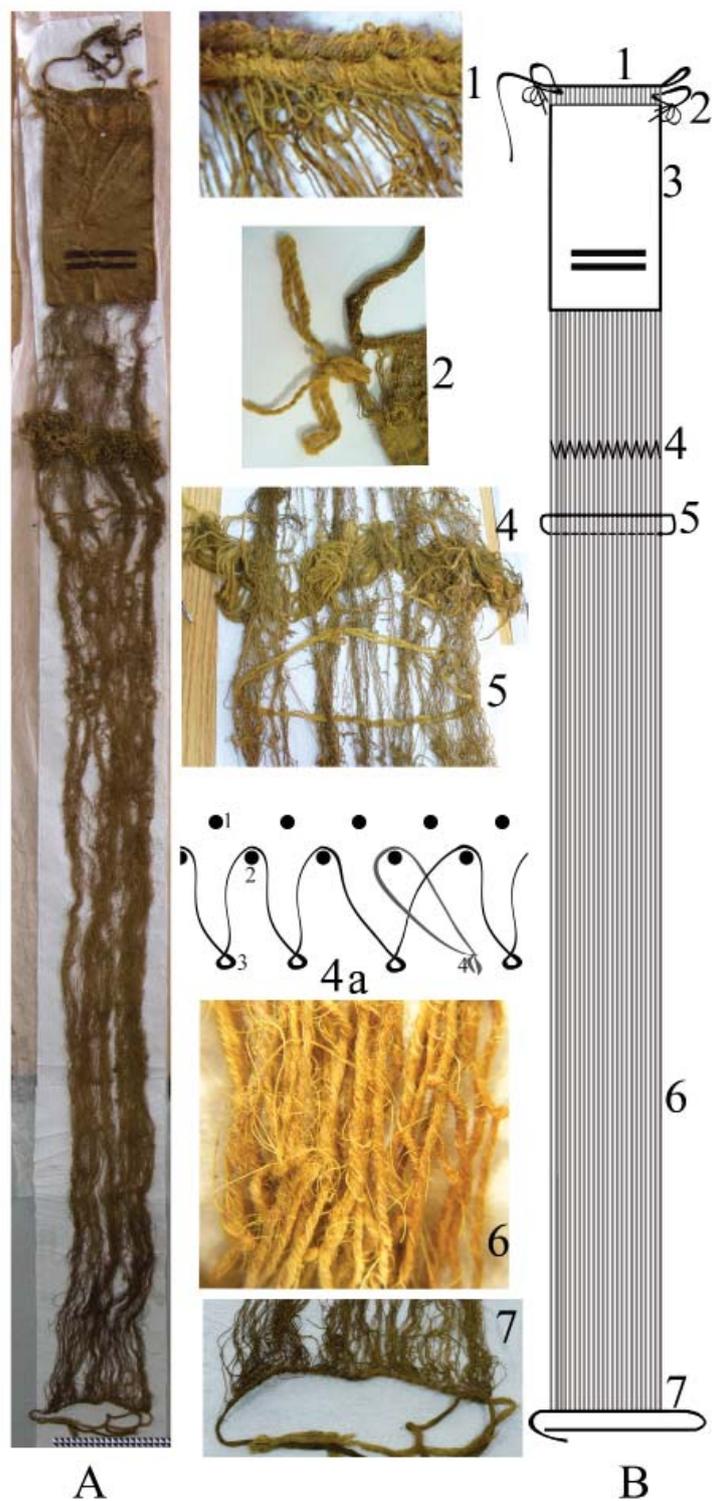

Рис. 5. «Изделие-Х». А – общий вид изделия. Б – схема «изделия-Х». 1 – начальная кромка; 2 – петля, привязанная к крайним нитям сетки; 3 – сотканый участок полотна; 4 – ниточки; 4а – схема ниточек; 5 – нить, разделяющая четные и нечетные нити; 6 – нити основы; 7 – завершение изделия.

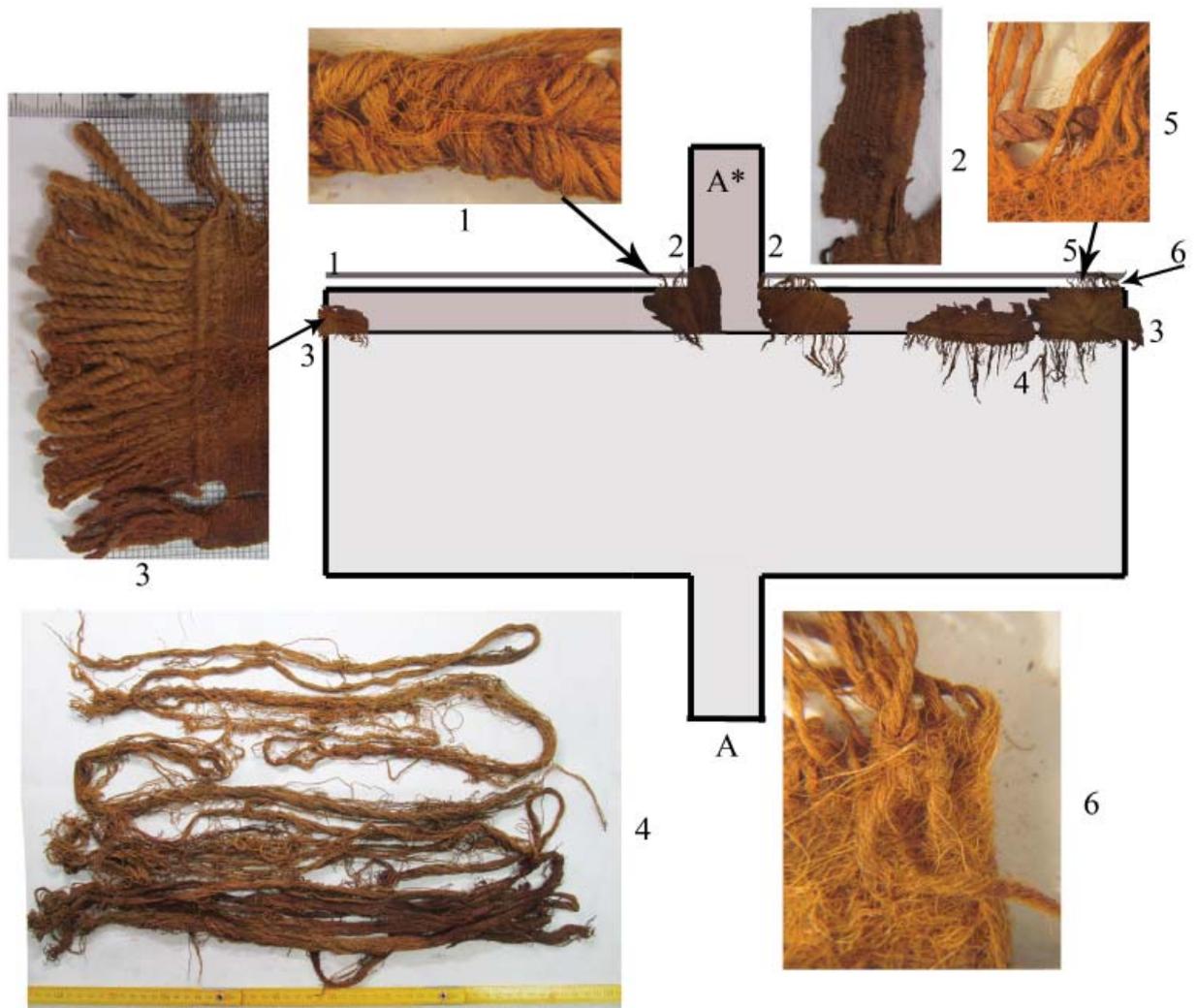

Рис. 6. Туника из могилы 243. А – схема туники; А* - участок туники, который был соткан до погребения; 1 – начальная кромка; 2 – место соединения рукава и стана; 3 – боковая кромка; 4 – нити основы; 5 – мережка со шнуром, проходящий между нитями; 6 – петля, привязанная к крайним нитям мережки.

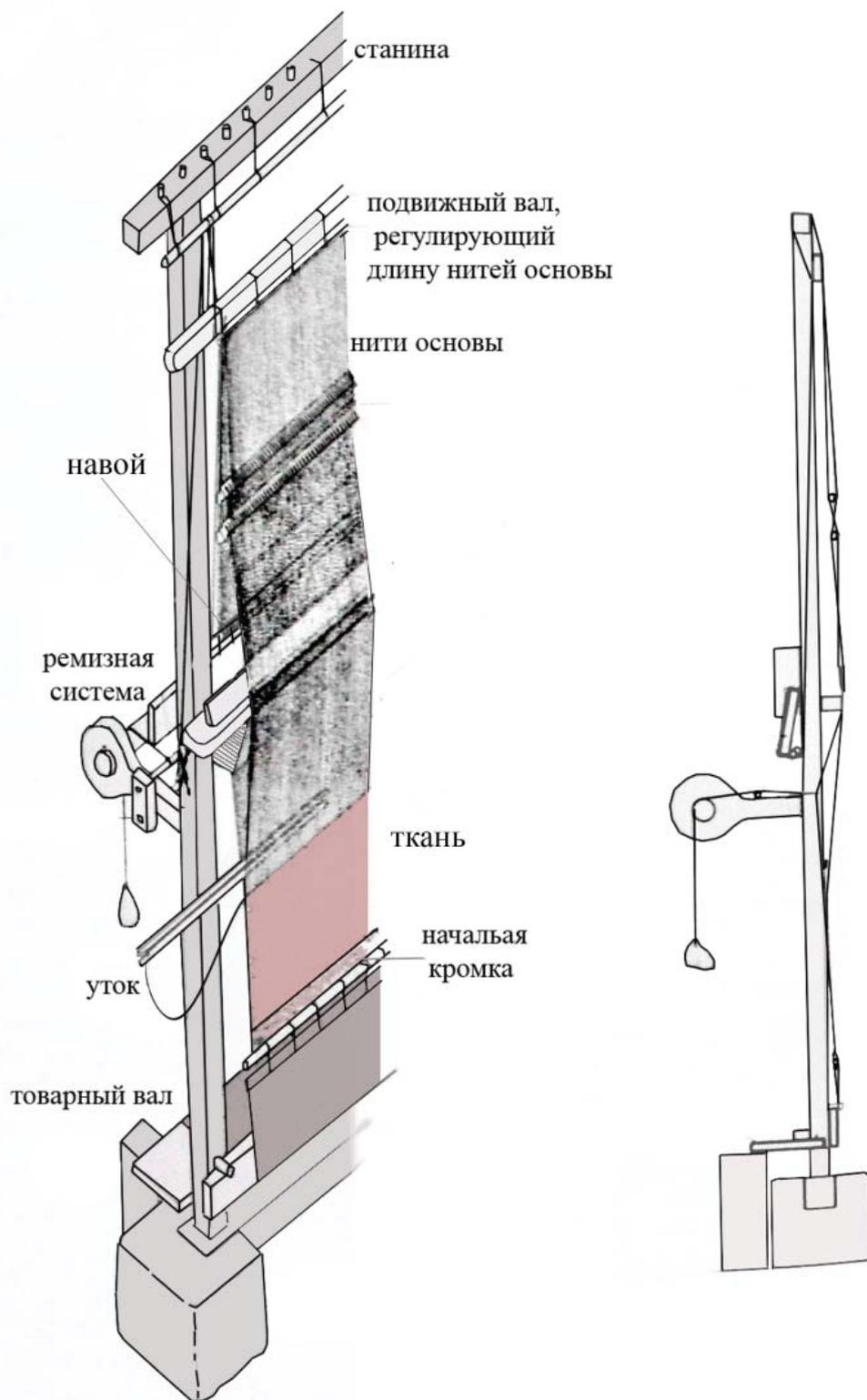

Рис. 7. Реконструкция ткацкого станка (по: Kemp, Vogelsang-Eastwood 2001, Fig. 10.5).

УДК 903.2: 130.2: 391

ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОСТЮМ: СООТНОШЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ И СОСЛОВНО-СТАТУСНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ

© 2019 г. И.Л. Измайлов

Одежда является важнейшим элементом человеческой культуры. По самому общему определению ее можно назвать «искусственными покровами человеческого тела». Обычно в состав одежды включают также обувь и головной убор. По существу, можно даже сказать, что именно одежда сделала человека человеком, членом сообщества людей, определяя его место внутри социума. При этом одежда может и имеет не только утилитарное назначение – защиту тела от воздействия окружающей среды, но и важные символические и ритуальные функции. Для археологов, изучающих и реконструирующих древние одежды важен несколько другой аспект, который можно назвать феноменом «народного костюма», который «надевается» функциями этнического маркера. Изучение древнего костюма – это сложный и кропотливый процесс, требующий комплексного подхода, учитывающего сложный характер общества, роль и место символов и знаков, сословно-социального и половозрастных отличий, а не простых апелляций к этнокультурным характеристикам. Только в этом случае последовательного и адекватного анализа историко-археологическое изучение костюма будет обладать серьезным гносеологическим потенциалом.

Ключевые слова: одежда, костюм, археологический костюм, народный костюм, могильник и погребальный обряд, погребальный инвентарь, этноархеология, реконструкция и социокультурная интерпретация археологического материала.

Одежда является важнейшим элементом человеческой культуры. По самому общему определению ее можно назвать «искусственными покровами человеческого тела» (Коляков, с. 103-107). Обычно в состав одежды включают также обувь и головной убор, а также иногда татуировки на теле. Важнейшая функция одежды – защита тела человека от неблагоприятного воздействия окружающей среды. По существу, можно даже сказать, что именно одежда сделала человека человеком, а использование этой «второй кожи», внешних покровов, позволила сообществам людей заселить и освоить весь мир еще в глубокой древности.

При этом одежда может и имеет не только утилитарное назначение – защиту тела от воздействия окружающей среды, но и важные символические и ритуальные функции (Коляков, с. 103). Очевидно, что в любом случае оба назначения одежды и утилитарная, и символическая неразрывно связаны между собой, поскольку охранительная функция распространялась не только на защиту от атмосферных и природных воздействий, но и от проникновения за покров «внешнего тела» злых духов, враждебных чар и порчи. Знаковая, обрядовая, ритуальная функции одежды, наряду с утилитарными понятны и многократно описаны в литературе. То есть, это

одна из базовых характеристик человеческой культуры, имеющая всеобщий характер наряду с хозяйством, жилищем, транспортом и т.д.

Наряду с термином «одежда» в этнографических описаниях присутствует другое понятие – «костюм». В их употреблении есть один нюанс, который предполагает различие в использовании этих терминов. С одной стороны, костюм – это в широком смысле та же одежда, но систематизированная в виде полного комплекта предметов и украшений одежды, обуви, аксессуаров и др. С другой, – это понятие, которое отражает социальную и этническую принадлежность человека, а также в определенных условиях его пол, возраст, занятие, профессию и т. д. То есть костюм, как и одежда, является внешним покровом человека, однако функциональные особенности их различны, поскольку костюм демонстрирует внешний образ человека, показывает его внутреннее содержание и является социальной, возрастной и исторической его характеристикой.

Для археологов, изучающих и реконструирующих древние одежды важен несколько другой аспект, который можно назвать феноменом «народного костюма». Сам этот предмет описывается обычно так: «Традиционный костюм включает в себя комплекс самых разнообразных элементов, формирующих

внешний облик человека. Они всегда выступают согласовано, сочетаясь друг с другом по форме, цвету, материалу изготовления, образу единый стилиевой ансамбль. Народный костюм, аккумулируя в себе опыт целой этнической общности, носит ярко выраженный этнический характер» (Суслова, Мухамедова, 2000, с.7).

Тем самым, уже *a priori* народный традиционный костюм «наделяется» этническим содержанием только вследствие того, что его носили представители определенного народа.

Истоки этих представлений уходят в середину XIX в., в концепции профессора Мюнхенского и Лейпцигского университетов Фридриха Ратцеля (1844-1904), изложенных в труде «Антропогеография». В нем он сформулировал гипотезы об «этнографических предметах», отражающих явления материального мира народов и имеющих определенное географическое распространение. Иными словами, описав набор неких «этнографических предметов», можно очертить некие ареалы культуры и описать сложные взаимодействия их между ними. Он считал «основным положением антропогеографии» тот факт, что «распространение этнографических предметов может совершаться только через человека, с ним, при нем, на нем, особенно же в нем, т.е. в его душе, как зародыш идеи формы. Этнографический предмет передвигается вместе с его носителем». Отсюда понимание того, что народы обладают своим набором «этнографических предметов», присущих только им, а их распространение показывает движение народов или идей (Ратцель, 1904, с.20-29; Токарев, 1978. с. 134-137). Поскольку европейским наблюдателям казалось, что традиционный костюм оставался неизменным на протяжении веков, а менялись лишь некоторые детали, то и выводы они делали соответствующие, рисуя почти непересекающиеся «культурные круги» и формируя представления о неизменности традиционной одежды в неевропейских странах.

Этнографические факты ставят подобный тезис под сомнение.

Народный костюм как традиционная одежда

Исследуемые современной этнографией костюмы восходят ко второй половине XIX в. Они, несомненно, носились представителями определенного народа, но насколько эти элементы осознавались ими именно, как собственно этнические, как правило, остав-

ся неясным. Насколько те или иные элементы одежды считались своими и насколько именно они считались присущими тому или иному народу, отличающими их от соседей. Насколько эти границы между разными «народными» одедами были непроницаемыми. Очевидно, что в каждый момент времени они могли отличаться цветовой гаммой, орнаментами или кроем, но уже через некоторое время они могли заимствовать чужие элементы костюма и использовать их в качестве своих собственных. Кроме самоочевидных примеров, когда те или иные народы, мигрируя в новые ландшафтные зоны и/или занимая новые экологические ниши, начинают использовать формы хозяйствования (чаще всего формы и способы охоты), быта и одежды окружающих народов. Например, береговые чукчи переняли одежду и приемы охоты на морского зверя, а охотники на оленей карибу индейцы кри, переселившись на Великие равнины, изменили свой быт, став в точности, как их соседи кроу, черноногие или лакота.

Есть и менее очевидные примеры. Определенная часть характерных для татар Поволжья и Приуралья типов женских украшений одежды также традиционны для соседних тюркских и финно-угорских народов (Суслова, 1980, с. 92-94). Не исключено, что значительная часть женских украшений в виде различных типов перевязи и нагрудников, являются заимствованными от соседей. При этом заимствование шло от финно-угорских народов к татарам. Процесс этот надо, однако, надо понимать не столько как копирование форм и видов украшений, подсмотренных у соседей, сколько как процесс постепенной тюркизации и мусульманизации части финно-угорских и тюркских (чувашских) общин, которые сохраняли в быту многие традиционные типы женских украшений. Тем самым получается, что многие элементы, которые ныне этнографы считают типичными для татар и даже выразительными их элементами, на поверку могут оказаться законсервированными в части татарских мусульманских общин традиционных финно-угорских шумящих украшений. В то время, как для татарской служилой аристократии подобные украшения были не характерны и не стали важной частью городского костюма Нового времени. (Рис.1) Возникает вопрос: насколько подобные типы украшений могут считаться «традиционными и этническими»?

Не следует ли считать, что традиционными и типичными они являлись для опреде-

ленного времени, а в предшествующее время в качестве таковых могли и использовались совсем другие детали и украшения, сам крой одежды. Следует также особо подчеркнуть, что в использовании форм, типов и деталей одежды значительную роль играли отнюдь не пресловутые «этнические», а возрастные и социальные факторы. Для женских украшений татар Поволжья и Приуралья, в частности, подобный факт был прямо зафиксирован исследователями (Суслова, 1980, с.92).

Опыт взаимного обмена и использования деталей, орнамента и украшений традиционной одежды имеет у всех народов Старого и Нового Света. Есть примеры, когда некоторые элементы традиционного костюма и его украшений использовались, причем, довольно часто, не одним народом, а группой, нередко даже разноязыких этносов. Например, индейцы пуэбло, говорят на различных языках (Пуэбло говорят на различных языках: шошонском, хопи, тано, зуни (зуньи, суньи), которые относят к ацтекско-таноанской макросемье, и изолированном языке или группе языков керес) имеют сходную культуру, включая одежду, орнаменты для которых используются всеми племенами. Главный критерий – мода и престижность, некая неуловимая деталь, которая делала те или иные узоры или орнаменты популярными, способствуя их распространению (Уайт Л., 2004. С. 464-950; Уайт Л., 2004. С. 641-1047).

Таким образом, некий «народный костюм, аккумулируя в себе опыт целой этнической общности» и «носит ярко выраженный этнический характер», оказывается костюмом, произвольно выкроенным из совокупности одежд определенного народа в некий промежуток времени. Тогда как другие детали, получается, статуса народного костюма и выразителя этнической общности не имеют. Вместе с тем, этнография имеет интересный опыт, когда этот самый «народный костюм» оказывается совсем не традиционным, и даже не заимствованным, а вновь изобретенной традицией.

Этот случай не единичен, но весьма показателен, поскольку демонстрирует как на основании части или деталей «народной одежды» элита в период Нового времени формирует «национальный костюм».

Характерным примером является шотландский килт, который ведёт свою историю от «большого пледа» и, по сути, представляет собой его нижнюю часть. Исторически большой плед был достаточно длинным и

широким, чтобы оборачивался вокруг пояса и конец закинуть на плечо, где он крепился с помощью ремней и пряжек, позволяя укрыться под ним в плохую погоду. На ночь он превращался в тёплое одеяло. Когда в бою требовалась максимальная свобода движений, плед можно было легко сбросить и нестись в атаку без одежды. В 1725 г. англичанин Ролинсон, управляющий на сталелитейном заводе в Лохабере, удобства ради заставил рабочих своей фабрики обрезать нижнюю часть, превратив его в малый килт длиной 40-45 см, что получило распространение среди рабочих. В 1746 г. после подавления последнего восстания Якобитов британские власти запретили ношение килта, большого пледа и любой другой национальной одежды из тартана. Большой плед и килт выжили благодаря горским полкам британской армии, солдаты которых были официально экипированы пледами и другими элементами национальной одежды. Постепенно этот килт получил популярность среди шотландцев, особенно элиты, занятой поисками своих «этнических» корней, отличных от англичан. В 1816 г. в Лондоне было создано Общество по изучению тартанов шотландских горцев. Деятели из Общества выявили не только реальные тартаны, но и придумали множество никогда не существовавших. Носить килты и прочую одежду из тартана стало модно, но ходить в чужом флаге никто не хотел, поэтому были разработаны «этнические цвета» для многих шотландских кланов. (Рис. 2) В британской армии килт до сих пор является частью военной формы (чаще всего для смотров и парадов), в боевых действиях он использовался вплоть до Второй мировой войны (McClintock, 1940).

Весьма точно описывает эту ситуацию историк Хью Тревор-Ропер в статье об этой «изобретенной традиции»: «Шотландцы, собираясь в наши дни на праздники своей культурной идентичности, используют вещи из символического национального ряда. Прежде всего это тартановый килт, чей цвет и рисунок указывает на их «клан»; если же они намереваются помузицировать, то играть будут на волынке. Эти атрибуты, истории которых приписывают много лет, на самом деле весьма современны. Они были разработаны после – а иногда и гораздо позже – Унии с Англией 1707 г., против которой шотландцы в той или иной форме протестуют. До Унии некоторые из этих специальных предметов одежды существовали; однако большинство шотландцев считали их приметам варвар-

ства, атрибутом грубых, ленивых, хищных горцев, бывших скорее помехой, нежели реальной угрозой, цивилизованной исторической Шотландии. И даже в горах эти предметы одежды были относительно мало известны, они не считались отличительным признаком горца» (Trevor-Roper, 2000. p. 15).

В настоящее время килт является важной и определяющей деталью национального костюма тех, кто считает себя шотландцами. Иными словами, этот «национальный» и «этнический» костюм, хотя и имеет некоторые исторические корни в его настоящем виде «изобретенная» в период становления шотландской нации традиция. (Рис.3)

Получается, что в каждый момент времени народный традиционный костюм был единым комплексом и имел этническое содержание, но если взглянуть на этот предмет в диахронии, то получается, что практически все его элементы могли измениться с течением определенного времени.

Археологический костюм и древняя этничность

Для современной этнографии традиционный костюм – это сложный сплав различных элементов, который не всегда, не везде и часто в виде культивируемого и осознаваемого исключения, имеет этническое (как правило, национальное) содержание. Но для археологии подобные представления об «этническом» костюме бережно хранятся, культивируются и конвенционно используются в рамках определенной дискурсивной практики.

Протягивая логическую цепочку от живых культур и этнографической одежды в древность, исторические этнологи и археологи пытаются сконструировать некие набор одежды, который они именуют «народным костюмом» и превращают его в один из элементов древней «этнокультурной общности».

Обычная для советской и российской археологии исследовательская процедура, отнюдь не нова. Идея объединения этнографических предметов и географическая локализации всех явлений культуры были усвоены археологами, в первую очередь школой Густава Косинны (1858-1931). В 1930-е гг. эта концепция была усвоена без указания на ее истоки советской археологией, в первую очередь посредством археоэтносоциологии. Эта концепция базировалась на нескольких базовых принципах: 1. археология может и должна изучать древнее общество, посред-

ством археологических находок; 2. этнос (или народ) является формой существования обществ; 3. вещевой комплекс каждой культуры имеет этническое содержание, следовательно, картографируя некоторые явления культуры (керамику, погребальный обряд, детали одежды и украшения и т.д.) можно реконструировать этнические общности прошлого (Клейн, 1993, с.43-44; Клейн, 2000, с. 88-140; Клейн, 2011, с.491-527).

Таким образом, в начале XX в. была подготовлена почва для «опрокидывания» данных этнографии в прошлое. Простое картографирование выборочных явлений культуры стало основанием для выделения из массы археологических реалий неких «племенных» общностей, ставших позднее, по мере развития научного языка «этническими». Далее все происходит довольно просто. Каждый археолог в меру своего разумения, образования и воображения объединяет некоторые элементы в археологическую культуру, которая объявляется оставленной определенным народом, а эти элементы, соответственно, маркерами этничности. Сводная реконструкция костюма (чаще всего свод различных элементов, относящихся к одежде) конвенционально признается народным (этническим) костюмом.

Отнюдь не факт, что все элементы костюма оставались неизменными и все одинаково считались «этническими» элементами. Или следует признать, что эти «этнические» элементы на самом деле легко модернизировались, изменялись, отмирали и заимствовались. Поскольку все это не сопровождалось сменой этноса, то «этничность» костюма и всех его элементов, если не целиком должна быть отвергнута, то хотя бы требует специальных доказательств.

Для археологов, использующих подобные обобщения, становится очень просто сделать следующий шаг к конструированию этничности на основе обобщенного набора вещей из погребений, который они называют костюмом. Нередко это формулируется так: «Используя костюм, преимущественно женский, в качестве этноопределяющего индикатора, удастся идентифицировать принадлежность носителей к определенному этносу, а порой и к этнографической группе» (Никитина, 2002, с. 89). Остается только недоумевать, почему женский костюм носит характер «этноопределяющего индикатора», а мужской его не имеет. Ведь в этих обществах был четкий патрилокальный счет родства, а мужчины играли главную и ведущую роль в

общине. Получается, что в реальном историческом обществе роль хозяина и главы рода играл мужчина, а в реконструируемом на основе выборочных археологически материалов некоем этносе, все оказывается перевернуто с ног на голову и «этноопределяющие маркеры» носит исключительно женский костюм.

Однако, каким образом женщина, приходя в чужую ей общину, становится его «этноопределителем», остается без ответа. В любом случае получается, что она изготавливает свой костюм по неким стандартам, но и привносит в него нечто свое, что ей было родным в своей семье. Следовательно, никакой определенной группы, объединенной общим костюмом, не существовало. Детали и элементы этнографической одежды показывают чрезвычайную подвижность и изменения от поколения к поколению. Никакого этнографического костюма, существовавшего с глубокой древности до современности, у народов Земли не существовало. В каждый определенный момент времени он, вне всякого сомнения, существовал и каким-то образом отличал одну общину от другой, но уже следующее поколение могло воспринять какие-то новые детали от соседей, причем как вместе с женщинами, так и по причинам эстетическим, утилитарным или каким-либо еще.

По этой нехитрой схеме работали и работают практически все археологи, занимающиеся проблемами реконструкции костюма. Но поскольку сами эти этнографические основания довольно зыбки, то и археологические основания для объявления тех или иных элементов костюма, как имеющих этническое содержание беспочвенны. Выше мы убедились, что тот или иной набор одежды мог иметь совершенно разное происхождение – быть заимствованной или изобретенной традицией, но вероятность, что тот или иной вид одежды или ее деталь совпадают (а по мысли археоэтнологов и прямо зависят) с «этнической» идентичностью его носителя, крайне мала и исторически недостоверна.

При этом авторы подобных произвольных реконструкций не отдаю себе отчета, что самого понятия «этнического костюма» для периода древности и средневековья просто не существует. Если отбросить такие детали, как недостаточная достоверность и реконструктивность археологического костюма, то в историческом аспекте мы вынуждены будем признать, что комплект костюма того или иного человека зависел совсем от других

причин, в которых этническая идентичность не играла абсолютно никакой роли.

В период древности (или первобытности) родовом обществе костюм отражал многие аспекты жизни человека, главенствующими среди которых были общественный статус и возраст (иногда они коррелировались между собой, но не всегда).

У этнографов нет сомнений, что различия в количестве и качестве погребально-поминальных обрядов и ритуалов в доклассовых и раннеклассовых обществах, определяются в первую очередь не имущественными различиями, а статусом. Неравенство в инвентаре – это прежде всего показатель неравенства социального «веса» того или иного члена коллектива и/или его фамилии в обществе. Эти качественные различия накладываются на половые и возрастные страты, а также на индивидуальные занятия и успехи каждой отдельной личности. Понятно, что самый простой случай, это когда выявлено погребение авторитетного представителя богатой фамилии, достигшего преклонного возраста с богатым погребальным инвентарем или бедного юноши из нестатусной семьи, почти без инвентаря. Однако этнографические реалии далеки от подобного шаблона. Этнографические описания пестрят сведениями, когда бедные и незнатные совершенно разорялись, устраивая пышные похороны, а богатые семьи хоронили своих представителей довольно умеренно.

Особый вопрос в том, что на наличие или отсутствие того или иного набора вещей в погребении могли играть роль разные обычаи. Например, у нганасан вещи, принадлежавшие шаману, использовавшиеся в его практике камлания, вывозились и оставлялись отдельно от места погребения. Или традиционность погребения с умершим того или иного вида вещей. У народов севера Европы, уже с XVIII в. в обиход поступают ружья, а в XIX в. они доминируют в промысловом хозяйстве, точно также, как заводские спички, но тем не менее, в погребения к женщинам клали специально изготовленные огнива, а пожилым мужчинам – лук со стрелами.

В отношении одежды, в которую облачался умерший, можно также сказать, что это была праздничная (не обязательно носимая) погребальная одежда. Например, у нганасан эта празднично-погребальная одежда имела у каждой женщины, причем он менялся в жизни три раза, соответствуя трем возрастным категориям – девушки, женщины и старухи.

У мужчин различия касались прежде всего детей, юношей и мужчин, причем резкое увеличение количества и качества инвентаря знаменует начало взрослой жизни и/или женитьбы, когда в погребениях появляется не просто имитация лука и стрел, но настоящие охотничьи луки со стрелами, а иногда даже ружье в чехле (Грачева, 1975. с.138-140). Различия по возрасту прослеживаются также в количестве нарт, забитых оленей, а также других обиходных вещей, сопровождавших погребение. Интересно, что часто вместо самих вещей погребенного сопровождала его часть, вместо ножа – рукоятка, вместо шестов от чума – их имитацию, не клали к погребенному рыболовную сеть, хотя рыболовством активно занимались. Разумеется, это не универсальные данные, которые легко можно было бы обратить в археологические реалии, а общая схема, которая заметно варьировалась от времени, места и других параметров, включая обстоятельства смерти. В любом случае, в обществах, стоявших на высокой степени социального развития индивидуальный набор вещей в погребении, включая и одежду, имел в первую очередь статусный, а только в последнюю очередь «этнический» характер (Подробнее см.; Измайлов, 2012, с.66-85).

Как правило, археологи сосредоточены на различиях в погребальном инвентаре и подчеркивании функциональной разницы гендерных ролей мужчин и женщин. Например, мужские погребения должны содержать оружие и конское снаряжение, а женские – украшения и горшки.

Между тем, в Волго-Уральском регионе обнаружена уже довольно большая группа женских погребений, которые сопровождались поясными набором «геральдического» стиля (например, Варнинский могильник, Коминтерн, Уфимский, Безводнинский, Визимьяр и т.д.). Подобные элементы в последнее время стали известны из погребений могильников Марийского Поволжья (Архипов Г.А., 1988. С. 68-69). В Армиевском могильнике VI-VII вв. в женском погребении 177, наряду с типично женским набором вещей (бронзовые браслеты, подвески, гривна, пронизи и т.д.), найдены не только наборный пояс, но и удила, однолезвийный меч, два копья, а также наконечник стрелы и, возможно, деревянный лук, наряду с чисто женским инвентарем (Полесских, 1979, с. 36-39, рис. 27, 28). Там же в женском погребении 236 найдены детали наборного пояса и наконечники стрел (Полесских, 1979, с.43, рис. 29, 9-19). Точно также

в могильниках из Марийского Поволжья и Верхнего Прикамья XI-XII вв. в женских погребениях встречены поясные наборы. Причем в некоторых могильниках Марийского Поволжья в женских погребениях количество поясов и концевых ремешков заметно выделяет их не только среди других женских, но и мужских погребений. Так, в погребении 5 Нижнестрелкинского могильника наборный пояс был обернут вокруг тела дважды, а в погребении 5 Веселовского могильника на наборном поясе было 6 свисающих ремешков (Никитина, 2002, с.105-106, рис.27).

Поскольку сами воинские пояса в степной Евразии являются неотъемлемым атрибутом воинского костюма, показателем социального ранга и статуса, то странно видеть подобные атрибуты престижного статуса в женских погребениях. Но и просто считать их присутствие частью обычного женского костюма нет оснований.

Полагаю, что в данном случае мы имеем дело со сложным социальным явлением. Открытие прямых торговых контактов со странами цивилизационной ойкумены, через посредство степных народов привело к появлению новых элит в традиционных финно-угорских обществах, что привело, которые практиковали, в некоторой форме, некую социальную адаптацию, имитировали если не образ жизни варварских обществ, то хотя бы их социально престижный костюм. Женщины оказались вовлечены в эти процессы. Повышение социального статуса коснулось не только погребений мужчин-воинов, но их женщин, которые тем самым получали статус знатных дам, благодаря своим мужчинам. При этом в мужском воинском мире, женщина могла показать свой высокий статус – только восприняв некоторые мужские атрибуты. Нельзя быть вполне уверенными, что женщина реально носила эти пояса или оружие в реально жизни. Есть очень большие сомнения, что они вообще умели обращаться с оружием. Не исключено, что это был показательный погребальный дар, который демонстрирует важный социальный статус семьи и стремление наделить им женщину, отравляющуюся в загробный мир. Поскольку женские вещи не могли иметь серьезного социального статуса, учитывая не очень высокое положение женщин в реальном мире, где правила мужчины, то эту функцию должны были играть социально престижные мужские предметы. Именно оружие и поясные наборы с металлической фурнитурой являлись квин-

тэссенцией этой социальной престижности в мире формирующихся вождеств, взаимодействующих с народами, соприкасавшимися с цивилизованными странами первого мира непосредственно.

Разумеется, в некоторых случаях, особенно, когда это касалось столкновения цивилизаций и когда та или деталь или сам костюм приобретал социальное значение, различия приобретали этносоциальный характер.

Характерный пример с запахом верхней одежды в Северном Китае, где он стал символом различия между китайцами (хань) и варварами (тюрко-монгольскими народами). Обычай запахивать направо (левая пола наверху) – одна из наиболее устойчивых традиций китайской одежды, которая прослеживается с I тыс. до н.э. вплоть до настоящего времени. Левый же (тюркский) запах, с точки зрения древнего китайца, – признак, отличающий иноземца, тогда как правый запах – родной, свой, ханьский. Именно это положение полы и должно было бы быть престижным и «этническим», но так было далеко не всегда.

В определенные периоды, когда в Китае правили династии тюрко-монгольского происхождения, наряду с традиционным для жителей «Срединного государства» правым запахом (левая пола наверху) известное распространение получил и «варварский» левый запах» (Крюков, Маялвин, Софронов, 1979, с.145). Так было в эпоху Тан или Юань. То есть и в этом случае, это изменение костюма носило социально престижный характер и осознавалось, не как этнокультурный, а скорее как этносоциальный элемент.

Для более четкого, конкретного и адекватного анализа необходимо сказать несколько слов о самих археологических источниках, дающих информацию о костюме. Как правило, в большинстве случаев – это погребальные памятники, а, следовательно, не всегда археологи имеют дело с одеждой, которая действительно носилась, а, видимо, и довольно часто – с погребальной одеждой. Разумеется, в определенной степени, ее можно считать аналогом настоящей, носимой одежды, но сомнение, тем не менее, остаются. По крайней мере, есть вполне определенные ограничения, чтобы безоговорочно и прямо соотносить погребальный костюм с традиционной бытовой одеждой.

Но и это не все ограничения. Этнографы, а вслед за ними этноархеологи, были вынуждены отметить, что для корректного взгляда на древний костюм, для его реконструкции на

основании погребальных памятников следует ввести критерии пола и возраста. Без этого, в целом, любые сопоставления будут повисать в воздухе.

Характерным примером подобного «конструирования» некоей этнической реалии на материале древнерусской археологии является наделения восточнославянских племен, известных из текста «Повести временных лет», новым этническим содержанием. Не станем вдаваться в дискуссии о том, чем были эти «племена», как сведения о них распространялись и передавались из поколения в поколение среди славян Приднепровья вплоть до начала XII в., когда попали на страницы летописи, а также какое они имели «этническое» содержание и насколько эти политии были реальными для IX и для XII в. (Петрухин, Раевский, 2004, с. 166-172 и др.; Толочко, 2005, с.66). Достаточно принять на веру, что летописец начала XII в. полагал, что в период первых русских князей и становления княжества с центром в Киеве вокруг него располагались некие «племена», которых он называл по именам и более-менее располагал по ментальной карте.

Но проблема началась тогда, когда А.А. Спицын соединил эти отрывочные летописные известия и некие археологические находки с территории Руси. Сначала наряду с другими (погребальный обряд, различные типы глиняной посуды), а затем и в качестве важнейшего доказательства утвердились славянские височные кольца (Спицын, 1899, с. 301-340). Это показалось современникам и ближайшим потомкам не только убедительно, но стало еще одним независимым доказательством того, что «Повесть временных лет» имеет гораздо большую древность и сохранило уникальные сведения о ранних этапах истории славянства и Руси. Продолжателем дела идентификации височных украшений с племенами выступил П.Н. Третьяков, который развил и расширил данную трактовку летописных сведений и еще плотнее привязал к ним данные археологии (Третьяков, 1937, с.3-51.). С этого момента данные о височных кольцах вятичей, кривичей, словен новгородских и т.д. вошли не только во все учебники и детские энциклопедии (Рис.4).

Но оказалось, что проблема не так проста. Попытки датировать данный вид украшений и распределить его по археологической карте Древней Руси, предпринятые академиком В.В. Седовым привели к парадоксальным результатам. Выяснилось, что

датировка этих височных колец не может быть определена ранее, чем середина-конец XI в. (См.: Седов, 1982, табл. XXV, XXVIII, XXXVIII, XLIV, XLV, XLVIII и др.). (Рис. 5, 6, 7, 8) Иными словами, речи не может идти о какой-либо праславянской древности этого типа украшений, а практически о времени древнерусских удельных княжений. Следовательно, о такой его функции этого вида украшений, как «этнического» определителя для славянских «племен» можно забыть в принципе. Особую пикантность всем рассуждениям о «этноплеменных отличиях» придает тот факт, что по данным историков, включая того же В.В. Седлова к началу XII в. на Руси сформировалась единая «древнерусская народность» или «раннесредневековая этническая общность» (Седов, 1999, с. 219-222; Петрухин, Раевский, 2004, с.344-347; Толочко, 2005, с.191-197, 209). Получается, что едва восточные славяне стали осознавать себя единой русской народностью, как в регионах возродилось племенная идентичность, отраженная в культурном комплексе. В этих рассуждениях нарушена логика. Либо было надплеменное единство всех славян Киевской Руси, выраженное в едином самоназвании и самосознании, либо это было политически очень плохо скрепленная конфедерация племен, которая развалилась при первых династических и военно-политических коллизиях.

Рассуждения о сущности древнерусской этнической общности носят скорее теоретический характер. Гораздо интереснее понять, как и почему сформировались региональные отличия в моде на головные украшения – височные кольца. Вполне возможно предположить, что именно некие отличия в распространении местной городской моды, неких региональных модных и престижных изделий, стали основанием для летописца предположить, что за этими отличиями в ранний период стояли какие-то племенные украшения. Удивительно, но, кажется, что современные археологи, руководствовались логикой летописца XII в.!

Очевидно, что какие-то археологические явления (культура или подтип культуры) имеют географическую привязку, хотя, например, древности полян и древлян так и остались

неопределенными, хотя являются ключевыми для определения культуры ранней Киевской Руси. Но это не отменяет того факта, что такой яркий и показательный вид украшений, который якобы служил наглядным отражением этнографических особенностей славянских племен, на проверку оказывается чем-то иным. В лучшем случае продуктом регионального производства и отражением местной моды.

В средневековье, когда крой одежды в Европе и Азии был намеренно простым, но за счет различных видов тканей, цвета и украшений достигалась выразительность и индивидуальность. Прежде всего, костюм народов Евразии отражал сословно-социальный статус человека. Именно этому были подчинены все комбинации тканей, отделки и фурнитуры. Совершенствование методов социологической интерпретации археологических данных может позволить более системно и последовательно их интерпретировать. Одним из направлений этого анализа является изучение древних и средневековых обществ методами этноархеологического анализа, выявляя социальные и общественные функции того или иного вида детали костюма или украшений.

Во всяком случае, этот костюм и его атрибуты требуют вдумчивого и скрупулезного изучения, который не совместим с прямолинейной попыткой трактовать материалы археологического костюма через призму «этничности». Современные данные исторической этнологии, этнографии и археологии показывает, что костюм в период древности и средневековья, это очень сложное явление, которое имеет не столько этническую, сколько сословно-социальную и половозрастную атрибуцию.

Заключая все сказанное можно отметить, что изучение древнего костюма – это сложный и кропотливый процесс, требующий комплексного подхода, учитывающего сложный характер общества, роль и место символов и знаков, сословно-социального и половозрастных отличий, а не простых апелляций к этнокультурным характеристикам. Только в этом случае последовательного и адекватного анализа историко-археологического изучения костюма будет обладать серьезным гносеологическим потенциалом.

ЛИТЕРАТУРА

- Архипов Г.А.* Проблемы ранней этнической истории марийцев // Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола: Марийск. кн. изд-во, 1988. С. 56–78.
- Грачева Г.Н.* Отражение хозяйственного и общественного укладов в погребениях народностей Севера Западной Сибири // Социальная история народов Азии / Под ред. А.М. Решетова, Ч.М. Таксами. М.: Наука, 1975. С. 126–142.
- Измайлов И.Л.* Погребально-поминальная обрядность и комплекс вооружения древнего и средневекового населения (к постановке проблемы) // ПА. 2012. № 2. С. 66–85.
- Клейн Л.С.* Феномен советской археологии. СПб.: Фарн, 1993. 144 с.
- Клейн Л.С.* Археология в седле (Косинна с расстояния в 70 лет) // *Stratum plus*. 2000. №4. С. 88–140.
- Клейн Л.С.* История археологической мысли. В 2-х т. Т.1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2011. 688 с.
- Коляков С.* Одежда // Материальная культура / Отв.ред. С.А. Арутюнов / Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 3. М.: Наука, 1989. С. 103–107.
- Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М.: Наука, 1979. 328 с.
- Никитина Т.Б.* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам). Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.
- Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Знак, 2004. 416 с.
- Полесских М.Р.* Армиевский могильник // Археологические памятники мордвы первого тысячелетия нашей эры. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1979. С. 5–56.
- Ратцель Ф.* Народоведение. Т.1. СПб.: «Просвещение», 1904. 764 с.
- Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Седов В.В.* Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999. 317 с.
- Спицын А.А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. VIII. С. 301–340.
- Сулова С.В.* Женские украшения казанских татар середины XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1980. 128 с.
- Сулова С.В., Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX вв.). Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Фэн, 2000. 312 с.
- Толочко П.П.* Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб.: Алетейя, 2005. 218 с.
- Третьяков П.Н.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным // СА. 1937. №4. С. 3–51.
- Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М.: Высшая школа, 1978. 352 с.
- Уайт Л.* Пуэбло Санта-Аны, Нью-Мексико // Избранное: Наука о культуре / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 464–950.
- Уайт Л.* Пуэбло Сиа, Нью-Мексико // Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры / Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. С. 641–1047.
- Халикова Е.А., Халиков А.Х.* Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) / Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Фэн, 2018. 142 с.
- McClintock H.F. 1940. Old Highland Dress and Tartans. Dundalk: Dundalgan Press.
- Trevor-Roper H. The Invention of Tradition: The Highland Tradition of Scotland In Hobsbawm E., Ranger T. (eds.). *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 15–42.

Информация об авторе:

Измайлов Искандер Лерунович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела средневековой археологии Института археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ismail@inbox.ru

TRADITIONAL CLOTHES AND ARCHAEOLOGICAL COSTUME: RATIO OF ETHNIC AND CLASS AND STATUS ELEMENTS

I. L. Izmailov

The clothes are the major element of human culture. By its most general definition it is possible to name «artificial covers of a human body». Usually in clothes structure include also footwear and a headdress. In essence, it is possible even to tell, what exactly the clothes have made the person the person, the associate of people, defining its place in society. Thus the clothes can and have not only utilitarian appointment - protection of a body against environment influence, but also important symbolical and ritual functions. For the archeologists studying and reconstructing ancient clothes slightly other aspect which it is possible to name a phenomenon of «a national suit» which «is allocated» with functions of an ethnic marker is important. Studying of an ancient suit is the difficult and laborious process demanding the complex approach, a society considering difficult character, a role and a place of symbols and signs, social and половозрастных differences, instead of simple appeals to ethnocultural characteristics. Only in this case the consecutive and adequate analysis archaeological studying of a suit will possess serious gnoseological potential.

Keywords: clothes, a suit, an archaeological suit, a national suit, a burial ground and a funeral ceremony, funeral stock, ethnoarcheology, reconstruction and sociocultural interpretation of an archaeological material.

About the Author:

Izmailov Iskander L. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences. Butlerov Str., 30, Kazan, 420012, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; ismail@inbox.ru

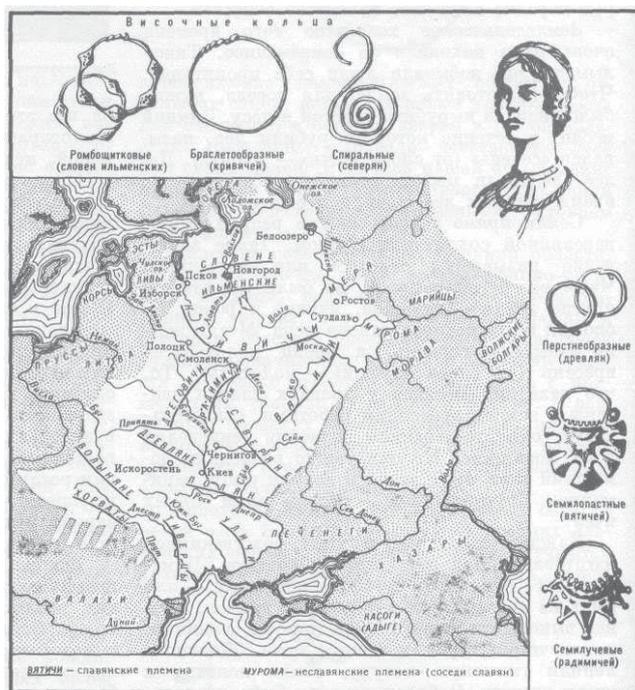
Рис. 1. Ричард Уэйтг. Портрет Кеннета Сазерлендского (1712 г.). 1734 г.

Рис. 2. Шотландские воины XVIII в. Акварель «Горцы Шотландии» из Королевской коллекции Кеннета МакЛея (1802-1878).

Рис. 3. И. Георги. Казанские татары. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799.

1

ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА —
традиционные женские украшения
славян, различные у разных племён

2.

Рис. 4. 1. Восточнославянские племена. Детская энциклопедия. М., 1968.
2. Реконструкция О. Федорова "Русский костюм".

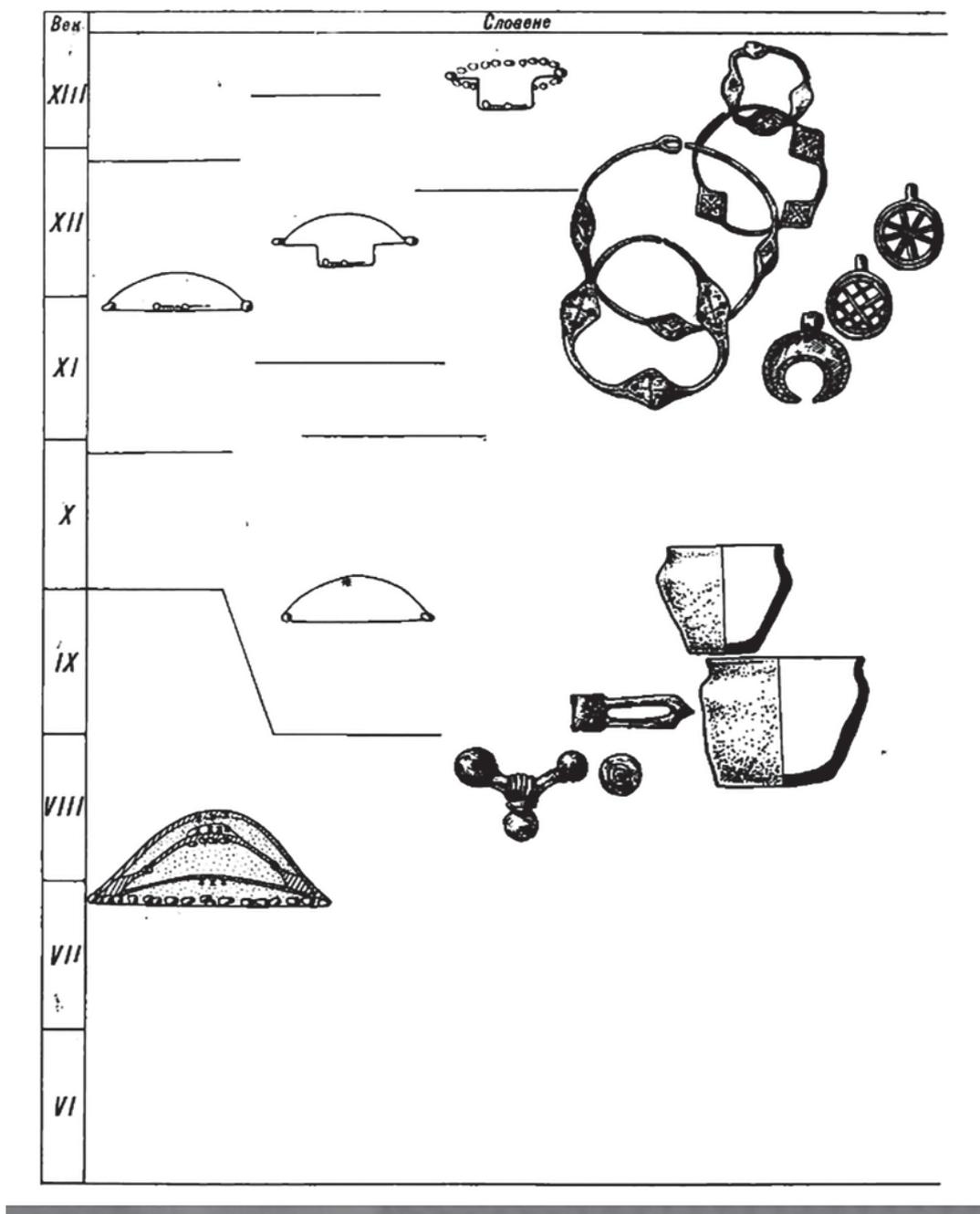

Рис. 5. Схема развития древностей словен новгородских (по В.В. Седову).

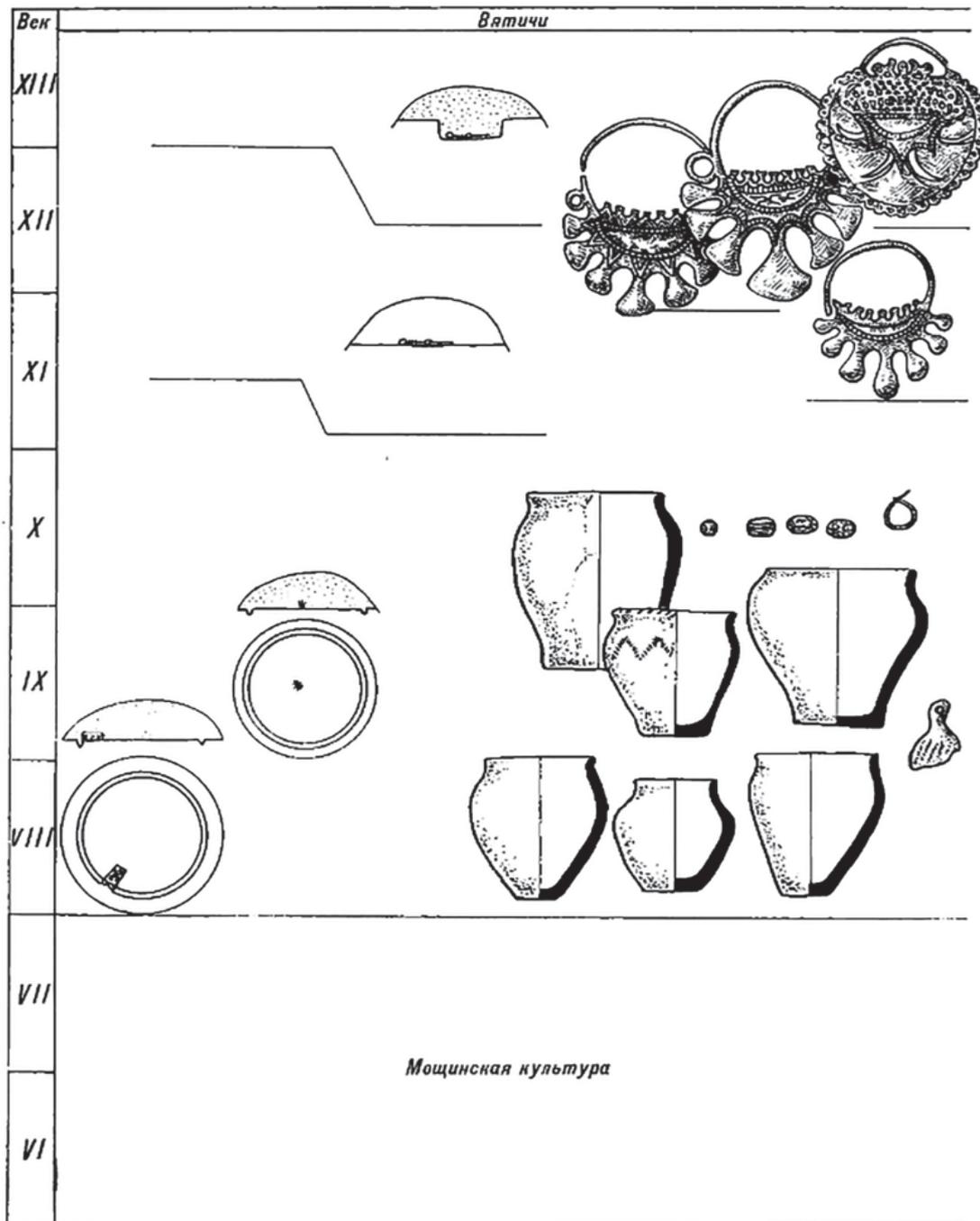

Рис. 6. Схема развития вятических древностей (по В.В. Седову).

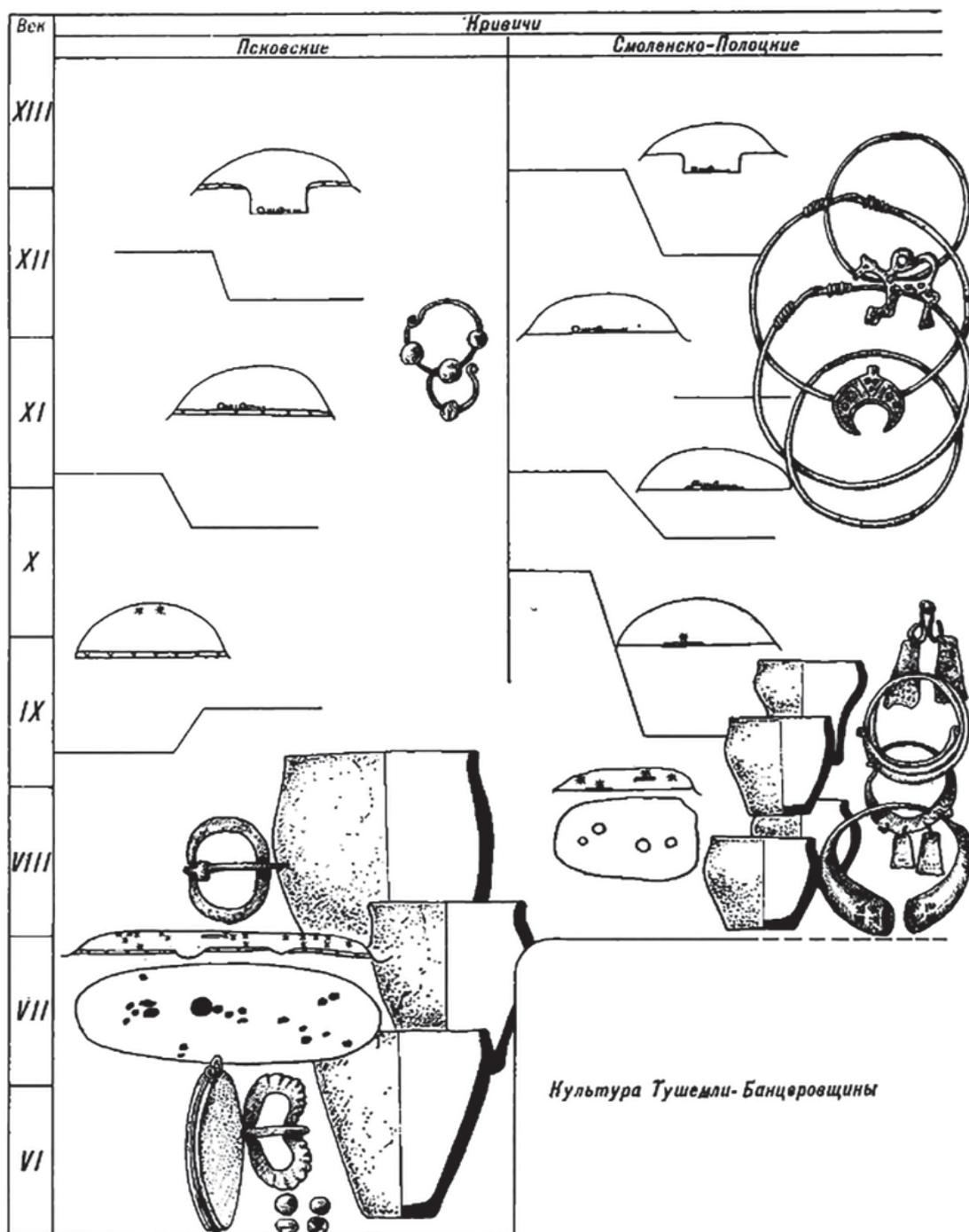

Рис. 7. Схема развития древностей кривичей (по В.В. Седову).

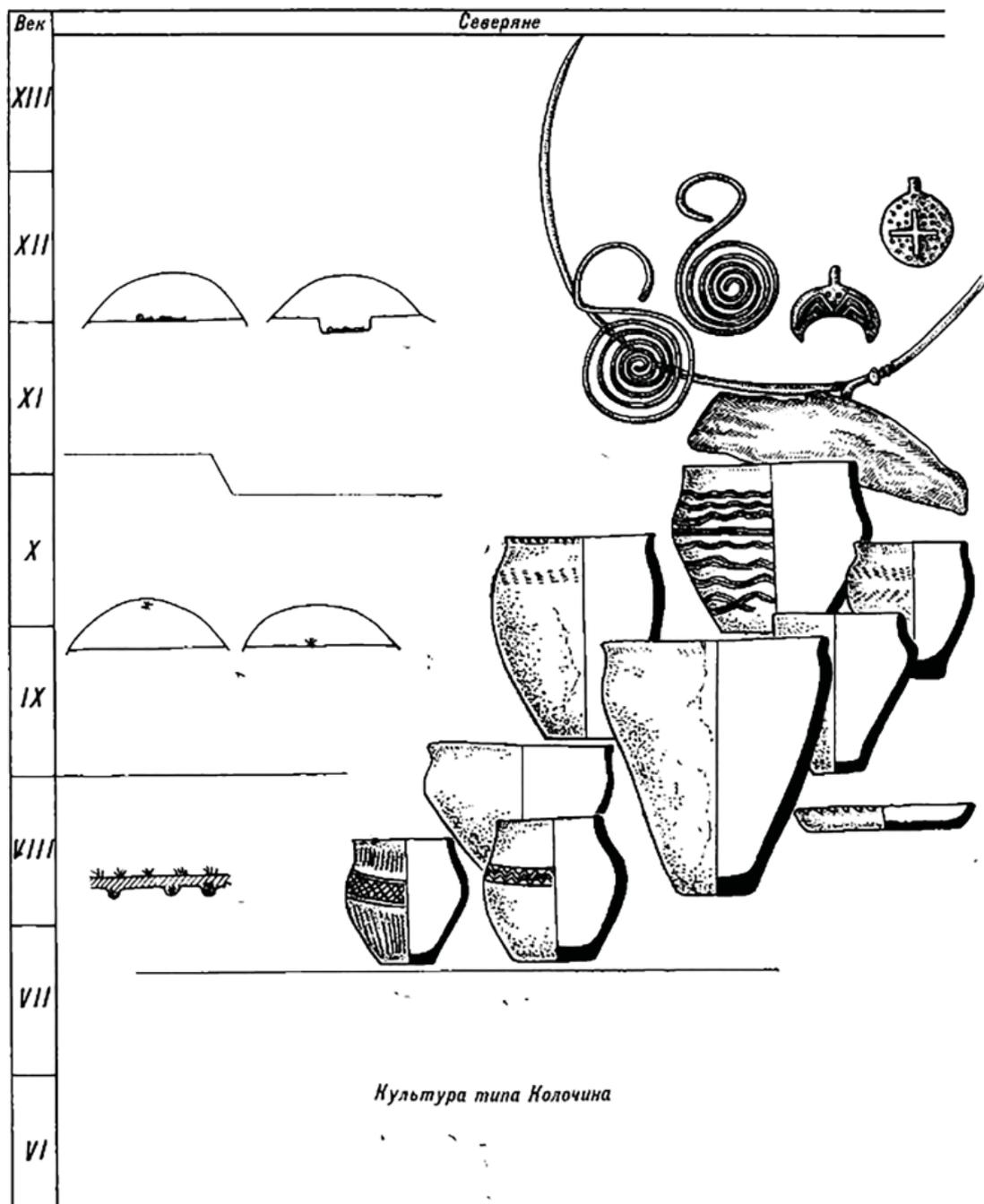

Рис. 8. Эволюция древностей северян (по В.В. Седову).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН СССР – Академия наук СССР
АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
ГИМ – Государственный исторический музей
ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и искусства
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях института истории материальной культуры
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
ОАК – Отчет археологической комиссии
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
ПА – Поволжская археология. Казань
РА – Российская археология, Москва
СА – Советская археология, М.
СЭ – Советская этнография,
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук
МВК им. И.С. Шемановского - Музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского
НМ РТ - Национальный музей Республики Татарстан.
ФМ – Фонд Марджани
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ

Журнал основан в мае 2017 г.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС77–696450 от 2 мая 2017 г.
выдано Роскомнадзором

Оригинал–макет – *А. С. Беспалова*
420012 г. Казань, ул. Некрасова, 28, пом. 1203
Подписано в печать 25.02.2019 г. Формат 60x84 1/8
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 25,34
Тираж 1 000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии "Orange Key"
г. Казань, ул. Галактионова, 14

